ИСТОРІЯ

ПРАВОСЛАВНАГО МОНАШЕСТВА НА ВОСТОКѢ.

ИСТОРІЯ

ПРАВОСЛАВНАГО МОНАШЕСТВА

ВЪ

ВОСТОКѢ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

СОЧИНЕНІЕ

ЭКСТРАОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ,

Петра Казанскаго.

МОСКВА.
Въ Типографіи Александра Семена,
на Софійской улицѣ.
1856.

2-й экз

ВХ
385
Библиотека ООН
Академии Наук СССР
572
40

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи до выпуска изъ типографіи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Іюня 28 дня 1856 года.

Московская Духовная Академія.

Цензоръ, Баккалавръ,

Архимандритъ Порфирій.

ПУСТЫННОЖИТЕЛЬСТВО

ВЪ ГОРѢ НИТРІЙСКОЙ.

Тогда какъ Антоній, собравъ среди Египта, на берегу Нила, сонмы иноковъ, самъ удалился на востокъ къ пустыннымъ берегамъ Чермнаго моря, а Пахомій основалъ общежитіе Тавенское въ верхнемъ Египтѣ, на западномъ краю средняго Египта, начиная съ горы Нитрійской до отдаленныхъ пустынь Скита, учреждался новый пріютъ для пустыннолюбивыхъ иноковъ. Почти въ одно время Аммонъ сталъ собирать иноковъ въ горѣ Нитрійской, основывать пустыню Келлій, а Макарій Египетскій привлекать ревнующихъ о высшей жизни въ пустыню Скита.

Гора, или пустыня Нитрійская, которую блаженный Іеронимъ называетъ градомъ Божіимъ (1), по святости пустынножителей, обитавшихъ въ ней, была обширная пустыня (2), на югъ отъ озера Мареотскаго, граничившая къ востоку съ пустынею Скитскою, съ другой стороны съ Ливіею и землею Мазиковъ, и простиралась до Ѳіопіи. Она получила названіе отъ сосѣдней горы, гдѣ въ озерахъ было большое количество

(1) Hier. Epis. 27.
(2) Палл. Лавс. гл. 7.

селитры (нитра). Это подало поводъ Іерониму и Руфину сказать, что тамъ грѣхи людей часто омывались селитрою добродѣтелей (1).

Еще во времена Филона на берегу Мареотскаго озера искали себѣ уединеннаго убѣжища Іудеи. Сократъ (2) и Палладій (3) говорятъ, что еще до прихода Аммона въ гору Нитрійскую жили уже здѣсь подвижники. По нѣкоторымъ сказаніямъ еще во второмъ вѣкѣ положено начало отшельнической жизни на горѣ Нитрійской (4). Но писатель жизни св. Пахомія говоритъ, что Аммонъ первый обитзлъ въ пустынѣ Нитрійской (5). Руфинъ и Евагрій также называютъ Аммона основателемъ иноческой жизни въ горѣ Нитрійской.

Аммонъ былъ родомъ египтянинъ, сынъ благородныхъ и богатыхъ родителей (6). На двадцать второмъ году отъ рожденія онъ лишился отца и матери и не думалъ оставаться въ мірѣ, будучи, по словамъ св. Аѳанасія, съ малолѣтства посвященъ Богу ревностію по благочестію. Но не желая оскорбить родныхъ, а особенно дядю, принуждавшихъ его вступить въ бракъ, онъ рѣшился обвѣнчаться, положивъ твердое намѣреніе хранить дѣвство и послѣ брака. Удалясь съ молодою женою послѣ брачнаго пира въ особую комнату, онъ сказалъ молодой супругѣ своей: «я хочу побесѣдовать съ тобой, сестра моя! Въ бракѣ нашемъ нѣтъ ничего особенно хорошаго. Лучше мы сдѣлаемъ, если сохранимъ дѣвство неприкосновеннымъ. Этимъ мы угодимъ Христу.» Потомъ, вынувъ Новый Завѣтъ, прочелъ изъ него все, что Спаситель и Апостолъ Павелъ

---

(1) Hieron. Elog. Pavlae. Они указывали на слова Іереміи, 2, 22.

(2) Сокр. Цер. Ист. кн. 4, гл. 23.

(3) Палл. Лавс. гл. 8, стр. 26.

(4) Rosw. vitae PP. Lib. 1. p. 184. Acta S. Frontoni Revar. de vita Monast. L. 4. § 1. n. 1.

(5) Vita Sanc. Pach. Bolland. Maji. 14.

(6) Свѣдѣнія объ Аммонѣ Нитрійскомъ встрѣчаются у Сократа. Ц. И. кн. 4. 23. Созом. кн. 1. гл. 14. Kacciod. Histor. trip. lib. 1. c. 11. Палад. Лавс. гл. 8.

сказали о дѣвствѣ; и присовокупилъ и свои размышленія. Жена его, мало знавшая Св. Писаніе, была тронута и согласилась на дѣвственную жизнь, но не рѣшилась жить отдѣльно, какъ желалъ Аммонъ. Она просила жить вмѣстѣ, какъ братъ съ сестрою, чтобы подъ покровомъ брака скрывать отъ глазъ людей сокровище своего дѣвства. Около осмнадцати лѣтъ такъ прожилъ Аммонъ съ своею женою. Каждый день ходилъ онъ въ садъ воздѣлывать землю и плодоносныя деревья, а вечеромъ, пришедъ домой и послѣ молитвы вкусивъ пища вмѣстѣ съ женою, удалялся въ особую комнату и бо́льшую часть ночи проводилъ въ молитвѣ и пѣснопѣніи. Послѣ краткаго сна онъ вновь принимался за свою работу. Его супруга съ неменьшею ревностію упражнялась въ подвигахъ благочестія. Соединенные святою ревностію о благочестіи и любовію къ добродѣтели, они связаны были союзомъ, гораздо тѣснѣйшимъ, нежели союзъ плоти и крови, и достигли великаго безстрастія и внутренняго мира, который Богъ даетъ вкушать вѣрно служащимъ Ему.

Сдѣлавшись свободнѣе по смерти родныхъ, жена, до сего времени удерживавшая при себѣ Аммона, почла долгомъ дать ему свободу посвятить себя на служеніе другимъ. «Несправедливо было бы, сказала она, лишать другихъ примѣра добродѣтели и спасительныхъ наставленій, коими я пользовалась столько времени.» Объ этомъ давно молился Аммонъ; этого слова давно желалъ онъ отъ жены своей. Онъ тогда же уступилъ ей свой домъ, и жена въ скоромъ времени собрала въ немъ общество дѣвъ. Самъ Аммонъ, нашедшій пустыню на южной сторонѣ Мареотскаго озера за Нитрійскою горою, основалъ тамъ свое жилище и сталъ подвизаться. Онъ не вкушалъ масла, не пилъ пива, сухой хлѣбъ и вода составляли его пищу, и эту скудную пищу онъ принималъ дня чрезъ два и даже рѣже. Два раза въ годъ посѣщала его жена, чтобы пользоваться его совѣтами и наставленіями. Недолго оставался неизвѣстнымъ Аммонъ; скоро стали собираться къ нему ученики, о спасеніи коихъ онъ прилагалъ неусыпное попеченіе.

Сознавая, что одного усердія и ревности не всегда достаточно для безопаснаго прохожденія добродѣтельной жизни, Аммонъ искалъ наставленій для себя у людей, болѣе его опытныхъ въ духовной жизни. «Иной человѣкъ, говорилъ Аммонъ, всю жизнь свою ходитъ съ сѣкирою и не можетъ срубить дерева, а другой искусный въ рубкѣ и немногими ударами сваливаетъ дерево.» Сѣкирою онъ называлъ разсудительность. «Иной человѣкъ, говорилъ онъ еще, сто лѣтъ живетъ въ келліи, а не можетъ научиться, какъ жить въ келліи.» По этому-то онъ искалъ наставленій у отца иноковъ, Великаго Антонія. Онъ часто ходилъ къ великому пустыннику. Сохранилось свѣдѣніе и объ одномъ посѣщеніи Антоніемъ горы Нитрійской. «Вотъ молитвами твоими, сказалъ Аммонъ Антонію, умножилась братія и нѣкоторые изъ нихъ желаютъ построить себѣ келліи въ отдаленіи. Въ какомъ разстояніи отселѣ велишь ты построить келліи?» Антоній сказалъ: «вкусимъ пищи въ часъ девятый и пойдемъ, походимъ по пустынѣ и посмотримъ мѣсто.» Они шли по пустынѣ, пока не зашло солнце. Тогда Антоній сказалъ: «сотворимъ молитву и поставимъ здѣсь крестъ, чтобы желающіе жить особо здѣсь строили келліи.» Это мѣсто было болѣе, чѣмъ въ десяти тысячахъ шагахъ отъ монастыря. «Тамошніе, сказалъ Антоній, если захотятъ посѣтить здѣшнихъ, пусть приходятъ сюда, съѣвши свой хлѣбъ въ девятый часъ, и здѣшніе пусть то же дѣлаютъ отходя туда. Тогда они не будутъ развлекаться взаимными посѣщеніями.» Такъ, благословеніемъ Антонія Великаго образовалась пустыня Келлій. Не сохранилось намъ свѣдѣній о томъ, какъ управлялъ иноками Аммонъ, но духъ его управленія можно усматривать въ томъ наставленіи, которое дошло до насъ подъ его именемъ. Духъ смиренія, терпѣнія, страха Божія, преданности воли Божіей, кротости дышитъ въ его наставленіяхъ.

«Помышляй, возлюбленный, такъ пишетъ Аммонъ, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ и имѣя неизреченную славу и величіе, образъ далъ намъ, да послѣдуемъ стопамъ Его. При-

нявъ зракъ раба, Онъ терпѣлъ всякія скорби, переносилъ оскорбленія и уничиженіе, яко овча на заколеніе ведеся и яко агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ, тако не отверзалъ устъ Своихъ (Ис. 53, 7.). Во смиреніи судъ Его взятся, и со многимъ безчестіемъ Онъ подвергся смерти за насъ. Все это для того, чтобы и мы, если подвергаемся скорбямъ, поношенію, мученіямъ и самой смерти, не унывали, но безъ ропота переносили находящія на насъ бѣдствія.»

«Вѣруй, что весьма полезно и спасительно для души переносить поношенія, безчестіе и униженіе, нанесенныя ради Господа. Почему, охотно и твердо переноси ихъ, помышляя, что ты большаго заслуживаешь за свои грѣхи. Почитай благодѣяніемъ, что ты удостоился потерпѣть нѣчто ради Господа и содѣлался хотя на одну минуту участникомъ страданій Господа твоего. И всякій разъ, какъ вспомнишь о нанесшихъ тебѣ оскорбленіе, отъ всего сердца искренно молись за нихъ, какъ за своихъ благодѣтелей, и не мысли ничего противъ нихъ. Если же кто будетъ воздавать тебѣ честь и хвалить тебя, скорби и молись, чтобы освободиться отъ этого бремени. Проси Господа, чтобы Онъ избавилъ отъ всякой славы, считая себя недостойнымъ ея и немощнымъ. Старайся избрать себѣ жизнь скромную и проводи ее смиренно безъ гордости, какъ близкій къ смерти и уже мертвый для міра, считая себя худшимъ всѣхъ и обремененнымъ тяжкими грѣхами. Это доставитъ душѣ твоей большую пользу.»

«Заботливо внемли себѣ, чтобы всякое любочестіе и исканіе суетной славы ненавидѣть, какъ гибель души своей и отвращаться всякой чести и похвалы отъ людей, не почитать себя лучшимъ, даже равнымъ кому либо; отвращайся всякаго гнуснаго вожделѣнія и плотскаго удовольствія даже самаго малаго, берегись вожделѣнія очей, слуха, языка. Пусть очи твои будутъ устремлены только на дѣло; остерегайся безъ всякой необходимости и смотрѣть на человѣка. Не давай ушамъ своимъ слышать хулы или праздные разговоры. Полагай постоянно

храненіе устамъ твоимъ. Опасно блюди себя въ маломъ, чтобы не подвергнуться тебѣ великимъ искушеніямъ.»

«Всѣми силами старайся стяжать спасеніе души и царство небесное. Всячески подвизайся, чтобы мыслію, словомъ, дѣломъ, одеждою и образомъ жизни смирять себя, почитать себя землею и прахомъ, послѣднимъ изъ всѣхъ и рабомъ всѣхъ, худшимъ всякаго христіанина. Такъ помышляй въ себѣ и говори: я въ сравненіи съ другими христіанами прахъ, и правда моя яко портъ нечистыя (Ис. 64, 6.). И если по великому долготерпѣнію Божію не получу милосердія Божія, то достоинъ буду не жизни, а вѣчнаго наказанія. Такъ постоянное сохраняя смиреніе и скорбь въ душѣ и ожидая ежедневно смерти, взывай непрестанно къ Господу, чтобы Онъ по многому Своему милосердію право устроилъ твою душу и явилъ на тебѣ милосердіе, дабы въ сердцѣ твоемъ всегда были скорбь и воздыханіе, а всякое веселіе и смѣхъ были бы удалены, да превратится смѣхъ въ плачь и радость въ скорбь. Всегда съ сокрушеннымъ сердцемъ и лицемъ говори: *смятеся сердце мое* (Пс. 37, 11).»

«Сокрушайся, воздыхай и непрестанно храни глубокое молчаніе и помышляй о тмѣ вѣчной, — объ осужденныхъ въ оную и страдающихъ въ ней. Помышляй, что и ты заслуживаешь ихъ участи. Пока есть время покаянія, въ которое ты можешь освободиться отъ этихъ страшныхъ мученій, непрестанно плачь, скорби, болѣзнуй и сѣтуй. Возлагай на себя согласно съ волею Божіею труды и удрученія плоти, крови и духа, и непрестанно упражняйся въ нихъ за грѣхи твои. Тѣло твое по мѣрѣ силъ изнуряй рукодѣльемъ, постомъ и другими трудами. Душу твою непрестанно упражняй въ размышленіи о Св. Писаніи; во время размышленія воздыхай и молись болѣе. Будь всегда собранъ, какъ будто ты предстоишь предъ св. престоломъ, дабы демоны не нашли случая вложить въ сердце твое худыя мысли.»

«Помышляй, что если Іисусъ Христосъ умеръ за насъ и воскресъ, и Своею кровію искупилъ насъ, то и мы должны

жить не для себя, но для Господа. Представляй, что ты всегда ходишь предъ Его лицемъ, что ты уже умеръ, оставилъ сей міръ и всегда уже предстоишь предъ Господомъ. Потому, ты не долженъ слѣдовать своей волѣ, своему желанію и думать, что отъ тебя зависитъ что-либо. Но ты рабъ Господа и Его только покаряйся волѣ. Какъ рабъ со страхомъ и трепетомъ и съ многимъ смиреніемъ слѣдуетъ за своимъ господиномъ и всегда готовъ исполнять его волю, такъ и ты стоишь ли, сидишь ли, одинъ ли бываешь или съ кѣмъ другимъ, веди себя такъ, какъ бы ты былъ предъ лицемъ Божіимъ, трепеща духомъ и тѣломъ. Сколько возможно, сохраняй умъ свой чистымъ отъ помысловъ неправыхъ и со всякимъ смиреніемъ, кротостію, благоговѣніемъ и благоразуміемъ веди себя предъ очами Всевидящаго, не дерзая по грѣхамъ своимъ возводить очей на небо.»

«Какъ всегда находящійся предъ лицемъ Божіимъ будь готовъ къ повиновенію Его волѣ со всемъ усердіемъ и вѣрою, хотя бы предлежали тебѣ всегда страшныя искушенія, или самыя тяжкія скорби, мученія и даже смерть.»

«Что бы ни случилось съ тобою,—ни въ словѣ, ни въ дѣлѣ, ни въ помышленіи, ни въ мысли, не ищи своей воли и спокойствія, но тщательно твори волю Божію, хотя бы пришлось тебѣ потерпѣть скорбь и даже смерть. Ибо заповѣдь Божія—животъ вѣчный (Іоан. 12, 50.). Ѣшь ли, пьешь ли, спишь ли, или выходишь куда-либо и что хочешь сдѣлать, прежде всего размысли, согласно ли это съ волею Божіею и Его ученіемъ.»

«Помни слова Писанія: *рабы неключими есмы, еже должни бѣхомъ сотворити, сотворихомъ* (Лук. 17, 10.). Если что дѣлаешь, не жди награды, но совершай съ великимъ смиреніемъ, какъ должникъ и неключимый рабъ. Что бы ни сдѣлалъ, думай, что ты далекъ отъ исполненія своего долга, своимъ нерадѣніемъ увеличивая только грѣхи: *ибо вѣдущему добро творити и нетворящему грѣхъ ему есть* (Іак 4, 17.).

Посему, всегда съ плачемъ и сокрушеніемъ молись, чтобы Господь, по неизреченному Своему милосердію, простилъ тебѣ грѣхи твои.»

«Если ты, оскорбленный кѣмъ-либо, чувствуешь, что скорбь и гнѣвъ объяли тебя, сохраняй молчаніе и до тѣхъ поръ не говори ничего, пока непрестанною молитвой не умирится твое сердце, и тогда можешь говорить съ братомъ. Если тебѣ нужно будетъ вразумить брата и ты видишь, что онъ возмущенъ гнѣвомъ или смущеніемъ, не говори ему ничего, чтобы онъ болѣе не раздражался гнѣвомъ. Только тогда, когда увидишь, что ты и онъ спокойны, говори съ нимъ, но не укоряя, а со смиреніемъ и кротостію напоминая ему, чтобы гнѣвнаго слова не было на устахъ твоихъ. Подвизайся такъ всегда, чтобы мысль о присутствіи Божіемъ была предъ тобою. Страшись и трепещи потому, что въ сравненіи съ величіемъ Бога ты персть и прахъ.»

«Помышляй, что ты всегда находишься предъ лицемъ Господа, не надѣйся ни на кого, кромѣ Его одного. Если желаешь чего, то моли Бога, чтобы Онъ по Своей волѣ исполнилъ твое желаніе. И если случится что съ тобою доброе, благодари Бога; ибо это Имъ даровано. Когда нуждаешься въ чемъ, не возлагай надежды на человѣка, не скорби и не ропщи, но охотно терпи, помышляя, что за свои грѣхи ты достоинъ многихъ скорбей. И если Богу угодно будетъ помиловать тебя, то Онъ можетъ восполнить недостатки твои и въ маломъ и въ великомъ.»

«Не бери того, о чемъ не знаешь, Богъ ли даетъ тебѣ это. Принимай то, что есть плодъ правды и исходитъ съ любовію и миромъ. А что дается ссорою, коварствомъ, то брось отъ себя, ибо лучше малая часть со страхомъ, нежели стяжаніе многое съ неправдою (Притч. 15, 29.)».

«Какъ великое сокровище храни всегдашнее молчаніе. Еслибы нужно было тебѣ что-нибудь сказать, прежде разсуди съ собою, требуетъ ли того необходимость, или воля Божія, и

тогда только говори; ибо въ это время лучше говорить, чѣмъ молчать, потому что исполняешь волю Божію. Отверзай уста свои для слова Божія и съ знатнымъ ли, или съ бѣднымъ говоришь, — говори со всякимъ смиреніемъ и кротостію. Съ рѣчью скромной и степенной и взоръ и мысль твоя должны быть скромны. Если встрѣтишься съ кѣмъ, привѣтствуй съ любовью однимъ или двумя словами и потомъ замолчи. Если нужно тебѣ предложить вопросъ, выслушай отвѣтъ и ни слова болѣе (1).»

Преподобный Аммонъ украшенъ былъ даромъ чудотвореній и прозорливости. Но древніе пустынножители любили лучше подражать добродѣтелямъ святыхъ, нежели описывать чудеса, и потому о немногихъ чудесахъ Аммона сохранилась память. Самъ Аммонъ любилъ скрывать свои духовныя дарованія. Не смотря на славу, которою онъ пользовался за свои подвиги и чудеса, св. Аѳанасій поставляетъ его въ числѣ тѣхъ, заслуги коихъ болѣе сіяли предъ Богомъ, нежели извѣстны были людямъ. Желая дать понятіе о скромности и чудодѣйственной силѣ Аммона, Аѳанасій разсказываетъ слѣдующее событіе. Однажды Аммону нужно было переправиться чрезъ рѣку Ликонъ (2); онъ велѣлъ бывшему съ нимъ ученику Ѳеодору немного отойти, чтобы тотъ не видалъ, какъ онъ будетъ раздѣваться. Ѳеодоръ отошелъ; и въ другомъ мѣстѣ переправился на ту сторону, гдѣ нашелъ уже Аммона, невидимою силою перенесеннаго на другой берегъ, въ слѣдствіе его желанія не видѣть себя обнаженнаго.

Аммонъ скончался шестидесяти двухъ лѣтъ, изъ коихъ сорокъ провелъ въ мірѣ, а двадцать два года въ пустынѣ. Въ

---

(1) Поученія Препод. Аммона Нитрійскаго часто встрѣчаются въ славянскихъ рукописяхъ. Латинскій переводъ ихъ издалъ Боссій въ приложеніи ко второму тому сочиненій Ефрема Сирина. Colonid. Agrip. 1675 an. pag. 499—503. Подъ заглавіемъ: Sancti Abbatis Ammoni capita paraenetica decem et novem. Боссій не находитъ никакого сомнѣнія приписать ему ихъ.

(2) Ликонъ есть глубокій рукавъ Нила. Палладій говоритъ, что ему и въ лодкѣ было страшно переправиться чрезъ него. Лавс. гл. 8. стр. 28.

самый часъ его смерти св. Антоній видѣлъ, какъ его душа восходила на небо. Антоній сидѣлъ на своей горѣ, пишетъ св. Аѳанасій, и поднявъ вдругъ взоры къ небу, увидѣлъ, что нѣкто восходитъ въ воздухѣ и множество Ангеловъ срѣтаетъ его съ великою радостію. Антоній вопросилъ Господа, что это за видѣніе? Въ тоже время онъ услышалъ гласъ, что это душа Аммона, пустынножителя Нитрійскаго. И Антоній возвѣстилъ бывшимъ съ нимъ, что Аммонъ почилъ въ мирѣ. Чрезъ тридцать дней братія пришли изъ пустыни и отъ нихъ узнали, что Аммонъ скончался именно въ тотъ день и часъ, когда видѣлъ Антоній его душу восходящею на небо (1).

Иноки пустыни Нитрійской въ своихъ духовныхъ подвигахъ, особенно воодушевлялись примѣромъ и наставленіями Великаго Антонія. Какъ основатель иноческаго здѣсь житія Аммонъ пользовался совѣтами и руководствомъ Антонія, такъ и сподвижники его, первые жители пустыни, были ученики Антонія. Таковы были: Піоръ, Памво, Оригенъ ученикъ его, который такъ живо повѣствовалъ объ Антоніѣ, что какъ-бы представлялъ его живымъ. Видѣли св. Антонія Іераскъ, Іаковъ Беотійскій, Кроній. Кроній служилъ переводчикомъ у Антонія, любилъ повѣствовать о добродѣтеляхъ его и много лѣтъ былъ пресвитеромъ въ горѣ Нитрійской.

Были знаменитые иноки, образовавшіеся и подъ руководствомъ самого св. Аммона, какъ то извѣстны были: Ѳеодоръ, Елуріонъ, Агіосъ, Путувистъ, Орсисій. Современные писатели именуютъ ихъ столпами монашества, святыми, обладавшими даромъ чудотворенія.

Ѳеодоръ Освященный, настоятель Тавенскій, посылая Аммона въ гору Нитрійскую, сказалъ ему: «Тамъ много святыхъ и благоугодныхъ мужей». Св. Ѳеодоръ, замѣчаетъ Аммонъ, разумѣлъ Ѳеодора, жившаго съ Амуномъ, Елуріона и Аммонія,

(1) Аѳанасій въ жизни Антонія В. Отсюда видно, что Аммонъ скончался прежде Антонія. Тильмонъ полагаетъ его кончину между 340 и 345 гг. Том. 7. стр. 138.

которые спустя нѣсколько времени скончались, также Піора, и Памво, которые получили отъ Бога даръ изцѣленій, и другихъ мужей (1).

Видно, что вскорѣ послѣ смерти Аммона возникла необходимость установить нѣкоторыя правила иноческой жизни для монаховъ обитавшихъ въ горѣ и ея окрестностяхъ. Главные старцы горы Нитрійской и Скита, Серапіонъ, двое Макаріевъ—нитрійскій и скитскій, и Пафнутій, собрались вмѣстѣ для установленія правилъ иноческой жизни. Свое разсужденіе начали они, какъ начинали и всякое дѣло, усердной молитвой къ Богу, дабы Духъ Святый вразумилъ ихъ.

Серапіонъ, указавъ на умноженіе иноковъ, на опасность пребыванія для нихъ въ пустыни отдѣльно, и на то что Писаніе говоритъ: *се что добро или что красно, но еже жити братіи вкупѣ* (Пс. 132, 1), и что Богъ вселяетъ единомысленныя въ домъ, для утвержденія этого единенія между братіями, почитаетъ нужнымъ принять слѣдующія правила:

Одинъ да будетъ начальникъ у всей братіи; отъ его совѣта и повелѣнія никто да не уклоняется, но съ радостію да повинуется ему какъ Самому Богу, по слову Писанія: *повинуйтеся наставникомъ вашимъ: тіи бо бдятъ о душахъ вашихъ* (Евр. 13,17), и еще: послушанія хощу, лучше жертвы (Мѳ. 9,13.). Помыслите, что чрезъ послушаніе Авраамъ угодилъ Богу, и *другъ Божій наречеся* (Іак. 2,23.) Чрезъ послушаніе сами Апостолы удостоились быть свидѣтелями Божіими между племенами и народами. Самъ Господь нашъ съ горнихъ сходя къ дольнимъ говоритъ: не пріидохъ творити волю Мою, но волю пославшаго Мя (Іоан. 6,33). При такихъ примѣрахъ и побужденіяхъ да хранится болѣе всего послушаніе.

Макарій съ своей стороны обратилъ вниманіе на обязанности начальниковъ:

Вы́же отцы начальники образъ будите вѣрнымъ (I. Тим. 4, 12.),

(1) Epist. Ammon ad Theoph. p. 21.

то есть, то кротостію, то строгостію возвышайте души братій отъ земнаго къ небесному, по слову Апостола: *обличи, умоли, запрети* (2 Тим. 4,2.). Начальникъ долженъ умѣть и оказывать любовь ко всѣмъ, и требовать сохраненія устава, помня слова Господа: *въ июже мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ* (Мѳ. 7.) Въ церковномъ собраніи безъ повелѣнія настоятеля никто не можетъ начать пѣнія псалмовъ. Если настоятель замедлитъ, то извѣстить его, и поступать по его приказанію.

Отъ вступающаго въ монастырь прежде всего должно требовать отреченія отъ богатствъ земныхъ, и паче всего отъ гордости, которая бываетъ достояніемъ и бѣдныхъ. Прежде всего со смиреніемъ должно слушать, чтобы никто изъ васъ, братія, не творилъ своей воли — это великая и пріятная Богу жертва. Будьте готовы на всякое доброе дѣло; что ни случится съ вами, будьте въ скорби терпѣливы, въ дѣлахъ честны. Никому не платите зломъ за зло, а старайтесь дѣлать добро для всѣхъ человѣковъ. Имѣющіе такія расположенія пусть приходятъ въ монастырь, и цѣлую седмицу пусть лежатъ предъ вратами монастырскими. Братія не должны входить съ ними въ общеніе, и они должны испытывать только огорченія Если онъ останется вѣренъ своему желанію, то настоятель не возбраняетъ ему входа, и принимая его, объясняетъ ему уставъ иноческой жизни. Если это человѣкъ богатый, то пусть прежде всего идетъ, продастъ имѣніе свое и отдастъ нищимъ. При себѣ пусть оставитъ только крестъ Христовъ, да пріиметъ его и грядетъ въ слѣдъ Господа. А истинное несеніе креста состоитъ въ томъ, чтобы творить волю, не свою, а другаго. Приходящій можетъ, если хочетъ, часть своего имущества отдать монастырю. Если онъ приведетъ съ собою рабовъ, то они въ монастырѣ будутъ не рабы его, а братія.

Странниковъ встрѣчаетъ и даетъ имъ отвѣтъ одинъ завѣдывающій странноприимною. Никодинъ братъ не долженъ молиться съ ними, ни давать имъ лобзанія мира, прежде нежели увидитъ ихъ настоятель. Только настоятель или тѣ, кому онъ

прикажетъ, могутъ разговаривать съ ними. Никто изъ братіи не долженъ спрашивать: откуда они пришли, за чѣмъ пришли и куда идутъ. Пусть слышится только бесѣда Божественная, почерпнутая изъ Св. Писанія и слова настоятеля. Для этого хорошо, чтобы странниковъ не вводить въ общую трапезу, но они вкушали бы пищу съ однимъ настоятелемъ.

Пафнутій предложилъ потомъ свои дополненія:

«Помня слова Писанія: *Петръ и Іоаннъ восхождаста во святилище на молитву въ часъ девятый* (Дѣян. 3, 1.), нужно положить, чтобы братія подкрѣплялись не ближе девятаго часу, исключая воскресныхъ дней и времени Пятидесятницы. Въ воскресные же дни братія пусть всецѣло предаются упражненіямъ духовнымъ, не занимаясь ничѣмъ другимъ, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Пусть сей святой день всецѣло посвящаютъ на прославленіе Господа въ молитвѣ, псалмопѣніи и духовныхъ пѣсняхъ. Съ перваго часа дня до третьяго братія должны посвящать Богу. Съ третьяго часа до девятаго исполнять безъ всякаго прекословія и ропота то, что повелитъ настоятель чрезъ брата, которому ввѣрено завѣдываніе рабами.

Если кто отъ поста или трудовъ сдѣлается боленъ, настоятель долженъ приложить объ немъ попеченіе. Нужно только наблюдать, чтобы никто своей воли не творилъ.

Если общество иноковъ велико, то настоятель долженъ избрать чередныхъ для каждой недѣли и установить порядокъ ихъ службы, какъ они должны преемствовать одинъ другому; онъ долженъ опредѣлить также, какъ долженъ вести себя келарь, завѣдывающій имуществомъ братіи. Должно избирать такаго, который бы могъ удерживаться отъ всякаго чревоугодія и по-Евангельски раздавать братіи нужное, который бы страшился части Іуды, бывшаго татемъ. Да знаютъ братія, что все находящееся въ монастырѣ—сосуды, орудія и прочее—священно. И кто будетъ нерадиво обращаться съ сими вещами, будетъ имѣть часть съ тѣмъ царемъ, который пилъ съ своими налож-

ницами изъ сосудовъ посвященныхъ дому Божію, и за то подвергся такому страшному отмщенію.

Другой Макарій предложилъ свои мысли о взаимномъ отношеніи монастырей:

Не должно быть позволяемо безъ воли настоятеля принимать братію изъ другаго монастыря. Если кто пожелаетъ перейти въ другой монастырь, то долженъ просить своего настоятеля, чтобы онъ просилъ настоятеля другаго монастыря принять его. Если же какой нибудь настоятель приметъ брата, безъ согласія того настоятеля, у котораго онъ жилъ, то онъ подвергнется суду епископовъ или своихъ братій настоятелей и тогда только можетъ быть допущенъ къ должности, когда испроситъ прощеніе. Новопоступившій братъ, какое бы мѣсто ни занималъ въ прежнемъ монастырѣ, здѣсь долженъ считаться младшимъ. Безъ дозволенія настоятеля во время собраній и собесѣдованій о Свящ. Писаніи онъ не имѣетъ права говорить. Съ собою ни имущества, ни книгъ ему не должно быть дозволено вносить въ монастырь.

Приходящіе клирики должны быть принимаемы со всякимъ уваженіемъ какъ служители олтаря и имъ должно предоставлять честь начинать молитвы во время Богослуженія, будетъ ли то простой клирикъ или служитель олтаря. Но если клирикъ виновенъ въ какомъ-либо преступленіи, и это доказано; то ни при настоятелѣ, ни при его помощникѣ ему не должно быть дозволено начинать молитву. Но не должно клириковъ принимать въ монастырь на жительство, развѣ только обличенные въ преступленіи придутъ они въ монастырь, чтобы подвигомъ униженія принести покаяніе. Что касается до исправленія братій подпавшихъ какой-либо винѣ, то нужно, смотря по свойству вины, отлучать ихъ.

Если кто, напримѣръ, будетъ обличенъ въ пустыхъ разговорахъ, то на три дня да отлучится отъ собранія братіи, и да наложено будетъ на него молчаніе. Если кто замѣченъ будетъ въ непристойномъ смѣхѣ, тотъ въ продолженіи двухъ седмицъ

да подвергнется уничижительнымъ трудамъ для исправленія. Посему и сказалъ Апостолъ: *аще и впадетъ человѣкъ въ нѣкое прегрѣшеніе, вы духовніи исправляйте таковаго духомъ кротости* (Гал. 6, 1.). Нужно, чтобы чрезъ наказаніе братъ не погибъ въ своемъ состояніи, но исправился бы.

Наконецъ начальники не должны имѣть къ кому-либо лицепріятіе, но питать ко всѣмъ равную любовь, поелику справедливое уравненіе пріятно Богу, по слову Пророка: *аще воистину правду глаголете, правая судите, сынове человѣчестіи* (Пс. 57, 2.). Да будетъ извѣстно вамъ, что не исправляющій согрѣшающаго отдастъ отчетъ Богу. Будьте вѣрными и добрыми учителями для всѣхъ, укрощайте умы неспокойные, подкрѣпите немощныхъ, будьте терпѣливы ко всѣмъ и сколько братьевъ вы пріобрѣтете для Бога, столько вѣнцовъ вамъ соблюдется отъ Бога (1).

Св. жизнь иноковъ горы Нитрійской, начало которой положилъ Аммонъ, была предметомъ благоговѣйнаго удивленія для современниковъ. Руфинъ, свидѣтель ихъ подвиговъ, пишетъ, что великіе подвижники преимущественно обитали въ горѣ Нитрійской, что они по жизни и дѣйствіямъ болѣе сходны были съ Ангелами, нежели съ прочими смертными (2). Къ концу четвертаго вѣка въ горѣ Нитрійской жило около пяти тысячъ иноковъ, раздѣленныхъ на 50 монастырей, частію общежительныхъ, частію отшельническихъ. Общимъ мѣстомъ собранія былъ для нихъ одинъ храмъ, куда они собирались въ субботу и воскресенье для общихъ молитвъ, проводя остальные дни седмицы въ подвигахъ благочестія въ своихъ монастыряхъ. Въ горѣ Нитрійской было восемь пресвитеровъ, но только одинъ изъ нихъ совершалъ Литургію, рѣшалъ недоумѣнія и предлагалъ совѣты братіи, пока былъ живъ. Безъ его дозволенія никто не могъ предлагать общихъ наставленій (3).

(1) Lucæ Holsten. Cod. Reg. Tom. I. p. 11—14.
(2) Ruf. Hist. Eccl. Lib. 2. c. 28.
(3) Ruf. Hist. monach. c. XXI. Созом. VI, 3.

Руфинъ, Палладій и блаженный Іеронимъ (1) знакомятъ насъ съ образомъ жизни Нитрійскихъ подвижниковъ.

Первою обязанностію иноковъ было повиновеніе старшимъ. Общимъ правиломъ пустынниковъ было то, что отсѣченіе своей воли есть самый безопасный и надежный путь къ духовному совершенству. Чтобы пріучить къ отреченію отъ своей воли, давали часто приказанія трудныя и не представляющія ясной цѣли. Это для того, чтобы пріучить не разсуждая дѣлать то, что приказано. Ничто болѣе сего не могло смирить и покорить закону святаго самоотверженія, того самоотверженія, которое творитъ истиннаго монаха и безъ котораго онъ никогда не достигнетъ высшаго совершенства. Старцы, которымъ новоначальные отдавали себя въ послушаніе, любили передавать своимъ послушникамъ совѣты, какъ завѣтъ отцевъ, прежде жившихъ, которыхъ изреченія и совѣты и примѣры они хранили въ своей памяти. Они хотѣли вести ихъ на поприщѣ иноческихъ подвиговъ тѣмъ путемъ, которымъ сами шли. Такимъ образомъ сохранялся духъ первыхъ подвижниковъ и преемственно передавался отъ одного поколѣнія другому. Они понимали, и опытъ подтвердилъ, что иноческая жизнь тогда ослабѣвала, когда стали уклоняться отъ преданій старцевъ и вводить новые обычаи. Потому, Ѳеодоръ Фермейскій съ грустію обличалъ даже то уклоненіе отъ обычая предковъ, что монахи за трапезою, принимая чашу для питья, не говорятъ по древнему обычаю: благослови, отче!

Для удобнѣйшаго надзора и подчиненія, жившіе въ горѣ Нитрійской раздѣлялись на десятки и сотни. Старшій инокъ былъ начальникомъ надъ девятью своими собратіями и у каждой сотни былъ свой начальникъ, заботившійся о тѣлесныхъ и духовныхъ нуждахъ подчиненныхъ. Но всѣ сіи начальники зависѣли отъ главнаго начальника, которому отдавали отчетъ въ своемъ управленіи.

---

(1) Epist. 22. ad Eustoch. p. 33 — 37.

Пустынники жили или по одному въ келліи, или по-двое и по-трое, иные въ большомъ числѣ образуя значительное общество, которое въ общей совокупности можно назвать монастыремъ. Всѣ сіи иноки жили подъ управленіемъ начальниковъ; иные отходили далѣе какъ знахореты, поселялись вдали въ келліи и даже въ пещерѣ. Общимъ правиломъ для жизни было то, что до девятаго часа дня, или до трехъ часовъ по полудни, иноки проводили время въ молчаніи, прилежа богомыслію, молитвѣ, чтенію, рукодѣлію. Никто не могъ ходить въ келлію другаго кромѣ начальника. Онъ посѣщалъ иноковъ, чтобы видѣть ихъ подвиги, давать нужныя наставленія, укрѣплять ихъ въ искушеніяхъ, утѣшать въ скорбяхъ.

Въ девятомъ часу они собирались пѣть псалмы и читать Св. Писаніе въ молельняхъ, которыя были при каждомъ монастырѣ. При наступленіи вечера, пишетъ Палладій о нитрійскихъ монахахъ, можно стать и слышать въ каждой келліи хвалебные псалмы и пѣсни, воспѣваемыя Христу и молитвы, возсылаемыя на небеса; иной подумалъ бы, что онъ восхищенъ и перешелъ въ рай сладости.

Послѣ молитвы, когда они сходятся, настоятель предлагаетъ имъ поученіе. Это поученіе обыкновенно слѣдовало за чтеніемъ Св. Писанія и имѣло предметомъ объясненіе и приложеніе прочитаннаго чтенія. Блаженный Іеронимъ описываетъ благоговѣніе, съ какимъ слушали наставленіе. Всѣ сидятъ въ молчаніи; никто не смѣетъ плюнуть, или поднять глаза. Свое одобреніе они свидѣтельствуютъ только слезами, которыя проливаютъ въ молчаніи, заглушая вздохи, извлекаемые сокрушеніемъ. Но когда Авва началъ бесѣдовать о царствѣ небесномъ, о будущемъ блаженствѣ, они поднимали взоры къ небу, во глубинѣ души говоря: *кто дастъ ми крилѣ яко голубинѣ и полещу и почію* (Пс. 54, 7.)? Выслушавъ поученіе, иноки расходятся и каждые десять братій садятся за столъ съ своимъ начальникомъ. За столомъ каждый изъ братіи служилъ по очереди въ теченіи недѣли. Во время стола сохраняли полное

молчаніе. Пищею ихъ былъ хлѣбъ, овощи и травы, для которыхъ единственной приправой была соль. Во дни великой четыредесятницы они вкушали только хлѣбъ и воду. Съ Пасхи до Пятидесятницы они имѣли трапезу въ полдень. Это было нѣкоторымъ облегченіемъ поста, ради радости Воскресенія Христова. Только старцы употребляли вино и имѣли иногда ужинъ; прочіе вкушали пищу однажды въ день. Экономъ обязанъ отвѣдывать пищу, приготовленную для братіи. Послѣ трапезы, принесши благодареніе Господу, расходятся по своимъ келліямъ и до вечера бесѣдуютъ съ братіей одного десятка. Предметомъ бесѣды были только назидательныя истины. «Замѣтилъ ли ты, говорили они, сколько благодати небесной получилъ такой-то? какъ молчаливъ такой-то? какой у него видъ важный и скромный?» Такимъ образомъ, ихъ разговоръ имѣлъ предметомъ добродѣтели, какія они усматривали у другихъ, а не ихъ недостатки. Всякое злословіе, даже шутка были удалены изъ ихъ разговоровъ; они утѣшали немощныхъ, побуждали другъ друга къ большему преспѣянію въ добродѣтеляхъ. Потому, послѣ бесѣды расходились по келліямъ не съ обремененною грѣхами языка совѣстію, но съ сердцемъ проникнутымъ желаніемъ высшихъ подвиговъ.

Хотя правила не требовали отъ иноковъ нитрійскихъ, чтобы проводили большую часть ночи въ молитвѣ, но, по свидѣтельству блаженнаго Іеронима, уходя въ свои келліи, они любили проводить большую часть ночи въ молитвѣ. Для ихъ сердца, жаждущаго единенія съ Богомъ въ молитвѣ, всегда краткимъ казалось время бесѣды съ Богомъ, и они у сна столько отнимали времени для богомыслія, сколько позволяла немощь плоти. Если начальникъ замѣтитъ, что кто-либо изъ братіи не часто упражняется въ келейной молитвѣ, онъ не даетъ выговоровъ, но примѣромъ иноковъ и представленіемъ сладости и благодатныхъ дѣйствій молитвы старается пробудить любовь къ ней.

Каждый день иноки выучивали что-либо изъ Св. Писанія,

которое было для нихъ духовною пищею, они вмѣстѣ съ тѣмъ старались сообразовать съ нимъ свою жизнь. Такое, пищетъ Руфинъ о нитрійскихъ монахахъ, видали мы у нихъ упражненіе въ Св. Писаніи, разумѣніе и углубленіе въ божественныя истины, что каждый изъ нихъ могъ быть проповѣдникомъ божественной мудрости (1).

Иноки горы Нитрійской, гдѣ монашество насаждено и руководствуемо было Великимъ Антоніемъ, ревностнымъ защитникомъ православія, вѣрность свою православному исповѣданію Господа Іисуса Христа, во время гоненія Лукіева при Валентѣ, запечатлѣли своею кровію. Лукій, аріанскій епископъ въ Александріи, думалъ, что гоненіемъ успѣетъ склонить ихъ къ аріанству, и чрезъ нихъ увлечь народъ, который, не любя спорить о догматахъ, слѣдовалъ ихъ ученію, руководствуясь тою мыслію, что истина извѣстна тѣмъ, которые добродѣтель свою показываютъ дѣломъ. Прибывъ въ Нитрійскую гору Лукій хваталъ подвижниковъ въ то время, когда они врачевали недуги, изгоняли бѣсовъ. Руфинъ пишетъ: когда иноки ждали нападенія отъ воиновъ, къ нимъ приносенъ былъ изъ среды народа кто-то съ изсохшими членами такъ, что не могъ стоять на ногахъ. Помазавъ его елеемъ, они велѣли ему во имя Христа, гонимаго Лукіемъ, встать и идти домой. Больной сдѣлался здоровъ. Но это не вразумило Лукія. Иноки были подвергаемы посмѣянію, побоямъ, обнаженію, ввергаемы въ узы, умервщляемы, ссылаемы въ изгнаніе. Преслѣдуемые лжеепископомъ Лукіемъ, они погибали цѣлыми толпами, или скрывались въ глубочайшія пустыни, унося съ собою и въ мракъ могилы и въ дикую пустыню отрадную и свѣтлую вѣру въ Сына Божія. Все неистовство аріанъ должно было уступить этой непоколебимости вѣры и ограничиться однимъ изгнаніемъ начальниковъ пустынниковъ Макарія Египетскаго, Макарія Алексан-

(1) Hist. monach. c. XXI.

дрійскаго, Памво, Гераклида, Исидора и другихъ (1). И это послужило только къ прославленію имени Господа Іисуса Христа. Лукій, выведши изъ пещернаго убѣжища, пишетъ Ѳеодоритъ, сихъ настоятелей божественныхъ сонмовъ, сослалъ ихъ на одинъ островъ населенный людьми нечестивыми, и не видавшій въ своихъ предѣлахъ ни одного учителя благочестія. Когда судно подплывало къ острову, чтимый тамошними жителями демонъ, оставилъ идола, который долго ему служилъ жилищемъ, вселился въ дочь жреца, и бѣснующуюся привелъ къ берегу, къ которому гребцы направляли судно. Пользуясь языкомъ дѣвицы, какъ орудіемъ, онъ произносилъ слѣдующее: «ужъ это могущество ваше, служители Христовы! Отвсюду изгоняли вы насъ,—изъ городовъ и селъ, съ горъ и холмовъ, и даже изъ необитаемой никѣмъ пустыни. Живя на этомъ островѣ, мы надѣялись избѣжать вашихъ стрѣлъ, но обманулись въ надеждѣ. Гонители сослали васъ сюда не для того, чтобы причинить вамъ скорбь, а для того, чтобы вашею силою изгнать отсюда насъ. Мы уходимъ и съ этого острова, потому что изгоняемся лучами вашей добродѣтели.» Сказавъ это, демоны повергли дѣвицу на землю, а сами изчезли. Между тѣмъ божественный этотъ сонмъ подвижниковъ, помолившись, воздвигъ дѣвицу, и отдалъ ее отцу смыслящею и здравою. Очевидцы этого чуда, упавъ къ ногамъ тѣхъ святыхъ, умоляли ихъ дать имъ средства къ спасенію, разрушили идольское капище, и, озарившись лучами ученія, сподобились благодати всесвятаго крещенія. Какъ скоро вѣсть о семъ распространилась въ Александріи, всѣ собрались и порицали Лукія, говоря, что имъ угрожаетъ гнѣвъ Божій, если тотъ божественный сонмъ не будетъ возвращенъ. Посему, боясь возбудить въ городѣ волненіе, Лукій позволилъ святымъ мужамъ возвратиться въ пещеры (2).

(1) Rufin. Hist. Eccl. Lib. II. c. IV. Сокр. Цер. Ист. кн. 4. гл. 24. Созом. Цер. Ист. кн. 6. гл. 20.

(2) Ѳеодор. Церк. Ист. кн. 4. гл. 21.

Нѣсколько позднѣе на нѣкоторыхъ изъ монаховъ нитрійскихъ пало обвиненіе въ привязанности къ ложнымъ мнѣніямъ Оригена. Труды Оригена въ критическомъ изслѣдованіи текста Св. Писанія и его переводовъ возбудили общее вниманіе Церкви съ самаго своего появленія. Таинственное изъясненіе въ толкованіяхъ Оригена давало обильную пищу для духовныхъ созерцаній. Потому труды Оригена были съ любовію принимаемы иноками. Но пастыри Церкви опасались, что при неразсудительномъ чтеніи писаній Оригена распространятся и тѣ заблужденія, которыя встрѣчаются въ его сочиненіяхъ.

Замѣчая, что многіе изъ простыхъ христіанъ имѣли человѣкообразныя представленія о Божествѣ, Ѳеофилъ Архіепископъ Александрійскій въ одномъ изъ своихъ пасхальныхъ посланій старался раскрыть неправильность такаго понятія о Божествѣ. Это посланіе возбудило сильное волненіе между многими иноками египетскими. Въ большомъ числѣ пришли они въ Александрію, готовые въ порывѣ неразумной ревности убить Ѳеофила, какъ нечестиваго. Ѳеофилъ встрѣтилъ ихъ словами: «видя васъ, я вижу, какъ будто лице Божіе.» Эти слова усмирили иноковъ. «Если ты въ самомъ дѣлѣ такъ исповѣдуешь, то осуди книги Оригена; ибо читающіе ихъ, приводятся къ противнымъ сему мыслямъ.» «Но у меня это давно положено, сказалъ Ѳеофилъ; ибо столько же какъ вы порицаю послѣдователей Оригена.» Это успокоило иноковъ, и вопросъ этотъ былъ бы, вѣроятно, забытъ, если бы не примѣшалась къ сему личная непріязнь Ѳеофила къ Исидору начальнику странноприимной въ Александріи и къ братьямъ Аммону, Діоскору, Евсевію и Евеимію, называемымъ по высокому росту своему долгими (1). Они пользовались сначала уваженіемъ Ѳеофила. Противъ воли троихъ изъ нихъ онъ извлекъ

(1) Такъ объясняютъ это дѣло Сократъ (кн. 4. гл. 7), Созоменъ (кн. 8. гл. 11—19.), Исидоръ Пелусіотъ (Lib. 1. стр. 132.).

изъ пустыни; Діоскора сдѣлалъ Епископомъ Гермополиса; двое другихъ проходили должность экономовъ при Александрійской церкви. Видя несправедливость Ѳеофила въ употребленіи церковныхъ имуществъ, они оставили городъ и удалились опять въ Нитрійскую гору. Къ нимъ по тому же побужденію перешелъ и Исидоръ. Ѳеофилъ возбудилъ противъ нихъ, какъ упорныхъ оригенистовъ, множество простыхъ иноковъ, такъ что открылось возмущеніе. Тогда Ѳеофилъ съ войскомъ прибылъ въ Нитрійскую гору, чтобы разорить келліи гонимыхъ. Преслѣдуемые своимъ Архіепископомъ братья далѣе рѣшились искать защиты у Константинопольскаго Архіепископа Іоанна. Уже то, что сей учитель вселенскій не согласился на осужденіе иноковъ нитрійскихъ и ходатайствовалъ за нихъ предъ Ѳеофиломъ, свидѣтельствуетъ, что онъ не считалъ ихъ зараженными ложными мнѣніями Оригена. Св. Епифаній, сначала возстававшій противъ нихъ, послѣ личнаго объясненія, мирно простился съ ними (1).

Самъ Ѳеофилъ свидѣтельствуетъ, что заблужденія Оригена не были распространены въ горѣ Нитрійской. Въ письмѣ къ блаженному Іерониму онъ пишетъ: Ѳеодоръ видѣлъ всѣ монастыри нитрійскіе и можетъ свидѣтельствовать о воздержаніи и кротости монаховъ, какъ по удаленіи послѣдователей Оригена, миръ возвратился въ Церковь, и сохраняется ученіе Господне (2).

Кромѣ подвиговъ молитвенныхъ и чтенія Св. Писанія вмѣнялось инокамъ въ обязанность заниматься по келліямъ рукодѣліемъ. Всѣ монастыри египетскіе, пишетъ Іеронимъ (3), обязываютъ каждаго вступающаго заниматься рукодѣліемъ не для того только, чтобы снискивать пропитаніе, но для спасе-

(1) Созом. Церк. Истор. кн. 8. гл. 13.
(2) Curs. Patr. Compl. T. 22. p. 736, ep. 89.
(3) Epist ad Rust. monach. 125. n. 14.

нія души, дабы умъ не увлекался гибельными помыслами. На каждый день, исключая воскреснаго, въ который они занимались только чтеніемъ и молитвою, назначалась извѣстная работа, которую принималъ вечеромъ начальникъ десяти братій и ежемѣсячно самъ давалъ отчетъ эконому. Рукодѣліе было самое простое, плетеніе рогожъ, корзинъ, и другія занятія, которыя можно дѣлать сидя въ келліи. Праздность правила иноческія преслѣдовали, какъ самый опасный порокъ. Трудясь единственно въ пользу обители, иноки получали и все нужное отъ обители. Но какъ ограничены были ихъ нужды! Одна власяница, одна мантія для одѣянія и рогожа для спанья — вотъ все имущество инока. Что было сверхъ сего,—то было излишествомъ. Если казались иноку ветхи его власяница, мантія, рогожа, онъ не имѣлъ права просить новыхъ. Наблюдать за нуждами иноковъ поручено было эконому, чтобы никакая забота земная не отвлекла сердца ихъ отъ заботы о своемъ спасеніи. Всякое стяжаніе считалось тяжкимъ грѣхомъ. У одного отшельника нашли послѣ смерти сто златницъ, которыя добылъ онъ, прядя ленъ. По суду старцевъ, онъ лишенъ былъ погребенія. Были иноки, которые не знали совсѣмъ цѣны денегъ. Таковъ былъ Альбинъ; онъ не носилъ сандалій, въ теченіе всей жизни въ горѣ Нитрійской носилъ кожаную одежду. Совершенную нищету, какъ избавляющую отъ всѣхъ заботъ, считалъ онъ высшимъ благомъ. Жить въ совершенной нищетѣ, говорилъ онъ, значитъ быть царемъ. Если кто-либо изъ братій дѣлался боленъ, то его переносили въ болѣе обширную келлію и тамъ окружали попеченіями, такъ что, по словамъ блаженнаго Іеронима, ему не оставалось желать ни попеченій матери, ни удобствъ города. Пресвитеръ нитрійскій Исаакъ выстроилъ для больныхъ иноковъ и для приходящихъ большую больницу, гдѣ находили они себѣ успокоеніе. У нихъ были искусные въ врачеваніи иноки, которые помогали не только своимъ инокамъ, но и посѣтителямъ. Если любовь къ умерщвленію плоти заставляла иноковъ и во время ихъ болѣзни

отрекаться отъ заслугъ другихъ, то съ другой стороны любовь начальниковъ спѣшила предложить имъ всѣ нужныя пособія.

Съ полною же любовію принимали иноки приходящихъ къ нимъ. Подлѣ церкви, пишетъ Палладій, есть странноприимный домъ, въ которомъ содержатъ странника во все время пребыванія его на горѣ, хотя бы оно продолжалось два или три года, пока онъ не захочетъ оставить гору. Ему дозволяютъ жить безъ дѣла только одну недѣлю, а въ слѣдующіе дни даютъ ему дѣло или въ саду, или въ пекарнѣ, или на поварнѣ; если же странникъ человѣкъ знатный, то ему даютъ читать книги, но бесѣдовать съ нимъ никому не дозволяютъ до шестаго часа дня. Руфинъ такъ описываетъ пріемъ, какой ему сдѣлали иноки нитрійскіе. Лишь только мы приблизились, гдѣ могли увидѣть насъ иноки, какъ тотчасъ же они вышли изъ келлій и поспѣшили къ намъ на встрѣчу, многіе изъ нихъ несли мѣхи съ водою и хлѣбы. Встрѣтивъ, они ввели насъ съ псалмопѣніемъ въ церковь, омыли намъ ноги и отерли своими мантіями, будто облегчая тяжесть пути, но на самомъ дѣлѣ таинственными наставленіями омывая скорби земныя. Что скажу о ихъ привѣтливости, услугахъ и любви, когда они всѣ наперерывъ спѣшили принять въ свои келліи? Не только они предлагали съ радостію то, чего требовалъ долгъ гостепріимства, но старались подѣлиться съ нами сокровищемъ, какимъ сами владѣли, уча насъ смиренію, кротости и другимъ добродѣтелямъ, какія сами имѣли. Никогда не видѣлъ я, чтобы съ такою любовію, съ такимъ горячимъ участіемъ исполняемо было дѣло гостепріимства. Когда Іеронимъ съ Павлою, въ 383 г., посѣщали Нитрійскую гору, называемую Іеронимомъ градомъ Божіимъ, всѣ иноки вышли на встрѣчу путникамъ. «Въ чью келлію, пишетъ Іеронимъ о Павлѣ (1), она ни входила, къ чьимъ ногамъ ни припадала, въ каждомъ монахѣ она вѣ-

(1) Epist. 108.

рила видѣть Христа, и то, что принесла съ собою для нихъ, вѣрила, что принесла для Самого Бога. Забывая полъ и слабость, она хотѣла бы поселиться навсегда между иноками.»

Изложивъ вообще образъ жизни нитрійскихъ подвижниковъ, познакомимся съ нѣкоторыми изъ болѣе замѣчательныхъ, каковы Піоръ, Памво, о которыхъ Аммонъ говоритъ, что они особенно сіяли добродѣтелями вмѣстѣ съ Аммономъ Нитрійскимъ, Оръ и Афре ученикъ его.

Піоръ, уроженецъ египетскій, еще въ юныхъ лѣтахъ оставилъ домъ своихъ родителей и показалъ такую твердую рѣшимость проводить иноческую жизнь, что, тогда же далъ обѣтъ, убѣгать случаевъ къ свиданію съ родителями на землѣ. Онъ отдался подъ руководство Великому Антонію. Примѣръ и наставленія великаго любителя безмолвія пробудили въ душѣ его желаніе совершеннаго отшельничества. Имѣя двадцать пять лѣтъ отъ роду, онъ пожелалъ подвизаться одинъ въ пустынѣ. «Иди, сказалъ ему Антоній, когда Піоръ открылъ ему свое желаніе, пребывай, гдѣ хочешь, и когда Богъ внушитъ тебѣ, приди посѣтить меня.» Піоръ поселился въ пустынѣ около горы Нитрійской. Онъ выкопалъ колодезь, и хотя вода была очень горька, но онъ не оставлялъ своего мѣста. Многіе изъ великихъ подвижниковъ хотѣли жить на мѣстѣ его, но не могли прожить и одного года; потому что вода была очень горька и мѣсто дико, лишено всѣхъ удобствъ жизни. Не разъ братія убѣждала его оставить это мѣсто. Онъ отвѣчалъ имъ на ихъ убѣжденія: если мы будемъ избѣгать горести и труда и воздержанія, и захотимъ имѣть въ семъ мірѣ покой, то послѣ исхода изъ сей жизни не получимъ вѣчныхъ благъ, и не насладимся безконечною райскою радостію. Для своего пропитанія, подобно другимъ отшельникамъ, Піоръ ходилъ жать къ земледѣльцамъ. Однажды, окончивъ жатву, онъ напомнилъ хозяину поля о платѣ. Тотъ отложилъ плату до времени, и Піоръ работая и другой годъ, возвратился не получа платы. Тоже было и на третій годъ. Но когда Господь благословилъ изо-

биліемъ поселянина, онъ, взявши деньги, пошелъ отыскивать инока, работавшаго у него. Когда нашелъ Піора, упавъ къ ногамъ его, сказалъ: Господь ущедрилъ меня, возми. Піоръ велѣлъ отдать деньги пресвитеру.

Піоръ ѣлъ только шесть унцій хлѣба и пять маслинъ, и то принималъ пищу ходя. Когда его спросили, почему онъ такъ дѣлаетъ, Піоръ отвѣчалъ: не хочу заниматься пищею, какъ дѣломъ, и потому ѣмъ между дѣломъ и вмѣстѣ для того, чтобы душа не ощущала тѣлеснаго удовольствія. Любя самъ труды и самоумерщвленіе, онъ любилъ облегчать труды другихъ. Посѣщая другихъ иноковъ, Піоръ, чтобы не быть имъ въ тягость, приносилъ съ собою хлѣбъ. Довольствуясь самъ горькою водою, онъ силою молитвы своей помогъ инокамъ, трудившимся въ ископаніи колодца, достать свѣжей воды. Стараясь облегчить немощи тѣлесныя ближнихъ, онъ былъ снисходителенъ и къ немощамъ душевнымъ. Однажды въ скиту было собраніе по поводу паденія одного брата. Отцы говорили, но Піоръ молчалъ. Потомъ всталъ, вышелъ, взялъ суму, наполнилъ ее пескомъ и носилъ на плечахъ своихъ. Насыпалъ также песку въ другую корзину, которую надѣлъ напереди. Отцы спросили его, что это значитъ? Онъ отвѣчалъ: «сума, въ которой много песку,—это мои грѣхи, много ихъ, но я оставилъ назади, чтобы не плакать объ нихъ; а вотъ это немногіе грѣхи брата моего; они напереди у меня и я разсуждаю объ нихъ и осуждаю брата моего. А не должно бы такъ дѣлать! Лучше бы мнѣ свои грѣхи носить напереди, скорбѣть объ нихъ и просить Бога о помилованіи.» Отцы, выслушавъ его, сказали: вотъ истинный путь спасенія!

Въ теченіе долгой своей жизни Піоръ сохранялъ обѣтъ не видѣть своихъ родителей. Такъ прошло тридцать и болѣе лѣтъ. Сестра его, оставшаяся вдовою, послала двоихъ своихъ дѣтей отыскать Піора въ пустынѣ. Они нашли наконецъ его и сказали ему: мы дѣти твоей сестры, но Піоръ не принялъ ихъ. Тогда они обратились къ Антонію и просили его убѣдить по-

сѣтить ихъ мать. Антоній призвалъ къ себѣ Піора. «Почему ты, братъ, столько времени не приходилъ ко мнѣ?» «Ты велѣлъ мнѣ, святой отецъ, прійдти тогда, какъ Богъ внушитъ мнѣ, но я доселѣ не имѣлъ повелѣнія Божія о семъ.» «Поди, сказалъ ему Антоній, и посѣти сестру.» Взявъ съ собою монаха, Піоръ пришелъ къ дому сестры, и, закрывъ глаза, сталъ около крыльца, чтобы не видѣть сестры. «Вотъ я Піоръ твой братъ. Смотри на меня, если хочешь» и тотчасъ же возвратился въ свою пустыню. Піоръ владѣлъ даромъ чудотворенія и скончался въ глубокой старости (1).

Всѣ, упоминавшіе о св. Памво, представляютъ его какъ друга Божія, который учитъ тому, чему самъ научился отъ Господа Іисуса Христа,—какъ одного изъ тѣхъ небесныхъ людей, которые по чистотѣ и святости болѣе подобны безплотнымъ, нежели простымъ людямъ,—какъ учителя, свыше просвѣщеннаго въ путяхъ Божіихъ и получившаго дары чудотворенія.

Оставивъ міръ, Памво обратился къ одному пустыннику и просилъ его выучить нѣкоторымъ псалмамъ на память; ибо не зналъ грамотѣ. Первыя слова онъ услышалъ: *рѣхъ сохраню пути моя, еже не согрѣшати языкомъ* (Пс. 38,2.). Съ меня довольно этого, сказалъ онъ отшельнику. Черезъ полгода пустынникъ встрѣтилъ Памво, и спросилъ его: почему онъ не является? Я не выучилъ еще и перваго урока, сказалъ Памво. Прошло двадцать девять лѣтъ; одинъ изъ друзей Памво спросилъ его, выучилъ ли онъ урокъ. Съ трудомъ только начинаю знать его, отвѣчалъ Памво. Этотъ урокъ такое глубокое впечатлѣніе оставилъ въ душѣ Памво, что любовь къ молчанію была одною изъ главныхъ его добродѣтелей. Три превосходныя добродѣтели особенно замѣтны въ Памво, говоритъ Пименъ, ежедневный постъ, строгое молчаніе и любовь къ рукодѣлію. Молчанію училъ Авву Памво и Великій Антоній, къ которому ходилъ онъ учиться иночеству. Эта любовь къ молчанію согласовалась и съ духомъ его,

(1) Палл. Лавс. гл. 11. 74. 75. Созом. кн. VI. 29.

всегда собраннымъ и полнымъ страха Божія. Собранность духа заставляла любить молчаніе, а молчаніе сохраняло собранность духа. Θеофилъ, Архіепископъ Александрійскій, пришелъ однажды въ скитъ. Пустынники просили Памво сказать что-нибудь для его назиданія. Если мое молчаніе, говорилъ Памво, не будетъ для него назидательно, то и слова мои не произведутъ сего. Одинъ братъ спросилъ, хорошо ли хвалить другихъ. Памво отвѣчалъ: еще лучше молчать. Это и было причиною, что онъ всегда былъ степененъ и важенъ, и никогда не смѣялся. При концѣ жизни своей онъ могъ съ дерзновеніемъ сказать: я не раскаиваюсь ни въ одномъ словѣ, которое сказалъ.

Но эта степенность Памво не была слѣдствіемъ жесткости характера. Чаще всего приходившимъ къ нему за наставленіями Памво внушалъ милосердіе и любовь къ ближнимъ. Одинъ пустынникъ спросилъ его: почему злые духи препятствуютъ мнѣ дѣлать добро другимъ? Онъ отвѣчалъ: не говори такъ; скажи лучше: я самъ не хочу быть милосердымъ. Также, когда Осодоръ Фермейскій просилъ у него назиданія, Памво сказалъ ему: ступай и будь ко всѣмъ милосердъ. Самъ онъ охотно готовъ былъ всегда терпѣть великую нужду, только бы успокоить другаго. Онъ всякій день занимался рукодѣльемъ и въ теченіе жизни не съѣлъ куска хлѣба, который получилъ бы даромъ. Онъ носилъ всегда ветхую одежду, покрытую многими заплатами и братіи совѣтовалъ носить такую одежду, чтобы никто не поднялъ ее, если бы она выкинута была дня на три. Палладій пишетъ, что вѣнцемъ совершенства Памвы было презрѣніе къ золоту и серебру. Блаженная Меланія такъ разсказывала о своемъ свиданіи съ Памвою (1). Вскорѣ послѣ прибытія изъ Рима въ Александрію, услышавъ отъ блаженнаго пресвитера Исидора о добродѣтельномъ житіи Памвы, я отправилась къ нему въ пустыню. Принесла я съ собою ящикъ съ тремя стами литръ серебра и просила его принять это прино-

(1) Паллад. Лавс. гл. 10.

шеніе отъ моего имущества. Онъ сидѣлъ и плелъ изъ вѣтвей корзину и, не оставивъ своей работы, сказалъ: Богъ наградитъ тебя. Потомъ сказалъ Оригену: возми это и употреби на нужды братіи, живущей въ Ливіи и по островамъ. Сіи монастыри скуднѣе прочихъ; а изъ живущихъ въ Египтѣ братій онъ не велѣлъ никому давать: ибо страна сія, говорилъ онъ, плодороднѣе другихъ. Я стояла и ждала, чтобы онъ почтилъ меня, или хотя слово сказалъ бы мнѣ за такое приношеніе. Ничего не слыша отъ него я сказала: господинъ мой, да будетъ тебѣ извѣстно, что здѣсь триста литръ. Онъ, не взглянувъ на ящикъ, сказалъ: «дочь моя! кому принесла ты это, тому не нужно сказывать, сколько тутъ вѣсу. Онъ взвѣсилъ,—горы и холмы поставилъ вѣсомъ; тѣмъ паче знаетъ онъ вѣсъ твоего серебра. Если бы ты отдала это мнѣ, то хорошо было бы сказать и о его количествѣ. Но если ты это принесла Богу, Который не отвергнулъ и двухъ лептъ, но оцѣнилъ ихъ дороже всѣхъ другихъ приношеній, то молчи и будь спокойна». Немного спустя желая, наградить усердіе, онъ призвавъ ее въ то время, какъ приближалось время его кончины, вплелъ послѣдній прутъ въ корзину, которую работалъ и сказалъ Меланіи: возми эту корзину изъ моихъ рукъ на память обо мнѣ, другаго ничего не могу оставить тебѣ. Эту корзину Меланія берегла до своей кончины. Высокая жизнь Памвы и его внимательность къ словамъ и великая осмотрительность въ отвѣтахъ дѣлали то, что его наставленія принимали съ особеннымъ благоговѣніемъ, какъ изреченія Самого Бога (1). Осмотрительностію въ словѣ, пишетъ Палладій, Памво превосходилъ даже Антонія Великаго,—онъ никогда не отвѣчалъ на вопросъ тотчасъ; но говорилъ, что еще не нашелъ отвѣта. Часто проходило мѣсяца три и онъ не давалъ отвѣта, говоря: что еще не знаетъ, что отвѣчать. Собственнымъ своимъ недоумѣнямъ въ разрѣшеніи вопроса онъ искалъ озаренія въ

(1) Тамъ же.

молитвѣ. Два пустынника пришли къ нему однажды за наставленіями. Одинъ изъ нихъ сказалъ: Авва! обыкновенно я пощусь два дни и потомъ съѣдаю два малыхъ хлѣба, какъ ты думаешь, спасусь ли я, поступая такъ? Другой сказалъ: а я, Авва, каждый день за рукодѣлье получаю двѣ малыхъ монеты, изъ нихъ на одну достаю пищу себѣ, а другую отдаю бѣднымъ: спасусь ли я, поступая такъ? Четыре дня они не получали отвѣта отъ Памвы. Наконецъ, они пришли проститься къ нему. Увидѣвъ ихъ, Памво сказалъ имъ въ назиданіе, какъ бы говоря о себѣ: Памво постится два дни сряду и потомъ съѣдаетъ два малыхъ хлѣба; монахъ ли онъ по этому? Нѣтъ! Памво каждый день получаетъ за свое рукодѣліе двѣ монеты, коихъ часть отдаетъ въ милостыню; монахъ ли онъ по этому? Нѣтъ! Все это хорошо, но если совѣсть твоя будетъ безкоризненна предъ ближними, то спасешься. Пришли еще однажды къ нему изъ скита четыре брата. Одинъ изъ нихъ постился много, другой былъ нестяжателенъ, третій стяжалъ великую любовь, четвертый двадцать два года прожилъ въ повиновеніи старцу. Памво сказалъ, что добродѣтель послѣдняго выше всѣхъ, первые стяжали добродѣтели по своей волѣ, а сей, отвергшись своей воли, исполняетъ волю другаго. Такіе люди подобны исповѣдникамъ, если до конца пребудутъ въ послушаніи. Были въ пустынѣ Нитрійской два брата Паисій и Исаія, дѣти богатаго испанскаго купца. Раздѣливъ богатое имѣніе, они пошли въ монахи. Одинъ изъ нихъ раздалъ все имѣніе по монастырямъ, церквамъ и темницамъ, и ремесломъ добывая себѣ пропитаніе, посвятилъ себя подвижничеству и молитвѣ. Другой построилъ монастырь для небольшаго числа братіи, принималъ странныхъ, лечилъ больныхъ, покоилъ престарѣлыхъ, подавалъ милостыни всякому бѣдному, два раза въ недѣлю кормилъ неимущихъ. Оба они были совершенны. Послѣ кончины ихъ, братія пришли въ недоумѣніе, чья жизнь была выше. Для разрѣшенія сего недоумѣнія, пришли къ Памво; Памво сказалъ: оба они равно совершенны предъ Богомъ. Тотъ, который прини-

малъ всякаго и покоилъ, совершалъ дѣло Авраама, а другой для благоугожденія Богу возлюбилъ ревность Пророка Иліи. Когда братія все еще изъявляла сомнѣнія, Памво вновь сказалъ, что они равны предъ Богомъ. Одинъ послѣдовалъ Господу ежедневнымъ несеніемъ креста, другой служеніемъ своимъ бѣднымъ. Небесное откровеніе подтвердило справедливость сужденія Памвы. Онъ видѣлъ обоихъ братьевъ стоящими вмѣстѣ въ раю.

Самъ Великій Антоній говорилъ о Памво, что Духъ Божій почилъ въ его сердцѣ. Подвижники египетскіе почитали верхомъ совершенства достигнуть высоты добродѣтели Антонія и Памво. Хотя Памво три года молилъ Бога, чтобы Онъ не далъ ему славы на землѣ; но Богъ такъ прославилъ его, что никто не могъ смотрѣть на лице его по причинѣ блеска сіявшаго на немъ. Но ничто не могло ослабить въ немъ чувства глубокаго смиренія. Предсмертнымъ словомъ его было: я отхожу къ Богу, такъ, какъ бы еще не начиналъ служить. Св. Аѳанасій, вѣроятно, для обличенія аріанъ вызывалъ Памво въ Александрію. Онъ скончался тихо 70-ти лѣтъ отъ роду. Меланія имѣла утѣшеніе служить ему при его погребеніи (1).

Авва Оръ, нитрійскій пустынникъ, жилъ сперва вмѣстѣ съ Сисоемъ въ Скиту. Но когда Скитъ сдѣлался многолюднѣе, они оставили его, и тогда какъ Сисой удалился на гору св. Антонія, Оръ поселился въ горѣ Нитрійской. Пустынники, знавшіе Ора, говорили, что онъ не только никогда не лгалъ и не обижался, но и не говорилъ безъ крайней нужды, и даже не хотѣлъ слышать праздныхъ рѣчей. «Смотри, говорилъ своему ученику Павлу, никогда не приноси чужихъ рѣчей въ эту келлію» Конечно потому, что это отвлекаетъ умъ отъ предметовъ небесныхъ и безцѣнное время теряется въ пустыхъ словахъ.

Въ то время, какъ его руки заняты были работою, онъ

(1) Достоп. Сказ. 226—229. Лавс. гл. 10—15. Сокр. кн. 6. гл. 23.

сердце свое питалъ благочестивыми размышленіями. Однажды съ Аввою Ѳеодоромъ они поправляли свою келлію. Вдругъ пришла имъ мысль: что мы будемъ дѣлать, если Господь воззоветъ насъ къ Себѣ? Эта мысль такъ поразила ихъ, что они залились слезами, оставили работу и ушли въ келлію оплакивать свои грѣхи. Авва Оръ и Авва Ѳеодоръ, что́ бы ни случалось съ ними, всегда благодарили Господа.

Авва Оръ въ основаніе своего совершенства положилъ смиреніе. Заповѣдь о добродѣтели смиренія была первая, которую далъ Оръ своему ученику Сисою. Смиреніе было главною его добродѣтелію и онъ называетъ смиренномудріе вѣнцемъ инока, а о помыслѣ гордости говорилъ, что онъ все разрушаетъ. Этотъ опасный помыслъ, когда онъ вторгается въ душу, онъ училъ отсѣкать строгимъ испытаніемъ своей совѣсти: всѣ ли ты исполнилъ заповѣди? любишь ли враговъ своихъ? соболѣзнуешь ли объ ихъ несчастіяхъ и почитаешь ли себя рабомъ непотребнымъ, грѣшнѣйшимъ изъ всѣхъ? Не помышляй въ сердцѣ своемъ; я живу воздержнѣе брата и строже его; но покорись благодати Христовой въ духѣ нищеты и нелицемѣрной любви, дабы не пасть тебѣ отъ тщеславія и не погубить трудовъ своихъ. *Мнѣйся стояти, да блюдется да не падетъ* (1 Кор. 10, 12.).

Для утвержденія въ смиреніи онъ совѣтовалъ удаляться отъ похвалъ людскихъ. Кого хвалятъ или почитаютъ не по достоинству, тотъ терпитъ великій вредъ, а кто не получаетъ никакихъ похвалъ отъ людей, тотъ прославится на небесахъ. Для этого совѣтовалъ скрываться отъ міра и людей, представляя себя безумнымъ во многихъ случаяхъ. Самъ Оръ избѣгалъ всякой славы отъ людей. Вельможа Лонгинъ, очень усердный къ инокамъ, желалъ видѣть его; постарайся, сказалъ Оръ брату, высказавшему желаніе Лонгина, чтобы онъ не переходилъ этой долины, дабы видѣть меня.

Глубокое смиреніе Ора заставляло его во всѣхъ скорбяхъ и искушеніяхъ не жаловаться ни на кого, а говорить, что это случилось по моимъ грѣхамъ.

Человѣкъ столь смиренный долженъ естественно удаляться всего, что оскорбляетъ другихъ. Такъ Оръ отвращался злословія, называя его смертію души. Чтобы избѣжать сего порока, онъ совѣтовалъ, разъ провинившись въ немъ, идти къ брату и въ ногахъ его молить о прощеніи, обѣщая впредь не злословить.

Для большаго очищенія Ора Господь посѣтилъ его продолжительною болѣзнію. Осмнадцать лѣтъ онъ былъ боленъ. Неразлучнымъ ученикомъ, съ которымъ тѣсно соединенъ былъ онъ духомъ, въ послѣднее время былъ Афре. Какъ Оръ отличался смиреніемъ, такъ Афре послушаніемъ. Однажды, когда Сисой посѣщалъ Ора, кто-то принесъ болящему Ору небольшую рыбу. Афре сталъ ее рѣзать, его позвалъ Оръ. Не докончивъ дѣла, Афре въ ту минуту пошелъ къ старцу. Сисой подивился послушанію и спросилъ, гдѣ онъ научился ему? «Это послушаніе старца, а не мое, сказалъ Афре. Посмотри, каково его послушаніе.» Афре, сваривъ немного рыбы и нарочно испортивъ вариво, подалъ его старцу. Старецъ ѣлъ, не говоря ни слова. Хорошо ли, старецъ, спросилъ Афре? Очень хорошо, отвѣчалъ старецъ. Потомъ Афре принесъ ему нѣсколько рыбы, хорошо приготовленной, сказалъ: прости, старецъ, я ее испортилъ. Да, немного испортилъ, отвѣчалъ старецъ. Видишь, сказалъ Афре, что старецъ у меня въ послушаніи (1).

Пустыня Келлій.

Пустыня Келлій отстояла отъ горы Нитрійской на десять тысячъ шаговъ къ юговостоку. Это была обширная пустыня, въ которой, въ такомъ разстояніи, чтобы нельзя было ни видѣть, ни слышать другъ друга, разсѣяны были келліи отшельниковъ. Основанныя здѣсь, по благословенію Великаго Антонія, Аммономъ

(1) Доспоп. сказ. 183—185. 229.

Нитрійскимъ келліи такъ умножились, что живущихъ въ нихъ было до шести сотъ человѣкъ. Иноки пустыни Келлій соединены были въ своемъ управленіи съ иноками Нитрійскими. Сюда удалялись обыкновенно любители уединенія изъ горы Нитрійской, послѣ того, какъ уже утвердились въ жизни иноческой. Здѣсь они проводили жизнь болѣе безмолвную; потому и ихъ келліи такъ удалены были другъ отъ друга, чтобы ни взоръ, ни слухъ не развлекалъ близкимъ сожитіемъ другихъ братій. Потому и поставлено было правиломъ не ходить одному въ келлію другаго, чтобы не нарушать безмолвія. Только по субботамъ и воскресеньямъ они собирались въ храмъ для общаго богослуженія, и тутъ, какъ бы восхищенные на небо, изливали свою душу въ пламенныхъ молитвахъ къ Богу. Если замѣчали, что кто-либо изъ братій не приходилъ къ общему богослуженію, это было знакомъ, что онъ или боленъ, или скончался, тогда каждый спѣшилъ къ его келліи, и несъ, что имѣлъ, дабы или облегчить страданія больнаго или воздать послѣдній долгъ усопшему. Если приходилъ кто-либо къ нимъ, каждый готовъ былъ отдать ему свою келлію. Пустыня Келлій управлялась пресвитеромъ, кажется начальникомъ и въ горѣ Нитрійской (1).

Между подвижниками и пресвитерами пустыни Келлій первое мѣсто занимаетъ Макарій Александрійскій. Послѣ Антонія Великаго Макарій Александрійскій вмѣстѣ съ Макаріемъ Египетскимъ пользовались особенною славою и уваженіемъ въ Египтѣ; они превосходили другихъ своимъ подвижничествомъ, образомъ жизни и качествами сердца. Оба они, по словамъ Сократа и Созомена, были удивительны по своимъ пророчествамъ и высокому любомудрію, оба страшны для демоновъ, оба произвели много чудесъ и исцѣленій, оба были столпами Церкви, возлюбленными Богу, великими, блаженными (2)

---

(1) Палл. Лавс. гл. 7. Rufini Hist. mon. c. XXI.

(2) Сокр. Ц. И. кн. 4. гл. 13. Созом. кн. 3. гл. 14. Hier. ep. 108.

Макарій, пресвитеръ Келлій, получилъ названіе Александрійскаго, потому, что родился въ Александріи Въ молодости онъ занимался мелочною торговлею, но и тогда онъ отличался кротостію и скромностію, и зналъ наизустъ писанія Ветхаго и Новаго Завѣта. Родившись въ 295 году, 40 лѣтъ отъ роду, онъ принялъ св. крещеніе, и, вѣроятно, тогда же избралъ отшельническій образъ жизни и поселился въ пустынѣ Нитрійской. У него было въ этой пустынѣ три келліи—одна въ Скитѣ, другая въ пустынѣ Келлій, третья въ горѣ Нитрійской. Но эти келліи были устроены не для удобства жизни, но для большаго самоумерщвленія. Келлія въ пустынѣ Скита была безъ оконъ. Тамъ онъ обыкновенно проводилъ великую четыредесятницу, чтобы, не развлекаясь и видомъ природы, посвящать себя на служеніе Богу; въ пустынѣ Келлій его жилище было такъ тѣсно, что онъ не могъ въ ней протянуться во весь ростъ; болѣе обширна была его келлія въ горѣ Нитрійской, гдѣ онъ принималъ приходившихъ къ нему для духовной бесѣды. Онъ такъ прославился своимъ подвижничествомъ, что слава о немъ распространилась по всему Египту. Нѣсколько послѣ того, какъ Макарій Египетскій поставленъ былъ пресвитеромъ Скита (въ 340 г.), Макарій Александрійскій посвященъ былъ во пресвитеро пустыни Келлій (1). Макарій Александрійскій отличался особенно своею любовію къ уединенію и молитвѣ и строгимъ покаяніемъ Не было подвига самоумерщвленія между другими подвижниками, котораго бы онъ не старался исполнить и при томъ въ высшей степени. Услышавъ, что одинъ пустынникъ ѣстъ только по одному фунту въ день, онъ разломилъ хлѣбъ свой на малые куски, положилъ ихъ въ глиняной сосудъ съ узкимъ горломъ и рѣшился ѣсть въ день столько, сколько можетъ взять рукой. Въ продолженіи трехъ лѣтъ онъ съѣдалъ въ одинъ разъ не болѣе 5 унцій хлѣба. Вотъ, съ

(1) Созом. кн. 3. гл. 14.

улыбкою разсказывалъ онъ иноками, дозьму бывало побольше кусковъ, а узкое горло не даетъ мнѣ ихъ вынуть, мой кувшинъ совсѣмъ мнѣ не давалъ ѣсть. Соотвѣтственно съ симъ и воды пилъ онъ мало, масла въ цѣлый годъ употреблялъ онъ по половинѣ кружки. Съ теченіемъ времени онъ все увеличивалъ подвиги воздержанія. Обыкновеннымъ его правиломъ было вкушать однажды въ недѣлю, хотя онъ много работалъ. Однажды онъ пошелъ къ пустынникамъ рѣзать пальмовыя вѣтви для корзинъ, какія они плели; братія въ первый день просили его ѣсть съ ними, онъ уступилъ ихъ просьбѣ. Но когда на другой день опять стали предлагать ему пищу, онъ отказался, говоря, что можетъ обойтись безъ пищи.

Ему сказали, что въ Тавеннѣ ученики Пахомія въ продолженіе великаго поста не ѣдятъ ничего варенаго. Макарій въ подражаніе сему подвигу, въ теченіе 7 лѣтъ питался только сырыми овощами, размоченными въ холодной водѣ. Слухъ о высокой жизни тавеннскихъ иноковъ возбудилъ въ немъ желаніе лично узнать уставъ Пахомія, и поучиться иночеству у него, и вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ быть, укрыться отъ уваженія, какимъ онъ пользовался въ пустынѣ Нитрійской. Пятнадцать дней шелъ онъ по этимъ пустынямъ до Θиваиды. Пришедши къ воротамъ монастыря, онъ смиренно просилъ принять его въ число иноковъ. «Въ такихъ престарѣлыхъ лѣтахъ, сказалъ ему Пахомій, какъ ты можешь подвизаться? Здѣсь братія подвизаются съ самой юности, и переносятъ изнурительные труды, потому что привыкли; а ты въ такомъ возрастѣ не можешь переносить испытаній подвижничества; ты станешь роптать, а потомъ уйдешь изъ обители и будешь насъ злословить». Семь дней Пахомій не принималъ Макарія и все это время онъ оставался безъ пищи; наконецъ Макарій сказалъ Пахомію: «Авва, прими меня; если я не стану поститься, какъ они, и не буду дѣлать, что они дѣлаютъ, тогда вели меня выгнать изъ обители.» Макарія приняли въ обитель. Вскорѣ наступила великая четыредесятница. Монахи приняли на себя различные подвиги:

одинъ вкушалъ пищу черезъ день, другой чрезъ пять дней, иной всю ночь стоялъ на молитвѣ, а днемъ сидѣлъ за рукодѣльемъ. Макарій, наготовивши себѣ пальмовыхъ вѣтвей, сталъ въ углу и въ продолженіе всей четыредесятницы до самой Пасхи не принималъ хлѣба, не пилъ воды, не садился, не ложился; только по воскресеньямъ съѣдалъ нѣсколько листьевъ сырой капусты, и то для того, чтобы видѣли, что онъ ѣстъ. Все занятіе его состояло въ молитвѣ сердечной и въ плетеніи вѣтвей; въ теченіе всей четыредесятницы онъ не сказалъ ни слова и въ безмолвіи стоялъ въ углу. Узнавъ о подвигахъ новаго инока, Пахомій молилъ Бога открыть ему, кто онъ такой? И ему открыто было, что это Макарій, котораго имя и дѣла извѣстны были всему Египту. Тогда Пахомій взялъ Макарія за руку, и, приведши въ молитвенный домъ, облобызалъ его и сказалъ: «подойди сюда, честный старче! Ты Макарій, и скрывалъ это отъ меня. Много лѣтъ желалъ я видѣть тебя; потому что слышалъ о дѣлахъ твоихъ. Благодарю тебя; ты смирилъ чадъ моихъ; пусть они не превозносятся подвигами своими: теперь возвратись въ свою пустыню; ты довольно научилъ насъ; молись за насъ.» Два великіе старца назидали другъ друга и духовной бесѣдой. До насъ дошелъ одинъ вопросъ изъ сей духовной бесѣды. Пахомій спросилъ Макарія: если братія не соблюдаетъ порядка, хорошо ли учить ихъ? Макарій отвѣчалъ ему: учи и строго суди своихъ подчиненныхъ, а изъ постороннихъ никого не суди, ибо сказано: *не внутреннихъ ли вы судите, внѣшнихъ же Богъ судитъ* (1 Кор. 5, 12. 13.).

Не довольствуясь всѣми сими подвигами самоумерщвленія, Макарій хотѣлъ побѣдить сонъ. «Цѣлые двадцать сутокъ, такъ онъ разсказывалъ о себѣ, не входилъ я подъ кровлю, чтобы побѣдить сонъ. Днемъ палилъ меня зной, а ночью знобилъ холодъ; мозгъ такъ у меня высохъ, что я наконецъ приходилъ въ изступленіе. По крайней мѣрѣ, сколько зависѣло отъ меня,

я одолѣлъ сонъ, но уступалъ ему, какъ требованію самой природы».

Однажды, когда Макарій занимался рукодѣльемъ, камаръ укусилъ ногу Макарію. Въ порывѣ нетерпѣнія онъ задавилъ его. Потомъ, раскаявшись въ своей нетерпѣливости, осудилъ себя на шесть мѣсяцевъ сидѣть нагимъ при скитскомъ болотѣ. Здѣсь онъ такъ былъ изъѣденъ комарами, что нѣкоторые думали, не въ проказѣ ли онъ, и когда онъ возвратился въ келлію, только по голосу узнали, что это Макарій; подобному же наказанію подвергъ онъ себя, когда Макарій Египетскій призналъ излишне строгимъ его судъ надъ однимъ братомъ. Нѣтъ нужды говорить, что человѣкъ, подвергшій себя такому самоумерщвленію, отрекался отъ всего, что могло доставить удовольствіе чувствамъ. О такомъ отреченіи ревновалъ не одинъ Макарій, но и всѣ скитскіе подвижники, какъ показываетъ событіе, разсказанное Палладіемъ. Однажды Макарію прислали кисть свѣжаго винограда. Хотя ему и хотѣлось тогда ѣсть; но онъ отослалъ ее брату больному, желавшему винограда. Братъ этотъ, ревнуя о воздержаніи, отослалъ виноградъ къ другому; и тотъ поступилъ такъ же. Виноградъ перебывалъ въ рукахъ у многихъ, но никто не хотѣлъ его вкушать. Наконецъ одинъ изъ нихъ, получивъ эту кисть, отослалъ ее, какъ дорогой подарокъ, Макарію. Усердно благодарилъ Макарій Господа за такое воздержаніе братій; но и самъ не хотѣлъ съѣсть кисти винограда. Подвигами самоумерщвленія подавляя всякое вожделѣніе чувствъ Макарій и духовные помыслы подавлялъ тѣмъ же оружіемъ. Однажды начали Макарія безпокоить тщеславные помыслы, внушавшіе ему отправиться въ Римъ для исцѣленія больныхъ. Долго противился онъ имъ. Наконецъ, когда они объяли его сильнѣе, Макарій упалъ на порогъ своей келліи, и, выставивъ ноги наружу, говорилъ демонамъ тщеславія: влеките меня, если можете; своими ногами я не пойду въ другое мѣсто. Такъ онъ лежалъ до вечера. Ночью помыслы стали опять безпокоить его. Тогда онъ взялъ корзину, насы-

палъ въ нее двѣ мѣры песку, и, положивъ на плечо, ходилъ съ нею въ пустынѣ. Здѣсь встрѣтился съ нимъ инокъ Ѳеосовій и просилъ его не изнурять себя, а отдать ношу ему. Макарій отвѣчалъ: я изнуряю того, кто меня изнуряетъ; мнѣ, не любящему трудиться, онъ внушаетъ охоту къ странствованію. Изнуривъ тѣло свое, онъ возвратился домой. Отъ строгаго воздержанія у Макарія не было волосъ на бородѣ. Онъ былъ согбенъ и сухощавъ. Болѣе другихъ отцевъ Макарія Александрійскаго называютъ любителемъ пустыни. Онъ проникалъ въ самыя отдаленныя пустыни. Однажды, ходя по пустынѣ, онъ нашелъ весьма удобное для жительства иноковъ мѣсто, полное плодовитыхъ деревьевъ; тамъ обитали два инока. Макарій просилъ у нихъ позволенія привести сюда для жительства нѣсколько иноковъ, ибо мѣсто изобиловало всѣмъ нужнымъ для жизни. Отшельники сказали: что это мѣсто полно страхованій бѣсовскихъ. Когда Макарій, возвратясь домой, разсказалъ о найденномъ имъ мѣстѣ, многіе молодые иноки пожелали туда удалиться. Но старцы на это возразили: если для удобствъ жизни переходятъ на другое мѣсто, то чего же мы можемъ ждать въ будущемъ, наслаждаясь сими удобствами?—и этимъ остановили молодыхъ иноковъ.

Строгому порядку Макарій подчинилъ свою жизнь. У него были во дни опредѣленные часы для молитвы, онъ совершалъ не менѣе ста молитвъ. Были пустынники, которые совершали по триста и по семи сотъ молитвъ. Но Макарій хотѣлъ созерцательную жизнь соединить съ дѣятельною. Потому, другая часть дня у него назначаема была для рукодѣлья, а третья для служенія братіямъ, которые получали отъ него совѣты и наставленія. Впрочемъ, занимался ли онъ рукодѣліемъ или служилъ нуждамъ братіи, онъ старался чтобы умъ его всегда былъ устремленъ къ Богу. Въ послѣдніе годы своей подвижнической жизни однажды онъ пожелалъ, чтобы умъ его въ продолженіи пяти дней непрерывно былъ устремленъ къ Богу такъ, чтобы никакая посторонняя мысль не отвлекала его отъ мысли

о Богѣ. Заперши свою келлію, чтобы никто не потревожилъ его въ этомъ занятіи, онъ два дня и двѣ ночи погруженъ былъ въ созерцаніе Бога; но на третій день не могъ продолжать своего подвига. Вслѣдствіе искушенія діавола ему показалось, что вся комната была объята пламенемъ; устрашенный симъ, онъ не могъ сохранить ума своего неразвлеченнымъ. Богъ попустилъ это, говорилъ самъ Макарій, для того, чтобы я не впалъ въ гордость.

Великіе подвиги самоумерщвленія, постоянная чистота сердца и приближеніе къ Богу въ молитвѣ даровали Макарію силу надъ демонами, духовную прозорливость и даръ чудотвореній. По свидѣтельству Руфина и Палладія, онъ безтрепетно встрѣчалъ всѣ нападенія врага, исцѣлялъ одержимыхъ нечистыми духами и имѣлъ благодать отъ Бога тайныя приближенія къ инокамъ враговъ спасенія, плѣненіе и разсѣяніе ихъ мыслей усматривать въ видимыхъ образахъ. Чудотвореній онъ совершилъ, по словамъ современныхъ писателей, такъ много, что трудно ихъ и перечислить. Онъ врачевалъ больныхъ возложеніемъ рукъ: такъ, онъ исцѣлилъ пресвитера, пораженнаго тяжкою болѣзнію за то, будучи въ смертномъ грѣхѣ, совершалъ таинство Евхаристіи. Онъ исцѣлилъ его, взявши съ него обѣщаніе впредь не священнодѣйствовать. Иногда врачевалъ онъ, помазывая благословеннымъ елеемъ: такъ исцѣлилъ онъ одну знатную дѣвицу изъ Ѳессалоники и одного отрока. Одинъ слѣпой получилъ прозрѣніе, умывшись водою, въ которой развелъ глину, взятую изъ той стѣны, у которой почивалъ Макарій. Лютые звѣри и зміи не были страшны Макарію. Увидавъ однажды слѣпаго дѣтеныша гіенны, онъ молитвою далъ ему зрѣніе. На другой день мать сего дѣтеныша принесла Макарію кожу большой овцы. Меланія видѣла у Макарія этотъ даръ гіенны, который Макарій послѣ смерти своей оставилъ Аѳанасію Великому. Въ другое время Макарія ужалилъ аспидъ; св. Макарій, взявши его за обѣ челюсти и растерзавъ его, сказалъ: какъ ты осмѣлился приблизиться ко мнѣ, когда не посылалъ

тебя Господь мой? Дивиться ли, такъ заключаетъ о сихъ чудесахъ Палладій свое сказаніе, что людямъ, ряспявшимся міру, и гіенна ими облагодѣтельствованная приноситъ дары во славу Бога и въ честь его рабовъ? Тотъ, Кто укротилъ предъ Даніиломъ Пророкомъ львовъ, далъ смыслъ и этой гіеннѣ.

Какъ пресвитеръ, и посему начальникъ келлій, Макарій составилъ правило духовное для управляемой имъ братіи (1). Иночество, говорится въ семъ правилѣ, есть святое воинство. Сколько иноковъ, столько воиновъ у Іисуса Христа, которые подъ Его знаменемъ для Его славы сражаются противъ діавола, міра и самихъ себя.

Ко вступающему въ монастырь Макарій былъ кротокъ и привѣтливъ, и своею ласкою располагалъ къ подвижнической жизни. Приходящихъ въ монастырь онъ заставлялъ прежде всего знакомиться съ монастырскимъ уставомъ, и когда узнаютъ, что̀ требуется отъ инока, отъ нихъ берутъ твердое обѣщаніе исполнять предписываемое уставомъ, если они хотятъ оставаться въ монастырѣ. Новопоступившіе должны все, что̀ имѣютъ, отдать братіи во время трапезы, и ихъ имущество употребляется на пользу общую. Прежде всего имъ внушаютъ, что не только какою-либо вещію, но и собою они не могутъ располагать: все должно быть посвящено на служеніе общее.

Съ особою ревностію монахи должны подвизаться въ отреченіи своей воли и послушаніи: на приказанія старцевъ иноки должны смотрѣть, какъ на слова спасенія и никогда не отрекаться отъ исполненія ихъ. Начальника должно уважать какъ Господа, любить его какъ отца. Иноки должны быть мирны, кротки, чужды всякой гордости и тщеславія. Не должны никому дѣлать обиды, или роптать на кого, хотя бы втайнѣ, смѣяться или пререкословить, но говорить только доброе и назидательное и стараться быть угодными единому Господу

---

(1) Правила св. Макарія Александрійскаго для иноковъ приводятся у Бенедикта Аніанскаго. Holst. Cod. Regul. Tom. 1. p. 11.—14.

Іисусу, а не заботиться о человѣкоугожденіи. Иноки должны быть точны въ исполненіи всѣхъ обязанностей, на нихъ возложенныхъ, всегда быть готовы къ молитвѣ, не ослабѣвать въ бѣдствіяхъ и постѣ. Первою добродѣтелію инока должно быть смиреніе; онъ долженъ считать себя ниже и хуже всѣхъ, ни передъ кѣмъ не превозноситься, ибо *всякъ возносяйся смирится, и смиряяй себе возвесется* (Лук. 14, 11.). Не должно считать себя способнымъ для совершенія великихъ дѣлъ, хвалиться какимъ-либо дѣломъ, дарами природы или благодати, или радоваться о стяжаніи или сѣтовать о утратѣ чего-либо для обители, но въ духѣ смиренія веселиться только о Богѣ Спасителѣ нашемъ. Если обижаютъ, должно терпѣть въ молчаніи и не воздавать зломъ за зло, не внимать злымъ совѣтамъ, но подкрѣплять себя терпѣніемъ и упованіемъ на Господа. Взаимная любовь должна связывать всѣхъ иноковъ, какъ братьевъ о Христѣ, вмѣстѣ съ нами соучастниковъ вѣчнаго блаженства. Но должно остерегаться всякаго посторонняго знакомства, даже съ людьми благочестивыми. Инокъ не долженъ выходить за монастырь одинъ, но въ сопровожденіи одного или двухъ братій и внѣ обители вести себя такъ, чтобы поведеніе инока внѣ обители служило свидѣтельствомъ о внутреннемъ благочиніи обители.

Домашнее рукодѣлье должно быть обязанностію каждаго инока. Безъ скорби и ропота должны братія совершать свою работу и скорѣе жаловаться на время отдыха, чѣмъ на время труда и предаваться покою столько, сколько требуетъ естественная потребность. Начальникъ долженъ назначать только такую работу, которая нужна и полезна для общества иноковъ, и можетъ быть совершена братіей. Неукоснительное присутствованіе при богослуженіи заповѣдуется болѣе, чѣмъ всякое послушаніе. Иноки должны были съ охотою и любовію спѣшить къ богослуженію въ той мысли, что чѣмъ чаще они будутъ молиться, тѣмъ болѣе низведутъ на душу милость Божію. Иноки имѣли такое благоговѣніе къ святой церкви, что

нѣкоторые брали изъ кадильницы пепелъ и посыпали имъ свой хлѣбъ.

Совершивъ утреннее богослуженіе, они должны до втораго часу дня заниматься умною молитвою, если не назначено будетъ особое послушаніе. По окончаніи молитвы каждый инокъ долженъ заниматься работою, назначенною ему, до девятаго часу. На ночныя молитвы братія должны собираться въ опредѣленный часъ, каждый долженъ хранить глубокое молчаніе и внимать слышанному.

Гостепріимство должно быть обязанностію каждаго инока; они должны принимать странниковъ и пришельцевъ изъ опасенія, чтобы, отвергая ихъ, не отвергнуть Господа Іисуса Христа, Который можетъ принять видъ странника. Бѣднаго не должно отпускать безъ того, чтобы не дать ему что-либо.

Въ наказаніяхъ, какія опредѣляются братіи за разные проступки, милость и правда, можно сказать, срѣтаются. Цѣль наказанія не оскорбить виновнаго, но побудить его къ исправленію.

1. Если братъ по первому призыву къ молитвѣ не оставляетъ своей работы, то его не впускаютъ въ общее собраніе, чтобы лишеніемъ сего духовнаго блага возбудить въ немъ раскаяніе. 2. Если братъ ропщетъ, споритъ или отказывается отъ исполненія предписаннаго ему, то его Авва налагаетъ наказаніе соразмѣрно съ тяжестію вины. Упреки и выговоры инокъ долженъ принимать молча, кротко. Наказывали низшимъ мѣстомъ въ ряду братій, наложеніемъ поста, а иногда заставляли просить прощенія у всей братіи. Кто не исправляется послѣ многихъ обличеній, того послѣ обличенія среди всей братіи отлучаютъ отъ общенія, и не удерживаютъ строптивыхъ, если они хотятъ оставить общество.

Таковы были правила иноческаго устава, дошедшаго до насъ, вѣроятно, не въ полномъ видѣ.

Для надзора за исполненіемъ братіею иноческихъ уставовъ, Макарій посѣщалъ келліи, и, вѣроятно, очень часто. Такъ, сохранилось о немъ преданіе, что въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ онъ ежедневно посѣщалъ одного брата и всегда заставалъ его за молитвою. Удивившись этому, Макарій сказалъ: вотъ земной Ангелъ.

Слава Макарія свидѣтельствуетъ, что онъ умѣлъ руководствовать иноковъ на пути спасенія. Какъ просты были его наставленія, свидѣтельствуетъ случай, разсказываемый Палладіемъ о себѣ. Однажды, говоритъ онъ, я впалъ въ великую тоску и, пришедши къ сему святому, сказалъ ему: Авва Макарій! что мнѣ дѣлать? смущаютъ меня помыслы, говоря мнѣ: ты ничего не дѣлаешь здѣсь, ступай отселѣ. Святый отецъ отвѣчалъ мнѣ: скажи твоимъ помысламъ: для Христа я стерегу стѣны.

Но если братія подвергалась тяжкимъ немощамъ, Макарій употреблялъ и сильныя врачеванія. Былъ въ пустынѣ Келлій инокъ Валентъ, проводившій строгую подвижническую жизнь, но, обольщенный духомъ самомнѣнія и гордости, впалъ въ крайнее высокомѣріе такъ, что сдѣлался игралищемъ бѣсовъ. Въ самообольщеніи онъ сталъ мечтать, что съ нимъ бесѣдуютъ Ангелы, и всегда служатъ ему. Въ упоеніи гордости онъ до того мечталъ о себѣ, что пересталъ уважать Святыя Тайны Христовы. Однажды Макарій, получивши отъ странниковъ плодовъ для братіи, разослалъ ихъ по келліямъ, по горсти каждому брату, въ томъ числѣ и Валенту. Получивъ плоды, Валентъ обругалъ принесшаго, велѣлъ сказать Макарію: я не хуже тебя, что ты мнѣ присылаешь на благословеніе. Услышавъ это, Макарій удивился, что онъ въ самообольщеніи, и пошелъ увѣщавать его. Но Валентъ не хотѣлъ слушать увѣщанія Макарія. Со скорбію удалился отъ него Макарій. Между тѣмъ Валентъ явленія бѣсовскія принималъ за явленія Спасителя и не хотѣлъ уже пріобщаться Св. Таинъ. Тогда отцы,

связавъ его цѣпями, врачевали его отъ самообольщенія молитвами, разнообразнымъ униженіемъ и суровою жизнію.

Въ подвигахъ покаянія и самоумерщвленія, въ пустынѣ провелъ Макарій шестьдесятъ лѣтъ. И тогда какъ другіе считали его выше человѣка, онъ до конца жизни укорялъ себя въ невоздержаніи. Послѣдніе дни своей жизни Макарій проводилъ въ покоѣ, сложивъ съ себя бремя управленія братіею.

Въ 395 году онъ окончилъ свою жизнь святую и полную чудесъ, оставивъ по себѣ память одного изъ самыхъ великихъ пустынниковъ (1).

Строгость жизни Макарія Александрійскаго и его добродѣтели находили себѣ подражателей между современными ему и послѣдующими ему подвижниками Келлій. Таковъ былъ, по словамъ Палладія, Дороѳей. Шестьдесятъ лѣтъ уже провелъ онъ въ пустынѣ въ самой строгой и суровой жизни, когда посѣтилъ его Палладій. Онъ жилъ въ пещерѣ и постоянно, не смотря даже на старость, собиралъ камни, изъ которыхъ строилъ келліи для приходящихъ. Въ каждый годъ онъ выстроивалъ по келліи для приходящихъ. Въ твои лѣта, сказалъ ему Палладій, не должно изнурять тѣла своего такою тяжкою работою. Онъ отвѣчалъ: я умерщвляю умерщвляющаго меня. Онъ съѣдалъ только по шести унцій въ день хлѣба и пилъ мало воды, никогда не ложился для сна (2).

Иноки келлій, ходя на жатву, получали въ плату по сосуду масла, но, при наступленіи новой жатвы, большая часть изъ нихъ приносили въ храмъ сосуды съ масломъ совершенно не

---

(1) Свѣдѣнія о жизни Макарія Александрійскаго находятся у Палладія въ Лавс. гл. 19. 20. Ruf. Hist. mon. C. XXIX. Сокр. кн. 4. гл. 23. Созом. кн. 3. гл. 14. Дост. сказ. 173. Макарію Алекс. приписываютъ слово о исходѣ души, но въ лучшихъ спискахъ оно встрѣчается съ такимъ надписаніемъ: *Τοῦ ἁγίου Ἀλεξάνδρου τοῦ ἀσκήτου λόγος, περὶ ἐξόδου ψυχῆς*, или *ἐκ τῶν ἐρωτησέων τον Μακαρίου Ἀλεξάνδρου πρὸς τῶν εὐσεβῶν Ἀλεξανδρίας*. Flossi Macar. epist. 1830. Bonud. p. 242—244. Слѣд. сіе слово принадлежитъ не Макарію, но Александру.

(2) Палл. Лавс. гл. гл. 9. Созом. кн. 6. гл. 29.

тронутыми. Авва Елладій двадцать лѣтъ прожилъ въ пустынѣ Келлій, питаясь только хлѣбомъ съ солью, но и этотъ родъ жизни показался ему не довольно строгимъ, когда узналъ онъ, что и прочіе иноки во дни четыредесятницы не знаютъ другой пищи, и онъ увеличилъ свой постъ (1). Иные отличались такимъ терпѣніемъ, что, посѣщаемые тяжкою болѣзню, желали не прекращенія ея, но продолженія. Такъ, Богъ посѣтилъ Авву Исаака, который былъ пресвитеромъ келлій, тяжкою болѣзнію. Братъ, служившій ему, предложилъ ему чечевицу въ которую прибавилъ нѣсколько сливъ, потому что это могло принести пользу больному. На всѣ убѣжденія брата принять эту пищу Исаакъ отвѣчалъ: дай Богъ, чтобы я тридцать лѣтъ могъ оставаться въ этой болѣзни; я желаю сего отъ всего моего сердца.

Но эта строгость къ себѣ самимъ не ослабляла въ нихъ снисходительной любви къ немощнымъ изъ братій. Одинъ молодой пустынникъ, пламенный душою и сильно ревновавшій о спасеніи души своей, подвергся сильнымъ искушеніямъ плоти. Онъ обратился къ одному старцу, чтобы въ его молитвахъ и наставленіяхъ найдти себѣ врачеваніе и утѣшеніе. Со всею откровенностію раскрылъ онъ предъ нимъ скорбь своей души и свою немощь. Суровый старецъ осыпалъ его упреками и объявилъ ему, что онъ недостоинъ оставаться съ пустынниками. Съ отчаяньемъ въ душѣ и съ мыслію оставить пустыню, пошелъ молодой подвижникъ въ свою келлію. Въ этомъ состояніи встрѣтилъ его Авва Аполлонъ, и по выраженію тяжкой грусти на лицѣ, узналъ, что онъ находится въ искушеніи. Со всѣмъ жаромъ любви умолялъ его Аполлонъ открыть ему скорбь. Долго молодой инокъ не отвѣчалъ ни слова. Наконецъ, уступая искреннему участію, разсказалъ, что̀ съ нимъ было и какой отвѣтъ далъ ему старецъ. Аполлонъ утѣшалъ

(1) Дост. сказ. стр. 77.

его, увѣщавалъ и умолялъ хотя на одинъ день остаться еще въ келліи; можетъ быть, Господь пошлетъ Свою благодать къ умиленію его души. Инокъ повиновался Тогда Аполлонъ пошелъ къ старцу, который былъ такъ строгъ и остановясь передъ дверьми его келліи, молилъ Господа, что бы онъ на краткое время наслалъ на старца то искушеніе, какимъ объято сердце молодаго инока. Едва кончилъ онъ молитву, какъ видитъ, что старецъ вышелъ изъ своей келліи, пошелъ потомъ опять въ нее и послѣ вышелъ снова, и, не могши стоять на одномъ мѣстѣ, бѣгалъ туда и сюда, какъ помѣшанный, и наконецъ пошелъ по той дорогѣ, по которой ушелъ отъ него молодой пустынникъ. Аполлонъ понялъ, что Богъ услышалъ его молитву: «отче! куда ты идешь такъ скоро, сказалъ Аполлонъ старцу, выходя ему на встрѣчу, иль ты забылъ преклонность своихъ лѣтъ, что бѣжишь, какъ дитя? Старецъ не говорилъ ни слова. Возвратись, старецъ, въ свою келлію и узнай свою немощь. По твоимъ подвигамъ тебѣ надлежало бы стоять выше всѣхъ искушеній врага. Но вотъ онъ пустилъ въ тебя одну стрѣлу и ты не имѣешь силъ выдержать нападенія даже на одинъ день. Богъ попустилъ сіе для того, чтобы ты своимъ опытомъ научился, какъ нужно быть снисходительнымъ къ немощамъ другихъ. Одинъ пустынникъ, обуреваемый искушеніемъ, пришелъ къ тебѣ за совѣтомъ, наставленіемъ и утѣшеніемъ; ты своими словами довелъ его до отчаянія, такъ что онъ могъ погубить свою душу. Врагъ не сталъ бы нападать на него такъ сильно, какъ и на тебя, если бы не завидовалъ доброй жизни и не предвидѣлъ большихъ успѣховъ впереди. Да послужитъ это тебѣ урокомъ быть снисходительнымъ къ искушаемымъ. Не увеличивай ихъ скорби своими упреками, которые могутъ довести до отчаянія. Слѣдуй слову Премудраго: *избави ведомыя на смерть и искупи убиваемыхъ* (Притч. 24, 11). Подражай примѣру Спасителя, о Которомъ сказано: *трости сокрушенны не преломитъ и льна внемшася не угаситъ* (Мѳ. 12, 20). Если Господь по Своей бла-

гости не подкрѣпитъ насъ въ борьбѣ съ искушеніемъ, никто не можетъ выдержать нападеній врага и угасить пламень вожделѣній плоти, находящій обильную пищу въ нашей растлѣнной природѣ. Итакъ отче, поелику Богъ освободилъ юнаго подвижника отъ искушенія и послалъ его на тебя для твоего вразумленія, то вознесемъ наши молитвы къ Нему, чтобы онъ освободилъ и тебя отъ искушенія». Вмѣстѣ стали старцы на молитву и Богъ такъ же скоро избавилъ отъ искушенія, какъ скоро и допустилъ его (1).

Къ подвижникамъ нитрійскимъ должно отнести Паисія Великаго. Онъ жилъ сначала въ Скиту подъ руководствомъ Аввы Памво, потомъ удалился въ пустыню нитрійскую и тамъ около него собралось много учениковъ. Паисій друженъ былъ съ преп. Павломъ. Онъ не любилъ, чтобы извѣстны были его добрыя дѣла. Когда его спросили, какая добродѣтель выше, онъ отвѣчалъ: совершаемая тайно. Когда въ другой разъ предложили такой же вопросъ, онъ отвѣчалъ: повиноваться другимъ, а не своей волѣ. Собирая внутри сокровища духовныя онъ любилъ хранить ихъ въ молчаніи. Всячески избѣгалъ онъ, чтобы въ общинѣ монастырской не были вѣдомы его добрыя дѣла. Если какой-либо подвигъ его привлекалъ на него славу, онъ немедленно оставлялъ его и начиналъ другой. Когда его спрашивали, за чѣмъ онъ такъ дѣлаетъ, онъ отвѣчалъ: для того, чтобы не погубить похвалою дѣло и оставить его неприкосновеннымъ. Ибо великій вредъ приноситъ похвала людская, и кто трудится изъ-за нея, мало получаетъ пользы. Потому Господь сказалъ: *да не увѣсть шуйца, что творитъ десница.*

Паисій преставился въ глубокой старости, за нимъ послѣдовалъ Павелъ.

---

(1) Cass. Collat. 2. c. 13.

Исидоръ Пелусіотъ перенесъ тѣла преп. Паисія и Павла въ Пелузію, и тамъ надъ ними устроилъ прекрасную церковь (1).

ГОРА ФЕРМА.

Къ югу отъ горы Нитрійской находилась гора Ферма, чрезъ которую пролегалъ путь въ Скитъ. Здѣсь, по словамъ Палладія, жило до 500 подвижниковъ. Знатнѣйшими изъ нихъ считались Павелъ и Ѳеодоръ.

Павелъ никогда не принимался ни за работу, ни за какое мірское дѣло, и ничего ни отъ кого не бралъ, кромѣ пищи. Его подвижничество состояло въ постоянной молитвѣ. У него положено было совершать каждый день триста молитвъ. Чтобы не ошибаться въ счетѣ, онъ клалъ въ пазуху триста камешковъ, и по окончаніи каждой молитвы вынималъ по одному. Но и эти молитвы казались ему малыми. Пришедши однажды къ Макарію Александрійскому для духовной бесѣды, онъ сказалъ ему: « Авва Макарій! я нахожусь въ великой скорби. Въ одномъ селеніи живетъ дѣвственница, которая каждый день совершаетъ по пяти сотъ молитвъ, принимая пищу только два раза въ недѣлю». Св. Макарій отвѣчалъ: я вотъ уже шестьдесятый годъ совершаю только по сту молитвъ, заработываю нужное для питанія своими руками; по долгу своему не отказываю братіи въ бесѣдѣ и однакожъ совѣсть не упрекаетъ меня въ нерадѣніи. Если ты, совершая и по триста молитвъ, осуждаешься совѣстію, то или съ нечистымъ сердцемъ молишься или можешь больше молиться, — и однакожъ не молишься (2). Авва Ѳеодоръ жилъ сначала въ Скиту, но когда

(1) Житіе Паисія В. въ рук. славян.
(2) Лавс. гл. 22.

варвары опустошили Скитъ, то онъ перешелъ на гору Ферму, и тамъ оставался до глубокой старости. Богъ поставилъ его здѣсь, какъ зажженный свѣтильникъ, который можно видѣть издали. Отвсюду сходились къ нему за наставленіями, или утѣшеніями въ скорбяхъ душевныхъ и различныхъ искушеніяхъ. Хотя Ѳеодоръ съ добротою принималъ приходившихъ къ нему, но его душа, любившая безмолвіе и удаленіе отъ людей, часто сильно скорбѣла отъ молвы приходящихъ къ нему. Не отказывая въ бесѣдѣ искавшимъ у него пользы душевной, онъ отпускалъ безъ отвѣта, какъ скоро замѣчалъ, что приходили къ нему изъ суетнаго любопытства, чтобы выслушивать изреченія знаменитыхъ подвижниковъ, и потомъ повторять ихъ какъ свои. Онъ не любилъ также, чтобы молодые пустынники говорили о такихъ предметахъ, которыхъ сами не испытали. Когда одинъ братъ завелъ рѣчь о предметахъ подобнаго рода, Ѳеодоръ сказалъ ему: «братъ мой! ты еще не взошелъ на корабль, не положилъ на него своего небольшаго груза, а хочешь уже казаться достигшимъ желаемой пристани. Тогда только ты будешь въ состояніи говорить о томъ, о чемъ бесѣдуешь, когда поболѣе будешь имѣть опытности, нежели сколько имѣешь.»

Тремя добродѣтелями особенно отличался Ѳеодоръ: произвольною нищетою, самоумерщвленіемъ и отреченіемъ отъ всего мірскаго, или любовію къ уединенію и молчанію.

Его нестяжательность обнаруживалась самымъ яснымъ образомъ. Однажды въ его келлію вошли три вора. Двое держали его, а третій все забиралъ. Ѳеодоръ ничего не говорилъ. Но когда воръ взялъ и левитонъ, въ которомъ онъ ходилъ въ церковь и пріобщался Св. Таинъ, Ѳеодоръ просилъ оставить его. Получивъ отказъ въ просьбѣ, Ѳеодоръ, будучи очень силенъ, толкнулъ державшихъ такъ сильно, что они упали на землю. Воры пришли въ страхъ; но Ѳеодоръ кротко сказалъ имъ: раздѣлите все на четыре части, три возмите себѣ, а остальную оставьте мнѣ и въ томъ числѣ мой левитонъ. Они

сдѣлали такъ и онъ уступилъ имъ, что они взяли. Можетъ быть, это событіе возбудило въ немъ желаніе совершеннаго нестяжанія. У него были три книги, которыя онъ самъ читалъ и которыя давалъ другимъ братіямъ читать для пользы душевной. Ему пришло недоумѣніе, что лучше—имѣть ли эти книги, и чрезъ нихъ доставлять пользу, или совсѣмъ не имѣть. Для разрѣшенія своего сомнѣнія пошелъ онъ къ Макарію Египетскому и слѣдуя совѣту Макарія, что лучше ничего не имѣть, продалъ книги, и деньги раздалъ нуждающимся.

Ѳеодоръ поставлялъ истинное совершенство въ нестяжательности. Одинъ братъ сказалъ ему: я хочу исполнить все, что заповѣдуетъ намъ Богъ. Ѳеодоръ на это отвѣчалъ: Авва Ѳеона хотѣлъ достигнуть тогоже, и вотъ что сдѣлалъ онъ. Онъ пришелъ въ пекарню, испекъ свои хлѣбы, положилъ въ корзины. Въ это время пришли бѣдные, и попросили у него хлѣба, онъ раздѣлилъ имъ весь хлѣбъ. Потомъ пришли еще, онъ, не имѣя хлѣба, отдалъ имъ корзины и платье, такъ что возвратился въ келлію въ малой мантіи, которой обвилъ свое тѣло, и сдѣлавъ это дѣло любви, упрекалъ себя, что не совершенно исполнилъ заповѣданное Богомъ.

Прежде чѣмъ преклонныя лѣта и немощи не принудили его умѣрить нѣсколько свою строгость, онъ многіе дни проводилъ, не вкушая куска хлѣба. Имѣя при себѣ учениковъ, Ѳеодоръ никогда не заставлялъ ихъ дѣлать что-либо, но старался самъ все дѣлать. Исаакъ разсказывалъ, что когда онъ жилъ съ Ѳеодоромъ, то Ѳеодоръ самъ приготовлялъ трапезу и говорилъ ему: братъ! ежели хочешь, иди,—ѣшь. Я пришелъ отъ тебя получить пользу, отвѣчалъ ему Исаакъ, почему же ты ничего не приказываешь мнѣ. Старецъ всегда молчалъ. Когда предложили ему такой же вопросъ старцы, Ѳеодоръ отвѣчалъ: развѣ я начальникъ общежитія, чтобы мнѣ приказывать. Пусть дѣлаетъ то, что я дѣлаю при его глазахъ. Ѳеодоръ все дѣлалъ молча, и у него научился молчанію Исаакъ.

Свою любовь къ самоумерщвленію не оставлялъ Ѳеодоръ и во

время болѣзни. Когда въ преклонныхъ лѣтахъ онъ сдѣлался боленъ, братія приносили ему пищу. По мѣрѣ того, какъ первый приносившій уходилъ, онъ отдавалъ приносимое другому, довольствуясь для своей трапезы тѣмъ, что приносилъ послѣдній.

Онъ смотрѣлъ на настоящую жизнь, какъ на время терпѣнія и самоумерщвленія, а не время покоя. Многіе, говорилъ онъ, ищутъ покоя, прежде нежели Богъ хочетъ дать его. Когда одинъ инокъ ни въ уединеніи, ни въ общежитіи не находилъ покоя отъ помысловъ и просилъ совѣта у Ѳеодора, Ѳеодоръ спросилъ его: сколько времени онъ носилъ одежду инока? Восемь лѣтъ, отвѣчалъ инокъ. А я, сказалъ старецъ, уже семдесять лѣтъ ношу, а и ни одного дня не провелъ въ покоѣ, а ты хочешь имѣть покой, проживши только восемь лѣтъ инокомъ.

Онъ любилъ безмолвное пребываніе въ своей келліи и находилъ въ этомъ душевное удовольствіе. Онъ говорилъ, что вкусившій сладость келліи охотно убѣгаетъ людей, не презирая никого. Онъ выходилъ изъ келліи только по крайней надобности. Авва Іосифъ, съ которымъ онъ былъ связанъ узами христіанской дружбы, сдѣлавшись тяжко боленъ, послалъ увѣдомить его, что онъ приближается къ смерти и желаетъ проститься съ нимъ. Ѳеодоръ послалъ сказать ему, что придетъ къ нему въ субботу, если будетъ живъ (въ этотъ день пустынники собирались въ церковь). Но если онъ умретъ, то увидятся въ вѣчности. Его сердце часто скорбѣло о томъ, что онъ принужденъ заниматься нуждами житейскими и онъ со вздохомъ говорилъ: пока я не освобождусь отъ сихъ скорбей, чувствую, что онѣ служатъ препятствіемъ къ моему совершенству. Представленіе опасностей, которымъ подвергается душа на землѣ, иногда тревожило его. Одинъ инокъ жаловался ему, что боится погибнуть, и просилъ его наставленій; онъ отвѣчалъ ему со скорбію: «увы, сынъ мой! я и самъ боюсь, какъ бы не погибнуть мнѣ, что же сказать мнѣ тебѣ?»

Онъ занимался рукодѣліемъ, но не одобрялъ, когда запи-

мались имъ въ ущербъ духовнымъ обязанностямъ. « Когда я жилъ прежде въ сей пустынѣ, сказалъ однажды Ѳеодоръ, то главнымъ занятіемъ нашимъ было попеченіе о душѣ, и на рукодѣлье мы смотрѣли, какъ на прибавленіе къ дѣлу; а нынѣ попеченіе о душѣ сдѣлалось какъ бы прибавленіемъ къ дѣлу, а прибавленіе самымъ дѣломъ. Вмѣсто того, чтобы посѣтить больнаго или помочь брату и такимъ образомъ исполнить заповѣдь Господню, мы занимаемся рукодѣльемъ. »

Зная слабость природы человѣческой, онъ снисходительно смотрѣлъ на немощи братіи. Однажды старецъ пришелъ къ Ѳеодору и сказалъ, что одинъ братъ возвратился въ міръ. Ѳеодоръ отвѣчалъ: не дивись этому; но подивись лучше, когда услышишь о комъ-либо, что онъ возмогъ избѣжать врага. Онъ говорилъ: превосходнѣйшая изъ добродѣтелей добродѣтель — никого не презирать. Посему онъ далъ совѣтъ одному пустыннику: если твой другъ впадетъ въ искушеніе плотское, подай ему руку и подними его, если можешь. Но онъ велѣлъ скорѣе удаляться, если онъ впадетъ въ ересь и не приметъ наставленія, чтобы самому не заразиться его ядомъ.

Ѳеодоръ достигъ глубокой старости; только въ пустынѣ онъ прожилъ болѣе семидесяти лѣтъ. При концѣ жизни Богъ посѣтилъ его продолжительною болѣзнію. Онъ скончался уже послѣ обоихъ Макаріевъ (1).

---

(1) Дост. сказ. о подв. стр. 281—288.

ПРЕПОДОБНЫЙ МАКАРІЙ ЕГИПЕТСКІЙ,

ОСНОВАТЕЛЬ ИНОЧЕСТВА ВЪ СКИТСКОЙ ПУСТЫНИ.

Макарій, въ отличіе отъ другаго современнаго и современнаго ему подвижника, родившагося въ Александріи, названный Египетскимъ, а за свою святость и мудрость Великимъ, родился въ 300 г. Время юности провелъ онъ въ домѣ родителей, и былъ пастухомъ стадъ отца своего (1). Не сохранилось извѣстія, чтобы Макарій получилъ образованіе въ какомъ-либо училищѣ, но изъ его описаній видно, что онъ не чуждъ былъ и книжнаго образованія (2). Но то несомнѣнно, что нравственное его образованіе началось рано. Какъ въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ онъ заботился о правотѣ своихъ дѣйствій,

---

(1) Достоп. сказ. о подвижн. Отцевъ, 130, 30, 36.

(2) Онъ упоминаетъ о мнѣніяхъ мірскихъ мудрецовъ (Бесѣд. 14, 7.); знаетъ Аристотеля, Платона, Сократа (42, 1.); знаетъ о грамматикахъ, риторахъ, стихотворцахъ, софистахъ (45, 2.); въ бесѣдѣ 15 показываетъ, въ какомъ порядкѣ слѣдовали предметы ученія въ училищахъ: чтенія, латинскій языкъ, грамматика, правовѣдѣніе (§ 40). Множество уподобленій, заимствуемыхъ изъ области природы и художествъ, свидѣтельствуютъ, повидимому, о знакомствѣ его съ науками естественными и условіями жизни общественной. Самое знаніе греческаго языка, на которомъ дошли до насъ его писанія, также указываетъ на то, что онъ не чуждъ былъ научнаго образованія.

показываетъ одинъ случай въ его дѣтствѣ, разсказанный имъ самимъ. Однажды сверстники его пошли въ чужой садъ за смоквами, и, когда бѣжали назадъ, уронили одну изъ нихъ. Макарій поднялъ ее и съѣлъ. Эта погрѣшность такъ тяжело легла на его чистую совѣсть, что осталась навсегда памятною, и, во всю жизнь его, какъ говорилъ самъ Макарій, онъ не могъ вспомнить объ ней безъ слезъ (1).

Сильное стремленіе къ подвижнической жизни, въ началѣ четвертаго вѣка, пробужденное въ Египтѣ, примѣромъ Великаго Антонія, и увлекавшее въ пустыни многочисленныя толпы вѣрующихъ, и дѣйствіе Божественной благодати, особыми таинственными путями приводящей избранныхъ на путь имъ предназначенный, расположили Макарія, оставивъ всѣ земныя заботы, посвятить себя единственно попеченію о спасеніи своей души.

Рѣшась оставить міръ, Макарій не вдругъ поселился въ пустынѣ, но, желая испытать себя, можетъ ли переносить труды пустыннаго подвижничества, сначала поселился въ келліи, вблизи селенія. Такъ началъ свою подвижническую жизнь и Антоній Великій. Такъ подвизались и прежде Антонія многіе ревнители благочестивой жизни.

Молитва, псалмопѣніе, богомысліе были главнымъ занятіемъ Макарія въ его келліи. Для снисканія пропитанія, онъ плелъ корзины. Одинъ изъ его знакомыхъ приходилъ къ нему, бралъ у него рукодѣлье, продавалъ, и на вырученныя деньги доставлялъ ему пищу. Добродѣтельная жизнь Макарія, его благочестивыя, мудрыя наставленія обратили на него общее вниманіе, и жители одного близъ-лежащаго селенія пришли и сдѣлали его противъ его воли у себя клирикомъ. Но Макарій, по любви къ уединенію, ушелъ въ другое, болѣе отдаленное мѣсто, гдѣ прежній знакомецъ нашелъ его и доставлялъ ему все нужное.

---

(1) Дост. сказ. о подвижн. Отцевъ 153, 36.

Не долго и здѣсь Макарій наслаждался ненарушимымъ безмолвіемъ, котораго сильно желало его сердце. Скоро стали собираться къ нему ищущіе наставленій. Кромѣ того, здѣсь постигло его искушеніе, которое могъ выдержать такъ, какъ онъ выдержалъ, только мужъ подкрѣпляемый силою Духа Святаго. Въ близъ-лежащемъ селеніи одна дѣвица сдѣлалась беременною и оклеветала Макарія, какъ виновника ея грѣха. Кротко, безъ ропота перенесъ Макарій безчестіе и удары, которымъ подвергли его жители селенія. Онъ принялъ даже на себя обязанность доставлять пропитаніе дѣвицѣ, и для сего изнурялъ себя усиленными трудами. Но Промыслъ чудеснымъ образомъ обнаружилъ невинность святаго подвижника. Когда наступило время родить несчастной, — она подверглась страшнымъ мученіямъ, и не могла разрѣшиться отъ бремени, пока предъ всѣми не объявила невинности Макарія и не назвала дѣйствительнаго виновника ея грѣха. Мучимые раскаяніемъ за оскорбленіе, безъ вины нанесенное отшельнику, жители селенія собрались къ нему просить прощенія. Услышавъ это, Макарій скрылся въ дальнѣйшую пустыню—Скитскую (1).

Въ пустынѣ Ливійской, не далеко отъ обильныхъ озеръ (Нитрійскихъ), доселѣ существуютъ четыре монастыря. Одинъ изъ нихъ называется монастыремъ Святаго Макарія, а прочіе три—Абу-Макаръ (то есть Отца Макарія), и вся страна Макаріевой пустынѣ. Развалины стѣнъ и зданій показываютъ, что здѣсь прежде много было обителей (2). Безъ сомнѣнія, это есть то мѣсто, куда удалился Макарій Египетскій. Пустыня Скитская на цѣлыя сутки пути была далѣе пустыни Келлій. Это была дикая, песчаная пустыня, гдѣ изрѣдка только встрѣчались ключи съ едва сносною для питья водою. Сюда не было и проложенной дороги; путь направляли по теченію звѣздъ.

---

(1) Дост. сказ. о Макаріѣ Египет. 1.

(2) Constantin. Fischendorf. Reise in den, Orient. 1846 Т. 1. p. 110.

Но вскорѣ послѣ того, какъ поселился здѣсь Макарій, сюда собралось много ревнителей благочестія, которые ввѣряли себя руководству сего подвижника. скитскіе иноки славились между всѣми, по совершенству жизни и по своей мудрости. Чѣмъ страшнѣе была пустыня скитская, тѣмъ болѣе требовалось мужества, чтобы селиться въ ней (1). Такихъ только и принималъ Макарій къ себѣ. Не смотря на свое благочестіе, пишетъ Сократъ, Макарій Египетскій былъ суровъ къ приходящимъ (2)

Макарію было тридцать лѣтъ, когда онъ поселился въ пустынѣ скитской. Но уже въ первые годы его подвижнической жизни называли его отрокомъ-старцемъ. Такъ какъ братія, собравшіеся къ Макарію, не имѣли пресвитера, то Епископъ Египетскій рукоположилъ Макарія на 40-мъ году его жизни въ пресвитера, когда онъ имѣлъ уже даръ чудотвореній и пророчества (3). Когда число братій умножилось, — Макарій воздвигъ для нихъ четыре храма, которые имѣли особыхъ пресвитеровъ. Всѣ отшельники жили въ особыхъ келліяхъ, отдѣленныхъ одна отъ другой. Самъ Макарій жилъ также отдѣльно въ глубокой пустынѣ и имѣлъ при себѣ только двухъ учениковъ; одинъ принималъ приходящихъ, другой жилъ подлѣ него въ особой келліи. Отъ келліи своей Макарій прокопалъ подземный ходъ, длиною въ полстадіи, и на концѣ его небольшую пещеру. Когда приходящіе безпокоили его,—онъ удалялся этимъ ходомъ въ свою пещеру, и никто не зналъ, куда онъ уходилъ. Одинъ изъ учениковъ его, знавшій объ этомъ ходѣ, разсказывалъ, что Макарій прочитывалъ 24 молитвы, идя въ пещеру, и столько же на обратномъ пути (4).

Не много дошло до насъ свѣдѣній о жизни Великаго Макарія; и эти немногія свѣдѣнія суть только отрывочныя сказанія,

---

(1) Rufin. Histor. monach. c. 29. Cassian. Collat. 10 c. 2.
(2) Сократ. Цер. Ист. к. 4, гл. 23. стр. 334.
(3) Pallad. Hist. Laus. cap. 19, 1. Sosom. Lib. 3. cap. 14.
(4) Pall. Hist. laus, c. 19, 7. Достоп. сказ. о подв. Отцевъ, стр. 140, 2.

которыя мало могутъ познакомить насъ съ его внутренней жизнію (1). Жизнь его, сокровенная во Христѣ, осталась сокрытою и для насъ. Лучшимъ источникомъ для познанія его внутренней жизни могутъ служить собственныя его писанія. Въ своихъ писаніяхъ, исполненныхъ глубокой мудрости, онъ высказываетъ тайны духовной жизни не по умозрѣнію, а по опыту; передаетъ то, что̀ извѣдалъ самъ. Потому, въ тѣхъ чертахъ, въ которыхъ онъ представляетъ жизнь внутренняго человѣка, мы можемъ находить черты его собственной жизни. Конечно, ихъ недостаточно для истиннаго представленія о постепенномъ восхожденіи Макарія по степенямъ духовнаго совершенства, но для насъ довольно и того, если мы узнаемъ хотя немногія черты его внутренней жизни.

Человѣкъ, говоритъ Макарій, по природѣ имѣетъ предначинаніе или наклонность къ добродѣтели, и его-то взыскуетъ Богъ, и поэтому повелѣваетъ, чтобы человѣкъ сперва понялъ ее, понявъ возлюбилъ, и предначалъ волею (2). Душевные помыслы, со времени Адамова преступленія, отторгшись отъ любви Божіей, разсѣялись въ вѣкѣ семъ и смѣшались съ помыслами вещественными и земными (3). Посему, какъ рѣзвыхъ дѣтей, душа да соберетъ и умиритъ грѣхомъ разсѣянные помыслы; пусть введетъ ихъ въ домъ тѣла своего, непре-

---

(1) Свѣдѣнія о Макаріѣ Египетскомъ встрѣчаются у Палладія (Hist. Laus), Руфина, Кассіана, Сократа, Созомена и въ Патерикѣ Скитскомъ. Тщательно собраны всѣ свѣдѣнія о Макаріѣ Египетскомъ Флоссомъ: Macarii Aegyptii epistolae, homiliarum loci, praeces, ad fidem Vaticani, Vindobonensium, Berolinensis, aliorumque codicum, edidit Henricus Josephus Floss. 1850 an. Coloniae Bonnae Bruxellis. Въ рукописяхъ коптскихъ (Egypte sous les Pharaons descript. geographique Tom. 2. p. 160). и въ славянскихъ встрѣчается житіе Макарія Египетскаго, составленное Сераціономъ, который именуется ученикомъ Антонія В. Хотя оно и содержитъ нѣкоторыя новыя свѣдѣнія въ сравненіи съ упомянутыми нами источниками и составлено, какъ видно, въ Египтѣ, но гораздо позднѣе, чѣмъ какъ показываетъ надписаніе, и во многомъ не согласуется съ болѣе вѣрными извѣстіями.

(2) Бесѣд. 37, 10.

(3) Бесѣд. 24, 2.

станно въ постѣ и съ любовію ожидая Господа. Если не облѣнимся и не дадимъ у себя пажитей порочнымъ помысламъ, но волею своею привлечемъ умъ, понуждая помыслы устремиться ко Господу: то, безъ сомнѣнія, Господь Своею волею придетъ къ намъ и дѣйствительно соберетъ насъ къ Себѣ; потому что благоугожденіе и служеніе зависитъ отъ помышленій. Въ какой мѣрѣ собираешь ты умъ свой къ исканію Бога, въ такой и еще въ бо́льшей мѣрѣ понуждается Онъ собственнымъ Своимъ благоутробіемъ и благостію прійдти къ тебѣ и успокоить тебя. Стоитъ Онъ и разсматриваетъ твой умъ, помышленія и движенія мыслей, назираетъ, какъ ищешь Его, отъ всей ли души твоей, не съ лѣностію ли, не съ нерадѣніемъ ли. И когда увидитъ рачительность твою въ исканіи Его, тогда явится и откроется тебѣ, подастъ помощь Свою и уготовитъ тебѣ побѣду, избавляя тебя отъ враговъ твоихъ (1). Пока человѣкъ не отрѣшится отъ пристрастія къ земному, до тѣхъ поръ онъ не можетъ знать, что въ сердцѣ есть иная борьба, иное тайное противленіе, иная брань помысловъ отъ лукавыхъ духовъ, и что принадлежитъ ему иной подвигъ. Тотъ только, кто освободится отъ пристрастія къ земнымъ вещамъ и прилѣпится къ Богу, одинъ онъ въ состояніи познать внутри водворяющуюся борьбу страстей, и внутреннюю брань, и лукавые помыслы (2). На днѣ ума, въ глубинѣ помысловъ, въ такъ называемыхъ тайникахъ души нашей гнѣздится змій, убійственно уязвляющій главные члены души нашей. Умертвить этого змія, достигнуть полной чистоты можно только посредствомъ одного Іисуса Христа (3). Не вдругъ душа достигаетъ чистоты. Напередъ должна она испытать скорби, потерпѣть униженіе, тѣсноту (4). Если бы человѣкъ

(1) Бесѣд. 31, 2—4.
(2) Бесѣд. 21, 3—4.
(3) Слово о возвыш. ума § 21.
(4) Бесѣд. 23, 3.

безъ труда могъ преуспѣвать въ добрѣ; то Христіанство не было бы камнемъ преткновенія и камнемъ соблазна, не было бы ни вѣры, ни невѣрія, не было бы ни подвиговъ, ни случаевъ къ брани. Слушающій слово Божіе приходитъ въ сокрушеніе, и потомъ, поелику благодать, по Божію смотрѣнію, къ пользѣ человѣка удаляется отъ него, начинаетъ онъ упражняться и поучаться въ брани (1). Скорби и несчастія должны быть принимаемы съ радостію, ибо они свидѣтельствуютъ, что Богъ съ нами. Встрѣчая несчастія въ мірѣ, ты начинаешь размышлять: несчастливъ я въ мірѣ, — пойду, отрекусь отъ міра, буду служить Богу. Дошедши до этой мысли, слышишь заповѣдь, которая говоритъ: *продажду имѣніе твое* (Мѳ. 19, 27.), возненавидь плотское общеніе и служи Богу. Тогда начинаешь благодарить за свое несчастіе въ мірѣ, за то, что по сему поводу оказываешься послушнымъ Христовой заповѣди. Какъ скоро удалишься отъ міра и начнешь искать Бога, — долженъ будешь бороться съ своею природою, съ прежними нравами и съ тѣмъ навыкомъ, который тебѣ прирожденъ. А во время борьбы съ симъ навыкомъ найдешь противящіеся тебѣ помыслы и борющіеся съ умомъ твоимъ; и помыслы сіи повлекутъ тебя и стануть кружить тебя въ видимомъ, чего хотѣлъ ты избѣжать. Тогда-то начнешь бореніе и брань, возставляя помыслы противъ помысловъ, умъ противъ ума, душу противъ души, духъ противъ духа (2). Когда душа начнетъ удаляться отъ грѣховъ, забывать свои обычаи мірскіе,—діаволъ преслѣдуетъ ее скорбями, искушеніями и невидимыми бранями. Здѣсь-то искушается, здѣсь-то испытывается, здѣсь-то дѣлается явною любовь души къ изведшему ее изъ грѣховнаго Египта. Усматриваетъ душа, что сила вражія готова на нее напасть и умертвить ее; видитъ также и

(1) Бесѣд. 27, 20. 21.
(2) Бесѣд. 32, 7. 9.

передъ собою море горести, скорби и отчаянія: но не въ силахъ она ни идти назадъ, видя готовыхъ враговъ, ни простираться впередъ, потому что боязнь смерти и окружающія страшныя и различныя скорби заставляютъ видѣть передъ собою смерть. Когда видитъ Богъ, что душа падаетъ отъ боязни смертной и что врагъ готовъ поглотить ее; тогда подаетъ ей малую помощь, медленно дѣйствуя на душу и испытывая ее, тверда ли она въ вѣрѣ, имѣетъ ли любовь къ Нему. Ибо Богомъ опредѣлено, чтобы таковъ былъ путь, вводящій въ жизнь, — со скорбію, съ тѣснотою, со многими испытаніями, съ самыми горькими искушеніями. И если здѣсь еще душа совершитъ сей путь въ безмѣрной скорби, имѣя предъ глазами смерть, тогда уже рукою крѣпкою и мышцею высокою, озареніемъ Святаго Духа, расторгаетъ она силу тьмы, минуетъ страшныя мѣста, преходитъ море тьмы и всепоядающаго огня (1). Инымъ, хотя удалились они изъ міра, отреклись, по Евангелію, отъ вѣка сего и съ великимъ терпѣніемъ преуспѣваютъ въ молитвѣ, въ постѣ, въ рачительности и въ другихъ добродѣтеляхъ, Богъ не скоро даетъ благодать и успокоеніе и духовное радованіе, но медлитъ и удерживаетъ даръ — для испытанія свободной воли, чтобы видѣть, точно ли вѣрнымъ и истиннымъ почитаютъ Бога, обѣтовавшаго давать просящимъ и отверзать дверь жизни ударяющимъ въ нее (2). Всякая добродѣтель есть уже даръ Божій. Невозможно, не по силамъ человѣку искоренить грѣхъ собственною своею силою. Бороться съ нимъ, противиться, носить и принимать язвы—въ твоихъ это силахъ; а искоренить—Божіе дѣло (3). Душа доблестная присозидается къ Церкви не потому, что сдѣлала, но потому, что возжелала. Ибо спасаетъ человѣка не собственное его

---

(1) Бесѣд. 47, 12. 13.
(2) Бесѣд. 29. 2. стр. 303.
(3) Бесѣд. 3, 4.

дѣло, но Даровавшій силу. (1). Собственно твое, что̀ самъ ты дѣлаешь, хотя и хорошо и Богу благопріятно, однакоже нечисто. Напримѣръ, любишь Бога, но несовершенно. Молитва твоя естественно бываетъ соединена съ пареніемъ ума и съ разными помыслами. А Богъ даруетъ тебѣ молитву чистую, совершаемую духомъ и истиною. Самъ Духъ Святый впомоществуетъ немощи человѣческой, и Господь влагаетъ въ землю сердца небесное сѣмя и воздѣлываетъ ее. Хотя нравственная порча пребываетъ въ самомъ естествѣ, однакоже, преобладаетъ тамъ только, гдѣ находитъ себѣ пажить. Нѣжные стебли пшеницы могутъ быть заглушены плевелами: но когда, съ наступленіемъ лѣта, растенія сдѣлаются сухи, тогда плевелы нимало не вредятъ пшеницѣ. Такъ и въ благодати: когда даръ Божій и благодать пріумножаются въ человѣкѣ, и богатѣетъ онъ въ Господа; тогда порокъ, хотя отчасти и остается въ человѣкѣ, не можетъ вредить ему. (2). Христіане, если и нападетъ на нихъ врагъ, имѣютъ прибѣжище въ Божествѣ; они облеклись въ силу и упокоеніе свыше, и нимало не тревожитъ ихъ брань. Нелегкое дѣло—пріобрѣсти чистое сердце: много нужно человѣку бореній и труда, чтобы чистыми имѣть совѣсть и сердце, и всецѣло искоренить въ себѣ зло. Бываетъ и то, что въ иномъ есть благодать, а сердце еще нечисто. Потому и падали падавшіе; они не вѣрили, что съ благодатію пребываетъ въ нихъ дымъ и грѣхъ (3). Нѣкоторые оградивъ себя при сильномъ въ нихъ дѣйствіи благодати Божіей, находили свои члены столько освященными, что заключили о себѣ, будто бы въ Христіанствѣ нѣтъ мѣста уже похоти, но пріобрѣтается умъ цѣломудренный и чистый, и что внутренній человѣкъ паритъ уже въ Божественномъ и небесномъ. Но когда несомнѣнно думаетъ такой человѣкъ, что онъ достигъ въ со-

(1) Бесѣд. 37, 9.
(2) Бесѣд. 26, § 21. 22.
(3) Бесѣд. 26, § 14. 24. 25.

вершенную мѣру, и почитаетъ себя вступившимъ въ безапосную пристань,—возстаютъ на него волны, и опять видитъ онъ себя среди моря, увлеченнымъ туда, гдѣ только вода и небо, и готовая смерть. Но снова сподобившись таковые нѣкоей благодати и какъ бы, такъ сказать, изъ цѣлой морской глубины пріявъ малую нѣкую каплю, въ семъ самомъ находятъ ежечасно и ежедневно совершающееся чудо. Умъ приходитъ въ затрудненіе, почему бываетъ сіе такъ, и опять иначе. Потому что ненавистникъ добра — сатана, преуспѣвающимъ въ добродѣтели внушаетъ лукавое и старается развратить ихъ (1).

Такъ св. Макарій представляетъ духовную борьбу, изображая въ своихъ словахъ различныя состоянія духа, конечно, испытанныя имъ самимъ. Подвигами, которые кажутся превышающими силы человѣка, онъ утверждалъ себя въ добродѣтели. И не столь строгіе монахи, въ пустынѣ скитской, не имѣли тамъ пресыщенія и не искали лакомой пищи (2). Но Макарій удовлетворялъ своимъ естественнымъ потребностямъ не болѣе, чѣмъ сколько нужно для поддержанія жизни. Однажды ученикъ его Евагрій, томимый жаждою, просилъ позволенія напиться воды. «Будь доволенъ и тѣмъ,» сказалъ Макарій, «что находишься подъ тѣнію; многіе лишены и этой отрады. Уже двадцать лѣтъ, какъ я ѣмъ, пью и сплю не болѣе, какъ сколько нужно для поддержанія жизни (3).» Св. Макарій вкушалъ пищу только разъ въ недѣлю (4). Но сухость его тѣла была столько же слѣдствіемъ страха Божія, сколько его пощенія и воздержанія. «Отъ чего это, — спросили нѣкоторые изъ отцевъ Макарія,—ѣшь ли ты, или постишься, тѣло твое всегда сухо? « Макарій отвѣчалъ: палка, которою ворочаютъ

(1) Бесѣд. 38, § 4.
(2) Pall. Hist. Laus. cap. 19.
(3) Socrat. lib. 4. cap. 23.
(4) Достоп. сказ. о подвиж. Отцевъ стр. 146, 21.

горящія дрова, безпрестанно снѣдается огнемъ: тоже бываетъ и съ человѣкомъ, если онъ очищаетъ умъ свой страхомъ Божіимъ: самый страхъ Божій снѣдаетъ его тѣло (1). Случалось ему бывать за трапезой вмѣстѣ съ пустынниками, и, когда здѣсь предлагали ему вино, онъ не отказывался, но послѣ за одну чашу вина цѣлый день не пилъ воды. Ученикъ его, замѣтивъ это, умолялъ братію не угощать его болѣе виномъ, потому что, желая дать ему утѣшеніе, они подавали случай къ новымъ изнуреніямъ (2).

Обузданіе чрева и языка, пребываніе въ своей келліи и плачь о грѣхахъ Макарій почиталъ особенно необходимыми для инока. Одинъ братъ спросилъ Макарія: «какъ ему спастись»? старецъ отвѣчалъ: «бѣгай людей, сиди въ келліи и плачь о своихъ грѣхахъ, а паче обуздывай языкъ и чрево» (3). Распуская однажды въ Скиту собраніе, Макарій сказалъ братіи: бѣгите, братія! Одинъ изъ братій сказалъ: куда намъ бѣжать изъ пустыни? Макарій, положивъ перстъ на уста, сказалъ: сего бѣгите. Потомъ вошелъ въ келлію свою и заключилъ за собою дверь (4).

Произвольную нищету и нестяжательность Макарій почиталъ для инока выше многихъ другихъ добродѣтелей. Однажды Авва Феодоръ Фермейскій, имѣвшій три книги, пришелъ къ нему и говоритъ: вотъ у меня три книги, и самъ я получаю отъ нихъ пользу и братія употребивъ ихъ получаютъ назиданіе; что мнѣ полезнѣе сдѣлать: оставить ли ихъ у себя для собственной пользы и для пользы братій или продать ихъ и полученное раздать нищимъ? Старецъ отвѣчалъ: первое хорошо, но нестяжательность всего лучше (5). Два раза Макарій за-

(1) Тамъ же стр. 143, 12.
(2) Тамъ же стр. 144, 10.
(3) Vit. Patr. Rosv. L 111. cap. 189, p. 828. Подобныя наставленія даль имъ Аввѣ Исаіи и Аввѣ Аіо. Достоп. сказ. стран. 146, 26. и 153, 40.
(4) Тамъ же 146, 16.
(5) Тамъ же стр. 281.

ставалъ въ своей келліи воровъ, и не только не задерживалъ ихъ, но и самъ, какъ бы посторонній, помогалъ имъ выносить вещи изъ своей келліи (1).

Съ преспѣяніемъ въ духовномъ совершенствѣ, Макарій все глубже старался утвердить въ себѣ чувство смиренія. Онъ никакъ не хотѣлъ, чтобы его отличили отъ другихъ. Когда приходилъ какой-либо братъ къ нему, какъ святому и великому старцу, онъ ничего не говорилъ съ нимъ; но если кто обращался къ нему съ укоризнами, хотя и несправедливыми, такаго принималъ съ удовольствіемъ (2). Самъ искуситель напрасно старался возбудить въ Макаріѣ духъ гордости, и наконецъ принужденъ былъ признать въ немъ высоту смиренія. Макарій! сказалъ онъ служителю Божію: все, что ты дѣлаешь, и я дѣлаю, ты постишься, а я совсѣмъ не ѣмъ, ты бодрствуешь, а я совсѣмъ не сплю. Однимъ ты побѣждаешь меня—смиреніемъ (3).

Смиренный духъ Макарія всегда находилъ случаи смиряться и ставить другихъ выше себя по нравственному совершенству. «Я еще не монахъ, но видалъ монаховъ»,—говорилъ Макарій въ назиданіе братіи нитрійской,—и потомъ разсказывалъ имъ о двухъ инокахъ въ пустынѣ, которые жили вдали отъ всѣхъ людей, окруженные звѣрями, питаясь одною пищею съ безсловесными. Во взаимной любви провели они 40 лѣтъ вмѣстѣ, занимаясь единственно богомысліемъ. Этихъ двухъ мужей Макарій спросилъ: что должно мнѣ дѣлать, чтобы быть монахомъ? Они сказали: если не можешь отречься отъ всего мірскаго, какъ мы, то иди въ свою келлію и оплакивай свои грѣхи. Вспоминая о сихъ подвижникахъ, Макарій повторялъ такъ: «Я еще не монахъ, а только видѣлъ монаховъ (4). «Въ другой

(1) Тамъ же стр. 146, 18, и 153, 39.
(2) Тамъ же стр. 149.
(3) Тамъ же стр. 144, 11 и 153, 34.
(4) Тамъ же стр. 132, 2.

разъ Промыслъ Божій, для утвержденія Макарія въ смиреніи, указалъ ему на двухъ женщинъ, жившихъ въ мірѣ съ своими мужьями въ городѣ, но высшихъ его по нравственному совершенству. И старецъ не облѣнился изъ пустыни прійдти въ городъ и разспросить сихъ женъ, какъ онѣ живутъ. По просьбѣ Макарія, онѣ разсказали, что пятнадцать уже лѣтъ, какъ онѣ вышли за мужъ за двухъ братьевъ, и въ теченіи сего времени жили во взаимной любви и согласіи, всегда исполняли волю мужей; имѣли желаніе поступить въ монастырь, но, по несогласію на то мужей, рѣшились остаться въ мірѣ, подъ условіемъ обѣта бдѣть надъ своимъ сердцемъ и не произносить ниодного праздного слова. И Макарій смиренно просилъ Бога, чтобы Онъ сподобилъ его жить въ пустынѣ такъ, какъ онѣ жили въ мірѣ (1).

Св. Макарій ходилъ учиться иночеству и у отца иноковъ Антонія. Сначала Антоній, искушая его терпѣніе, не допустилъ его въ свое жилище, но потомъ отворилъ ему дверь, и, привѣтствуя, сказалъ: я давно желалъ видѣть тебя. Съ любовію принялъ его и упокоилъ. Плетя корзины изъ пальмовыхъ вѣтвей, провели они вечеръ въ бесѣдѣ о спасеніи души (2). Смиреніе предъ людьми утверждается на смиреніи въ отношеніи къ Богу, которое Преп. Макарій во всякомъ облагодатствованномъ человѣкѣ признавалъ самымъ естественнымъ чувствомъ. «Человѣкъ облагодатствованный, — говоритъ онъ въ одной изъ своихъ бесѣдъ,—почитаетъ себя уничиженнымъ паче всѣхъ грѣшниковъ. И такой помыслъ насажденъ въ немъ, какъ естественный; и чѣмъ глубже входитъ онъ въ познаніе Бога, тѣмъ больше почитаетъ себя невѣждою, и чѣмъ болѣе учится, тѣмъ паче признаетъ себя ничего незнающимъ. Сіе производитъ благодать въ душѣ, какъ нѣчто естественное (3).»

---

(1) Rosveid. Vit. Patr. L. III. p. 513. L. VI. p. 631.
(2) Достопам. сказ. 142, 2.
(3) Бесѣд. 16, § 12.

« Душа истинно боголюбивая и христолюбивая, — говоритъ онъ въ другой бесѣдѣ, — хотя бы совершила тысячи праведныхъ дѣлъ по ненасытному стремленію своему къ Господу, думаетъ о себѣ, будто бы ничего еще она не сдѣлала. Хотя бы изнурила тѣло свое постами и бдѣніями, при такихъ остается чувствованіяхъ, будто бы не начинала еще трудиться для добродѣтелей. Хотя бы сподобилась достигнуть различныхъ духовныхъ дарованій, или откровеній и небесныхъ тайнъ, по безмѣрной и ненасытной любви своей ко Господу, — сама въ себѣ находитъ, будто бы ничего еще не пріобрѣла. А напротивъ того, ежедневно алкая и жаждая, съ вѣрою и любовію пребывая въ молитвѣ, не можетъ насытиться благодатными тайнами и благоустроеніемъ себя ко всякой добродѣтели (1). » Это чувство смиренія, при обиліи даровъ благодати, объясняетъ Макарій прекраснымъ сравненіемъ. « Если царь, говоритъ онъ, положитъ свое сокровище у какого-нибудь нищаго; то принявшій на сохраненіе не считаетъ сего сокровища своею собственностію, но вездѣ признается въ своей нищетѣ, не смѣя расточать чуждаго сокровища; потому что всегда разсуждаетъ самъ съ собою: это сокровище не только у меня чужое, но еще положено ко мнѣ сильнымъ царемъ, и онъ, когда захочетъ, возьметъ его у меня. Такъ и имѣющіе благодать Божію должны о себѣ думать. Если они превознесутся, и станутъ надмѣваться сердца ихъ, то Господь отъемлетъ у нихъ благодать Свою, и остаются они такими, какими были до пріятія благодати отъ Господа» (2).

Смиреніе Макарія обнаруживалось особенно въ снисходительности къ немощамъ другихъ. Онъ былъ, по свидѣтельству скитскихъ старцевъ, какъ бы богъ земный; потому что, — говорили они, — какъ Богъ покрываетъ міръ, такъ Макарій

(1) Бесѣд. 10, § 4.
(2) Бесѣд. 15, § 25.

покрывалъ согрѣшенія, которыя онъ видя, какъ бы не видѣлъ, и слыша, какъ бы не слышалъ (1). Разъ онъ увидалъ брата, совершающаго тяжкій грѣхъ. Если Богъ Творецъ его, — сказалъ онъ, — терпитъ грѣхъ, когда могъ бы сожечь огнемъ: то кто я, чтобы могъ осуждать его? — Христіане, — говорилъ онъ, — не должны никого осуждать, ни явную блудницу, ни грѣшниковъ, ни людей безчинныхъ, но взирать на всѣхъ съ простодушіемъ и чистымъ окомъ. Въ томъ и состоитъ чистота сердца, чтобы, видя грѣшниковъ, или немощныхъ, имѣть къ нимъ состраданіе и быть милосердымъ (2).

Кротко управлялъ Макарій своею братіею, внушая имъ прежде всего взаимную любовь другъ къ другу (3), и въ обращеніи съ ними вообще отличался особенно простотою. Нѣкоторые говорили ему; зачѣмъ ты такъ себя ведешь? Макарій сказалъ: двѣнадцать лѣтъ служилъ я Господу моему, чтобы Онъ даровалъ мнѣ благодать сію; а вы совѣтуете мнѣ оставить ее (4). Макарій готовъ былъ служить каждому. Пришелъ онъ нѣкогда къ одному отшельнику, и, нашедши его больнымъ, спросилъ: не хочетъ ли онъ съѣсть чего-нибудь? Больной сказалъ: хочу пастилы. Старецъ не полѣнился сходить въ Александрію, чтобы достать больному то, чего онъ просилъ (5).

Свои обличенія братіи Макарій старался растворять любовію. Если ты, — говорилъ онъ, — дѣлая кому-либо выговоръ, приходишь въ раздраженіе: то удовлетворяешь своей страсти. Такимъ образомъ, не спасая другихъ, причиняешь вредъ и себѣ (6). Своею мудростію, любовію и кроткою снисходи-

---

(1) Достоп. сказ. о подвиж. Отцевъ стр. 150, 31.
(2) Бесѣд. 15, § 8.
(3) См. наставленіе его братіи въ бесѣдѣ 3-й.
(4) Дост. сказ. о подвижн. Отцевъ стр. 144, 8.
(5) Тамъ же.
(6) Тамъ же стр. 146, 17.

тельностію онъ скорѣе обращалъ заблуждающихъ на путь истины, нежели другіе своею строгостію. Въ Скиту два брата впали въ грѣхъ, и Макарій Городскій отлучилъ ихъ. Когда узналъ объ этомъ Макарій Египетскій, то сказалъ: не братія отлучены, а Макарій отлученъ. Принявъ это слово за отлученіе, Макарій Городскій удалился къ озеру, гдѣ самая природа представляла удобнѣйшее мѣсто для очищенія кающимся. Къ нему пришелъ Макарій Великій, и, увидѣвъ его всего искусаннаго комарами, сказалъ: ты отлучилъ братій, и вотъ они хотѣли уйти въ село; я отлучилъ тебя, и ты убѣжалъ сюда, какъ дѣвица въ свою внутреннюю горницу. Впрочемъ я призывалъ къ себѣ падшихъ братій, разспрашивалъ ихъ, и они говорили: ничего такого не было. Смотри же и ты, братъ, не посмѣялись ли надъ тобою демоны? Ты самъ ничего не видалъ. Проси прощенія въ своемъ согрѣшеніи.—Макарій отвѣчалъ: если хочешь, наложи на меня епитимію. Старецъ сказалъ: иди и постись три недѣли, принимая пищу только разъ въ недѣлю (1).

Узнавъ отъ самого искусителя объ искушеніи, которому подвергся одинъ братъ, Макарій самъ пришелъ къ сему брату въ келлію, и, когда тотъ стыдился исповѣдать свои нечистые помыслы, и даже говорилъ, что его не искушаютъ они, Макарій смиреніемъ расположилъ его къ откровенности. Вотъ сколько лѣтъ я подвизаюсь, — сказалъ Макарій, — а и меня старика безпокоитъ духъ блуда. Тогда братъ сказалъ: повѣрь, Авва, и меня также безпокоитъ. Старецъ говорилъ и о другихъ помыслахъ, будто его искушаютъ, и такимъ образомъ доводилъ брата до сознанія. Тогда, преподавъ наставленіе, оставилъ его, и съ того времени сей братъ подвизался болѣе другихъ (2).

---

(1) Тамъ же стр. 147, 21.
(2) Тамъ же стр. 140, 21.

Своею кротостію Макарій обратилъ ко Христу одного идольскаго жреца, встрѣтившагося ему на пути въ гору Нитрійскую. Сего жреца встрѣтилъ прежде ученикъ Макарія, но былъ имъ избитъ до полусмерти за то, что назвалъ его демономъ. Но когда Макарій, встрѣтившись съ нимъ, ласково привѣтствовалъ его, жрецъ, пораженный симъ, сказалъ: я вижу, что ты человѣкъ Божій, и, ухватившись за ноги его, сказалъ: не отпущу тебя, пока не сдѣлаешь меня монахомъ. И онъ принятъ былъ Отцемъ въ число братіи, а чрезъ него и многіе язычники сдѣлались христіанами. Указывая на этотъ случай, Макарій говаривалъ: худое слово и добрыхъ дѣлаетъ худыми, а слово доброе и худыхъ дѣлаетъ добрыми (1).

Многіе, слыша о мудрости и святости Макарія, приходили къ нему изъ далекихъ странъ за совѣтами. Наставленія Макарія, отличаясь кротостію, полны были глубокой опытной мудрости. Ихъ цѣлію было внушать наставляемымъ вниманіе къ себѣ, богомысліе, молитву, смиреніе, короче: добродѣтели, которыми самъ онъ обладалъ въ высшей степени. Какъ мнѣ спастись? — спросилъ однажды юноша, желавшій быть инокомъ. Макарій послалъ его на кладбище сначала бранить, а потомъ хвалить мертвыхъ. Когда юноша исполнилъ это, Макарій спросилъ его: что отвѣчали ему мертвые? — Они были безмолвны и къ похвалѣ и къ порицанію.—Такъ и ты, сказалъ старецъ, не думай ни объ обидахъ отъ людей, ни о славѣ людской (2). Если для тебя поношеніе какъ похвала, бѣдность какъ богатство, недостатокъ какъ изобиліе, — ты не умрешь (3). Другому ученику, просившему у него наставленія, Макарій сказалъ: никого не осуждай, никого не обижай; соблюдай сіе и спасешься (4). Если мы будемъ помнить о

(1) Тамъ же стр. 134, 38.
(2) Тамъ же стр. 148, 23.
(3) Тамъ же 147, 20.
(4) Тамъ же стр. 141, 27.

злѣ, — говаривалъ Макарій,—какое сдѣлали намъ люди, — въ насъ ослабѣетъ памятованіе о Богѣ; ежели же будемъ помнить о злѣ, наносимомъ демонами, — будемъ безопасны отъ стрѣлъ ихъ (1).

Когда спросили Макарія, какъ молиться? — Онъ отвѣчалъ: Довольно, если вы будете часто повторять отъ всего сердца: Господи, какъ Тебѣ угодно и какъ знаешь, помилуй меня. Если же нападетъ искушеніе: Господи, помоги (2).

Тамъ, гдѣ естественные способы дѣлать другимъ добро, оказывались недостаточными, Макарій обращался къ дару чудотвореній. Такъ однажды воскресилъ онъ мертваго, чтобы доказать безсмертіе души еретикамъ. Въ другой разъ онъ воскресилъ мертваго, дабы узнать, точно ли былъ виновникомъ его смерти обвиняемый, и спасъ чрезъ сіе жизнь несправедливо обвиняемаго, котораго мертвый яснымъ голосомъ изъ гроба призналъ невиннымъ. Разъ еще Макарій, отправившись жать съ семью братіями, увидалъ, что одна женщина, собирая за ними колосья, непрестанно плакала. Отъ владѣльца поля, у котораго Макарій, вѣроятно нанимался жать, онъ узналъ, что мужъ сей женщины взялъ у кого-то поклажу, и нечаянно умеръ, не сказавъ, гдѣ положилъ оную. Макарій вопросилъ умершаго, который и сказалъ ему, гдѣ спрятана была поклажа, и этимъ избавилъ вдову и дѣтей ея отъ рабства (3). Вообще, Макарій творилъ очень много чудесъ. Столь много изцѣлилъ онъ больныхъ, — говоритъ Сократъ, — столь многихъ освободилъ отъ злыхъ духовъ, что для описанія того нужна цѣлая книга (4).

---

(1) Тамъ же стр. 133, 33.

(2) Тамъ же стр. 146, 19.

(3) Rufin. Vit. Patr. c. 18. Sozom. Lib. 3. cap. 14. Pallad Hist. Laus. c. 19 Дост. сказ. о подв. Отцевъ стр. 143. 7.

(4) Socrat. Hist. Eccl. L. 4. cap. 24.

Шестьдесятъ лѣтъ провелъ Макарій въ пустынѣ скитской, какъ странникъ на этой землѣ, мертвый для міра, непрестанно заботясь о своемъ спасеніи и о спасеніи ввѣрившихся его руководству братій. Онъ больше проводилъ времени въ бесѣдѣ съ Богомъ, нежели въ земныхъ занятіяхъ, и часто бывалъ въ состояніи духовнаго восхищенія (1). Въ писаніяхъ его сохранились для насъ драгоцѣнныя изображенія сихъ особенныхъ состояній души облагодатствованной. Живое ихъ изображеніе показываетъ, что Макарій описываетъ то, что испыталъ самъ (2). И, пользуясь его сравненіемъ, скажемъ: какъ взрослый носитъ младенца, куда хочетъ, такъ и благодать, дѣйствуя во глубинѣ сердца, носила душу его, возносила на небеса, въ міръ совершенный, въ вѣчный покой (3). Не задолго передъ своей кончиной Макарій посѣтилъ пустынниковъ горы Нитрійской, по ихъ просьбѣ. Драгоцѣнно было для братій его посѣщеніе, и они просили дать имъ наставленіе. Макарій, выслушавъ просьбу, сказалъ: восплачемъ, братія; очи наши да проливаютъ слезы, прежде нежели отойдемъ туда, гдѣ наши слезы будутъ жечь тѣла наши. И всѣ зарыдали, пали на лица свои, и сказали: Отче! помолись о насъ (4). Макарій любилъ проливать слезы. «Видѣнія дивныхъ и блаженныхъ образовъ горняго Іерусалима, — говорилъ онъ,—ты не иначе сподобишься, какъ развѣ день и ночь будешь проливать слезы, по примѣру сказавшаго: *измыю на всяку нощь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу* (Пс. 6, 7.). Слеза, проливаемая отъ великой скорби и сердечной тѣсноты, есть пища души, подаваемая отъ небеснаго хлѣба (5).»

---

(1) Pallad. Laus. cap. 19.

(2) Описаніе такихъ состояній можно видѣть въ бесѣдѣ 18, § 7. и слѣд.

(3) Бесѣд. 16. § 12.

(4) Дост. сказ. о подв. Отц. стр. 152, 33.

(5) Бесѣд. 25, § 7. 8.

Св. Макарій отшелъ въ жизнь блаженную въ 390 году, девяноста лѣтъ отъ роду (1).

Писанія св. Макарія.

Какъ драгоцѣнное наслѣдіе духовной мудрости Макарія, остались намъ 50 его бесѣдъ, писанныхъ на греческомъ языкѣ. Въ сихъ бесѣдахъ онъ призываетъ души вѣрующихъ къ единенію съ Богомъ, какъ высшему благу человѣка, и для сего раскрываетъ, что сіе единеніе было первоначальною цѣлію при сотвореніи человѣка, показываетъ гибельныя слѣдствія первороднаго грѣха, удалившаго человѣка отъ Бога, и вмѣстѣ съ тѣмъ объясняетъ возстановленіе союза человѣка съ Богомъ чрезъ Іисуса Христа; указываетъ пути, которые приводятъ къ сему единенію, и препятствія, противопоставляемыя человѣку поврежденною природою и коварствомъ духа злобы. Раскрывая трудность внутренней борьбы, отъ сего происходящей, онъ возбуждаетъ чувство нужды въ Божественной благодати для освященія нашей природы и для укрѣпленія нашей воли. Въ живыхъ чертахъ изображаетъ таинственныя дѣйствія благодати въ душѣ, вступившей въ единеніе съ Богомъ. Свои бесѣды часто прерываетъ онъ молитвою. Предлагая въ своихъ бесѣдахъ тайны высшей духовной жизни, сокрытыя отъ неоза-

---

(1) Время кончины св. Макарія Египетскаго опредѣляется на основаніи словъ Палладія. Онъ пишетъ о Макаріѣ: я не видѣлъ сего святаго; ибо за годъ до моего прихода въ пустыню почилъ этотъ побѣдитель безумныхъ страстей (Палл. Лавс. С. П. Б. 1850 стр. 53). Палладій пришелъ въ Александрію во второе консульство Ѳеодосія Великаго (Палл. Лавс. стр. 7. гл. 1), то-есть въ 388 году (L'art certif. les dates 11 Part. T. IV. p. 161.), пробылъ у пустынника, вблизи Александріи, около трехъ лѣтъ (Лавс. гл. 7, стр. 21) и отправился въ гору Нитрійскую. Вѣроятно, этотъ приходъ свой въ гору Нитрійскую и въ пустыню Келлій, лежавшихъ подлѣ нея, разумѣетъ Палладій, когда говоритъ, что Макарій Египетскій за годъ до его прихода въ пустыню Келлій скончался. Посему кончину Макарія Египетскаго мы должны отнести къ 390 г. генваря 17, когда празднуется его память.

реннаго свѣтомъ Христовымъ разума и извѣстныя душамъ облагодатствованнымъ, онъ говоритъ только то, что̀ извѣдалъ своимъ опытомъ. Отъ того, не смотря на глубину и таинственность предмета, наставленія опытнаго учителя ясны и вразумительны. То, что было бы темно по своей возвышенности, у Макарія приближается къ уразумѣнію сравненіями и образами, которые всегда просты (1).

---

(1) Первое изданіе бесѣдъ Макарія было въ Парижѣ въ 1559 году. Лучшимъ считается изданіе Прицѣево 1714., хотя оно и требуетъ еще исправленій. Котельеръ, сличивъ только нѣкоторыя мѣста бесѣдъ Макарія съ лучшими списками, указываетъ нѣкоторыя чтенія болѣе исправныя (Въ примѣч. ко 2 и 3 том. его изданія: Eccles. graec. monum.). Флоссъ (Macarii Aegyptii epistolae, homiliarum loci et caet. Henr. Josephus Floss. Coloniae 1850.), сличивъ Прицѣемъ изданныя бесѣды Макарія съ списками Ватиканской, Вѣнской, Берлинской и другихъ библіотекъ, нашелъ также много неисправностей въ печатномъ текстѣ и напечаталъ довольно обширное, доселѣ неизданное, мѣсто изъ 5-й бесѣды Макарія и конецъ 50-й бесѣды. Изъ бесѣдъ Макарія 3-я «о томъ, что братіи между собою должны жить искренно,» и 48-я «о совершенной вѣрѣ» встрѣчаются также между сочиненіями Ефрема Сирина (по русс. перев. ч. 5. стр. 13. Слово 115, и ч. 3. стр. 115. Слово 13.); только бесѣда Макарія о вѣрѣ составляетъ половину Слова Ефремова. Есть преданіе, что Ефремъ былъ въ горѣ Нитрійской и бесѣдовалъ съ пустынниками (см. прибавл. къ Твор. св. отцевъ въ русс. перев. 1848 г. ч. II. стр. 64 — 67.); поэтому и онъ могъ принести съ собою поученія Макарія, и его поученія могли остаться въ Египтѣ и войти въ число бесѣдъ Макарія. Такъ и находящееся въ 8 бесѣдѣ Макарія, по нѣкоторымъ рукописямъ греческимъ, приписывается Пр. Марку подвижнику (см. Восторгнутые класы въ пищу души 1849 стр. 139.). Бесѣда 37 о раѣ и законѣ духовномъ также приписывается Марку. Въ сирскихъ рукописяхъ встрѣчается еще, между сочиненіями сего подвижника слово сходное съ 5 бесѣдою Макарія (Assem. Biblioth. Orient. Tom. III. p. 44.). Бесѣды св. Макарія въ древнихъ славянскихъ рукописяхъ вполнѣ не встрѣчаются. Но изъ нихъ приводятъ уже нѣкоторыя мѣста Пр. Нилъ Сорскій въ своемъ уставѣ (гл. 2. стр. 50 и сл. 10 стр. 136. Моск. 1849 г.) и Іосифъ Волоколамскій въ духовной грамотѣ (гл. 6.) Переводъ бесѣдъ Макарія на славянскомъ языкѣ изданъ въ печати въ первый разъ въ Вильнѣ 1627 г. и перепечатанъ въ 1634 г. въ Кіевѣ. Новый переводъ сдѣланъ былъ при Славяно-Греко-Латинской Академіи Іеромонахомъ Моисеемъ (послѣ Епископомъ) въ 1782 г. Сей же переводъ безъ измѣненія перепечатанъ въ 1839 г. Москв. Спи. Тип. Въ Христ. чт. переведено на русскій языкъ 30 бесѣдъ съ 1821 — 1837 г. Въ 1855 г. при Московской Духовной Академіи изданъ новый переводъ словъ и бесѣдъ преп. Макарія Египетскаго.

Самое содержаніе бесѣдъ Св. Макарія указываетъ на ихъ глубокую древность. Писатель ихъ въ бесѣдѣ 27 § 15 представляется современнымъ Исповѣдникамъ. Кромѣ того, онъ имѣетъ въ виду еретиковъ, которые говорили, что «матерія не имѣетъ начала, что она есть сила равная Богу». Но такіе еретики жили прежде 4-го вѣка и въ 4-мъ вѣкѣ. Преп. Исаакъ Сиринъ говоритъ о св. Макаріѣ, какъ о мужѣ, писавшемъ съ великою прозорливостію, и приводитъ мѣста изъ его писаній, которыя очевидно заимствованы изъ бесѣдъ Макарія (1). Ѳома Маргскій, жившій въ началѣ IX вѣка въ своей «исторіи монаховъ» (2), приводитъ мѣста изъ писаній Макарія Египетскаго. Іоаннъ, Патріархъ Антіохійскій (XI в.), въ своемъ сочиненіи «о монастыряхъ», перечисляя душеспасительныя писанія Пастырей Церкви и Отцевъ пустынныхъ, одобренныя Церковію для общаго употребленія, помѣщаетъ между ними книги св. Макарія подвижника скитскаго (3). Притомъ, бесѣды Макарія во всѣхъ спискахъ греческихъ и въ переводахъ арабскомъ и сирскомъ, по рукописямъ IX и даже VIII в, приписываются Макарію Египетскому (4).

Кромѣ 50 бесѣдъ, извѣстны семь подвижническихъ Словъ Макарія Египетскаго, по содержанію своему сходныхъ съ его бесѣдами (5).

---

(1) Слово 46 по славянскому переводу, 49-е по греческому изданію: объ истинномъ вѣдѣніи и «объ искушеніяхъ».

(2) Assem. Biblioth. orient. Tom. III. p. 501.

(3) Cotel. monum. graec. Eccles. Tom. I. p. 11. 333.

(4) Barb. Biblioth. Tom. 8. p. 363. Mai. Collect. Veter. Auctor. Tom. 4. p. 191, 192. 1831. Romae.

(5) Въ первый разъ семь Словъ Макарія изданы Поссаромъ (1683 г. Filosae); ихъ внесъ потомъ въ свое изданіе Прицій и помѣстилъ Голландъ въ Библ. древнихъ Отцевъ. На славянскій они переведены Германомъ (С. П. Б. 1775 г.); три изданія сего перевода сдѣланы были въ Москвѣ (1781 г. и 1798 г.). Четыре слова, именно: 1, о возношеніи ума, 2, о любви, 3, о свободѣ ума, 4, о храненіи сердца въ 1821 г. переведены на русскій языкъ въ Христ. чтеніи. Изъ самаго содержанія сихъ Словъ видно, что

Кромѣ бесѣдъ и словъ Макарія, давно уже извѣстныхъ, недавно изданы Флоссомъ два посланія Макарія (1), одно на греческомъ языкѣ, другое въ латинскомъ переводѣ. Послѣднее давно было извѣстно по рукописямъ. О немъ упоминаетъ Гепнадій въ сочиненіи «о писателяхъ церковныхъ» (2). Онъ

они выбраны изъ бесѣдъ Макарія. Въ одномъ изъ списковъ Вѣнской Библіотеки встрѣчаются главы Макарія съ слѣдующимъ надписаніемъ: *κεφάλια τῶ ἁγίω Μακαρίω μεταφρασθέντα παρὰ Συμεὼν τῶ Λογοθέτη*, 109. О нихъ упоминаетъ Левъ Аллацій, исчисляя ученые труды Симеона Метафраста. Изъ сихъ главъ Макарія приводили свидѣтельство Отцы Собора, бывшаго противъ Варлаама и Акиндина, для опроверженія ихъ ереси (Leo Allat. diatr. de Symeon. p. 132. et Lamb. Comment. V, 121 и дал.). Флоссъ, разсматривавшій эту рукопись, нашелъ, что упомянутыя 150 главъ изъ бесѣдъ Макарія заключаютъ именно тѣ слова, которыя изданы Поссиномъ, исключая слово «о храненіи сердца» (Floss. p. 236.). Но и это слово очевидно также выбрано изъ бесѣдъ Макарія, стоитъ только сравнить сего слова гл. I. II. VI. X. XII. XIII. XIV, съ бесѣдами XVII. § 15. XV, 39, VII, 8, XL, 12. XVI, 2. XXXVII, 10. XIX. Если немногія мѣста изъ сихъ словъ не находятся въ бесѣдахъ, можно отыскивать въ посланіяхъ Макарія. Глика въ своей лѣтописи приводитъ такія слова «изъ писемъ» (*ἐν ἐπιστολαῖς*) Макарія Великаго, которыя читаются во 2-й гл. 4-го слова (Fabr. Bibl. gr. Tom. 8. p. 363.). Въ спискѣ церковныхъ писателей Авдіуса Митрополита Низовійскаго Макарію Египетскому приписываются три книги о подвижничествѣ (Assem. Bibl. orient. Tom. III. p. 14.). Неизвѣстно, что должно разумѣть подъ сими книгами. На сирскомъ языкѣ встрѣчаются въ рукописи три слова Макарія и восемь писемъ, а въ другомъ пять словъ и десять писемъ. Въ арабскихъ рукописяхъ есть сборникъ, содержащій 26 писемъ и словъ Макарія къ инокамъ и его слово о молитвѣ и письмо въ инокамъ (Assem. Bibl. orient. Tom. III. p. 44.). Судя по приведеннымъ Анжело Маіо первымъ словамъ сихъ бесѣдъ, мы находимъ въ семъ арабскомъ спискѣ слѣдующія греческія бесѣды: 1—5 7. 8. 10. 11. 12. 13. 17. 18. 19. 40.). Прочихъ одиннадцати бесѣдъ по начальнымъ словамъ не усматривается между изданіями греческими (Maii Collect. Vet. Auct. Tom. 4. p. 191. 192).

(1) Первое посланіе напечатано на латинскомъ языкѣ. Оглавляется оно такъ: incipit epistola sancti Macarii ad filios Dei. Напечатано оно по тремъ спискамъ — Ватиканскому XIII в., Тревизскому XV в., и библіотеки Гимназіи XV в. Другое посланіе имѣетъ надписаніе: *τῶ αὐτῶ ἁγίου Μακαρίου Ἐπιστολὴ μεγάλη καὶ πάνυ ὠφελίμος*. Оно напечатано по рукописи Берлинской XII или XIII вѣка (Floss. Macarii Aegyptii epistolae, homiliarum loci et caet. 1850. Colon. p. 191—220.

(2) De scriptor. Eccl. cap. 10.

говоритъ, что Макарій Египетскій написалъ посланіе къ инокамъ, въ которомъ поучаетъ, что человѣкъ можетъ совершать истинное служеніе тогда только, когда, познавъ самого себя, добровольно будетъ нести всѣ труды, мужественно борясь со страстями и призывая помощь Божію, будетъ стремиться къ достиженію первоначальной чистоты. Кажется, сіе самое письмо было извѣстно и св. Исааку Сурину (1). Онъ пишетъ: « А то, на какой высокой степени и сколь великимъ искушеніямъ подвергаются святые, ты можешь узнать, если хочешь, изъ одного письма того же Макарія. Письмо же это слѣдующаго содержанія: Авва Макарій пишетъ всѣмъ своимъ чадамъ возлюбленнымъ, гдѣ ясно научаетъ, какимъ образомъ Богъ устрояетъ спасеніе то искушеніями, то благодатнымъ заступленіемъ. Именно, что Божіей премудрости благоугодно пріучать святыхъ къ добродѣтели во всю жизнь ихъ не иначе, какъ посредствомъ борьбы противъ грѣха, дабы они во всякое время возвышали свой взоръ къ Нему и, непрестанно обращая взоръ къ Нему, возрастали въ святой любви къ Нему; потому что, будучи угнетаемы страстями и страхомъ паденія, они непрестанно будутъ прибѣгать къ Нему и преуспѣвать въ вѣрѣ, надеждѣ и любви къ нему ».

Св. Макарію Египетскому еще принадлежатъ нѣкоторыя молитвы, вошедшія въ церковное употребленіе. Его именемъ изъ молитвъ « на сонъ грядущимъ » надписывается молитва первая: *Боже вѣчный и Царю всякаго созданія*, и молитва четвертая: *что Ти принесу, или что Ти воздамъ, великодаровитый, безсмертный Царю,* и проч. Изъ утреннихъ молитвъ его именемъ надписывается молитва первая: *Боже, очисти мя грѣшнаго, яко никомиже сотворихъ благое предъ Тобою,* — молитва вторая: *отъ сна востався, полунощную пѣснь приношу Ти, Спасе,*—молитва третія: *къ*

(1) Исаака Сур. слово 46-е по славянскому переводу.

Тебѣ, Владыко человѣколюбче, отъ сна востав прибѣгаю, и молитва четвертая: *Господи, Иже многою Твоею благостію и великими щедротами Твоими, далъ еси мнѣ рабу Твоему* и проч. По греческимъ рукописямъ приписывается Макарію Египетскому и девятая утренняя молитва Ангелу Хранителю: *Святый Ангеле, предстоій окаянной моей души.*

Ученіе св. Макарія о благодати.

Главный и самый обыкновенный предметъ наставленій Макарія — благодать Божія, спасительная всѣмъ человѣкамъ. Въ каждой почти бесѣдѣ, въ каждомъ почти словѣ онъ говоритъ о благодати:—то показываетъ необходимость ея, то указываетъ на средства къ ея пріобрѣтенію, то изображаетъ ея дѣйствія.

Благодать, какъ ее понимаетъ Макарій согласно съ словомъ Божіимъ, есть сила Божественная, даруемая человѣку для того, чтобы онъ могъ познать Бога, исполнять заповѣди Его и получить вѣчное блаженство.

Очень часто и очень сильно говоритъ св. Макарій о необходимости благодати Божественной для человѣка. Необходимость ея для человѣка онъ доказываетъ свойствомъ самой природы человѣческой, которая, по своей ограниченности, не можетъ поддержать сама себя, но все нужное для себя должна получить отвнѣ. «Богъ, совершивъ сіе (земное) тѣло, назначилъ ему не изъ собственнаго естества его получать жизнь, пищу, питіе, одежду, и обувь; но все нужное для поддержанія жизни опредѣлилъ ему заимствовать отвнѣ, такъ что тѣло, сотворенное нагимъ, само по себѣ, безъ внѣшнихъ пособій, т. е. безъ пищи, питія и одежды, жить не можетъ, и если бы оно оставлено было само по себѣ, безъ всякаго внѣшняго подкрѣпленія, то скоро разрушилось бы и погибло: такъ точно и

душа, не имѣя въ себѣ Божественнаго свѣта, но будучи сотворена по образу Божію, не изъ собственнаго существа заимствуетъ себѣ пищу и питіе духовное и небесную одежду, т. е. истинную жизнь свою, но отъ Бога, отъ Духа Его и отъ свѣта Его. Ибо естество Божіе имѣетъ въ Себѣ и хлѣбъ жизни, Рекшаго: *Азъ есмь хлѣбъ животный* (Іоан. 6, 51), *и воду живую, и вино веселящее сердце человѣка* (Іоан. 4, 10. Пс. 103, 15.), и елей радости, и многоразличную пищу духовную, и небесную одежду свѣта, отъ самого Бога происходящаго. Въ семъ состоитъ вѣчная жизнь души. Горе тѣлу, когда оно ограничивается однимъ собственнымъ его существомъ! Оно разрушается и умираетъ. Горе и душѣ, если она остается только при одной себѣ, надѣется только на дѣла свои, и не имѣетъ общенія съ Духомъ Божіимъ! Она умираетъ, не сподобясь вѣчной Божественной жизни» (1). «Какъ земля, говоритъ Макарій въ другомъ мѣстѣ (2), оставленная самой себѣ, ежели не будетъ къ ней приложено стараніе земледѣльца, и если она не будетъ напояема дождями и согрѣваема солнцемъ, будетъ пуста и безплодна; и какъ всякій домъ имѣетъ нужду въ свѣтѣ, который не одного съ нимъ естества, и безъ котораго онъ былъ бы теменъ и къ обитанію неудобенъ: такъ и человѣческое естество, будучи не въ состояніи само по себѣ производить совершенные плоды добродѣтели, имѣетъ нужду въ духовномъ дѣлателѣ душъ нашихъ, т. е. въ Духѣ Христовомъ, Который также не одного съ нами естества, ибо мы твореніе, а Онъ несотворенный.» Изъ приведенныхъ мѣстъ видно, что св. Макарій признавалъ благодать Божію, или высшую помощь Божественную, всегда необходимою для человѣка, въ какомъ бы состояніи онъ ни былъ; тѣмъ болѣе необходима благодать Божія для человѣка, въ настоящемъ разстроенномъ его состояніи.

---

(1) Бесѣда 1 § 10. 11.
(2) Слово о любви § 12.

Человѣкъ чрезъ паденіе такъ глубоко ниспалъ въ бездну зла, что собственными силами никакъ не можетъ освободиться отъ него: «злой начальникъ темнаго царства, плѣнивъ человѣка вначалѣ, не оставилъ въ немъ иподной части свободною отъ своей власти, но оскернилъ и плѣнилъ всего человѣка,— и помышленія, и умъ, и тѣло, и всего облекъ въ ветхаго человѣка, сквернаго, нечистаго, враждебнаго Богу и Божію закону непокорнаго, облекъ его въ самый грѣхъ, чтобы человѣкъ не могъ уже смотрѣть такъ, какъ бы ему хотѣлось, но чтобы и видѣлъ худо, и слышалъ худо, чтобы и ноги имѣлъ скорыя къ злодѣянію, и руки творящія беззаконіе, и сердце занятое злыми помыслами. При столь глубокомъ поврежденіи человѣческаго естества, одинъ только Богъ можетъ отнять отъ насъ грѣхъ: поелику враги, которые плѣнили насъ и держатъ въ своемъ царствѣ, сильнѣе насъ (1). Никто не можетъ наступать на аспида и василиска и попирать льва и дракона, если не будетъ укрѣпленъ Тѣмъ, Кто сказалъ Апостоламъ: *се даю вамъ власть наступати на змію и на скорпію и на всю силу вражію* (Лук. 10, 19). Ибо если бы природа человѣческая безъ помощи всеоружія Духа Святаго могла устоять противъ козней діавольскихъ, то Апостолъ не сказалъ бы: *Богъ же мира да сокрушитъ сатану подъ ноги ваша вскорѣ* (Рим. 16, 20) (2). Безсиліе природы человѣческой, лишенной благодати Духа Святаго, св. Макарій представляетъ въ различныхъ образахъ. «Какъ если бы кто смѣсилъ муку съ водою, но не положилъ бы закваски, то сколько бы ни трудился, сколько бы ни мѣсилъ, тѣсто не будетъ кисло, и не годится въ пищу, но когда положена будетъ закваска, то она соединяетъ все тѣсто, и дѣлаетъ все оное кислымъ; или какъ если мясо не будетъ осолено, то загниваетъ и дѣлается такъ смрадно, что всѣ отвращаются отъ него по причинѣ худаго запаха, черви пол-

(1) Бесѣда 11, § 1.
(2) Бесѣд. XXV, § 12.

заютъ по загнившему мясу, питаются имъ и гнѣздятся въ немъ; но когда въ него будетъ положена соль, то гнѣздившіеся въ немъ черви умираютъ, истребляются, и отвратительный запахъ изчезаетъ: такимъ же образомъ, говоритъ св. Макарій, представляй себѣ и все человѣчество, т. е. какъ мясо неосоленное, или тѣсто безквасное, а соль и квасъ представляй изъ другаго вѣка (ἐξ ἑτέρου αἰῶνος), т. е. Божественное существо Духа Святаго. Ежели изъ онаго вѣка и онаго естества въ униженное естество человѣческое не будетъ примѣшана небесная закваска Духа, святая и благая соль Божества; то душа не избавится отъ зловонія порока и не вскиснетъ по тяжести и безквасію лукавства. Ибо весьма заблуждаетъ душа, которая, надѣясь только на свою силу, повидимому, сама собою дѣлаетъ, трудится и успѣваетъ, думая, что и безъ помощи Духа, сама собою можетъ достигнуть полнаго совершенства. Нѣтъ! если Господь не вдохнетъ свыше въ душу человѣка жизнь Божественную, онъ не будетъ имѣть истинной жизни, не истрезвится отъ пьянства грѣховнаго; свѣтъ духа не возсіяетъ въ душѣ помраченной, и она не возбудится отъ глубочайшаго сна невѣдѣнія, дабы такимъ образомъ, силою Божіею и дѣйствіемъ благодати, истинно познать Бога (1).

Прекрасно изображаетъ св. Макарій и крайнее безсиліе падшаго человѣка, и сохранившіеся остатки добра, сравненіемъ его съ младенцемъ, ищущимъ матери. «Не правда, говоритъ онъ, то, что нѣкоторые говорятъ, будто человѣкъ совершенно мертвъ, и никакъ не можетъ сдѣлать ничего добраго. Младенецъ, хотя ничего не можетъ сдѣлать, и самъ прійдти къ матери; но онъ движется и плачетъ, ища матери; мать надъ нимъ сжаливается и радуется, что онъ ищетъ ее съ такимъ усиліемъ и плачемъ, и хотя дитя не можетъ дойти до нея, но за то она сама подходитъ къ нему, побуждаясь любовію

(1) Бесѣд. 1. § 5. Бесѣд. XXIV, § 4. 5.

къ дитяти, беретъ его на руки, прижимаетъ къ груди и кормитъ съ великою нѣжностію: такъ дѣлаетъ и человѣколюбивый Богъ съ приступающею къ Нему и ищущею Его душею (1).

Какъ пріобрѣсть благодать? Первымъ и необходимымъ условіемъ для пріобрѣтенія благодати подвижнику благочестія св. Макарій поставляетъ вѣру. « Вѣруя всемогущему Богу простымъ и непытливымъ сердцемъ приступимъ къ Тому, Который даруетъ всѣмъ причастіе Духа Святаго по мѣрѣ вѣры, а не по уподобленію дѣлъ вѣрѣ; ибо сказано: *не отъ дѣлъ закона Духа пріясте, но отъ слуха вѣры* (Гал. 3, 2.) (2). За невѣріе наше, за недостатокъ усердія въ насъ, за то, что мы не любимъ Бога отъ всего сердца, и не истинно ему вѣруемъ, мы не получили еще духовнаго исцѣленія и спасенія. Итакъ, чтобы Онъ скоро даровалъ намъ истинное исцѣленіе, приступимъ къ Нему съ истинною вѣрою: ибо Онъ обѣщалъ дать просящимъ у Него Духа Святаго, *толкущимъ отверзать, ищущимъ обрѣстися* (3). Если кто лишенъ Божественной и небесной одежды, которую составляетъ сила Духа, какъ сказано: *аще кто Духа Христова не имать, сей нѣсть Еговъ* (Рим. 8, 9.), тотъ плачь и взывай ко Господу, чтобы получить свыше сію духовную одежду, и оною облечь душу, обнаженную Божественной силы (4).»

Сознавая вполнѣ необходимость молитвы для полученія благодати, св. Макарій очень часто въ своихъ бесѣдахъ побуждаетъ обращаться къ Богу съ молитвою о благодати. « Помолимся и мы Христу, чтобы намъ Его силою быть закланными и умереть для злаго и темнаго міра, чтобы въ насъ былъ истребленъ грѣхъ, чтобы намъ получить небеснаго Духа и

---

(1) Бесѣд. XLVI.

(2) Бесѣд. XXXVII, § 7, сравн. Бесѣд. XLIV. § 5. XLI. § 2. Слово о свободѣ ума § 24. Слово о храненіи сердца.

(3) Бесѣд. XX. § 8.

(4) Бесѣд. XX. § 1.

облечься Имъ (1). Помолимся, да совлечетъ съ насъ ветхаго человѣка (2). Помолимся, да дастъ намъ крилѣ голубинѣ Святаго Духа, да возлетимъ къ Нему и почіемъ» (3). Впрочемъ одна молитва, безъ попеченія объ исправленіи себя, безъ посильнаго упражненія въ добродѣтели, не приведетъ еще къ желаемой цѣли. Если по молитвѣ благодать и будетъ дана, то безъ упражненія она скоро можетъ быть и опять потеряна. «Кто принуждаетъ себя къ одной только молитвѣ, а къ смиренію, любви, кротости и къ прочимъ добродѣтелямъ не принуждаетъ и не подвизается въ нихъ, тому дается иногда, по его прошенію, благодать Божія; поелику Богъ, будучи благъ, человѣколюбиво подаетъ просящему просимое; но поелику такой человѣкъ не упражнялся въ добродѣтеляхъ, не пріучилъ себя къ исполненію ихъ, то или впадая въ гордость, лишается благодати, которую получилъ, или не пріобрѣтаетъ въ ней ничего болѣе и не возрастаетъ въ ней. Ибо, можно сказать, жилище и покой Святаго Духа есть смиреніе, любовь и кротость и прочія Христовы заповѣди» (4).

Итакъ, желающій истинно благоугодить Богу и принять отъ Него небесную благодать Духа, долженъ принуждать себя ко всякому дѣлу благому, хотя бы сердце его отъ него отвращалось. Но со всѣмъ этимъ всегда должно быть соединено смиреніе, чтобы принять и сохранить въ себѣ благодать. «Если царь поручитъ какому-нибудь нищему свое сокровище; то принявшій оное на сохраненіе не считаетъ его своимъ, но всегда признаетъ свою нищету, не смѣя расточать чужаго сокровища; ибо всегда думаетъ, что не только это сокровище чужое, но и поручилъ мнѣ оное державный государь, и, когда

---

(1) Бесѣд. 1. § 9.

(2) Бесѣд. 11. § 2.

(3) Бесѣд. 11. § 3. Срав. Бесѣд. XX. § 3 и др. Слово о храненіи сердца § 14.

(4) Слово о свободѣ ума § 19. Бесѣд. XIX. § 6.

ему угодно, можетъ взять его отъ меня: такъ должны думать о себѣ самихъ и тѣ, которые имѣютъ благодать Божію;—они должны смиряться и признавать свою нищету. Ибо какъ нищій, принявшій отъ царя для сбереженія сокровище, если, понадѣясь на сіе чужое сокровище, какъ на собственное богатство, возгордится, и сердце его исполнится надменія: то царь беретъ у него обратно свое сокровище, и получившій оное на сохраненіе остается по прежнему нищимъ: такъ и тѣ, которые имѣютъ благодать, если возгордятся, и если надменіемъ исполнится сердце ихъ: то Господь отъемлетъ у нихъ благодать Свою, и они остаются таковыми же, каковыми были прежде полученія благодати отъ Господа» (1).

Изложивъ ученіе св. Макарія о необходимости благодати и о средствахъ къ полученію ея, теперь изложимъ его мысли о томъ, какъ сообщается благодать человѣку и какія дѣйствія она производитъ въ немъ.

«Двоякимъ образомъ, говоритъ св. Макарій, благодать сообщается человѣку. Ибо иные, какъ скоро приступятъ къ Богу съ вѣрою и молитвою, пока еще живутъ въ мірѣ, безъ ихъ трудовъ, потовъ и изнуреній получаютъ дары Святаго Духа. А инымъ, хотя они и удалились отъ міра и отреклись отъ сего вѣка по заповѣдямъ евангельскимъ, и непрестанно упражняются въ молитвахъ, постѣ и другихъ добродѣтеляхъ, не скоро Богъ даетъ благодать, успокоеніе и духовную радость, но медлитъ и удерживаетъ дары Свои». Цѣль такого разнообразнаго дѣйствія Божія въ сообщеніи даровъ благодати есть та, чтобы испытать расположеніе человѣка. Однимъ дается благодать скоро, дабы испытать, «будутъ ли они чувствовать благодѣяніе, милость и благость Божію, соразмѣрно благодати, дарованной имъ безъ всякаго труда, которой удостоившіеся должны показать плодъ любви своей отъ своей воли и сер-

(1) Бесѣд. XV. § 25.

дечнаго расположенія». Инымъ медлитъ Богъ сообщать благодать Свою, «дабы увидѣть, почитаютъ ли они вѣрнымъ и истиннымъ Бога, Который обѣщалъ дать просящимъ, а потому, останутся ли въ твердомъ упованіи на Него». Самымъ медленіемъ въ сообщеніи даровъ Онъ болѣе воспламеняетъ желаніе небесныхъ благъ, заставляетъ ежедневно прилагать большее стараніе, трудъ, подвигъ, упражненіе во всѣхъ добродѣтеляхъ, алчбу и жажду (1).

Благодать, сообщенная человѣку, не вдругъ очищаетъ его, но постепенно, мало-по-малу. «Посадившій виноградную лозу вдругъ ли получаетъ виноградъ и выдѣлываетъ изъ него вино? Сѣющій сѣмена тотчасъ ли жнетъ и собираетъ плоды? Дитя вдругъ ли послѣ рожденія приходитъ въ мужескій возрастъ совершенный? Воинъ, поступившій въ военную службу, тотчасъ ли получаетъ отличія? Прежде надобно потрудиться и побывать на войнѣ и послѣ того уже можно получить побѣдные вѣнки (2). Такъ и въ дѣлѣ благодатнаго преспѣянія.» Когда дѣйствіе благодати Божественной пріосѣнитъ душу, по мѣрѣ вѣры ея, и подастъ ей силу свыше, то пріосѣняетъ ее только нѣкоторою частію. Не думай, чтобы кто вдругъ просвѣтился всею душею. Нѣтъ! много еще и послѣ того въ немъ остается пищи грѣху, и человѣкъ долженъ употребить много труда и стараній, чтобы соотвѣтствовать благодати, въ немъ находящейся. Конечно, благодать Божія могла бы въ одно мгновеніе очистить человѣка и сдѣлать совершеннымъ; но она совершаетъ сіе по-немногу для того, чтобы испытать расположеніе человѣка, сохранитъ ли онъ всецѣло любовь къ Богу не пріобщаясь ни въ чемъ къ злу, но предавъ всего себя благодати Божіей. И такимъ образомъ душа, испытанная въ теченіе времени, и не оскорбившая ничѣмъ благодати, постепенно вос-

(1) Бесѣд. XXIX. § 1. 2. 3 и др.
(2) Слово о храненіи сердца § 11.

принимаетъ отъ нея силу. И благодать въ такой душѣ находитъ себѣ пищу, и простираетъ свои корни въ самыя глубочайшія ея части и мысли, — говорю о душѣ уже искушенной многими случаями и найденной готовою къ принятію благодати» (1).

Какія дѣйствія благодать производитъ въ человѣкѣ?

1) Благодать, вселяясь въ человѣка, умерщвляетъ живущій въ немъ грѣхъ. «Когда выйдетъ изъ тѣла душа, говоритъ св. Макарій, то оно остается мертво и не живетъ уже тою жизнію, которою прежде жило, не слышитъ и не ходитъ: такъ, когда небесный Первосвященникъ Христосъ благодатною Своею силою убіетъ и умертвитъ нашу душу для міра; тогда она умираетъ для нечестивой жизни, которою дотолѣ жила, и болѣе не обращается къ грѣховной тьмѣ; потому что дѣйствіемъ благодати выходятъ изъ нея злыя страсти, которыя составляютъ какъ бы душу ея» (2).

2) Удостоившіеся получить благодать легко исполняютъ всѣ заповѣди. «Кто нашелъ и у себя имѣетъ небесное сокровище Духа, тотъ исполняетъ всякую правду, предписанную въ заповѣдяхъ, и всякую добродѣтель, не только въ чистотѣ и непорочности, но и безъ труда и принужденія, чего прежде и при большихъ трудахъ не было возможности сдѣлать» (3). Человѣкъ, получившій благодать, украшается всѣми добродѣтелями. «Облекъ ихъ (возрожденныхъ) Господь, говоритъ св. Макарій, одеждою неизреченнаго царственнаго свѣта, одеждою, вѣры, надежды, любви, радости, мира, благости и человѣколюбія и всѣми прочими одѣяніями Божественными свѣта, жизни и неизреченнаго упокоенія, дабы, какъ самъ Богъ есть любовь, радость, миръ, благость, таковымъ былъ и новый человѣкъ, по дѣйствію благодати Божіей (4).

---

(1) Бесѣд. XLI. § 1. 3.
(2) Бесѣд. 1. § 6.
(3) Бесѣд. XVIII. § 29.
(4) Бесѣд. II. § 3.

3) Облагодатствованная душа освобождается и отъ всякой прявязанности къ міру «Душа, удостоившаяся быть жилищемъ вышней силы и проникнутая отъ Святаго Духа небесною любовію, совершенно отрѣшается отъ всякой любви къ міру и освобождается отъ узъ ея. Ибо, если любовь къ плотскому, брачному союзу отдѣляетъ отъ отца, матери и братьевъ, такъ что если кто и любитъ кого изъ сихъ, то любитъ немного, всѣмъ же расположеніемъ и всею любовію преданъ живущей съ нимъ женѣ: то предавшіеся оной безстрастной любви могутъ ли быть обладаемы какою-либо любовію міра» (1)? Для человѣка, имѣющаго благодать въ сердцѣ своемъ ничто въ вѣкѣ семъ не бываетъ привлекательно. «Ибо онъ стоитъ выше всего мірскаго, хотя бы ты говорилъ ему о золотѣ, хотя о серебрѣ, хотя бы о честяхъ и славѣ, хотя бы о величіи и похвалахъ: ничто не можетъ прельстить его. Ибо онъ позналъ опытно иное богатство, иную честь и иную славу, и питаетъ душу нетлѣнною радостію и ощущаетъ и вполнѣ наслаждается оною, чрезъ общеніе съ Духомъ» (2). «Христіане, говоритъ въ другомъ мѣстѣ Макарій, истинно пріобщившіеся благодати, могутъ разумѣть, что весь земной міръ, и царскія сокровища, и богатство, и слава, и науки (*σοφίας λόγοι*) призрачны и не имѣютъ прочнаго основанія, но скоро преходятъ, и потому все, что̀ есть подъ небомъ, они легко презираютъ» (3).

4) Души, утвердившіяся въ благодати, достигаютъ самаго тѣснаго единенія съ Богомъ. «Ежели душа прилѣпляется къ Господу, то и Господь, милосердіемъ и любовію подвигнутый, приходитъ и прилѣпляется къ ней, и такимъ образомъ душа и Господь дѣлаются однимъ духомъ, единымъ растореніемъ и единымъ умомъ. И хотя ея тѣло находится на землѣ, но умъ

(1) Слово о возвышеніи ума, срав. Бес. IV. § 13, 14.
(2) Слово о любви § 22.
(3) Бесѣд. XV. § 40.

весь и всецѣло обитаетъ въ небесномъ Іерусалимѣ, восходитъ до третьяго неба, соединяется съ Господомъ, и служитъ тамъ Ему; Господь содѣлывается наслѣдіемъ души, а душа наслѣдіемъ Господа» (1).

5) Душа, удостоившаяся быть жилищемъ Духа Святаго, наконецъ, такъ очищается и просвѣтляется, что вся становится свѣтомъ. Объясняя иносказательно видѣніе Пророка Іезекіиля (Іез. гл. 1. ст. 1 и др.), св. Макарій говоритъ (2), что «Пророкъ видѣлъ тайну души, долженствующей принять Господа своего и содѣлаться для Него престоломъ славы; ибо душа, которую Духъ, уготовляющій ее Себѣ въ престолъ и жилище, удостоитъ пріобщиться Его свѣта, и осіяетъ красотою неизреченной Его славы, становится вся свѣтомъ, вся лицемъ, вся окомъ; не остается въ ней ни одной части, которая бы не была исполнена духовныхъ очей свѣта, то-есть, не остается въ ней ничего темнаго, но вся она дѣлается свѣтомъ и духомъ, и вся исполняется очей.... Какъ солнце со всѣхъ сторонъ одинаково, и не имѣетъ въ себѣ ни одной части, которая бы, въ отношеніи къ другимъ частямъ, могла назваться послѣднею, или несовершенною, но все это безъ изъятія сіяетъ свѣтомъ, и все есть свѣтъ; или какъ огонь, то-есть самый свѣтъ огня, во всемъ самъ себѣ подобенъ, и не имѣетъ въ себѣ ничего такаго, что бы можно было назвать переднимъ или заднимъ, бо́льшимъ или меньшимъ: такъ и душа, совершенно осіянная неизреченною красотою свѣта лица Христова, пришедшая въ совершенное общеніе съ Духомъ (Христовымъ) Святымъ и удостоившаяся быть жилищемъ и престоломъ Божіимъ, бываетъ вся око, вся свѣтъ, вся лице, вся слава, вся духъ.» «Когда кто достигнетъ духовнаго совершенства, говоритъ въ другомъ мѣстѣ св. Макарій, очистившись отъ всѣхъ совершенно страстей, и всецѣло съ Духомъ Утѣшителемъ со-

(1) Бесѣд. XLVI. § 34.
(2) Бесѣд. 1. § 2.

единившись неизреченнымъ общеніемъ, когда и сама душа, сочетавшись съ Духомъ, удостоивается быть духомъ; тогда она бываетъ вся свѣтомъ, вся радостію, вся покоемъ, вся восторгомъ, вся любовію, вся состраданіемъ, вся благостію, вся милостію, и какъ бы погружается въ совершенство благаго Духа, подобно какъ камень въ безднѣ морской объемлется со всѣхъ сторонъ водою. Такимъ образомъ люди, всецѣло соединенные съ Духомъ Божіимъ, дѣлаются подобными самому Христу, сохраняя въ себѣ постоянно силы Духа, и являя для всѣхъ духовные плоды: ибо когда Духомъ они содѣланы внутри чистыми и непорочными; то невозможно, чтобы внѣ себя приносили они плоды злые, но всегда во всемъ являются у нихъ плоды Духа» (1).

Таковы дѣйствія благодати въ душѣ человѣка! Кромѣ общихъ наставленій о дѣйствіяхъ благодати въ душѣ человѣка, святый Макарій въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своихъ бесѣдъ описываетъ еще особенныя, болѣе частныя и временныя состоянія душъ облагодатствованныхъ, и его описаніе такихъ состояній для насъ драгоцѣнно. «Удостоившіеся быть чадами Божіими,—говоритъ онъ,—и отъ Духа Святаго родиться свыше, различно водятся Духомъ Святымъ. Мы возьмемъ примѣры отъ наслажденій, встрѣчающихся въ мірѣ, и по частямъ изобразимъ чрезъ нихъ дѣйствія благодати въ душѣ. Возбуждаемые благодатію иногда, подобно находящимся на царскомъ пирѣ, радуются и веселятся наслажденіемъ неизреченнымъ. Иногда они, подобно невѣстѣ, наслаждающейся съ женихомъ своимъ, наслаждаются Божественною сладостію. Иногда, какъ безтѣлесные Ангелы, они бываютъ весьма легки и свободны, находясь еще въ тѣлѣ. Иногда, какъ упившіеся отъ вина, они веселятся, упоенные Духомъ, т. е. питіемъ Божественныхъ и духовныхъ таинъ. А иногда они плачутъ и рыдаютъ о родѣ

(1) Слово о любви § 7.

человѣческомъ, и моляся за весь родъ Адама, по любви духовной къ человѣчеству, проливаютъ слезы. Иногда Духъ Святый исполняетъ ихъ такимъ восторгомъ и любовію, что, еслибы можно было, они желали бы принять въ свои нѣдра всякаго человѣка, не разсуждая, хорошъ ли онъ или худъ. А иногда, по смиренномудрію духовному, они такъ себя унижаютъ, что почитаютъ себя всего хуже и презрѣннѣе. Иногда Духъ Святый держитъ ихъ въ неизреченной радости. Иногда, какъ сильный ратникъ, облекшись въ царское всеоружіе и вышедши на брань, мужественно сражается съ врагами и побѣждаетъ ихъ: такъ и духовный человѣкъ ихъ, принявъ небесное оружіе Духа, выходитъ противъ враговъ, сражается и повергаетъ ихъ къ ногамъ своимъ. Иногда душа успокоивается въ великой тишинѣ и мирѣ, находясь въ духовной радости, неизреченномъ покоѣ и безопасности. Иногда она научается отъ благодати знанію и непостижимой премудрости и разумѣнію тѣхъ вещей, которыхъ никакой языкъ пересказать не можетъ. Иногда она бываетъ такова же, каковъ и всякой человѣкъ. Иногда благодать такъ умиротворяетъ всѣ члены и сердце, что душа отъ великой радости является какъ дитя незлобивое, и въ семъ состояніи уже не осуждаетъ человѣкъ ни еллиновъ, ни іудеевъ, ни грѣшника, ни міролюбца; но внутренній человѣкъ смотритъ на всѣхъ чистымъ окомъ, радуется о всемъ мірѣ, и совершенно расположенъ почитать и любить еллиновъ и іудеевъ. Иногда онъ какъ сынъ царевъ, имѣетъ дерзновеніе къ Сыну Божію, какъ къ Отцу; ему отверзаются двери, и онъ входитъ внутрь многихъ обителей, и по той мѣрѣ, какъ входитъ, ему отверзаются новыя обители, напримѣръ, послѣ сотни обителей другія сто. Онъ богатѣетъ, и по той мѣрѣ, какъ богатѣетъ, ему отверзаются еще новыя чудеса. Какъ сыну и наслѣднику, ему ввѣряются такія вещи, которыхъ человѣческія уста изречь и изъяснить не могутъ (1).

(1) Бесѣд. VIII. § 6.

Иногда бываетъ, что человѣкъ, въ цѣлый день занятый дѣлами, становится на молитву на одинъ только часъ, и въ это время внутренній человѣкъ его съ такою сладостію погружается въ молитву и въ безпредѣльную глубину онаго вѣка, что весь умъ переселяется въ горняя. Въ сіе время забываетъ онъ всѣ земныя попеченія и заботы, потому что умъ его бываетъ наполненъ и плѣненъ Божественными, небесными, безпредѣльными, непостижимыми и чудными предметами, коихъ человѣческимъ словомъ изречь невозможно, такъ что въ тотъ же часъ человѣкъ желаетъ и говоритъ: о, еслибы и душа моя туда ушла вмѣстѣ съ молитвой (1)!» Такія состоянія духовнаго восторга не могутъ быть продолжительными. Они по временамъ только посѣщаютъ душу. «Хотя благодать, говоритъ св. Макарій, непрестанно сопребываетъ, укореняется и дѣйствуетъ какъ закваска въ человѣкѣ съ юнаго возраста, и сіе сопребывающее въ человѣкѣ дѣлается чѣмъ-то какъ бы природнымъ и неотдѣлимымъ, какъ бы единою съ нимъ сущностію: однако же, какъ ей угодно, различно видоизмѣняетъ она свои дѣйствія въ человѣкѣ къ его пользѣ. И огонь иногда возгарается и бываетъ сильнѣе, а иногда слабѣе и тише; и свѣтъ временемъ сіяетъ и свѣтитъ сильнѣе, а временемъ сокращается и меркнетъ. Равнымъ образомъ и сія свѣща, т. е. благодать, всегда горящая и свѣтящая, иногда горитъ ярко, и тогда душа возгарается сильнѣе отъ упоенія любви Божіей; но потомъ издаетъ свѣтъ умѣреннѣе, хотя и это, остающееся въ душѣ, есть свѣтъ только слабѣйшій. Иногда отъ сего самаго свѣта, возгарающагося въ сердцѣ, открывается внутреннѣйшій, глубочайшій и сокровенный свѣтъ, такъ что человѣкъ, весь погрузясь въ сладостное созерцаніе, не владѣетъ болѣе собою и становится буйнымъ и страннымъ для міра сего, по преизобилію любви и услажденія и по со-

(1) Бесѣд. VIII. § 1.

кровеннымъ тайнамъ, имъ созерцаемымъ; высвободившись на то время, онъ спѣшитъ достигнуть въ мѣру совершенства, чтобы быть чистымъ и свободнымъ отъ грѣха. Но потомъ благодать умаляется, и простирается покрывало противной силы; въ семъ случаѣ благодать является уже только отчасти, и человѣкъ тогда бываетъ на низшемъ степени совершенства. Положимъ, что человѣкъ долженъ пройдти двѣнадцать степеней, чтобы достигнуть совершенства. Если кто достигъ послѣдняго степени: то достигъ и совершенства. Но благодать опять умаляется, и человѣкъ сходитъ на одинъ степень ниже и стоитъ на одиннадцатомъ. » Для чего же это допускается? Почему благодать иногда умѣряетъ свѣтъ и силу свою въ человѣкѣ, и человѣкъ отъ сего долженъ низойдти съ высшей степени на низшую? Отвѣтъ св. Макарія такой: «если бы чудныя состоянія, въ которыя благодать иногда поставляетъ человѣка, всегда находились при немъ, — то онъ не могъ бы ни принять на себя служеніе слова, ни понести какихъ-либо трудовъ, ни попещись о нужномъ для себя самого, ни о завтрашнемъ днѣ, а сидѣлъ бы только въ углу, въ восхищеніи и упоеніи. Поэтому и не дано человѣку стоять на степени совершенства, чтобы онъ могъ имѣть попеченіе о братіяхъ и упражняться въ служеніи слова (1).»

Св. Макарій не допускаетъ того, чтобы еще здѣсь на землѣ человѣкъ могъ рѣшительно достигнуть полнаго совершенства. « Я еще не видалъ, говоритъ онъ, ни одного христіанина совершеннаго или свободнаго отъ грѣха. Ибо хотя иной успокоивается благодатію, получаетъ таинственныя откровенія, и вкушаетъ сладость благодати, но при всемъ томъ и грѣхъ еще находится въ немъ» (2). «Нерѣдко мы видѣли между бра-

(1) Бесѣд. VIII. § 2. 3. Срав. слово о любви § 9. 10.
(2) Бесѣд. VIII § 5.

тіями, говоритъ св. Макарій въ другомъ мѣстѣ, толико богатую получившихъ благодать, что въ продолженіе пяти или шести лѣтъ, какъ говорили они, похоть въ нихъ совершенно погасала, но потомъ, когда они думали, что достигли пристани и тишины, зло какъ бы изъ скрытой засады дѣлало на нихъ столь сильное и жестокое нападеніе, что приводило ихъ въ ужасъ и недоумѣніе. Посему, никто изъ благоразумныхъ людей не смѣетъ сказать: такъ какъ благодать со мною, то я уже свободенъ отъ грѣха. Ибо въ одномъ и томъ же умѣ дѣйствуютъ два духа, (т. е. благодать и похоть)». Въ объясненіе того, какъ совмѣщаются дѣйствія благодати и грѣха въ одной и той же душѣ, св. Макарій говоритъ, что и въ мірѣ, гдѣ повсюду присутствуетъ Богъ, какъ вездѣсущій, существуетъ и сатана; такъ и грѣхъ бываетъ въ душѣ вмѣстѣ съ благодатію. Отъ такаго сожителя благодать нисколько не терпитъ. «Если солнце, будучи тѣло и созданіе, освѣщая смрадныя и нечистыя мѣста, ни мало не повреждается и не помрачается; то тѣмъ болѣе Духъ Святый, соединяясь съ душею, еще волнуемою грѣхомъ, нисколько не можетъ отъ него оскверниться; ибо *свѣтъ во тмѣ свѣтитъ, и тма его не объятъ* (Іоан. 1, 5.). Мнѣ кажется, въ семъ случаѣ бываетъ такимъ образомъ: какъ во время чистаго сіянія солнца нечаянно находитъ мрачный паръ или облако, и потемняетъ прекрасный свѣтъ; подобное сему случается и съ тѣми, которые получили благодать Божію, но еще не очищены до совершества (1).»

Отношеніе благодати къ свободѣ человѣка.

Св. Макарій училъ, что человѣкъ тогда только получаетъ благодать, когда пожелаетъ и будетъ искать ее, что онъ можетъ обратиться къ добру изъ самой глубины зла, что самая благодать не можетъ дѣйствовать одна, но требуется содѣйствіе человѣка. На самомъ высшемъ степени причастія благо-

(1) Слово о возвышеніи ума § 14 ср. Бесѣд. XXXVIII. § 4. Бесѣд. XVII. § 4. Бесѣд. XVI. § 4. 6.

дати человѣкъ можетъ пасть и лишиться благодати; но и послѣ самаго паденія можетъ опять востать и снова получить даръ благодати.

«Природа человѣческая,—говоритъ св. Макарій,—способна къ принятію и добра и зла, Божественной благодати и противной силы, но принуждена къ тому быть не можетъ» (1). Природа человѣка такова, что онъ, находясь въ безднѣ зла и работая грѣху, можетъ обратиться къ добру; равно какъ и получившій благодать Духа Святаго и преисполненный небесными дарами имѣетъ возможность обратиться къ злу» (2).

Человѣкъ отъ природы получаетъ расположеніе къ добру, которое онъ не долженъ подавлять въ себѣ, но болѣе и болѣе усиливать и раскрывать. «Богъ повелѣваетъ, чтобы человѣкъ сначала позналъ добро умомъ, познавъ возлюбилъ его, и волею совершалъ добро. Но мысль привести въ дѣйствіе, перенести трудъ, и совершить дѣло — это даруетъ благодать возжелавшему и увѣровавшему. Безъ согласія воли человѣческой самъ Богъ ничего не производитъ въ человѣкѣ, хотя и могъ бы, по причинѣ свободы, которою одаренъ человѣкъ» (3). Когда Господь увидитъ кого-либо, что онъ удерживаетъ себя отъ развлеченій міра, рѣшился служить ему со страхомъ, то подаетъ ему дѣятельную помощь отъ Своей благодати. Но что дѣлать Ему съ тѣмъ, кто добровольно предаетъ себя міру, идетъ вслѣдъ его похоти (4)? Поелику Господь, обращаясь къ Іерусалиму, сказалъ: *колькраты восхотѣхъ собрати чада твоя, и не восхотѣсте* (Лук. 13, 34.); то мы должны вѣровать, что Онъ самъ насъ собираетъ къ Себѣ и требуетъ отъ насъ одного расположенія (слѣдовать за Нимъ). Но чѣмъ доказать сіе расположеніе, если не произвольными трудами (5)?

---

(1) Бесѣд. XV. § 34.
(2) Бесѣд. XV. § 40.
(3) Бесѣд. XXXVII. § 10.
(4) Слово о возвышеніи ума. § 3.
(5) Бесѣд. XXXII. § 10.

Человѣкъ долженъ пріучать себя ко всякой добродѣтели; тогда онъ удостоится и помощи отъ благодати (1).

Но и тогда, какъ человѣкъ удостоится благодати, свобода его не стѣсняется. «Дабы и по принятіи благодати видно было, къ чему воля человѣка стремится и на что соглашается, для сего природа остается такою же: и человѣку суровому оставляется его суровость, а легкому его легкость. Случается, что человѣкъ простой, духовно возродившись, дѣлается мудрымъ, и ему открываются сокровенныя тайны, но по природѣ своей онъ остается простымъ. Иной, будучи суровъ отъ природы, предаетъ волю свою на угожденіе Богу, и Богъ пріемлетъ его; но природа его остается въ своей суровости, хотя и благоволитъ къ нему Богъ. Другой добронравный, смиренный, добрый предаетъ себя Богу, и Господь пріемлетъ его: но если постоянно не пребываетъ въ добрыхъ дѣлахъ; то Богъ не благоволитъ къ нему (2). Человѣкъ долженъ содѣйствовать благодати, иначе она останется безплодною въ немъ, или совсѣмъ удалится. «Какъ богачи земные, — говоритъ св. Макарій, — хотя и много плодовъ соберутъ въ житницы свои, однако ежедневно снова трудятся, чтобы не обнищать, а болѣе разбогатѣть; ибо, если понадѣются на богатство, лежащее въ житницахъ, и не будутъ стараться пріумножать его, но станутъ расточать собранное, то скоро впадутъ въ бѣдность и нищету; посему, не смотря на свои пріобрѣтенія и приращенія, должны еще трудиться и собирать, чтобы не обнищать: такъ должно быть и въ христіанствѣ съ тѣми, кто вкусилъ благодати Христовой. Но ежели душа будетъ неисправна въ своемъ служеніи, и ежели не станетъ угождать Богу и повиноваться Его волѣ, и не будетъ содѣйствовать благодати Духа, тогда съ срамомъ и поношеніемъ изгоняется, какъ безчестная,

---

(1) Слово о свободѣ ума § 19. Бесѣд. XIX. § 6.
(2) Бесѣд. XXVI. § 3.

и отлучается отъ жизни, какъ непотребная и неспособная къ соединенію съ Царемъ Небеснымъ (1).» «Вкусившіе Божественной благодати и сдѣлавшіеся причастниками Духа, если не будутъ беречься, то всего лишатся и сдѣлаются хуже, нежели каковы были прежде, не потому, чтобы Богъ былъ измѣняемъ и безсиленъ, или чтобы Духъ угасалъ, но поелику люди сами не согласуются съ благодатію, потому они и отвергаются отъ нея, и впадаютъ въ безчисленные пороки (2).»

Свобода остается такъ неприкосновенною въ человѣкѣ, что хотя бы кто и преисполненъ былъ благодати, всегда можетъ пасть (3). «Самимъ Апостоламъ, совершеннымъ въ благодати, благодать не воспретила бы дѣлать что-либо по своему желанію, если бы они пожелали и неугоднаго благодати, впрочемъ они грѣшить не могли, потому что не возносились, будучи озарены такимъ свѣтомъ и удостоены такой благодати (4). Не смотря на то, что они были совершенны, свобода произвола была и у нихъ, и несправедливо нѣкоторые несмысленно говорятъ, что, получивъ благодать, душа освобождается отъ заботы. Ибо и отъ совершенныхъ Господь требуетъ воли души на служеніе Духу, такъ чтобы воля и благодать согласовались между собою. Ибо говоритъ Апостолъ: *Духа не угашайте*» (1 Сол. 5, 19.) (5).

Благодать не оставляетъ совсѣмъ человѣка и по его паденіи, но возбуждаетъ его къ раскаянію. «Падшаго человѣка,—говоритъ св. Макарій,—Богъ желаетъ снова привесть къ жизни, и потому побуждаетъ его къ плачу и раскаянію. Если и пребываетъ въ немъ благодать, то для того, чтобы распола-

---

(1) Бесѣд. XV. § 18. § 2.
(2) Бесѣд. XV. § 34.
(3) Бесѣд. XV. § 14.
(4) Бесѣд. XXVII. § 10. 11.
(5) Слово о возвышеніи ума § 16. Бесѣд. XVII.

гать его къ плачу и раскаянію о прежнихъ грѣхахъ» (1) Благодать Божія съ любовію пріемлетъ человѣка кающагося, и дары посылаемые по благодати не измѣряются по сравненію съ прежнею немощію; потому что благодать тогда уже не была бы благодатію» (2).

Вотъ ученіе св. Макарія о благодати! Изложимъ кратко главныя его мысли.

1) Благодать есть Божественная сила, сообщаемая человѣку ради заслугъ Христовыхъ.

2) Она необходима человѣку, потому что безъ нея человѣкъ не можетъ познать Бога, освободиться отъ власти діавола, творить доброе и получить вѣчное блаженство.

3) Благодать, водворившись въ человѣкѣ, освобождаетъ его отъ привязанности къ земному, умерщвляетъ въ немъ грѣхъ, даруетъ ему легко и удобно исполнять всѣ заповѣди, и наконецъ дѣлаетъ наслѣдникомъ царства небеснаго.

4) Для полученія благодати, отъ человѣка требуются вѣра, молитва, упражненіе въ добрѣ и смиреніе.

5) Благодать не исключаетъ свободы человѣка. Она сообщается по свободному желанію и исканію человѣка, и когда сообщается, тогда требуется свободное содѣйствіе ей отъ человѣка.

---

(1) Бесѣд. XV. § 17.
(2) Бесѣд. XXXVII, § 7.

ПУСТЫННОЖИТЕЛИ СКИТА (1).

Хотя Скитъ былъ отдаленъ отъ горы нитрійской на 24 часа пути, но главные старцы обѣихъ пустынь имѣли частыя между собою сношенія. Нѣкоторые изъ старцевъ нитрійскихъ, какъ напримѣръ Макарій, Серапіонъ, Памво, Агаѳонъ и другіе, имѣли келліи въ Скиту, куда удалялись по временамъ для большаго безмолвія. Изъ жизни Макарія Египетскаго также видно, что онъ нерѣдко навѣщалъ нитрійскихъ иноковъ, содѣйствовалъ имъ въ ихъ духовномъ дѣланіи своими совѣтами и наставленіями. При этомъ близкомъ общеніи главные старцы нитрійскіе собирались иногда вмѣстѣ съ старцами Скита, чтобы согласиться въ принятіи общихъ мѣръ для блага управляемыхъ ими иноковъ или разрѣшить недоумѣнія, возникавшія по особеннымъ случаямъ. Посему правила, которыми руководствовались въ жизни своей иноки скитскіе, были сходны съ правилами иноковъ нитрійскихъ. На это указываетъ и дошедшій до насъ уставъ иноческой жизни, составленный въ общемъ собраніи старцевъ: Серапіона, Макарія, Пафнутія и другаго Макарія (2).

---

(1) Скитъ, на коптскомъ языкѣ Schiet, значитъ пространная равнина.
(2) Lucae. Holst. Cod. Reg. Tom. 1. p. 11.

Монахи Скита не имѣли одного общаго начальника, но подчинены были собранію старцевъ. Въ исторіи скитскихъ подвижниковъ часто упоминается объ этихъ собраніяхъ. Собранія бывали обыкновенно въ церкви, и чаще въ субботу и воскресенье, когда иноки собирались для присутствованія при Богослуженіи. Въ особенныхъ случаяхъ онѣ заранѣе назначались пресвитеромъ, совершавшимъ службу и происходили подъ его предсѣдательствомъ. Въ этихъ собраніяхъ разсуждали или о духовныхъ предметахъ, или объ общихъ для всѣхъ пустынниковъ дѣлахъ, или судились важные проступки братіи, или выбирались лица для церковныхъ должностей. Если возникали въ сихъ собраніяхъ разсужденія о предметахъ не относящихся къ назиданію, но болѣе питающихъ любопытство, то мудрые отцы останавливали такія разсужденія. Такъ однажды скитскіе отцы собрались разсуждать о Мельхиседекѣ. Авва Копрій воскликнулъ: «горе тебѣ, Копрій! ты оставилъ дѣлать то, что заповѣдуетъ тебѣ Богъ, а испытуешь то, чего Онъ отъ тебя не требуетъ». Братія, услышавъ это, оставивъ собранія, разошлись по келліямъ (1). Хотя рѣшеніе важныхъ дѣлъ зависѣло отъ собранія старцевъ, но пресвитеры четырехъ церквей скитской пустыни не были лишены духовной власти надъ тѣми иноками, которые причислялись къ ихъ церкви. Они, какъ духовные отцы, наставляли, руководили иноковъ и иногда сами налагали наказанія. Какъ духовными нуждами братій завѣдывали пресвитеры: такъ для завѣдыванія потребностями житейскими былъ избираемъ экономъ. Кассіанъ говоритъ (2), что въ должность экономa никто не вступалъ по своей воли, но въ нее возводили по выбору старцевъ, общимъ согласіемъ утверждавшихъ въ семъ званіи достоуважаемыхъ и по возрасту, и по силѣ вѣры, и по святости жизни. Хотя въ Скиту не

(1) Дост. скал. о под. Отц. 121.
(2) Collat. c. XXI. c. 1.

было общежитія иноческаго, но подвижники Скита, живя въ отдѣльныхъ келліяхъ по одному или съ нѣсколькими учениками, содержались трудами рукъ своихъ; но потребность поддержанія церквей, при которыхъ кромѣ того были больницы для престарѣлыхъ или больныхъ иноковъ, заставляли принимать отъ усердствующихъ приношенія. Многіе благочестивые люди считали долгомъ приносить инокамъ начатки и десятины плодовъ своихъ полей. Эти приношенія разсылались отъ экономa инокамъ по келліямъ, и самые великіе старцы огорчались, если ихъ обходили въ этомъ дѣлежѣ. Такъ однажды прислано было въ Скитъ нѣсколько мелкихъ смоквъ и ихъ, какъ ничего не стоющихъ, не послали къ Аввѣ Арсенію. Старецъ, услышавъ объ этомъ, не пошелъ въ церковь и сказалъ: вы отлучили меня, лишивъ благословенія, которое Богъ послалъ братіямъ и котораго я не удостоился получить. Всѣхъ тронуло смиреніе старца. Пресвитеръ пошелъ, отнесъ ему смоквъ и съ радостію привелъ его въ церковь (1). Въ случаѣ значительнаго приношенія устроялись для братіи общія вечери (2).

Пустынники Скита были самыми строгими по подвигу воздержанія. Они разрѣшали себѣ только одно сухоядѣніе. Считалось грѣхомъ чревоугодія, если кто вкушалъ варево въ простые дни кромѣ воскресенья. Авва Ахила сдѣлалъ выговоръ Аввѣ Исаіи за то, что тотъ подлилъ нѣсколько воды въ соль, которую ѣлъ съ хлѣбомъ потому, что отъ трудовъ во время жары у него пересохло горло и онъ не могъ иначе проглотить куска. Посмотрите, сказалъ Ахила, на Исаію, какъ онъ хлебаетъ похлебку въ Скиту. Если хочешь хлебать похлебку, то ступай въ Египетъ (3). Іоаннъ Коловъ говорилъ: «Отцы скитскіе вкушали хлѣбъ съ солью и говорили: не должно

(1) Лост. сказ. о подв. Отц. стр. 13.
(2) Тамъ же стр. 194, 22.
(3) Тамъ же стр. 39.

намъ обременять себя хлѣбомъ и солью. Потому они и сильны были въ дѣлѣ Божіемъ (1).» Многіе принимали пищу только разъ въ недѣлю. Строгость поста ослаблялась только для гостей. У скитскихъ иноковъ было такое правило: въ какое бы время кто не пришелъ, всякій долженъ былъ сотворить молитву, а они во время этой молитвы занимались приготовленіемъ трапезы и потомъ вмѣстѣ вкушали пищу. Нѣкоторые иноки тогда только и вкушали, когда кто-нибудь къ нимъ приходилъ. Зная это правило Ѳеодоръ Александрійскій, жившій въ Теренуфѣ, ходилъ каждую субботу къ Аммонію, чтобы заставить его вкусить пищу (2).

Впрочемъ мудрые отцы, изнуряя себя подвигами воздержанія, считали постъ только средствомъ къ обузданію страстей. «Мы учились, говорилъ Пименъ Незлобу, умерщвлять не тѣло, а страсти (3).» Отцы тщательно заботились, чтобы излишнее воздержаніе не питало въ неопытныхъ подвижникахъ помысловъ тщеславія.—«Если подвизаетесь въ постѣ, говорилъ пресвитеръ скитскій Исидоръ, не гордитесь. Если же тщеславитесь симъ, то лучше ѣсть мясо. Ибо не такъ вредно для человѣка ѣсть мясо, какъ гордиться и надмеваться (4).» Потому признавали лучшимъ, чтобы подвижники каждый день по немногу принимали пищи, и даже подбавляли въ нее каплю елея не для вкуса,—ибо ея нельзя и ощутить, но для того, чтобы предохранить себя отъ превозношенія строгимъ воздержаніемъ. «Неумѣренность въ постѣ и неумѣренность въ пищѣ, говорилъ подвижникъ Скита Моисей, приводятъ къ одному концу. Ибо ослабѣвшій отъ излишняго воздержанія приходитъ въ тоже состояніе, въ какомъ находится нерадивый отъ безпечности. Такъ что мы часто видѣли, что тѣ, которые не могли быть

(1) Тамъ же стр. 106.
(2) Лугъ духовн. гл. 33.
(3) Тамъ же стр. 225.
(4) Тамъ же стр. 96.

прельщены чревоугодіемъ, были низложены неумѣренностію постовъ; и неумѣренныя бдѣнія и нощныя стоянія низложили тѣхъ, которыхъ не могъ побѣдить сонъ. Итакъ, руководствуясь разсужденіемъ, должно вести себя такъ, чтобы не уклоняться отъ стези воздержанія и не пасть отъ гибельнаго послабленія гортани и чреву. «Отцы скитскіе, разсматривая различные виды воздержанія когда иные постоянно питались бобами, другіе только травою, иные плодами,—предпочли всему этому вкушеніе хлѣба, котораго точнѣйшую мѣру опредѣлили двумя небольшими хлѣбцами, имѣвшими вѣсу едва одинъ фунтъ. Если не вкушать при этомъ ничего варенаго, то этого очень довольно для строгаго поста. Впрочемъ главная мѣра воздержанія состоитъ въ томъ, чтобы всякій, смотря по требованію силъ или тѣла или возраста, принималъ пищи столько, сколько требуютъ поддержаніе плоти, а не желаніе насыщенія (1). Такъ же отвѣчалъ Пименъ на вопросъ Іосифа, какъ должно поститься. «Надобно, сказалъ Пименъ, ѣсть каждый день, но ѣсть не много, не до сыта. Какъ же ты, Авва, спросилъ его Іосифъ, въ юности своей постился по два дня? Точно постился я и по три дня, и по четыре и по недѣлѣ, но отцы, испытавшіе все это, нашли, что лучше ѣсть каждый день по немногу и показали намъ путь царскій: ибо онъ удобнѣе для насъ (2). «Опытные старцы осуждали тѣхъ, которые вмѣсто того, чтобы ѣсть каждый день по два хлѣбца, чрезъ два съѣдали четыре хлѣба: потому что это могло произвести отягченіе. Такъ какъ законъ любви требовалъ, чтобы иноки съ посѣтителями раздѣляли трапезу, то дабы не нарушить правила поста, сохраняя законъ любви, старцы давали правило съѣдать въ девятый часъ одинъ хлѣбецъ, а другой оставлять до вечера съ тѣмъ, чтобы, если придутъ гости, то съ ними съѣсть

(1) Cass. Coll. 2. c. 17—22.
(2) Дост. сказ. 195.

другой хлѣбецъ. Они дозволяли, если не будетъ гостей, съѣсть ввечеру оставшійся хлѣбецъ, когда сильно чувство голода. Кассіанъ описываетъ образецъ роскошнаго стола въ Скиту. Онъ съ Германомъ пришелъ къ Аввѣ Серену. Въ воскресенье послѣ Богослуженія вмѣсто разсола, который съ каплею елея прибавлялся къ ежедневной пищѣ, онъ примѣшалъ къ ней не много взвару и влилъ елея нѣсколько болѣе обыкновеннаго. Потомъ предложилъ три маслины вареныя съ солью, принесъ блюдо варенаго гороху и сливы. Мы взяли, разсказываетъ Кассіанъ, по пяти зеренъ гороху, по двѣ сливы, по одной маслинѣ. Брать больше этого считалось въ Скиту грѣшнымъ (1). Какъ чуждались иноки всего излишняго, видно изъ двухъ примѣровъ. Одинъ больной братъ захотѣлъ мягкаго хлѣба. Во всемъ Скиту не нашли его. Другому брату больному нуженъ былъ уксусъ. Въ четырехъ лаврахъ Скита искали его и не нашли. А тамъ отцевъ было около трехъ тысячъ пяти сотъ (2). Строгимъ постомъ изнуряя тѣло свое, иноки скитскіе старались лишать себя всякаго успокоенія тѣлеснаго въ жилищахъ, въ одеждѣ. Келліи иноковъ были такъ просты, что они выстраивали ихъ въ одинъ день. Въ нихъ кромѣ необходимаго для работы ничего не было. Одежды носили они ветхія, изорванныя, сшитыя изъ пальмовыхъ листьевъ и тѣхъ болѣе двухъ не имѣли. Отцы египетскіе имѣли обыкновеніе сберегать до смерти своей левитонъ и куколь, въ которыхъ приняли монашескій образъ и въ нихъ погребаться; въ продолженіи жизни надѣвали ихъ только по воскреснымъ днямъ для пріобщенія Св. Таинъ и тотчасъ послѣ скидали (3). Спали обыкновенно на полу на цыновкахъ; подкладывали подъ голову связки изъ тростника, которыя служили и сѣдалищемъ (4).

---

(1) Cass. Coll. 8. c. 1.
(2) Лугъ духовн. гл. 112.
(3) Дост. сказ. стр. 277.
(4) Cass. Coll. 1. c. 23.

Какъ были иноки нестяжательны, показываетъ слѣдующій примѣръ. Одинъ знатный человѣкъ принесъ въ Скитъ значительную сумму денегъ и просилъ пресвитера раздѣлить ихъ между иноками. «Они не имѣютъ нужды въ деньгахъ, сказалъ пресвитеръ.» Но когда этотъ человѣкъ сильно настаивалъ на исполненіе своей прозьбы, пресвитеръ поставилъ ящикъ съ деньгами при дверяхъ церкви и сказалъ братіи, что имѣющіе нужду могутъ брать, сколько имъ угодно. Ни одинъ изъ иноковъ не дотронулся до денегъ. Многіе прошли мимо и не взглянувъ на нихъ. Тогда пресвитеръ, возвращая деньги принесшему, сказалъ: Богъ принялъ твое приношеніе; возьми деньги и раздай ихъ нищимъ (1). Еще одинъ Христолюбецъ принесъ деньги къ старцу, бывшему въ проказѣ: ты старъ и боленъ, сказалъ онъ, возьми это, чтобы облегчить себя въ нуждахъ. «Увы! отвѣчалъ старецъ, вотъ уже шестьдесятъ лѣтъ я боленъ, и Богъ по Своей благости пекся о моемъ содержаніи, а ты хочешь лишить меня попеченій Его промысла, дѣлая себя моимъ кормильцемъ.» И старецъ не взялъ денегъ (2).

Живя трудами рукъ своихъ, иноки выработывали только то, что необходимо было для пропитанія. Отцы опредѣлили, что все, превышающее нужду насущнаго пропитанія и неизбѣжное требованіе плоти, относится къ печали и заботѣ житейской. Напримѣръ это забота житейская, когда, имѣя возможность удовлетворить нуждамъ нашего тѣла однимъ динаріемъ, мы работаемъ и трудимся, чтобы пріобрѣсти два или три, и когда для одѣянія достаточно двухъ одеждъ, мы хотимъ пріобрѣсти три или четыре;—когда для жительства достаточно одной келліи, мы строимъ ихъ нѣсколько и пригомъ пространнѣе и изысканнѣе отдѣланныхъ (3). Рукодѣлье иноковъ Скита было

---

(1) Rosweid. Oct. P. P. p. 387 n. 19.
(2) Ibid. n. 20.
(3) Cass. Coll. 9. c. 5.

самое простое—плетеніе рогожъ, корзинъ изъ тростника, вязаніе сѣтей и подобное. Такія рукодѣлья имѣли то преимущество, что они отъ людей, изнуренныхъ постомъ, не требовали усильнаго труда, совершались въ келліи и, по простотѣ своей, не развлекая мысли иноковъ, давали уму свободу устремляться къ Богу. Во время жатвы иноки нанимались у поселянъ жать хлѣбъ. О платѣ они не договаривались; ждали молча, какъ бы долго её ни откладывали. Безъ позволенія хозяина они не осмѣливались сорвать и колоса для себя. Случалось, что если во время работы одинъ братъ заболѣвалъ, другіе, сдѣлавъ за него дѣло, принуждали его взять часть платы, какъ бы онъ самъ работалъ (1). Даже не имѣя нужды въ работѣ иноки трудились, чтобы не быть въ праздности. Пришли однажды къ Аввѣ Ахилѣ иноки за назиданіемъ и увидали, что онъ ночью плелъ большую веревку. «Съ вечера и до сихъ поръ, сказалъ Ахила, я свилъ двадцать лактей, а не имѣю нужды въ нихъ. Но какъ бы не прогнѣвался на меня Богъ, и не осудилъ меня за то, что, будучи въ силахъ работать, не работаю; потому тружусь и дѣлаю по силамъ своимъ (2).» Другой подвижникъ, Павелъ, жившій въ Каламѣ, находя въ плодахъ пальмы и небольшаго сада все нужное для жизни и не имѣя возможности работать для продажи, потому что провозъ его работы стоилъ бы болѣе, нежели за сколько она могла быть продана,— не смотря на это поставилъ себѣ непремѣннымъ правиломъ каждый день дѣлать извѣстное число корзинъ. Потрудившись цѣлый годъ, когда пещера его была полна корзинъ, онъ сжигалъ ихъ. И это дѣлалъ онъ потому, что иноку трудно очистить свое сердце, дать постоянство своимъ мыслямъ побѣдить лѣность и полюбить пребываніе въ своей келліи, если не будетъ занятъ работою (3). Посему опытные старцы осуждали

(1) Rosw. p. 634 n. 20.
(2) Дост. сказ. стр. 40.
(3) Cass. inst. L. 10. c. 24.

монаховъ такъ называемыхъ Эвхитовъ, которые, подъ предлогомъ непрестанной молитвы, отказывались отъ рукодѣлья. Пришли однажды Евхиты къ Лукію. Старецъ спросилъ ихъ: какое у васъ рукодѣлье? Мы не занимаемся рукодѣльемъ, отвѣчали они, но непрестанно молимся, какъ заповѣдуетъ Апостолъ. Ужели вы и не ѣдите и не спите, спросилъ старецъ. Ѣдимъ и спимъ, отвѣчали они. Кто же молится за васъ, когда вы ѣдите и спите? Они не знали, что отвѣчать. Тогда Лукій сказалъ имъ: простите мнѣ, вы не дѣлаете, какъ говорите. А я вамъ покажу, что и занимаясь своимъ рукодѣльемъ, непрестанно молюсь. Размочивъ немного прутьевъ, съ Богомъ сажусь я и плету изъ нихъ веревку, а между тѣмъ читаю: помилуй мя Боже по велицѣй милости Твоей и по множеству щедротъ Твоихъ очисти мя (Пс. 50, 1—3.). Не молитва ли это? Проводя цѣлый день въ работѣ и молитвѣ, я заработываю около 16 монетъ. Двѣ изъ нихъ подаю нищимъ, а остальныя употребляю на пищу. Кто приметъ отъ меня двѣ монеты, молится за меня, когда я ѣмъ и сплю; и такимъ образомъ по милости Божіей исполняю непрестанную молитву (1). Одинъ братъ пришедшій къ Силуану, увидавъ, что братія работаютъ, сказалъ старцу: дѣлайте не брашно гиблющее (Іоан. 6, 7.). Марія же благую часть избра (Лук. 16, 22.). Старецъ велѣлъ ученику своему отвести пришедшаго въ пустую комнату и дать ему книгу. Наступилъ девятый часъ — время трапезы иноковъ, братъ ждетъ, не позовутъ ли его обѣдать. Но зову не было. Онъ пошелъ къ старцу и говоритъ: не ужели братія не ѣли? ѣли, отвѣчалъ старецъ. Почему же не позвали меня? Ты человѣкъ духовный, избралъ благую часть, читая цѣлый день; и не имѣешь нужды въ такой пищѣ, а мы, какъ плотскіе, хотимъ ѣсть и потому работаемъ. Вразумленный братъ просилъ прощенія у старца. Тогда Силуанъ ска-

(1) Дост. сказ. 134.

залъ: такъ и Марія имѣетъ нужду въ Маѳѣ; ибо и Марія похваляется изъ-за Маѳы (1).

Обязанность молитвы дѣйствительно составляла важнѣйшую обязанность иноковъ. «Цѣль всякаго монаха и совершенство, говорилъ Исаакъ, заключаются въ постоянной и непрерывной молитвѣ сколько возможно для немощи человѣческой. Для достиженія сего мы употребляемъ всѣ труды и все сокрушеніе сердца. Ибо между добродѣтелями и молитвою есть взаимная и нерасторгаемая связь. Ибо какъ безъ добродѣтелей не можетъ быть пріобрѣтена и доведена до полноты непрерывная и постоянная молитва: такъ и добродѣтели, которыя приготовляютъ ее, не будутъ тверды и прочны, если не будутъ связаны молитвою, и совершенствомъ молитвы завершается все зданіе добродѣтелей.»

Посему опытные старцы бдительно наблюдали, чтобы нерадѣніе, разсѣяніе мыслей или разслабленіе сердца не ослабили въ юныхъ отшельникахъ духа молитвеннаго. «Чтобы молитва могла быть вознесима съ должною горячностію и чистотою, говоритъ тотъ же опытный подвижникъ, необходимо всякую заботу о земныхъ вещахъ отсѣчь, отстранить не только попеченіе о чемъ-нибудь, но и самое воспоминаніе. Осужденіе, суесловіе или многоглаголаніе, шутки должны быть также отсѣчены, возмущеніе гнѣва или печали, или похоти должно быть исторгнуто съ корнемъ. Послѣ такого предварительнаго очищенія, которое довершается чистотою простоты и невинности, должно положить непоколебимое основаніе смиренія». За симъ раскрывая ту мысль, что душа должна быть удерживаема отъ всякаго развлеченія, чтобы она мало по малу возвышалась къ созерцанію Бога и духовному видѣнію, Исаакъ говоритъ: чѣмъ занята будетъ душа наша предъ часомъ молитвы, то по внушенію воспоминанія необходимо представится намъ и во время

(1) Дост. сказ. 260

молитвы. Посему каковыми хотимъ быть во время молитвы, таковыми должны устроить себя до молитвы. Ибо умъ во время молитвы получаетъ настроеніе отъ предъидущаго состоянія; образъ прежнихъ дѣйствій, также словъ или чувствованій, посѣсь предъ нами, заставитъ насъ или гнѣваться или печалиться или перебирать случаи вожделѣній или возмущаться какимъ-нибудь словомъ или поступкомъ и носиться въ прежнихъ развлеченіяхъ. Потому мы должны прежде молитвы изгнать изъ глубины сердца то, чего не хотимъ, чтобы вкрадывалось въ насъ во время молитвы. Если хотимъ, чтобы молитвы наши проникали не только небо, но и превыше небесъ, будемъ стараться, очистивъ умъ нашъ отъ всѣхъ земныхъ пороковъ и отъ всѣхъ скверны страстей, возводить его на высоту, чтобы молитва ни чѣмъ необремененная постепенно восходила къ Богу (1).

Для стяжанія непрестаннаго памятованія о Богѣ, отцы Скита совѣтывали инокамъ имѣть въ умѣ одну краткую молитву, и для сего они избрали стихъ Псалма: Боже въ помощь мою вонми, Господи помощи мнѣ потщися (Пс. 69. 1).

Подвижники Скита, воспитанные подъ руководствомъ Духоноснаго Макарія, который жилъ болѣе въ Богѣ и часто погружался въ духовный восторгъ, во время молитвы испытывали и высшія состоянія молитвеннаго восторга. Вотъ что говоритъ объ этой молитвѣ одинъ изъ подвижниковъ Скита:

«Высшая молитва, не многимъ извѣстная и понятная, даже неизреченная, превосходя всякое человѣческое разумѣніе, не выражается раздѣльно звукомъ голоса или движеніемъ языка и произношеніемъ словъ. Умъ, озаренный изліяніемъ небеснаго свѣта, не человѣческими изреченіями высказываетъ ее, но, преисполненный чувствами, обильно изливаетъ ихъ какъ бы изъ многоводнаго источника и въ неизреченномъ воздыханіи возно-

(1) Cass. Coll. I. 9. 3.

ситъ къ Господу, въ краткое время выражая болѣе, нежели сколько умъ, пришедши въ себя, можетъ пересказать или припомнить.... Какимъ образомъ внутреннія душевныя чувства проявляются во внѣ, это опредѣлить также трудно. Ибо часто чувство молитвенное обнаруживается въ неизъяснимой радости и веселіи духа такъ, что отъ безмѣрной радости оно невольно проторгается въ нѣкоторыхъ восклицаніяхъ. А иногда умъ съ такимъ безмолвіемъ сокрывается въ тайныхъ глубинахъ молчанія, что восторгъ отъ внезапнаго озаренія удерживаетъ всякій звукъ голоса и изумленный духъ всѣ чувства или содержитъ внутри или возноситъ къ Богу, и изливаетъ предъ Нимъ свои желанія въ воздыханіяхъ неизглаголанныхъ. А иногда онъ исполняется такимъ глубокимъ сокрушеніемъ и такою печалію, что невольно выражаетъ оное изліяніемъ слезъ (1).»

Отцы любили въ уединенныхъ молитвахъ своихъ проливать слезы. Кто хочетъ, говорилъ Пименъ, очистить себя отъ грѣховъ своихъ, очищаетъ себя слезами; и желающіи стяжать добродѣтели, стяжаваетъ ихъ слезами. Ибо плачъ есть путь, указанный намъ Писаніемъ и отцами нашими, которые говорили: плачьте, кромѣ сего нѣтъ другаго пути (2). Но отцы даютъ мудрый совѣтъ не вынуждать теченія слезъ и не слишкомъ домогаться плача внѣшняго человѣка, который, хотя и будетъ возбужденъ, но никогда не достигнетъ обилія слезъ, ліющихся добровольно. Ибо такія слезы, развлекая духъ молящагося, ослабятъ его и погрузятъ долу и низвергнутъ съ той небесной высоты, на которой восторженный умъ молящагося долженъ утверждаться непоколебимо, и, ослабивъ молитвенное настроеніе, принудятъ его болѣзновать для безплодныхъ и вынужденныхъ капель слезныхъ (3).

Чѣмъ яснѣе въ писаніяхъ св. Макарія Египетскаго, перваго пустынножителя и руководителя иноковъ скитскихъ, обнаружи-

(1) Cass. coll. 9. c. 25. 27.
(2) Достоп. сказ. 214. 219.
(3) Cass. Coll. L. 9. c. 30.

лось стремленіе къ духовному созерцанію Бога; тѣмъ удивительнѣе встрѣтить между скитскими иноками распространеніе человѣкообразныхъ представленій о Богѣ. Замѣтивъ сіе заблужденіе, Θеофилъ Архіепископъ Александрійскій, въ одномъ изъ пасхальныхъ посланій своихъ старался опровергнуть его. Иноки Скита такъ были вооружены противъ сего посланія, что изъ четырехъ пресвитеровъ, управлявшихъ церковію, одинъ Пафнутій рѣшился прочитать его въ собраніи. Въ числѣ раздѣлявшихъ человѣкообразное представленіе о Богѣ былъ состарѣвшійся въ духовныхъ подвигахъ инокъ Серапіонъ. Тщетно пресвитеръ Пафнутій старался вразумить его. Въ это время для посѣщенія Скита пришелъ изъ Каппадокіи діаконъ Фотинъ, мужъ весьма ученый и свѣдущій въ Священномъ Писаніи. Пафнутій просилъ его показать скитскимъ инокамъ, какъ православная Церковь принимаетъ слова Писанія: сотворимъ человѣка по образу Нашему и по подобію. Въ пространномъ словѣ Фотинъ показалъ, что эти слова не должно принимать буквально, что неизмѣримому, непостижимому и невидимому величію Божію не можетъ быть приписано что-либо такое, что бы могло быть опредѣлено устройствомъ и подобіемъ человѣка, потому что Онъ есть природа безтѣлесная, простая и для чувствъ непостижимая. Эти убѣжденія заставили старца присоединиться къ вѣрѣ православной. И тогда какъ всѣ полные радости о томъ, что Богъ не попустилъ такому святому старцу заблуждаться по невѣжественной простотѣ, приносили благодарственныя молитвы Богу, старецъ чувствуя, что тотъ образъ Божества, который онъ привыкъ представлять себѣ въ молитвѣ, изгладился изъ сердца его, такъ смѣшался въ мысляхъ своихъ, что повергшись на землю, проливая горькія слезы, съ рыданіемъ взывалъ: «взяли у меня Бога моего. Къ кому мнѣ теперь обращаться? — не имѣю. Кому мнѣ теперь молиться и кого призывать»? (1).

(1) Cass. Coll. 10. c. 2. 3.

Должно думать, что мудрые руководители скитскихъ иноковъ успѣли уврачевать заблужденіе, происходившее отъ недоразумѣнія.

Заповѣдь о непрестанной молитвѣ въ келліи не служила къ ущербу общественныхъ молитвъ.

Въ субботу и воскресенье иноки обыкновенно выходили изъ своихъ пустынь и собирались въ церковь для общихъ молитвъ и для причащенія Св. Таинъ. Авва Пименъ говорилъ: въ Писаніи сказано: имѣже образомъ желаетъ елень на источники водныя, сице желаетъ душа моя къ Тебѣ Боже (Пс. 41. 2.). Какъ олени въ пустынѣ, мучимые внутреннимъ жаромъ, быстро бѣгутъ къ водѣ, и когда напьются, то воспаленіе внутреннее проходитъ; такъ и монаховъ, живущихъ въ пустыни, жжетъ ядъ злыхъ демоновъ, и они съ нетерпѣніемъ ждутъ субботы и воскресенья, чтобы идти на источники водные, то есть приступить къ тѣлу и крови Христовой, дабы очиститься отъ скверны лукаваго (1). Въ церкви иноки являлись въ полномъ одѣяніи, и каждый изъ нихъ имѣлъ свое опредѣленное мѣсто.

Для многихъ изъ пустынниковъ выходъ въ церковь былъ почти единственнымъ выходомъ изъ келліи. Опытные старцы совѣтывали юнымъ подвижникамъ пребывать въ келліи. Одинъ пустынникъ просилъ у Аввы Моисея наставленія. «Сиди въ своей келліи, сказалъ ему Моисей, она научитъ тебя всему, что тебѣ должно дѣлать (2).» Другой молодой пустынникъ пришелъ однажды къ Аввѣ Арсенію и сказалъ: «Отче! умъ мой смущается, видя, что я не могу ни поститься, ни работать. Буду посѣщать хоть больныхъ: ибо и это дѣло любви.» «Иди въ свою келлію, сказалъ ему Арсеній, ѣшь, пей и спи и не работай, только не выходи изъ келліи.» И это потому,

(1) Достопам. сказ. 196.
(2) Тамъ же стр. 138.

что постоянное пребываніе въ келліи утвердитъ инока въ исполненіи его обязанностей (1). Напротивъ, замѣчаетъ одинъ подвижникъ, всякій разъ, какъ кто выдетъ изъ келліи, при возвращеніи будетъ колебаться и возмущаться, какъ бы новичекъ и только начинающій жить въ ней. Ибо то настроеніе духа, какое пріобрѣлъ, сидя въ келліи, если оно будетъ ослаблено, можетъ возвратить не безъ труда и не безъ болѣзни и чрезъ то, будучи отведенъ назадъ, онъ уже не будетъ думать объ упущенномъ успѣхѣ, который могъ бы вновь пріобрѣсть, если бы не выходилъ изъ келліи, но будетъ болѣе радоваться, если увидитъ, что возвратился въ прежнее состояніе, изъ котораго выступилъ (2).

Поставляя одною изъ главныхъ обязанностей постоянное пребываніе въ келліи опытные старцы впрочемъ требовали, чтобы юные иноки жили въ келліяхъ не по своему произволу, но подъ руководствомъ старцевъ. Случилось однажды, что молодой человѣкъ, оставивъ міръ и надѣвъ иноческое платье, хотѣлъ заключиться въ своей келліи, говоря: я хочу быть отшельникомъ. Но старцы, жившіе въ сосѣднихъ келліяхъ, услышавъ о семъ велѣли ему выйдти изъ келліи, и обойти всѣ келліи другихъ братій, говоря каждому: прости меня. я знаю, что я еще не пустынникъ, а только новоначальный инокъ (3).

Потому новопоступающіе иноки обыкновенно отдаваемы были въ послушаніе старцамъ, которые испытывали ихъ уничиженіемъ, осмѣяніемъ ихъ разсужденія, и все для того, чтобы пріучить ихъ безъ разсужденія подклонять свою волю подъ иго послушанія. Они большею частію не оставляли своихъ духовныхъ отцевъ до самой смерти, служили имъ въ старости съ уваженіемъ и вниманіемъ, заслуживающими удив-

(1) Дост. сказ. стр. 14.
(2) Cass. Coll. L. 6. c. 15.
(3) Rosw. p. 608

ленія. Пріученные съ юныхъ лѣтъ къ строгому послушанію иноки могли руководить и другихъ по сему пути. Потому исторія монашества часто представляетъ послѣдовательный рядъ учителей и ихъ учениковъ. Такъ Арсеній, имѣя духовнымъ отцемъ своимъ Іоанна Колова, въ свою очередь имѣлъ у себя учениковъ.

Путь послушанія опытные отцы признавали безопаснымъ путемъ для инока. Оно скорѣе всего способствуетъ къ пріобрѣтенію дара разсужденія — того дара, который Антоній Великій назвалъ высшею изъ добродѣтелей. «Были примѣры, такъ разсуждалъ одинъ опытный подвижникъ скитскій, что нѣкоторые, соблюдая строжайшіе посты и бдѣнія, чудно уединяясь въ пустыняхъ, терпя лишеніе всего до того, что не позволяли у себя оставаться лишней пищи даже на одинъ день и ни одного лишняго дипарія и, исполняя со всею любовію дѣла милосердія, вдругъ были такъ обмануты, что начатаго дѣла не могли кончить съ желаемымъ успѣхомъ, и ихъ пламенное рвеніе и похвальная бдительность имѣли печальный конецъ. Иные послѣ житія монашескаго увлеклись блескомъ слова и уклонились къ ложнымъ понятіямъ еретическимъ. Иныхъ лукавый помыслъ убѣждаетъ подъ видомъ благочестія принимать на себя ходатайство за другихъ, и дѣлать посѣщенія, чтобы изгнать изъ духовныхъ затворовъ монастыря и изъ уединенія вожделѣннаго покоя внушеніемъ заботы о благочестивыхъ и сиротствующихъ женахъ, чтобы, такими сѣтями неразрѣшимо опутавъ монаха, развлечь его суетными попеченіями. Иногда даже побуждаетъ искать сана священства, подъ предлогомъ назиданія многихъ и по любви къ духовной пользѣ, чтобы отторгнуть насъ отъ смиреннаго нашего житія. Все это, будучи прикрыто покровомъ милосердія и благочестія, сначала кажется полезнымъ и необходимымъ, но послѣ вредитъ твердости иноческой жизни. Это тѣ пути, о которыхъ сказано въ притчахъ: *суть путіе мнящіеся прави быти мужу, обаче послѣдняя ихъ зрятъ на дно адово* (Прит. 14, 12. 16. 25).

И это отъ того происходитъ, что, не бывъ утверждены вполнѣ отъ старцевъ, неопытные иноки не могли пріобрѣсти дара разсужденія. Разсужденіе же тогда пріобрѣтается, когда монахъ не только все, что должно дѣлать, но и что бываетъ въ помыслахъ, представляетъ на судъ старшимъ и не довѣряя ни въ чемъ своему разуму, во всемъ слѣдуетъ ихъ опредѣленіямъ. Это руководство не только научитъ юнаго монаха идти прямою стезею къ истинному пути разсужденія, но и сохранитъ невредимымъ отъ всѣхъ обмановъ и хитростей врага. Ибо никто не можетъ быть обманутъ, если живетъ не по своему разуму, но по указанію старцевъ. Діаволъ ни однимъ порокомъ такъ стремительно не увлекаетъ монаха, и не приводитъ къ смерти, какъ когда убѣдитъ его, презрѣвъ совѣты старцевъ, положиться на свое мнѣніе и знаніе. Между тѣмъ хитрый врагъ не можетъ поругаться надъ невѣдѣніемъ того, кто не умѣетъ скрывать ни одного помысла, раждающагося въ сердцѣ, но всѣ помыслы отвергаетъ или допускаетъ по зрѣлому суду старцевъ. Ибо злой помыслъ, какъ только будетъ открытъ, тотчасъ слабѣетъ, и прежде нежели произнесенъ будетъ судъ разсужденія, гнуснѣйшій оный змій, какъ бы изъ мрачной и подземной пещеры извлеченный на свѣтъ силою исповѣди и нѣкоторымъ образомъ обличенный и поруганный, удаляется. Ибо пагубныя внушенія его дотолѣ господствуютъ въ насъ, доколѣ скрываются въ сердцѣ. Авва Серапіонъ разсказывалъ о себѣ, что когда онъ былъ отрокомъ и жилъ съ Аввою Ѳеоною, получилъ привычку послѣ принятія пищи въ девятомъ часу со старцемъ прятать за пазуху одинъ сухарь, который вечеромъ съѣдалъ тихонько отъ старца. Какъ ни сильно мучила его за это совѣсть, но онъ не имѣлъ силы отстать отъ привычки или признаться старцу. Однажды пришли къ Ѳеонѣ братія. Бесѣда шла о чревоугодіи и скрываемыхъ помыслахъ, Серапіону показалось, что старецъ. по откровенію, узнавъ о его грѣхѣ, противъ него направляетъ бесѣду. Сначала онъ сталъ вздыхать, потомъ заплакалъ и вынулъ сухарь, который оставилъ себѣ послѣ обѣда; палъ къ

ногамъ старца, исповѣдалъ свой грѣхъ и просилъ прощенія. Дерзай чадо, сказалъ ему старецъ, тебя разрѣшила отъ грѣховной привычки твоя исповѣдь. И дѣйствительно, по слову старца, послѣ и на мысль Серапіону не приходило желаніе утаивать кусокъ хлѣба послѣ трапезы. Этотъ примѣръ показываетъ, какъ смиренное признаніе въ своихъ грѣхахъ предъ тѣми, которые приняли на себя попеченіе о нашей душѣ, не смотря на стыдъ, который терпитъ отъ сего наша гордость, способствуетъ къ освобожденію отъ нихъ и полученію прощенія. Богъ по Своему милосердію преклоняется къ душѣ исповѣдующей грѣхъ свой со смиреніемъ и даетъ смущенному сердцу миръ (1).» Посему отцы требовали, чтобы ученики ихъ открывали всѣ свои помыслы, говорили о своей винѣ, и смиренно несли наказанія, за нихъ полагаемыя. Старцы съ смиреніемъ также принимали выговоры отъ пресвитеровъ или епископовъ. Получая замѣчанія, они падали на землю и просили прощенія. Они смирялись такъ и тогда, какъ не сознавали своей вины. Заповѣдуя смиреніе и искреннее сознаніе своихъ грѣховъ, отцы не одобряли тѣхъ, которые умѣли только дѣлать низкіе поклоны и смиренны были лишь на словахъ. Такъ одинъ пустынникъ съ видомъ великаго смиренія пришелъ къ Серапіону. Серапіонъ по обычаю предложилъ ему совершить молитву. Пустынникъ отвѣчалъ, что онъ не смѣетъ молиться съ нимъ по причинѣ множества грѣховъ, что онъ недостоинъ даже дышать однимъ воздухомъ съ нимъ. Серапіонъ предложилъ ему сѣсть, онъ отказался. Тѣмъ болѣе не позволилъ онъ, чтобы старецъ омылъ ему ноги. Когда встали изъ-за трапезы Серапіонъ съ кротостію началъ говорить пустыннику, что по его молодости и крѣпости силъ лучше сидѣть въ келліи и заниматься работою, а не ходить по обителямъ и питаться чужимъ хлѣбомъ. Эти слова такъ глубоко огорчили пустынника,

(1) Cass. Coll. 2.

что онъ не могъ скрыть своего неудовольствія. Сынъ мой, сказалъ ему мудрый старецъ, ты называлъ себя самымъ тяжкимъ грѣшникомъ и не боялся дать о себѣ дурное мнѣніе, — отъ чего же отъ простаго наставленія моего, которое дано по любви къ тебѣ и желанію пользы, ты такъ раздражился, что не можешь скрыть своего негодованія? или ты хочешь, чтобы я тебѣ сказалъ: *праведникъ себе самаго оглаголникъ въ первословіи* (Прит. 18, 17.)? (1).

Связанные союзомъ любви иноки Скита, всегда готовы были помогать другъ другу совѣтами и наставленіемъ. Былъ въ Скиту одинъ старецъ труженикъ по тѣлеснымъ подвигамъ, но не искусный въ помыслахъ. Онъ пришелъ однажды къ Іоанну Колову просить совѣта противу забывчивости. Выслушавъ его наставленіе, воротился въ свою келлію и забылъ, что говорилъ ему Іоаннъ. Онъ пошелъ къ нему опять и опять не дойдя до келліи, забылъ его слова. Много разъ онъ ходилъ къ нему и все забывалъ данное наставленіе. Наконецъ, не желая безпокоить Іоанна, онъ пересталъ ходить къ нему. Встрѣтившись послѣ сего съ Іоанномъ, онъ сказалъ: Авва, я забылъ, что ты говорилъ, но не хотѣлъ тебя безпокоить. Тогда Іоаннъ говоритъ ему: поди, зажги свѣчу. Онъ зажегъ. Зажги отъ нея другія свѣчи. Онъ сдѣлалъ это. «Вѣдь не перестала горѣть свѣча, сказалъ Іоаннъ, отъ того, что ты зажегъ ею другія; такъ не угаснетъ и Іоаннъ, хотя бы весь Скитъ ходилъ ко мнѣ. Потому приходи ко мнѣ, когда хочешь». И за терпѣніе обоихъ Богъ освободилъ старца отъ забывчивости. Таковы были дѣла отцевъ, жившихъ въ Скиту, пишетъ собиратель достопамятныхъ сказаній объ отцахъ, они одобряли искушаемыхъ и дѣлали себѣ принужденіе, чтобы взаимно однимъ другихъ усовершать въ добрѣ (2). Если случалось кому по немощи впасть въ иску-

(1) Дост. сказ. 265.
(2) Тамъ же стр. 104.

шеніе, братія принимали участіе въ скорби его и сами обливались слезами. Спасительными наставленіями и предостереженіями они старались возбудить къ покаянію, предостеречь отъ новыхъ паденій и поддержать мужество, ослабленное скорбію и унынiемъ. Когда старцы принуждены были для увраченія иноковъ прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ, ни прихоть, ни страсть не вмѣшивались въ ихъ судъ. Если кто заходилъ слишкомъ далеко въ своемъ судѣ, опытные старцы мудрыми совѣтами тотчасъ же умѣряли излишнюю строгость. Одинъ братъ въ Скиту палъ въ грѣхъ, братія собралась судить его и послали за Аввою Моисеемъ, но онъ не хотѣлъ идти. Пресвитеръ опять послалъ звать его: иди, тебя ожидаетъ собраніе. Моисей, взявъ корзину и наполнивъ ее пескомъ, пошелъ и понесъ съ собою. Братія, вышедшіе къ нему на встрѣчу, спрашиваютъ его: что это такое, отецъ? Это грѣхи мои, отвѣчалъ Моисей, сыплются позади меня, но я не смотрю на нихъ и пришелъ теперь судить чужіе грѣхи. Братія немедленно простили согрѣшившаго, не сдѣлавъ ему и выговора. Такъ же поступилъ и Авва Піоръ (1).

Главная цѣль наказаній была привести виновныхъ къ раскаянію въ своемъ заблужденіи. Тогда только, какъ истощены были всѣ средства любви и кротости, упорныхъ въ грѣхѣ отсѣкали отъ общества, какъ гнилые члены, дабы они не заразили и другихъ. Но если былъ хотя малый лучъ надежды исправленія, отцы не преставали врачевать недугующихъ душею.

Врачуя душевныя болѣзни, отцы Скита усердно пеклись и о впавшихъ въ тѣлесныя болѣзни. Находившіеся въ церковной больницѣ пользовались услугами больничныхъ братій. Жившіе въ отдаленныхъ пустыняхъ, если не переносились въ отдаленную больницу, то поперемѣнно были посѣщаемы братіями,

(1) Тамъ же стр. 136, 231.

которые употребляли все, чтобы облегчить ихъ болѣзнь, и старались исполнять ихъ желаніе. Такъ одному больному старцу захотѣлось мягкаго хлѣба. Во всемъ Скиту не нашлось его, потому что иноки готовили его себѣ на нѣсколько мѣсяцевъ. Одинъ изъ братій завернулъ въ мантію сухіе хлѣбы, пошелъ въ Египетъ, обмѣнялъ ихъ на мягкій хлѣбъ и принесъ больному. Старецъ представилъ труды, какихъ стоилъ этотъ хлѣбъ брату—ибо разстояніе было далеко, не хотѣлъ было ѣсть. Это кровь моего брата, сказалъ онъ. Но другіе иноки убѣдили его почтить любовь брата и съѣсть этотъ хлѣбъ (1). Если приближалось время смерти брата отцы сбирались къ умирающему, чтобы въ великую минуту разлученія души съ тѣломъ подкрѣпить его духъ молитвою.

Пустыня Скитъ, славная своими подвижниками, привлекала къ себѣ и простыхъ земледѣльцевъ и мужей изъ Царскихъ чертоговъ; въ ней обитали люди, съ юныхъ лѣтъ посвятившіе себя иноческой жизни; не были отвергаемы и тѣ, которые, послѣ безпорядочной жизни въ молодыхъ годахъ, приходили сюда, чтобы остатокъ дней своихъ провести въ покаяніи.

Знаменитыми пресвитерами, которые раздѣляли еще съ Макаріемъ Великимъ бремя управленія скитскими иноками были: Исидоръ и Пафнутій. Исидоръ до 373 г. подвизался въ горѣ Нитрійской. Первою заботою его при вступленіи въ званіе иноческое было утвердить себя въ постоянномъ пребываніи въ кéлліи, чтобы удобнѣе сохранять умъ свой въ молитвенномъ единеніи съ Богомъ. Онъ не опредѣлялъ времени для молитвы, но день и ночь проходили у него въ молитвѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ самую глубокую старость онъ не оставлялъ рукодѣлья, цѣлыя ночи проводя въ плетеніи пальмовыхъ корзинъ. Когда братія говорили ему: отдохни не много, ты уже старъ: Исидоръ отвѣчалъ имъ: если бы сожгли Исидора и развѣяли прахъ

(1) Rosw. p. 634.

его по вѣтру; и тогда я не заслуживалъ бы еще никакой милости, ибо для насъ сходилъ на землю Сынъ Божій. Когда возникали въ душѣ его помыслы гордости, онъ говорилъ себѣ самому: не ужели я подобенъ Аввѣ Антонію? Ужели я угоденъ Богу, какъ Авва Памво? Это смиренное размышленіе прогоняло искушеніе и водворяло тишину въ его душѣ. Иногда лукавый врагъ силился ввергнуть его въ унынie мыслію, что и послѣ столь многихъ трудовъ онъ будетъ ввергнутъ въ муку. «Если я и буду ввержень въ адъ, говорилъ смиренный Исидоръ искусителю, и тамъ найду тебя подъ моими ногами».

Съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлался монахомъ Исидоръ старался подавлять въ себѣ движенія гнѣва въ самомъ ихъ началѣ. И въ теченіе 40 лѣтъ, хотя и ощущалъ иногда грѣховные помыслы, но никогда не предавался ни пожеланіямъ плоти, ни гнѣву, и избѣгалъ всякаго повода къ гнѣву. Такъ однажды, пришедши на рынокъ продавать кошницы и почувствовавъ въ сердцѣ своемъ движенія гнѣва, онъ оставилъ свои кошницы на мѣстѣ и удалился. При великой своей кротости онъ умѣлъ обращать къ Богу души самыхъ упорныхъ грѣшниковъ. Если кто имѣлъ у себя брата слабаго или нерадиваго или ругателя, и хотѣлъ прогнать его отъ себя, то Исидоръ приказывалъ привести его къ себѣ, и своимъ терпѣніемъ возвращалъ его на путь спасенія. Въ своихъ наставленіяхъ онъ совѣтовалъ особенно не поблажать своимъ помысламъ. Не такъ страшны всѣ демоны, говорилъ онъ, какъ слѣдованіе своему сердцу. Потому внушалъ юнымъ подвижникамъ любовь и уваженіе къ ихъ наставникамъ: «Ученики должны и любить своихъ истинныхъ учителей какъ отцевъ, и бояться какъ начальниковъ. Ни любовь не должна изгонять страха, ни страхъ не долженъ погашать любви». Когда обуреваемые нечистыми вожделѣніями обращались къ нему за совѣтами, онъ внушалъ прежде всего прибѣгать къ молитвѣ, съ терпѣніемъ бороться съ нападеніями врага. «Прибѣгнемъ къ молитвѣ, говорилъ онъ, и врагъ удалится. Мысль о Богѣ доставитъ побѣду. Терпѣніе въ добрѣ доставитъ намъ торжество.

Будемъ сражаться и будемъ увѣнчаны.» На путь терпѣнія и самоотверженія призывалъ онъ всѣхъ подвижниковъ. «Не за тѣмъ ли говорилъ онъ однажды скитскимъ инокамъ, пришли мы въ сіе мѣсто, чтобы терпѣть труды и скорби? Между тѣмъ мы не терпимъ ничего. Если это еще продолжится, я возьму свою милоть и поищу мѣста, гдѣ бы можно терпѣть что либо для укрѣпленія моего духа. Преданный сластолюбію и сребролюбію, говорилъ онъ, не можетъ жить богоугодно. Если желаешь наслѣдовать царство небесное, презирай богатство и ищи воздаянія у Бога.»

Самъ Исидоръ старался отказывать себѣ во всемъ. Одинъ братъ пришелъ звать его на вечерю. Старецъ отказался, говоря: Адамъ прельстился снѣдію и былъ изгнанъ изъ рая. Братъ сказалъ ему: ты боишься даже выйдти изъ своей келліи. Точно боюсь, сынъ мой; ибо діаволъ яко левъ рыкая ходитъ, искій кого поглотити (1 Петр. 5, 8). Если и случалось ему оставлять свою келлію, то онъ старался ни на что постороннее не обращать вниманія. Однажды онъ ходилъ въ Александрію къ Архіепископу Ѳеофилу. По возвращеніи братія спросили его: каковъ городъ? Истинно, братія, сказалъ онъ, я не видалъ лица человѣческаго. Не опустѣлъ ли городъ? спросили его иноки. Нѣтъ, отвѣчалъ онъ; но помыслъ не увлекъ меня взглянуть на кого-либо. Это постоянное вниманіе къ себѣ, эта чистота сердца сдѣлали Исидора сосудомъ благодати. Онъ былъ такъ страшенъ для демоновъ, что одержимые злыми духами получали изцѣленіе едва только касались прага его келліи (1). Исидоръ скончался вѣроятно около 396 года.

Другой знаменитый пресвитеръ Скита, который подобно Исидору прежде подвизался въ горѣ Нитрійской, былъ Пафнутій. Онъ былъ въ числѣ самыхъ достоуважаемыхъ мужей горы

(1) Дост. сказ. стр. 90, 91. 93. Cass. Coll. L. 10. c. 2 L. 18. c. 13.

Нитрійской и Скита. Вмѣстѣ съ Макаріями и Серапіономъ онъ составлялъ уставъ для иноковъ и какъ одинъ изъ столповъ православія среди иноковъ подвергся гоненію Валента.

Еще въ юныхъ лѣтахъ, увлеченный примѣромъ Антонія Великаго, вступилъ онъ въ иночество въ одномъ изъ его монастырей. Съ такою ревностію исполнялъ онъ святыя наставленія, какія давали ему, что скоро сдѣлался сосудомъ добродѣтелей, преимущественно отличаясь смиреніемъ и послушаніемъ. Упражненіе въ сихъ двухъ добродѣтеляхъ дало ему средство умертвить свою волю и погасить въ себѣ всѣ неправильныя пожеланія. Глубокое смиреніе Пафнутія и высокая степень его совершенства открылись при искушеніи, какому подвергла его зависть одного брата. Пафнутія оклеветали въ воровствѣ. Вмѣсто того, чтобы оправдываться, онъ безъ прекословія смиренно подчинился наказанію, которое назначено было ему. Двѣ недѣли подвергался онъ строгому униженію. Съ ранняго утра въ субботу и воскресенье приходилъ онъ въ церковь и тамъ, повергшись у прага церковнаго, умолялъ о прощеніи. Чѣмъ глубже смирялъ онъ себя, тѣмъ яснѣе милосердіе Божіе открыло его невинность. Злой духъ вселился въ клеветника и только молитва Пафнутія, — его одного изъ сонма подвижниковъ скитскихъ,—могла изцѣлить несчастнаго брата.

Утвердившись въ послушаніи иноческомъ и ревнуя о болѣе совершенной жизни, онъ оставилъ монастырь и удалился въ пустыню, и тамъ жилъ такъ уединенно, что рѣдко видѣли его. Два раза въ мѣсяцъ ходилъ онъ къ старцамъ, открывая свои помыслы, хотя онъ жилъ отъ нихъ за двѣнадцать тысячъ шаговъ и всегда слышалъ отъ нихъ одно наставленіе: въ какое бы ты мѣсто ни пришелъ, считай себя послѣднимъ изъ всѣхъ, и ты найдешь покой своей душѣ.

Совершенный въ добродѣтеляхъ Пафнутій, хотя и любившій жить уединенно въ бесѣдѣ съ однимъ Богомъ, избранъ былъ

въ пресвитера скитской церкви, чтобы и другимъ сообщить богатство своихъ добродѣтелей. Еще Великій Антоній далъ свидѣтельство о Пафнутіѣ, какъ о мужѣ способномъ врачевать немощи другихъ. Одного брата оклеветали въ грѣхѣ и привели его для суда къ Антонію. Тутъ былъ Пафнутій. Слыша, какъ настойчиво обвиняли приведшіе брата, онъ сказалъ притчу: на берегу рѣки видѣлъ я одного человѣка, который увязъ по колѣна въ грязи. Нѣкоторые пришли подать ему помощь и по самую шею погрузили его. Антоній сказалъ о Пафнутіѣ: вотъ истинно такой человѣкъ, который можетъ врачевать и спасать души. Этотъ духъ христіанской любви и снисходительности къ немощамъ происходилъ изъ его глубокаго смиренія и побуждалъ при видѣ немощей ближняго не къ осужденію его, но къ оплакиванію своихъ грѣховъ. Однажды шелъ онъ мимо селенія и услышалъ безстыдный разговоръ. Остановившись, началъ онъ молиться о своихъ грѣхахъ. И вотъ явился ему Ангелъ съ мечемъ въ рукахъ и сказалъ: Пафнутій! всѣ, осуждающіе братій своихъ, погибнутъ отъ меча сего. Но ты не осудилъ, а смирился предъ Богомъ. Посему имя твое вписано въ книгу живота. Онъ былъ уже девяноста лѣтъ, когда Кассіанъ видѣлъ его въ Скитѣ. Въ ликѣ святыхъ, пишетъ онъ, которые, какъ свѣтлыя звѣзды, блистали въ нощи міра сего, видѣли мы святаго Пафнутія, подобно великому свѣтилу сіяющаго свѣтлостію вѣдѣнія. Удрученный лѣтами, онъ изъ своей келліи, отстоявшей на пять тысячъ шаговъ отъ церкви, ходилъ въ субботу и воскресенье въ церковь и, возвращаясь оттуда, приносилъ на выи своей сосудъ воды, которую употреблялъ въ продолженіи седмицы. И будучи болѣе девяноста лѣтъ, не дозволялъ, чтобы младшіе иноки приносили ему воду. Изъ бесѣды Пафнутія съ Кассіаномъ открывается, какое высокое пониманіе иночества проникало его сердце. Иночество, говорилъ онъ, состоитъ не въ отреченіи только отъ имущества, не въ одномъ теченіи отъ пороковъ, но въ отреченіи отъ всего земнаго, отъ себя самихъ, отъ вѣры въ свою праведность, въ надеждѣ на

одного Господа спасающаго насъ (1). По словамъ Палладія, Богъ даровалъ Пафнутію высокое разумѣніе Священнаго Писанія такъ, что онъ могъ изъяснять весь Ветхій и Новый Завѣтъ. Пріобрѣтя сіе разумѣніе дѣятельнымъ исполненіемъ закона Божія, Пафнутій предостерегалъ отъ той мудрости, которая не сопровождается добрыми дѣлами. Ибо если истинѣ слова не сопутствуетъ добрая жизнь, то это хлѣбъ безъ соли, по слову блаженнаго Іова. Но снѣстся ли хлѣбъ безъ соли? или кій вкусъ въ тщихъ словахъ (Іов. 6, 6.)? Посему въ Писаніи сказано: грѣшнику же рече Богъ: вскую ты повѣдаеши оправданія Моя и воспріемлеши завѣтъ Мой усты твоими (Пс. 99, 16.) (2).

Самъ въ трудахъ и самоотверженіи проведши жизнь свою, такъ что никогда не имѣлъ болѣе двухъ срачицъ, Пафнутій и другимъ внушалъ тоже. Три старца пришли къ нему просить наставленія. Онъ сказалъ имъ: любите трудъ и скорбь болѣе покоя, смиреніе болѣе славы, любите лучше давать, чѣмъ принимать (3). Приближаясь къ старости, Пафнутій желалъ видѣть преемникомъ своего пресвитерства Даніила, хотя младшаго многихъ по возрасту, но сравнявшагося по чистотѣ жизни, кротости и смиренію съ самыми старшими подвижниками. Возведенный еще при жизни Пафнутія въ санъ пресвитера Даніилъ не дерзалъ приступать къ совершенію таинъ при жизни св. Пафнутія. И такъ какъ онъ скончался прежде Пафнутія, то ни разу не совершалъ Литургіи.

Неудивительно, что сіи мужи, съ юныхъ лѣтъ воспитанные въ благочестіи, сдѣлались посредствомъ постояннаго упражненія въ добродѣтеляхъ и очищенія ума своего молитвою, свѣтильниками иночествующихъ. Удивительнѣе видѣть, какъ Моисей ефіоплянинъ, бывшій ужасомъ своей страны, также черный ду-

(1) Cass. Coll. L. 3.
(2) Лавс. гл. 80.
(3) Дост. сказ. 235.

шею, какъ былъ черенъ тѣломъ, изъ начальника разбойниковъ сдѣлался великимъ подвижникомъ и пресвитеромъ Скита. Его примѣръ служитъ живымъ свидѣтельствомъ, что всецѣлое обращеніе на путь спасенія возможно для самыхъ великихъ грѣшниковъ. Рабъ одного гражданина, или, какъ говорятъ, судьи, Моисей отличался безпорядочнымъ поведеніемъ и готовностію на всякое худое дѣло. Ни увѣщанія, ни наказанія не могли его исправить, и господинъ выгналъ его изъ дому.

Его душевныя склонности не указали ему инаго пристанища и занятія, какъ вступить въ шайку разбойниковъ. Его высокій ростъ, необычайная сила и безъ сомнѣнія дерзость на злодѣянія, доставили ему званіе начальника. Съ неслыханной жестокостію производилъ онъ вездѣ грабительства и наводилъ ужасъ своимъ именемъ. Однажды, чтобы отмстить одному поселянину, онъ взявъ мечь въ зубы, одежду на голову, переплылъ Нилъ, когда онъ былъ въ разливѣ, и простирался на шесть тысячъ шаговъ. Не найдя поселянина, который отъ страха убѣжалъ и скрылся въ пещеру, Моисей свое мщеніе излилъ на его стадо. Онъ убилъ четырехъ лучшихъ барановъ, связалъ ихъ и съ ними опять переплылъ рѣку, и раздѣлилъ свою добычу съ товарищами.

Нужно было испытать такому человѣку сильное потрясеніе, чтобы въ душѣ его пробудилось чувство раскаянія. Наконецъ это чувство пробудилось въ немъ. Онъ пришелъ въ монастырь въ разодранной одеждѣ, съ лицемъ, омоченнымъ слезами, со всѣми признаками глубокаго сокрушенія и просилъ принять его въ число иноковъ. Долго иноки не хотѣли принимать его, но онъ неотступно молилъ ихъ, раскрылъ предъ всѣми свою совѣсть, исповѣдуя не столько преступленія свои, сколько сокровенныя мысли свои. Много дней пробылъ онъ у воротъ монастыря. Наконецъ, видя постоянство Моисея въ его желаніи вступить въ монастырь и искренность раскаянія, настоятель облекъ его въ иноческую одежду и, давъ правила для жизни,

принялъ въ число братства. Моисею было тогда около 30 лѣтъ. Съ великимъ усердіемъ и точностію Моисей исполнялъ все, что ему ни предписывали. Онъ питался только хлѣбомъ и водою, иногда дня по три и по четыре не вкушалъ пищи. Часто цѣлыя ночи проводилъ въ молитвѣ, непрестанно воздыхая и проливая потоки слезъ о своей прежней жизни. Примѣръ его обратилъ на путь покаянія одного изъ его сообщниковъ и еще четверыхъ разбойниковъ, которые напали на него въ келліи. Связавши ихъ, онъ принесъ ихъ въ Церковь. Узнавъ, что это былъ Моисей, они рѣшились послѣдовать его примѣру и сдѣлались добрыми иноками. Въ началѣ своей подвижнической жизни Моисей ощущалъ внутреннее спокойствіе и изъ обители онъ рѣшился перейти въ Скитъ въ уединенную келлію. Но здѣсь онъ долженъ былъ испытать тяжкую борьбу. Любовь Божія тѣмъ, которые только что вступили на служеніе ей, обыкновенно даетъ вкусить сладость благочестія, и руководитъ ихъ какъ дѣтей еще слабыхъ. Часто въ самомъ началѣ обращенія человѣкъ не чувствуетъ борьбы страстей, онъ какъ бы носится на крилахъ благодати. Но скоро наступаетъ время искушеній, дабы добрыя желанія, искушенныя опытомъ, укоренились въ душѣ и обратились въ постоянный навыкъ. Это испыталъ на себѣ Моисей.

Въ уединенной келліи, когда соблазны для внѣшнихъ чувствъ удалены были, съ силою возникали въ душѣ его образы прежней нечистой жизни, и возбуждали вожделѣнія плоти такъ, что, какъ самъ онъ признавался, еслибы еще не много усилилось искушеніе, то онъ оставилъ бы пустыню. Во время этой борьбы онъ пришелъ къ пресвитеру Исидору за совѣтомъ. Не унывай, сказалъ ему Исидоръ,—это еще слѣды твоей прежней грѣховной жизни. Возложи на себя строгій постъ, чтобы похоть плоти чрезъ чревоугодіе не нашла къ тебѣ доступа. Съ этого времени Моисей сталъ изнурять себя постомъ. Онъ сталъ много работать, каждый день совершалъ по пятидесяти поклоновъ и въ сутки съѣдалъ только по 12 унцій хлѣба, не

употребляя другой пищи. Но и это не дало ему покоя. Онъ пошелъ къ одному опытному иноку. Что мнѣ дѣлать, Авва? сказалъ Моисей. Сновидѣнія омрачаютъ мой умъ, потому что душа по прежней привычкѣ сосуслаждается ими. Старецъ велѣлъ ему провести нѣсколько времени безъ сна и молиться усердно. Моисей, выслушавъ наставленіе, далъ слово не спать ночью и не преклонять даже колѣнъ для молитвы, чтобы не предаться сну. Такъ провелъ онъ шесть лѣтъ въ келліи, по цѣлымъ ночамъ стоя среди келліи и непрестанно молясь Богу. Но борьба не прекращалась. Желая болѣе изнурить свое крѣпкое тѣло, Моисей по ночамъ обходилъ келліи тѣхъ монаховъ, которые, состарѣвшись въ трудахъ подвижничества, уже не въ силахъ были носить воду для себя, такъ какъ нужно ходить за нѣсколько верстъ, бралъ ихъ водоносы и наполнялъ водою такъ, что они не знали, кто это дѣлалъ. Въ одну изъ такихъ ночей, по злобѣ діавола онъ такъ былъ пораженъ палицею, что безъ чувствъ упалъ подлѣ колодца. На другой день его нашли тутъ и перенесли въ монастырь. Цѣлый годъ Моисей былъ тяжко боленъ. Исидоръ совѣтовалъ умѣрить свое подвижничество. Не престану, сказалъ Моисей Исидору, бороться съ демонами, пока не оставятъ меня сонныя мечтанія. Тогда Исидоръ сказалъ ему: во имя Господа нашего Іисуса Христа ты не будешь имѣть нечистыхъ сновидѣній. Дѣйствительно, по молитвѣ св. Исидора онъ освободился отъ искушенія. И это для того, чтобы онъ не тщеславился, будто собственными силами побѣдилъ вожделѣнія плоти и не палъ отъ надменія. Это чувство необходимости помощи Божіей во всякомъ добромъ дѣлѣ глубоко сознавалъ Моисей. Одинъ братъ спросилъ Моисея: что помогаетъ человѣку во всякомъ трудѣ его? Старецъ отвѣчалъ: Богъ помогаетъ; ибо написано: *Богъ намъ прибѣжище и сила, помощникъ въ скорбьхъ обрѣтшихъ ны зѣло* (Пс. 45, 2.). Но для чего же, спросилъ братъ, соблюдаются посты и бдѣнія? Все это, отвѣчалъ старецъ, смиряетъ душу нашу. Ибо написано: *виждь смире-*

ніе и трудъ мой, и остави вся грѣхи моя (Пс. 24, 18.). Если душа принесетъ плоды сіи, Богъ за это являетъ къ ней милосердіе Свое. И если нападаетъ на кого искушеніе, человѣкъ долженъ со слезами умолять благость Божію о помощи, и онъ скоро успокоится, если будетъ просить разумно. А разумная молитва состоитъ въ томъ, если дѣла будутъ въ согласіи съ молитвою. Когда человѣкъ отвергнетъ свои пожеланія, тогда Богъ принимаетъ его молитву.

Побѣдивъ всѣ искушенія, воздвигаемыя діаволомъ, Моисей получилъ такую власть надъ нимъ, что, по словамъ Палладія (1), они трепетали его, онъ презиралъ демоновъ такъ, какъ мы небоимся зимою мухъ. Украшенный благодатію Христовою такъ, что сподобился дара прозорливости и пророчества, Моисей всегда помнилъ, изъ какой бездны погибели воззванъ онъ милосердіемъ Божіимъ. Вполнѣ сознавая, что это есть дѣло безпредѣльной милости Божіей, онъ не давалъ и возникнуть помыслу тщеславія, охотно принимая знаки униженія. Успѣхи въ добродѣтели и дары благодати поставили его въ ряду первыхъ подвижниковъ Скита. Онъ удостоенъ былъ сана священства и сдѣланъ былъ пресвитеромъ пустынножителей. Когда Архіепископъ Александрійскій (вѣроятно Ѳеофилъ ок. 385 г.) сдѣлалъ его клирикомъ, и облачивъ въ бѣлую одежду, сказалъ: вотъ Моисей, ты теперь весь сдѣлался бѣлъ. «Снаружи я дѣйствительно таковъ, сказалъ Моисей, дай Богъ, чтобы я былъ такимъ внутри ». Желая испытать Моисея, Архіепископъ велѣлъ клирикамъ, когда Моисей взойдетъ въ алтарь, выгнать его оттуда. Исполняя волю Архіепископа, клирики сказали: выдь отсюда еѳіопъ. Моисей вышелъ, говоря самъ съ собою: ты заслужилъ это; ибо ты не человѣкъ, а осмѣлился мѣшаться съ людьми. Подобному же испытанію подвергли однажды Моисея и отцы Скита во время собранія.

---

(1) Лавс. 21 гл.

Когда онъ пришелъ туда, отцы съ видомъ презрѣнія сказали: за чѣмъ этотъ ѳеіонъ ходитъ къ намъ? Моисей не сказалъ ни слова. Послѣ спросили его, былъ ли смущенъ этими словами? Моисей отвѣчалъ словами Псалма: *смятохся и не глаголахъ* (Пс. 76, 5.).

Правитель области, слыша много о добродѣтели Моисея, пожелалъ посѣтить его. Не далеко отъ келліи Моисея встрѣтилъ правитель инока и спросилъ его: гдѣ келлія Моисея? За чѣмъ ты отыскиваешь его? сказалъ инокъ,— это человѣкъ глупый. Изумленный отвѣтомъ правитель пошелъ въ церковь и тамъ разсказалъ братіи. Тѣ огорчились, что среди нихъ нашелся человѣкъ, который поноситъ великаго подвижника всѣми уважаемаго. Но каковъ былъ инокъ, тебѣ встрѣтившійся? спросили монахи правителя. Это былъ высокаго роста, черный лицемъ, въ ветхой одеждѣ. Тутъ они поняли, что это былъ самъ Моисей.

Такъ во всѣхъ дѣйствіяхъ Моисея мы усматриваемъ глубокое смиреніе. Душамъ смиреннымъ свойственно быть любвеобильнымъ и снисходительными къ слабостямъ другихъ. «Первое дѣло для насъ, говорилъ онъ, не осуждать ближняго. Кто чувствуетъ тяжесть грѣховъ своихъ, тотъ не смотритъ на грѣхи ближняго. Ибо это безуміе—оставлять своего мертвеца и идти плакать надъ мертвецемъ ближняго.»

«Не дѣлай зла никому и ни противъ кого не мысли зла въ сердцѣ своемъ, не презирай того, кто дѣлаетъ худо; не входи въ сообщество съ человѣкомъ, который вредитъ своему ближнему; и не радуйся съ тѣмъ, кто дѣлаетъ зло другому; не укоряй никого, но говори: Богъ знаетъ каждаго; не соглашайся съ клеветникомъ, не забавляйся его злорѣчіемъ, но и не питай ненависти къ тому, кто поноситъ ближняго. Вотъ что значитъ не осуждать по Писанію: не судите, да не судими будете (Мѳ. 7, 1.). Не имѣй вражды ни съ кѣмъ, и не питай вражды въ сердцѣ твоемъ Не долженъ ты ненавидѣть и того, кто враждуетъ на ближняго своего. Въ этомъ и со-

стоитъ миръ. Моисей обыкновенно съ великою любовію принималъ всѣхъ приходившихъ къ нему; много бесѣдовалъ съ ними о предметахъ Божественныхъ. Строгій постникъ и точный исполнитель уставовъ скитскихъ, Моисей любовь къ ближнимъ ставилъ выше своего поста и заповѣдей Скита. Однажды въ Скиту назначено было поститься всю седмицу. Въ это время пришли посѣтить Моисея братья изъ Египта: Моисей приготовилъ для нихъ варево. Сосѣдніе пустынники видя, что дымъ выходитъ изъ его келліи, увѣдомили о семъ пресвитера. Когда въ субботу Моисей пришелъ въ церковь, пресвитеръ сказалъ: «Отче! ты нарушилъ заповѣдь человѣческую, но исполнилъ заповѣдь Божію.» Этою любовію прикрывалъ Моисей и недостатки ближнихъ; мы видѣли уже, что братіямъ, собравшимся судить проступокъ одного инока, онъ далъ урокъ неосужденія.

Такова была, скажемъ словами Палладія, святая иноческая жизнь, которую проводилъ сей непобѣдимый воинъ Христовъ, и за которую онъ заслужилъ быть причтеннымъ къ лику Святыхъ. Онъ умеръ, имѣя семьдесятъ пять лѣтъ отъ рожденія и оставивъ послѣ себя семьдесятъ пять учениковъ. Есть еще преданіе, что Моисей претерпѣлъ мученическую кончину отъ Мазиковъ, отъ которой не уклонился, да исполнятся надъ нимъ слова Писанія: вси пріемшіи ножъ, ножемъ и погибнутъ (Мѳ. 26, 56.) (1).

Если поучителенъ примѣръ Моисея, изъ начальника разбойниковъ сдѣлавшагося подвижникомъ скитскимъ, то еще болѣе поразителенъ примѣръ св. Арсенія, который равно былъ славенъ въ древнемъ Римѣ, гдѣ онъ родился, и въ новомъ Римѣ, куда онъ вызванъ былъ Императоромъ. Все, что философія греческая представляла глубокаго въ своемъ ученіи, онъ усвоилъ себѣ со всѣмъ жаромъ души, не опустивъ впрочемъ и философіи болѣе возвышенной и болѣе святой—философіи откро-

(1) Дост. сказ. о подв. 136—162. Лавс. гл. 21.

венной. Около 383 г. Императоръ Ѳеодосій искалъ для своего шестилѣтняго сына Аркадія наставника, который бы могъ своимъ поведеніемъ и своимъ краснорѣчіемъ внушить чувствованія, достойныя наслѣдника престола и христіанское благочестіе, которое на все полезно. Выборъ его, по указанію Папы Дамаса, палъ на Арсенія.

Съ великимъ уваженіемъ принятъ былъ Арсеній при дворѣ. Его возвели въ сенаторы, и послѣ князей онъ занималъ первое мѣсто въ государствѣ, пользуясь титломъ отца Императоровъ. Любилъ ли онъ пышность или желалъ поддержать внѣшнимъ блескомъ свое достоинство, только при дворѣ онъ блисталъ великолѣпіемъ. Тысяча рабовъ служила ему, онъ одѣвался самымъ пышнымъ образомъ, любилъ умащаться благовоніями.

Но пышность мірской жизни и богатства внѣшнія не заглушили въ немъ чувства бѣдности духовной природы. Нерѣдко входя въ себя, онъ помышлялъ, что слава его и богатство изчезнутъ вмѣстѣ съ жизнію его, и съ нимъ останутся одни дѣла. Опасеніе лишиться вѣчнаго спасенія потрясало его душу. По временамъ повергался онъ предъ Богомъ и изливалъ предъ нимъ слезныя молитвы, прося его открыть, что ему нужно дѣлать для своего спасенія. Молитва его была услышана. Во время молитвы своей онъ слышитъ голосъ: Арсеній! бѣги людей и ты спасешься. Арсеній, котораго сердце, по словамъ Ѳеодора Студита, страхомъ Божіимъ было уже приготовлено къ жертвѣ, презрѣвъ все суетное величіе міра, ни мало не медля, сѣлъ тайно на корабль, плывшій въ Александрію, и оттуда пришелъ въ Скитъ, чтобы здѣсь посвятить себя отшельнической жизни.

Это было въ 392 г. еще при жизни Ѳеодосія, Арсенію было тогда сорокъ лѣтъ. Онъ пришелъ въ церковь Скита и смиренно просилъ принять его въ число иноковъ и научить его пути спасенія. По виду и словамъ пришельца старцы усмотрѣли, что это былъ человѣкъ не простаго званія. Но на

вопросы ихъ: кто онъ и откуда, Арсеній долго давалъ уклончивые отвѣты и только повторялъ, что онъ странникъ, ищущій спасенія. Наконецъ открылъ имъ все. Пустынники затруднялись, кого назначить наставникомъ для наставника дѣтей царскихъ. Въ общемъ совѣтѣ рѣшено было отдать его въ послушаніе Іоанну Колову. Это былъ подвижникъ, воспитанный въ строгомъ послушаніи и преуспѣвшій во внутренней жизни. Когда онъ пришелъ въ Скитъ, старецъ, которому отданъ онъ подъ послушаніе, требовалъ отъ него совершеннаго отверженія своей воли. Воткнувъ сухую палку въ землю, онъ велѣлъ Іоанну каждый день поливать ее, пока она не принесетъ плода. Три года Іоаннъ исполнялъ это приказаніе и палка зазеленѣла и принесла плодъ, который старецъ назвалъ плодомъ послушанія. Пламенѣя любовію къ Богу, онъ жаждалъ, отринувъ все земное, посвятить себя единственно молитвѣ Богу. Для этого онъ ушелъ въ пустыню, чтобы жить жизнію Ангеловъ, но скоро вразумился, что земной человѣкъ не можетъ жить какъ Ангелъ. Строгій постъ и труды считалъ онъ необходимыми для монаха. Что такое монахъ? спросилъ его одинъ братъ. Трудъ, отвѣчалъ онъ; ибо монахъ во всякомъ дѣлѣ трудится. Съ любовію и терпѣніемъ переносилъ онъ всѣ обиды, не давая никогда возникнуть въ душѣ своей чувству гнѣва. Перенесеніе оскорбленій, говоритъ онъ, отверзаетъ намъ врата небесныя. Прежніе отцы вошли въ градъ Божій для наслажденія радостями небесными только смиреніемъ и перенесеніемъ уничиженій и обидъ. Онъ не любилъ никакихъ разговоровъ мірскихъ, никакого праздного слова. И если до слуха его доходили подобныя слова, онъ спѣшилъ укрыться въ свою келлію, заботясь еще, не переступая порогъ келліи, забыть все слышанное внѣ ея. Часто умъ его такъ былъ устремленъ къ Богу, что онъ забывалъ и свою работу и все окружающее. Но не смотря на эту собранность духа, онъ готовъ былъ помогать всѣмъ, имѣющимъ нужду въ наставленіи, не только въ Скиту, но не отказался идти въ міръ, чтобы спасти отъ пути

погибели заблудшую Паисію. И это происходило отъ глубокаго убѣжденія, что основаніе спасенія нашего полагается въ дѣлахъ любви къ ближнимъ. Онъ говорилъ; нельзя выстроить дома сверху внизъ, но надобно строить съ основанія. Его спросили, что это значитъ? Основаніе есть ближній; его ты долженъ пріобрѣтать и съ него начинать. Онъ пользовался такимъ уваженіемъ въ Скиту, что объ немъ говорили, что по смиренію своему онъ руководилъ весь Скитъ какъ бы однимъ пальцемъ. Этому старцу ввѣренъ былъ Арсеній. Когда братія привели къ нему Арсенія, Іоаннъ приготовилъ для пришедшихъ трапезу, но Арсенія онъ не пригласилъ сѣсть. Онъ долженъ былъ стоять. Это было первое испытаніе для человѣка, раздѣлявшаго трапезу Царей и теперь лишеннаго права раздѣлить трапезу съ безвѣстными иноками. Но это испытаніе было только преддверіемъ къ другому болѣе тяжелому. Взявъ хлѣбъ со стола Іоаннъ бросилъ его на средину келліи, и сказалъ, обратясь къ Арсенію: ѣшь, если хочешь. Арсеній, сталъ ѣсть хлѣбъ. Увидѣвъ этотъ опытъ смиренія Арсенія Іоаннъ сказалъ: можете, братія мои, съ Богомъ итти отсюда. Молитесь за насъ. Вижу, что онъ способенъ къ жизни иноческой.

Послѣ перваго опыта Іоаннъ не почелъ нужнымъ подвергать новымъ испытаніямъ готовность Арсенія къ иноческому смиренію. Онъ съ утѣшеніемъ усматривалъ его успѣхи въ духовной жизни. Забывъ все свое образованіе Арсеній, со всѣмъ усердіемъ предался изученію высокой подвижнической жизни—своимъ постоянствомъ въ подвигахъ самоумерщвленія и покаянія, мужествомъ въ борьбѣ и особенно глубокимъ смиреніемъ онъ сравнялся съ опытными подвижниками. Его духовный отецъ, видя въ немъ обиліе благодати, позволилъ жить одному въ особой келліи. Получивъ полную свободу всецѣло предаться своей ревности къ служенію Богу, онъ просилъ его открыть, что ему дѣлать для достиженія спасенія? И снова слышитъ голосъ: «Арсеній! бѣгай людей, молчи и сохраняй безмолвіе,

ибо въ этомъ корни св. жизни.» Это наставленіе послужило для него правиломъ всей его жизни.

Онъ ушелъ въ пустыню, отстоящую отъ церкви на 32 мили, чтобы болѣе уединиться. Сколько могъ, онъ старался отклонить отъ себя пріемъ посѣтителей. Однажды пришелъ видѣться съ нимъ Архіепископъ Александрійскій Ѳеофилъ съ какимъ-то начальникомъ, и просилъ что нибудь сказать въ назиданіе. Исполните ли, что скажу вамъ? помолчавъ нѣсколько, спросилъ ихъ Арсеній. Они обѣщались исполнить. Тогда старецъ сказалъ имъ: «если услышите, что гдѣ-либо Арсеній, то не ходите къ нему.»

Въ другой разъ Архіепископъ послалъ напередъ спросить Арсенія: отворитъ ли онъ ему дверь келліи. Если придетъ, то отворю, а когда отворю для тебя, то отворю для всѣхъ и тогда не останусь здѣсь. Архіепископъ рѣшился не безпокоить его. Такъ онъ поступалъ съ большею частію посѣтителей, чтобы не отвращать ума своего отъ бесѣды съ Богомъ. Іоаннъ Лѣствичникъ указывалъ на Арсенія, какъ на примѣръ безмолвія. «Образомъ безмолвія да будетъ для тебя великій и равноангельный безмолвникъ Арсеній. Вспоминай въ уединеніи своемъ сего равноангельнаго безмолвника и смотри, какъ часто онъ отсылалъ отъ себя приходившихъ къ нему, чтобы не утратить важнѣйшаго.» Не недостатокъ любви, но постоянное стремленіе сердца его къ Богу заставляло его удаляться. «Богъ знаетъ, сказалъ онъ одному пустынику, какъ я люблю васъ, но я не могу въ одно время быть съ Нимъ и съ людьми.» И тогда какъ Арсеній приходилъ въ церковь, онъ обыкновенно становился за столпомъ, чтобы не видать никого. Онъ такъ привыкъ въ тишинѣ уединенія, что и шумъ тростника его безпокоилъ. Если кто пребываетъ въ безмолвіи, сказалъ онъ, услышавъ шумъ тростника, и услышитъ голосъ воробья, то сердце его уже не имѣетъ прежняго покоя, кольми паче трудно его имѣть, слыша шумъ сего тростника. Степ. 27. 64.

Другой причиной его удаленія отъ бесѣдъ было то, что онъ опасался, какъ бы не впасть въ грѣхъ. «Часто я раскаявался, говорялъ Арсеній, о сказанномъ, по никогда о томъ, что молчалъ.» Такъ трудно среди бесѣды сохранить себя чистымъ отъ всякаго прегрѣшенія въ словѣ.

Одному пустыннику Богъ открылъ, что молчаніе Арсенія выше поучительныхъ словъ другихъ иноковъ. Привлеченный славою, сей пустынникъ, самъ высокій по жизни, пришелъ въ Скитъ и просилъ, чтобы его проводили къ Арсенію. Во все время, пока сидѣлъ пустынникъ, Арсеній сохранялъ строгое молчаніе. Не получивъ назиданія, пустынникъ просилъ проводить себя къ Моисею. Тотъ принялъ со всею привѣтливостію. Когда это сдѣлалось извѣстнымъ, одинъ старецъ просилъ Бога открыть, кто лучше поступилъ Арсеній или Моисей? И вотъ видитъ онъ, двѣ лодки плывутъ по Нилу, въ одной былъ Авва Арсеній въ великомъ безмолвіи, Св. Духъ правитъ его ладьею; въ другой былъ Моисей; Ангелы Божіи управляли его ладьею и наполняли уста его медомъ. Впрочемъ никто съ такимъ помазаніемъ не могъ говорить о предметахъ духовныхъ, какъ Арсеній. Въ самой собранности своей его слово почерпало свою силу. Онъ не любилъ только вступать въ разсужденія продолжительныя, или въ объясненія трудныхъ мѣстъ Св. Писанія. Все вниманіе его устремлено было къ тому, чтобы скрывать себя, жить въ неизвѣстности отъ людей, втайнѣ передъ лицемъ только Божіимъ проходить свое служеніе. Для этого оставилъ онъ дворъ Царя и пришелъ въ пустыню, и потому часто напоминалъ себѣ самому: Арсеній! для чего ты оставилъ міръ?

Преданный безмолвію и уединенію, Арсеній посвящалъ себя всецѣло молитвѣ. Молитва составляла все его утѣшеніе. Въ ней его сердце, свободное отъ всего земнаго, стремилось какъ бы погрузиться въ бездну любви Божественной. Одному брату открытъ пламень его молитвы въ видѣ огня, которымъ весь окруженъ былъ Арсеній, когда совершалъ молитву. Цѣлыя ночи проводилъ Арсеній въ молитвѣ. Становясь въ субботу

вечеромъ на молитву съ лицемъ, обращеннымъ къ востоку, онъ продолжалъ ее до тѣхъ поръ, пока солнце не восходило предъ его глазами. Для сна онъ себѣ отдѣлялъ одинъ только часъ. «Для истиннаго подвижника, говорилъ онъ, довольно уснуть одинъ часъ.» Когда изнуренный усталостію чувствовалъ нужду въ отдохновеніи, онъ говорилъ сну: иди, злой рабъ,—и заснувъ нѣсколько сидя, тотчасъ вставалъ.

Избѣгая обязанности учить другихъ, Арсеній самъ охотно слушалъ и принималъ наставленія. Когда одинъ братъ узнавъ, что Арсеній проситъ наставленій о помыслахъ у пустынника преклонныхъ уже лѣтъ, но мало образованнаго, съ удивленіемъ сказалъ ему: «какъ ты, изучивши науки греческія и римскія, просишь наставленія у этого старца простаго и неученаго»? Римскія и греческія науки я знаю, отвѣчалъ Арсеній, но азбуки сего простолюдина еще не выучилъ. И это потому, какъ сказалъ Арсеній Евагрію, что свѣтское образованіе не даетъ добродѣтелей, а сіи простолюдины пріобрѣли ее своими трудами.

Какъ не любилъ онъ отличій и уваженія, оказываемыхъ его добродѣтели, такъ старался смиряться по наружности. Какъ при дворѣ онъ всѣхъ превосходилъ пышностію одежды, такъ въ скитской пустынѣ никто не былъ бѣднѣе его одѣтъ. Было время, когда онъ не имѣлъ средства купить себѣ хитона для перемѣны, и когда ему дали другіе, онъ сказалъ: «благодарю Тебя, Боже, что Ты удостоилъ меня принять милостыню во имя Твое.» Когда усилилась его болѣзнь, пресвитеръ перенесъ его въ церковную больницу, положилъ его на постель и подъ голову его небольшую подушку. Одинъ старецъ пришелъ навѣстить Арсенія и увидѣвъ его на постели, сказалъ: это ли Авва Арсеній? Вотъ на чемъ онъ почиваетъ. Пресвитеръ, отведя его въ сторону, спросилъ его: Изъ какого ты города? я не городской житель, отвѣчалъ старецъ. Чѣмъ же ты занимался въ своей деревнѣ? я былъ пастухомъ. Гдѣ ты спалъ? на полѣ. Имѣлъ ли ты постель подъ собою? Какая на полѣ постель? я спалъ на землѣ. Какую пищу ты имѣлъ въ полѣ,

и какое вино? Ѣлъ сухой хлѣбъ съ малымъ количествомъ соли, если удавалось найти ее, и пилъ воду. Великій же ты трудъ несъ, сказалъ пресвитеръ. Имѣлъ ли ты баню? Нѣтъ! но когда хотѣлъ, я купался въ рѣкѣ. А теперь какъ ты живешь? Я живу теперь гораздо покойнѣе. Тогда пресвитеръ сказалъ ему. Видишь ли ты сего Авву Арсенія? Въ мірѣ онъ былъ отцемъ Царей. Онъ оставилъ городъ и пришелъ въ сію пустыню. Имѣлъ у себя великолѣпные чертоги и великое богатство. Презрѣвъ все это, пришелъ въ эту малую келлію. У него были кровати изъ чистаго золота съ драгоцѣнными покрывалами, и теперь вмѣсто ихъ служитъ сія рогожа съ кожею. У него были дорогія одежды, вмѣсто ихъ онъ носитъ сіе бѣдное одѣяніе. Тысячи слугъ служили ему, а теперь вотъ эти старцы прислуживаютъ ему. На столъ его издерживалось много золота, а теперь онъ употребляетъ нѣсколько овощей и немного вина. Вмѣсто музыки и пѣнія прочитываетъ двѣнадцать Псалмовъ днемъ и столько же ночью. Ты, будучи пастухомъ, не имѣлъ такого покоя, какой имѣешь теперь, а Арсеній имѣлъ въ мірѣ всѣ удовольствія, а теперь ихъ не имѣетъ. И такъ, кто же болѣе терпитъ нужды? Услышавъ это, старецъ пришелъ въ сокрушеніе и поклонившись, сказалъ: Авва! согрѣшилъ я. Истинно Арсеній смиряется, а я покоюсь.

Если во время болѣзни Арсеній позволялъ себѣ нѣкоторое ослабленіе въ подвигахъ самоумерщвленія, то когда позволяли силы тѣлесныя, онъ не уступалъ никому изъ скитскихъ подвижниковъ въ строгости жизни. Такъ разсказываютъ объ немъ, что цѣлый годъ не перемѣнялъ онъ воды, въ которой мочилъ пальмовыя вѣтви. Когда ему сказали, что вода издаетъ дурной запахъ, онъ отвѣчалъ: за благовонія и масти, которыми я наслаждался въ мірѣ, надобно мнѣ терпѣть это зловоніе.

Постъ Арсенія былъ такой, что ученики не знали, чѣмъ онъ питался. На цѣлый годъ онъ бралъ себѣ одну мѣру муки.

И изъ этой мѣры онъ кормилъ учениковъ, когда они приходили къ нему. Плодовъ онъ не ѣлъ, кромѣ того времени, какъ въ первый разъ созрѣютъ они.

Сколько ни любилъ онъ молитву, но не оставлялъ рукодѣлія до шестаго часу. Впрочемъ его работа не прерывала его внутренняго единенія съ Богомъ. Онъ такъ былъ проникнутъ страхомъ и любовію къ Богу, что отъ постояннаго сокрушенія сердца, слезы непрестанно лились изъ глазъ его, такъ что онъ всегда держалъ платокъ на груди. Отъ сильнаго плача выпали его рѣсницы. Непрестанною мыслію его была память смертная. Ѳеофилъ Архіепископъ Александрійскій, умирая, говорилъ: блаженъ ты, Авва Арсеній, что всегда имѣлъ въ умѣ своемъ сію страшную минуту. Постоянно готовясь къ отвѣту на страшномъ судѣ, Арсеній два раза въ день утромъ и вечеромъ испытывалъ себя, сохранилъ ли онъ волю Божію, не слѣдовалъ ли въ чемъ своей воли и такимъ образомъ всю жизнь свою проводилъ въ подвигѣ постоянно строгаго суда надъ собою и постояннаго покаянія. И это самоиспытаніе приводило его только къ большему смиренію. Часто въ своей молитвѣ къ Богу онъ взывалъ: Боже! не оставь меня; я не сдѣлалъ предъ тобою ничего добраго, но даруй мнѣ по милости Твоей положить начало.

Сорокъ лѣтъ прожилъ Арсеній въ Скиту, потомъ по причинѣ разоренія Скита варварами, десять лѣтъ въ Троѣ близъ Мемфиса и три года въ Канопѣ Александрійскомъ. Послѣдніе два года своей жизни опять провелъ онъ въ Троѣ. Приближаясь къ смерти, онъ сказалъ ученикамъ:» не заботьтесь дѣлать по мнѣ вечерю любви. Ибо если я приготовилъ для себя сію вечерю, то найду ее. Я буду судиться съ вами на страшномъ судѣ, если вы отдадите кому-либо останки мои. Какъ же хоронить тебя, спросили ученики? Неужели не знаете, отвѣчалъ старецъ, какъ привязать къ ногѣ моей веревку, и тащить меня въ гору? Между тѣмъ старецъ плакалъ. Правда

ли отецъ, спросили ученики, что и ты страшишься. Онъ отвѣчалъ имъ: правда, настоящій мой страхъ всегда былъ со мною съ того времени, какъ я сдѣлался монахомъ.» И Арсеній скончался. Своему близкому ученику Даніилу Арсеній оставилъ кожаный хитонъ, жесткую власяницу и пальмовыя сандаліи; и я недостойный, говоритъ о себѣ Даніилъ, носилъ все это, дабы получить благословеніе (1).

Тогда какъ Арсеній сіялъ между пустынниками Скита совершеннымъ отреченіемъ отъ всего земнаго, любовію къ уединенію и безмолвію, другіе иноки, какъ напримѣръ Агаѳонъ и Пименъ, славились любовію къ ближнимъ. Агаѳонъ никогда не ложился спать, имѣя что-либо противъ другаго и, сколько могъ, не допускалъ также, чтобы кто-нибудь отходилъ ко сну, имѣя что-нибудь противъ него. И это потому, что онъ былъ убѣжденъ, что гнѣвливый человѣкъ, хотя бы воскресилъ мертваго, не можетъ быть угоденъ Богу. Какое ни видѣлъ онъ дѣло въ другихъ, не позволялъ себѣ осуждать ближняго. Помыслъ осужденія онъ останавливалъ словами: Агаѳонъ! не сдѣлай самъ этого. Агаѳонъ такъ былъ полонъ любви къ ближнимъ, что, если бы можно было, готовъ былъ отдать прокаженному тѣло свое, а его взять себѣ. Пришедши однажды въ Александрію для продажи рукодѣлья своего, онъ нашелъ на улицѣ лежащаго больнаго странника, о которомъ никто не заботился. Старецъ нанялъ для него небольшой покой, три мѣсяца самъ оставался при немъ и рукодѣльемъ добывалъ нужное для его содержанія, пока онъ не выздоровѣлъ. Въ другой разъ отправляясь въ городъ, онъ находитъ на дорогѣ прокаженнаго, который спросилъ его, куда онъ идетъ. Я иду въ городъ, отвѣчалъ Агаѳонъ, и несу продавать сосуды.

Сдѣлай милость! снеси и меня туда.

---

(1) Дост. сказ. 12—27.

Старецъ отнесъ его въ городъ и положилъ по просьбѣ больнаго тамъ, гдѣ продавалъ свои сосуды. Когда Агаѳонъ продалъ одинъ сосудъ, прокаженный спросилъ его: за сколько ты продалъ? старецъ сказалъ. Купи мнѣ на эти деньги пирогъ. Старецъ купилъ. Когда онъ продалъ другой сосудъ, прокаженный опять просилъ его купить пирогъ. Старецъ исполнилъ и это. Продавъ всѣ сосуды, старецъ хотѣлъ идти.

Ты идешь? спросилъ прокаженный; сдѣлай милость, отнеси меня туда, гдѣ взялъ. Старецъ отнесъ его на прежнее мѣсто. Благословенъ ты, сказалъ прокаженный Агаѳону, отъ Господа на небѣ и на землѣ! Агаѳонъ посмотрѣлъ, но уже никого не видѣлъ. Нестяжательный самъ Агаѳонъ кромѣ своего рукодѣлья, которымъ добывалъ дневное пропитаніе, не имѣлъ чѣмъ дѣлиться съ другими. Часто онъ мѣнялъ мѣсто жительства своего, оставляя келліи, выстроенныя имъ, чтобы не привязываться и къ мѣсту жительства. Все имущество его состояло въ ножикѣ, которымъ онъ работалъ. Но когда одинъ братъ похвалилъ его ножикъ, онъ не выпустилъ его изъ келліи, пока тотъ не взялъ ножа. Съ однимъ только сокровищемъ не хотѣлъ онъ разстаться—это съ православіемъ. Однажды братія, желая испытать его, стали называть его блудникомъ и гордецомъ; онъ не защищался. Называли его пустословомъ и клеветникомъ; онъ бралъ на себя и это обвиненіе. Но когда сказали ему: ты еретикъ. Онъ отвергъ это обвиненіе. Почему же, спросили его братія, ты принималъ на себя первыя вины; а не принялъ послѣдней. Потому, отвѣчалъ Агаѳонъ, что быть еретикомъ, значитъ быть въ отлученіи отъ Бога, но быть отлученнымъ отъ Бога я не хочу.

Авва Агаѳонъ всегда старался дѣлать добро, какое могъ. «Никогда, говорилъ онъ о себѣ, не устроялъ я вечери любви, но подавать и принимать совѣты было для меня вечерею любви. Ибо думаю, что польза брата замѣняетъ приношеніе плодовъ».

Это происходило изъ того убѣжденія, что внутреннее душевное благо лучше внѣшняго. Его спросили однажды: что важнѣе—тѣлесный трудъ или храненіе сердца? Агаѳонъ отвѣчалъ: человѣкъ подобенъ дереву; трудъ тѣлесный—листья, а храненіе сердца—плодъ. Поелику же, по Писанію, всяко древо, еже не творитъ плодъ добръ, посѣкаемо бываетъ и во огнь вмѣтаемо (Мѳ. 3, 10.); то очевидно, что должно имѣть все попеченіе о плодѣ, то есть о храненіи сердца. Впрочемъ для насъ нужно и лиственное одѣяніе и украшеніе, то есть трудъ тѣлесный.

Какъ поучительна была жизнь Агаѳона, такъ была назидательна и его кончина по тому глубокому смиренію, которое онъ обнаружилъ и которое было плодомъ его постояннаго размышленія о страшномъ судѣ Божіемъ, по ненадѣянію на себя, соединенному съ живою вѣрою въ милосердіе Божіе и по тихой радости, съ какою онъ предалъ душу свою Богу. Три дня предъ своей кончиной Агаѳонъ пробылъ безъ движенія съ отверстыми очами. Братія, желая пробудить его, спросили: гдѣ ты, Авва? «Я предъ судилищемъ Божіимъ.» Неужели ты, Авва, боишься сего суда? «Сколько могъ, я трудился въ исполненіи заповѣдей Божіихъ, но я человѣкъ, почему мнѣ знать, угодны ли были мои дѣла Богу?» И ты не увѣренъ, что дѣла твои были угодны Богу? «Не имѣю дерзновенія, пока не предстану Богу; ибо иное судъ человѣческій, а иное судъ Божій.» Братія хотѣли еще спросить его, но онъ сказалъ: прошу васъ, не говорите больше со мною, мнѣ несвободно, и тотчасъ скончался. Онъ отходилъ съ такимъ радостнымъ видомъ, съ какимъ иной привѣтствуетъ своихъ друзей и возлюбленныхъ (1).

Авва Пименъ, украшенный всѣми добродѣтелями и дарами

(1) Дост. сказ. 27 — 35.

благодати Божіей, отличался и особою снисходительностію къ немощамъ другихъ. У Аввы Нистероя былъ нерадивый ученикъ. Братія спросили Пимена: какъ Нистерой могъ терпѣть ученика своего? Если бы я былъ на его мѣстѣ, отвѣчалъ Пименъ, то и подушку клалъ бы подъ его голову. Что же бы ты сталъ отвѣчать Богу? спросилъ его Анувій. Я скажу Ему: Ты Самъ повелѣлъ: изми первѣе бервно изъ очесе своего, и тогда узриши изъяти сучецъ изъ очесе брата твоего (Мѳ. 7, 5.). Когда мы покроемъ паденіе брата нашего, Богъ покроетъ наше паденіе. Если ты для добраго брата дѣлаешь немного добра, то для падшаго сдѣлай вдвое болѣе, ибо онъ слабъ (1). Если мы увидимъ братіи дремлющихъ во время службы, спросили братія Авву Пимена, позволишь ли толкать ихъ, чтобы они проснулись и бдѣли? Если я увижу брата дремлющаго, отвѣчалъ Пименъ, то положу голову его на колѣни мои и упокою его. Въ другой разъ отцы спросили Пимена: позволишь ли намъ обличать брата, когда мы увидимъ, что онъ грѣшитъ? Пименъ отвѣчалъ: я, когда мнѣ нужно бываетъ идти чрезъ то мѣсто и вижу брата во грѣхѣ, прохожу мимо и не обличаю его. Легко вы можете и обмануться, совѣтую не говорить даже о томъ, что осяжите своими руками. Пимена спросили: какъ можетъ человѣкъ достигнуть того, чтобы не говорить худо о ближнемъ? Мы и братія, отвѣчалъ Пименъ, какъ бы двѣ картины. Если человѣкъ, смотря на себя, находитъ въ себѣ недостатки, то въ братѣ онъ видитъ совершенства, а когда онъ самъ себѣ кажется совершеннымъ, то, сравнивая съ собою брата, видитъ его худымъ. Если человѣкъ достигаетъ того состоянія, о которомъ сказалъ Апостолъ: вся чиста чистымъ (Тит. 1, 15.), то увидитъ, что онъ самъ хуже всякой твари. Но какъ же я

---

(1) Дост. сказ. о Пим. 131. 64.

могу думать, спросилъ Пимена одинъ братъ, что я хуже убійцы? Человѣкъ, достигшій такого состоянія, сказалъ Пименъ, когда увидитъ сдѣлавшаго убійство, скажетъ: онъ однажды сдѣлалъ сей грѣхъ,а я убиваю каждый день.

Этотъ духъ снисходительности дышетъ во всѣхъ его совѣтахъ. Если человѣкъ грѣшитъ, говорилъ онъ, и будетъ отрекаться, говоря: я не грѣшенъ, не обличай его, иначе погасишь въ немъ всю ревность къ добру. Если же скажешь ему: не унывай, братъ, но остерегайся впередъ, — чрезъ это возбудишь душу его къ покаянію. Онъ всегда хотѣлъ надеждою на милосердіе Божіе возбуждать грѣшниковъ къ покаянію. Одинъ братъ жаловался ему, что у него много помысловъ и онъ отъ нихъ въ опасности. Пименъ вывелъ его на воздухъ и сказалъ: раскрой свою грудь и не впускай вѣтра. Не могу этого сдѣлать, отвѣчалъ братъ. Такъ ты не можешь остановить и прилива помысловъ, но твое дѣло противостоять имъ.

Одного брата смущали хульные помыслы. Желая получить наставленіе отъ опытныхъ старцевъ, онъ ходилъ къ нимъ, но всегда стыдился открыться. Съ этою цѣлію ходилъ онъ часто къ Пимену. Тотъ видѣлъ, что у брата лежитъ что-то на душѣ, чего онъ не можетъ открыть. Отозвавъ брата, Пименъ сказалъ ему: вотъ сколько времени ты ходишь сюда, желая открыть свои помыслы, но опять уходишь, не открывъ ихъ, мучимый ими по прежнему. Скажи мнѣ, сынъ мой, что у тебя на сердцѣ? Тотъ разсказалъ о своихъ хульныхъ помыслахъ. Не скорби, сынъ мой, сказалъ Пименъ. Но когда придетъ тебѣ такой помыслъ, говори: я не виноватъ; хула твоя да падетъ на тебя сатана. Душа моя не хочетъ сего, а все, чего душа не хочетъ, скоро проходитъ. Братъ успокоился.

Одинъ братъ пришелъ къ Пимену и говоритъ ему: я сдѣлалъ великій грѣхъ и хочу каяться три года. Много, сказалъ Пименъ; или хотя одинъ годъ, и то много. Бывшіе тутъ

старцы спросили: недовольно ли сорока дней? И это много. Думаю, что если человѣкъ покается отъ всего сердца и болѣе уже не будетъ грѣшить; то и въ три дня Богъ его приметъ. Онъ старался смягчать строгость суда и другихъ. Пресвитеръ Пелусіотскій, узнавъ о разсѣянной жизни нѣкоторыхъ иноковъ, снялъ съ нихъ въ собраніи монашескую одежду. Но послѣ волнуемый помыслами, пришелъ къ Пимену и проспилъ его мнѣнія о своемъ поступкѣ. Пименъ спросилъ его: «совлекся ли ты ветхаго человѣка? Не осталось ли въ тебѣ чего-либо отъ него?» И во мнѣ есть еще ветхій человѣкъ, отвѣчалъ пресвитеръ. «Вотъ и ты, сказалъ ему Пименъ, таковъ какъ и братія. Если есть въ тебѣ хотя не много ветхаго человѣка, то и ты подлежишь суду». Пресвитеръ пошелъ въ свой монастырь, созвалъ братію и, испросивъ у нихъ прощенія, облекъ ихъ въ иноческія одежды.

Одинъ отшельникъ присовѣтовалъ Аввѣ Киновіи выгнать изъ монастыря брата, падшаго въ грѣхъ. Слыша о скорби согрѣшившаго, Пименъ, обласкавъ его, пригласилъ къ себѣ отшельника и сказалъ ему: въ одномъ мѣстѣ были два человѣка и оба имѣли у себя по мертвецу. Одинъ изъ нихъ оставилъ своего мертвеца и пошелъ плакать надъ мертвецемъ другаго. Пустынникъ понялъ указаніе на свой судъ и сказалъ: Пименъ высоко, высоко на небѣ, а я низко, низко на землѣ.

Всѣ эти совѣты о любви и снисходительности были плодомъ той глубокой любви къ ближнимъ, которой преисполнено было сердце Пимена. Онъ считалъ лицемѣріемъ учить ближняго тому, до чего самъ не достигъ. Того, кто учитъ другихъ, а самъ не дѣлаетъ того, чему учитъ, уподоблялъ источнику, который всѣхъ напояетъ и омываетъ, а самъ себя не можетъ очистить. Онъ никогда не хотѣлъ давать наставленія своего послѣ другаго старца; но обыкновенно хвалилъ давшаго наставленія. Самъ онъ любилъ въ своихъ наставленіяхъ приводить слова другихъ, а не отъ себя говорить. Чѣмъ выше и святѣе

была его собственная жизнь, тѣмъ поучительнѣе для всѣхъ его снисходительная любовь (1).

Иной примѣръ подвижничества представляетъ Виссаріонъ. Этотъ мужъ, по словамъ Палладія, велъ такую чудную и неукоризненную жизнь, что будто земный Ангелъ свято шелъ путемъ небеснымъ. Онъ, какъ птица небесная, жилъ безъ заботъ и смущенія. Ни жажда удовольствій, ни жажда пріобрѣтеній не волновала его душу. Совершенно свободный отъ мірскихъ заботъ, онъ питался одною надеждою будущаго. Какъ плѣнникъ терпѣлъ онъ то здѣсь, то тамъ, сносилъ холодъ и наготу, опаляемъ былъ зноемъ солнечнымъ, всегда находясь на открытомъ воздухѣ. Онъ любилъ носиться по обширной и необитаемой песчаной странѣ, какъ бы по морю, по временамъ укрываясь въ скалахъ пустынныхъ. Иногда приходя ко вратамъ какой-нибудь киновіи, плакалъ и рыдалъ какъ бы пловецъ послѣ кораблекрушенія, выброшенный на берегъ. Если кто изъ братій, увидавъ, что онъ какъ нищій сидитъ у воротъ, спрашивалъ его: о чемъ ты плачешь? Раздѣли съ нами трапезу; мы поможемъ тебѣ по мѣрѣ способовъ. Не могу быть подъ кровлею, отвѣчалъ Виссаріонъ, пока не найду своего имущества. Много я вытерпѣлъ бѣдъ. Меня грабили морскіе разбойники, я претерпѣлъ кораблекрушеніе, лишился славы своего рода, изъ знатныхъ сдѣлался незнатнымъ. Если братъ, прослезившись при его словахъ, подавая ему кусокъ хлѣба, говорилъ: Богъ возвратитъ тебѣ отечество, славу рода и богатство, старецъ начиналъ болѣе плакать. «Не знаю, рыдая говорилъ онъ, потерявъ, могу ли я найти то, что ищу? Я могу потерять болѣе, ежедневно находясь въ смертной опасности; ибо мнѣ надобно совершить теченіе жизни среди непрерывнаго блужденія.» Сорокъ лѣтъ не ложился онъ на бокъ, а спалъ или сидя или стоя. Все имущество его состояло въ одной

(1) Дост. сказ 186—225.

срачицѣ, малой мантіи на плечахъ и книгѣ Евангелія. Но, увидавъ мертвеца, лишеннаго одежды, онъ прикрылъ его своей мантіей, потомъ встрѣтивъ нищаго, страждущаго отъ холода, отдалъ ему свою срачицу, встрѣтивъ ещё бѣднаго онъ продалъ Евангеліе и отдалъ деньги нищему, исполняя слова, заключающіяся въ немъ: продаждь имѣніе твое и даждь нищимъ Не смотря на обиліе благодати Божіей, почивавшей на немъ и обнаружившейся въ чудесахъ, онъ былъ такъ смиренъ, что когда пресвитеръ Скита велѣлъ одному монаху за содѣланный имъ грѣхъ выйдти изъ церкви, Виссаріонъ вышелъ вмѣстѣ съ братомъ, говоря: и я также грѣшникъ (1).

Въ жизни Виссаріона усматриваются черты того рода подвижничества, которое сдѣлалось извѣстно подъ именемъ юродства. Вотъ какъ опредѣляетъ этотъ родъ жизни Евагрій. «Между иноками были и такіе, которые, чрезъ добродѣтель достигнувъ безстрастія, возвращаются въ міръ, и среди шума, притворяясь помѣшанными, такимъ образомъ попираютъ тщеславіе, по словамъ языческаго мудреца Платона,—послѣднюю обыкновенно снимаемую съ души одежду. Любомудріе научило ихъ ѣсть безъ чувства и въ харчевняхъ и въ мелочныхъ лавкахъ, не стыдясь ни мѣста, ни лица, вообще ничего. Нерѣдко посѣщаютъ они бани, и тамъ бываютъ и моются большею частію съ женщинами, покоривъ страсти такъ, что имѣютъ полную власть надъ своею природою и не склоняются на ея требованія ни взглядомъ, ни прикосновеніемъ, ни даже объятіями дѣвы. Съ мущинами они мущины, съ женщинами женщины, и хотятъ имѣть не одну, но обѣ природы. Кратко сказать, въ доблестной и богоносной ихъ жизни добродѣтель противодѣйствуетъ законамъ природы и предписываетъ ей собственные законы. Житіе ихъ на самыхъ точныхъ вѣсахъ взвѣшивается такъ, что по мѣрѣ восхожденія ихъ въ

(1) Дост. сказ. 51—54 Лавс. гл. 101.

противоположную сторону тяготѣніе становится неощутимымъ; ибо какъ въ нихъ смѣшаны противоположности, то благодать Божія, соединившая несмѣсимое, предметы соединенія снова раздѣляетъ такъ, что и жизнь и смерть, противоположныя по предмету и дѣйствіямъ, обитаютъ въ нихъ совмѣстно. Отсюда, если дѣйствуетъ въ нихъ страсть, — имъ надобно быть мертвыми, а когда пробуждается молитва къ Богу, они должны проявлять крѣпость тѣла и бодрость силъ, хотя бы уже вышли изъ возраста. Обѣ жизни ихъ сплетены между собою такъ, что пусть они вовсе оставили плоть, все продолжаютъ жить и сообщаются съ живущими, врачуя немощи другихъ, перенося къ Богу гласъ молящихся» (1).

Такой родъ подвижничества конечно былъ предпринимаемъ только по особенному призванію благодати. Опытные старцы удерживали отъ него подвижниковъ. Исаакъ Сиринъ пишетъ о себѣ: пришелъ я однажды къ опытному старцу и сказалъ ему: пришелъ мнѣ, отче, помыслъ пойти въ воскресный день на церковную паперть, сѣсть тамъ и рано утромъ ѣсть, чтобы всякій входящій и выходящій, увидѣвъ меня, уничижилъ. Старецъ отвѣчалъ на это: «Писано, что всякій, кто дѣлаетъ соблазнъ міряпамъ, не узритъ свѣта. А ты никому неизвѣстенъ въ этой сторонѣ, житія твоего не знаютъ, а будутъ говорить, что монахи съ утра ѣдятъ; особливо же братія здѣсь новоначальные и немощные въ своихъ помыслахъ; многіе изъ нихъ, имѣя вѣру къ тебѣ и пользуясь отъ тебя, какъ скоро увидятъ, что сдѣлалъ ты это, потерпятъ вредъ. Древніе отцы дѣлывали такъ, по причинѣ многихъ совершенныхъ ими чудотвореній, и по причинѣ оказываемой имъ чести и прославленія ихъ имени, и дѣлали это, чтобы подвергнуть себя безчестію, скрыть славу житія своего, и удалить отъ себя прычины къ гордости. А

(1) Евагр. Церк. Ист. Кн. 1. гл. 21.

тебя что заставляетъ поступить подобнымъ сему образомъ? Не знаешь развѣ, что всякому житію свой чинъ и свое время? Ты не имѣешь такого отличнаго житія и такого имени и живешь, какъ и прочіе братія. Ты себѣ не принесешь пользы, а другому повредишь. Притомъ такое дѣйствованіе полезно не всѣмъ, но однимъ совершеннымъ и великимъ; потому что въ этомъ есть отрѣшеніе отъ чувствъ. Достигшимъ же только средины и новоначальнымъ оно вредно; потому что имѣютъ нужду въ большей предосторожности и въ подчиненіи чувствъ. Старцы уже пережили время осторожности и извлекаютъ пользу, изъ чего только захотятъ. Ибо неопытные купцы въ большихъ оборотахъ великіе причиняютъ себѣ убытки, а въ маловажныхъ оборотахъ скоро идутъ съ успѣхомъ впередъ. И опять, какъ сказалъ я, всякому дѣлу свой порядокъ, и всякому роду жизни извѣстное время. Кто прежде времени начинаетъ, что̀ сверхъ его мѣры, тотъ ничего не пріобрѣтаетъ, а усугубляетъ только себѣ вредъ. Если вожделѣнно тебѣ это; съ радостію терпи то безчестіе, которое по Божію смотрѣнію, а не по твоей волѣ постигнетъ тебя, и не смущайся, не питай ненависти къ тому, кто безчеститъ тебя» (1).

Изъ подвижниковъ Египетскихъ болѣе замѣчательный примѣръ жизни юродивой представилъ Серапіонъ, прозванный Синдонитомъ, потому что ничего не носилъ, кромѣ синдона т. е. льняной одежды. Съ юности упражняясь въ Священномъ Писаніи, онъ читалъ все Св. Писаніе наизустъ. Ревнуя о пріобрѣтеніи совершенной нестяжательности, онъ не хотѣлъ имѣть и келліи, чтобы не привязаться къ чему-либо земному, но проводилъ жизнь въ постоянномъ странствованіи и съ усовершеніемъ въ нестяжательности пріобрѣлъ совершенное безстрастіе. Всю жизнь свою посвятилъ онъ на спасеніе душъ ближ-

(1) Исаака Сир. Сл. II. стр. 62. 63.

нихъ. Въ одномъ городѣ онъ продалъ себя за двадцать монетъ комедіантамъ язычникамъ, и пробылъ у нихъ, питаясь только хлѣбомъ и водою и непрестанно проповѣдуя слово Божіе до тѣхъ поръ, пока не обратилъ ихъ къ Христіанству и не заставилъ оставить театръ. Утвержденный его наставленіями въ благочестивой жизни со всѣмъ семействомъ, комедіантъ хотѣлъ отпустить его на свободу. Тогда Серапіонъ открылъ имъ тайну своего намѣренія и возвратилъ имъ въ цѣлости деньги, которыя хранилъ запечатанными. Напрасно просили его раздать эти деньги бѣднымъ, какъ залогъ спасенія. Серапіонъ отвѣчалъ: деньги ваши, я не раздаю нищимъ чужихъ денегъ. Однажды въ Аѳинахъ, куда онъ зашелъ во время странствованія, три дня ему никто не подалъ хлѣба, и онъ оставался безъ пищи. Наступилъ четвертый день, и онъ сильно взалкалъ. Ставъ на одномъ холмѣ города, онъ началъ взывать: «Аѳиняне, помогите? Я впалъ въ руки трехъ заимодавцевъ. Изъ нихъ двое оставили меня, потому что получили долгъ, а третій не отстаетъ, и мнѣ не чѣмъ удовлетворить его.» Кто же эти заимодавцы? спрашиваютъ Серапіона любопытные Аѳиняне. «Отъ юности моей, отвѣчалъ Серапіонъ, мучили меня сребролюбіе, плотское вожделѣніе и чревоугодіе. Отъ двухъ я освободился— отъ сребролюбія и вожделѣнія, ибо у меня нѣтъ ни золота, ни другаго какаго-либо имущества, я не наслаждаюсь и удовольствіями, которыя поддерживаютъ этотъ недугъ. Но отъ чревоугодія я не могу освободиться. Вотъ теперь уже четвертый день я безъ пищи, и чрево мучитъ меня, требуя обычнаго долга и не позволяя мнѣ жить, если я не заплачу ему» Ему дали златницу. Серапіонъ отнесъ ее въ хлѣбную лавку, взялъ хлѣбъ и удалился на всегда изъ города. Пришедши въ Лакедемонъ, онъ узналъ, что здѣсь одинъ благочестивый мужъ зараженъ былъ ересію Манихейскою. Серапіонъ продалъ себя ему, и въ два года успѣлъ своими наставленіями отклонить отъ ереси его самого, и его жену со всѣмъ домомъ его и присоединить ихъ къ Церкви. Наставивъ ихъ въ благочестіи,

онъ отдалъ имъ деньги, а самъ сѣлъ на корабль, плывшій въ Римъ. Прибывъ въ Римъ, онъ узналъ объ одной дѣвѣ, пребывающей въ безмолвіи, которая двадцать пять лѣтъ жила, заключившись въ своей келліи и ни съ кѣмъ никогда не видѣлась. Серапіонъ пришелъ въ домъ, гдѣ она жила и сказалъ прислуживавшей ей старицѣ: скажи дѣвицѣ, что одинъ монахъ непремѣнно желаетъ съ нею видѣться. Старица отвѣчала ему: «затворница много лѣтъ никого не видитъ.» Серапіонъ повторилъ: поди, скажи, что я долженъ съ нею видѣться, ибо меня послалъ къ ней Богъ. Но и тутъ она не послушалась. Только чрезъ три дня Серапіонъ получилъ доступъ къ затворницѣ. Что ты сидишь здѣсь? сказалъ онъ, увидавъ ее. Я не сижу, отвѣчала она, но иду. Куда же ты идешь? спросилъ Серапіонъ. Къ Богу моему, отвѣчала дѣвица. Жива ты или умерла? Вѣрую Богу моему, отвѣчала она, что умерла для міра; ибо кто живетъ по плоти, тотъ не пойдетъ къ Богу. Если хочешь увѣрить меня въ томъ, что ты умерла для міра, сказалъ на это Серапіонъ, сдѣлай то, что я дѣлаю. Приказывай, отвѣчала она, но только возможное, и я сдѣлаю. Для мертваго, подобнаго тебѣ, сказалъ Серапіонъ, все возможно кромѣ нечестія,—сойди внизъ и пройдись. Я не выхожу двадцать пять лѣтъ, возразила дѣвица, какъ же теперь пойду? Вотъ, сказалъ Серапіонъ, не говорила ли ты: я умерла для міра? Очевидно по этому, что и міръ для тебя не существуетъ. А если такъ, то мертвый ничего не чувствуетъ, и для тебя должно быть все равно—выйдти или не выйдти. Дѣвица пошла. Когда она дошла до одной церкви, Серапіонъ сказалъ ей: если хочешь меня увѣрить, что ты умерла и не живешь для людей, то сними съ себя все платье, какъ вотъ я, положи его на плеча, и ступай по городу; а я пойду впередъ тебя въ такомъ же видѣ. Но если, отвѣчала она, я сдѣлаю это, то многихъ соблазню такимъ безстыдствомъ, и кто нибудь скажетъ, что это сумасшедшая или бѣснующаяся. А тебѣ что за дѣло, если это скажутъ, отвѣчалъ блаженный Серапіонъ. Вѣдь ты гово-

ришь, что умерла для людей; а мертвецу нѣтъ никакой нужды до того, бранитъ ли кто его или смѣется надъ нимъ, потому что онъ не чувствителенъ ко всему. Тогда дѣвица сказала: прикажи мнѣ сдѣлать другой подвигъ; теперь я еще не дошла, а только молюсь о томъ, чтобы дойти до такой степени. Смотри же сестра, сказалъ ей Серапіонъ, не величайся, будто ты святѣе всѣхъ, и не хвались, что умерла для сего міра. Вотъ ты узнала, что жива еще и угождаешь людямъ. Я могу быть болѣе мертвымъ, нежели ты, и что я умеръ для міра, могу доказать дѣломъ,—именно тѣмъ, что равнодушно взираю на него; ибо, не стыдясь и не соблазняясь, могу сдѣлать то, что приказываю тебѣ. Урокъ блаженнаго Серапіона научилъ дѣвицу большему смиренномудрію и тѣмъ возвелъ ее къ большему совершенству. Серапіонъ скончался на шестидесятомъ году своей жизни, возвратившись въ пустыни Египетскія (1).

Исторія Серапіона показываетъ что юродство для міра есть высокая мудрость предъ очами Божіими. Юродивые произвольно дѣлаютъ себя презрѣнными по суду міра, дабы воздать Господу славу болѣе чистую и болѣе свободную отъ всякой собственной выгоды. Добродѣтели ихъ остаются сокрытыми отъ взоровъ человѣческихъ, пока самъ Богъ не прославляетъ сихъ святыхъ. Какому же тяжкому суду должны подвергнуться тѣ, которые принимаютъ видъ юродивыхъ, не для того, чтобы подвергнуться презрѣнію міра, но чтобы привлечь славу міра, не для того, чтобы скрыть свою добродѣтель, но чтобы заставить думать о себѣ болѣе, нежели сколько имѣютъ внутри себя.

Такъ въ пустынникахъ скитскихъ мы усматриваемъ примѣры самыхъ разнообразныхъ подвиговъ и добродѣтелей. Долго было

---

(1) Лавс. гл. 69—72.

бы изчислять всѣхъ знаменитыхъ пустынниковъ Скита. Никогда, пишетъ Лѣствичникъ, у преподобныхъ Тавенисіотовъ не было столько свѣтильниковъ, какъ у скитскихъ (1). Число иноческихъ въ Скиту было многочисленно еще около времени кончины Антонія Великаго (въ 355 г.), такъ что многолюдность Скита заставила Сисоя изъ Скита уйдти въ гору Антонія. Въ началѣ пятаго вѣка число иноческихъ въ скитской пустынѣ простиралось до трехъ тысячъ пяти сотъ (2). Самая многочисленность иноковъ, среди которыхъ начали поселяться и очень молодые, служила къ ослабленію жизни иноческой. Еще Великій Макарій говорилъ ученикамъ своимъ: когда увидите келлію построенную близъ озера, то знайте, что близко запустѣніе Скита. Когда увидите дерево, то оно у дверей. Когда увидите отроковъ, то берите милоти и удаляйтесь (3). Авва Моисей говорилъ: если мы будемъ исполнять заповѣди отцевъ, варвары не придутъ сюда, а если не станемъ, то мѣсто сіе опустошено будетъ (4). Но уже Авва Пименъ говорилъ: съ третьяго скитскаго поколѣнія и со времени Аввы Моисея братія не сдѣлали новыхъ успѣховъ (5). Иноческая жизнь замѣтнымъ образомъ начала ослабѣвать. Въ этомъ ослабленіи духа иноческаго, не столько во внѣшнихъ разореніяхъ отъ вторженія варваровъ, заключалась причина опустѣнія Скита. Потому-то, вѣроятно, Арсеній Великій, когда Скитъ былъ опустошенъ варварами, сказалъ: міръ погубилъ Римъ, а монахи погубили Скитъ (6). Во время неоднократнаго нашествія варваровъ нѣкоторые монахи были убиты, другіе разсѣялись по разнымъ странамъ Египта. Такъ и Великій Арсеній кончилъ жизнь свою не въ пустыни скитской.

---

(1) Ст. 27. с. 32.
(2) Лѣтъ дух. гл. 112.
(3) Десг. сказ. стр. 142.
(4) Тамъ же стр. 155.
(5) Тамъ же стр. 221.
(6) Тамъ же стр. 16.

Въ шестомъ вѣкѣ ересь Монофизитовъ отторгла отъ православія большую часть иноковъ Скита. Со времени Юстина 1-го до завоеванія Аравитянами Египта Яковитскіе Патріархи, которымъ запрещено было имѣть храмы и мѣстопребываніе въ Александріи, поселились въ скитской пустыни. Понятно, какое сильное вліяніе могли они имѣть на отторженіе живущихъ здѣсь иноковъ отъ православія. Большая часть духовныхъ яковитскихъ удалилась туда же послѣ строгихъ мѣръ, принятыхъ противъ нихъ Аполлинаріемъ, Патріархомъ Александрійскимъ (1).

Северъ Антіохійскій, осужденный на соборѣ при Юстиніанѣ, бѣжалъ въ Александрію, и тамъ переходилъ изъ одного монастыря въ другой, проповѣдуя свое лжеученіе своими словами и писаніями. Въ то же время Юліанъ Галикарнасскій, противникъ Халкидонскаго собора, разослалъ посланія во всѣ монастыри Египетскіе, гдѣ проповѣдывалъ свое лжеученіе, которое и принято было съ жадностію. Въ скитской пустыни осталось семь человѣкъ, которые не согласились съ нимъ (2).

Съ уклоненіемъ отъ православія иноки Скита уклонились и отъ прежней жизни. «Не таковы нынѣ скитскіе монахи, говорилъ въ началѣ VII в. Ѳеодоръ Александрійскій, каковы были прежде. Между скитскими иноками была прежде величайшая любовь, подвижничество и даръ разсужденія.» Стало быть онъ не находилъ уже сихъ свойствъ въ современныхъ ему инокахъ (3). Съ тѣхъ поръ и доселѣ иночество не прекращалось совсѣмъ въ пустыни скитской, но, отторгнутое отъ православія, оно не можетъ имѣть мѣста въ исторіи Православнаго монашества.

---

(1) Renaudot. Hist. Patriarch. Alex. p. 122. 134.
(2) Ibid. p. 132.
(3) Лугъ духовн. гл. 53.

ЛИКОПОЛЬ.

Обозрѣвъ главныя мѣста иноческой жизни въ Египтѣ въ обителяхъ Антонія и Пахомія, въ горѣ Нитрійской и пустынѣ Скитъ, мы прослѣдимъ пріюты иноковъ среди Египта, извѣстные въ христіанскомъ мірѣ подъ именемъ уединеній Ѳиваидскихъ, начиная съ сѣвернаго предѣла Тавенскихъ обителей и спускаясь внизъ по теченію Нила, дабы изображеніемъ иноческой жизни въ нижнемъ Египтѣ заключить исторію монашества въ Египтѣ. Здѣсь по берегамъ Нила отъ развалинъ Ѳивъ до самаго Миніета продолжаются тѣ древнія каменоломни и гробницы, которыя столь долгое время служили убѣжищемъ умершихъ для міра св. отшельниковъ. Тамъ, гдѣ въ плодоносной долинѣ у подошвы Ливійскихъ горъ верхняго Египта расположенъ главный городъ Сиготъ или Ѳаготъ, находился древній Ликополь. Горы, прилегающія къ Сиготу и ограждающія его своими каменными громадами отъ песковъ пустыни, изрыты погребальными пещерами Египтянъ. Спасительное знаменіе креста, начертанное на многихъ мѣстахъ этихъ пещеръ, свидѣтельствуетъ и теперь о пребываніи здѣсь въ прежнее время христіанскихъ подвижниковъ. Коптскіе христіане показываютъ семь пещеръ, гдѣ, по ихъ преданіямъ, былъ женскій монастырь. Не сохранилось памяти о подвижницахъ, посвятившихъ жизнь свою Богу. Но то извѣстно, что въ IV в.

въ Ликополѣ былъ свой Епископъ и процвѣтали иноческія обители. Великою славою у современниковъ пользовался затворникъ въ Ликополѣ Іоаннъ, получившій наименованіе пророка по дару чудесъ и предвѣдѣнія будущаго, которымъ онъ былъ украшенъ.

Сынъ бѣднаго ремесленника Ликопольскаго Іоаннъ до 25-ти лѣтняго возраста занимался плотничествомъ. Но увлекаемый пламеннымъ желаніемъ посвятить себя на служеніе Богу, онъ оставилъ городъ и удалился въ пустыню. Хотя блага, оставленныя имъ въ мірѣ, были не значительны, но можно сказать, что онъ оставилъ многое; потому что не сохранилъ въ сердцѣ своемъ никакой привязанности къ міру.

Эту первую жертву онъ возвысилъ еще важнѣйшею жертвою—совершеннымъ отреченіемъ отъ своей воли. Онъ отдалъ себя въ послушаніе одному пустынножителю, и проходилъ это послушаніе съ такою ревностію, что, не позволяя себѣ никакаго сужденія о приказаніяхъ старца, спѣшилъ исполнять ихъ. Такъ, однажды старецъ велѣлъ ему перетащить въ келлію камень, который съ трудомъ могли сдвинуть съ мѣста нѣсколько человѣкъ. Іоаннъ бросился немедленно къ дѣлу и употреблялъ всѣ усилія, чтобы исполнить волю старца, думая, что если приказалъ старецъ, то должно быть исполнено. Около двѣнадцати лѣтъ Іоаннъ былъ въ послушаніи у сего старца. Послѣ его кончины онъ прожилъ около пяти лѣтъ въ монастырѣ, усовершаясь въ иноческихъ добродѣтеляхъ, и потомъ удалился въ пустыню, чтобы жить тамъ совершеннымъ отшельникомъ.

Мѣстомъ для своего пребыванія онъ избралъ гору въ четырехъ верстахъ отъ города. На самой вершинѣ горы онъ построилъ келлію изъ двухъ комнатъ; въ одной онъ молился; въ другой работалъ и принималъ пищу; онъ былъ сорока лѣтъ, когда вступилъ въ свое жилище, и прожилъ здѣсь до девяноста лѣтъ, никого не впуская къ себѣ. Прислужникъ чрезъ окно подавалъ ему пищу, которая состояла изъ сырыхъ пло-

довъ. Съ перваго года затворнической жизни и до самой кончины ничего варенаго, даже и хлѣба, онъ не употреблялъ въ пищу. Отъ строгаго поста волосы не росли на его бородѣ. Непрестанно онъ упражнялся въ молитвѣ и созерцаніи. Его сердце, свободное отъ всѣхъ земныхъ попеченій, возносилось къ Богу со всецѣлою свободою, и, по мѣрѣ его отчужденія отъ всего, Богъ соединялся съ его душею и исполнялъ ее свѣтомъ и благодатію.

Жизнь затворническая хотя и ограждаетъ отъ искушеній внѣшнихъ чувствъ, но тѣмъ сильнѣе возникаетъ для подвижника борьба внутренняя духовная. То являются образы удовольствій міра, то возникаютъ помыслы гордости, то низлагаютъ душу помыслы унынія. Къ борьбѣ разнообразныхъ помысловъ, которые тѣмъ сильнѣе воюютъ на душу, чѣмъ менѣе для нея внѣшняго развлеченія, присоединяются самыя сильныя искушенія духовъ злобы. Потребно постоянное бодрствованіе надъ собою, сохраненіе духа молитвеннаго, огражденіе себя смиреніемъ, чтобы не ослабѣть среди тяжкой борьбы. Безъ сомнѣнія, много вытерпѣлъ и блаженный Іоаннъ въ первые годы своей затворнической жизни. Послѣ тридцатилѣтнихъ подвиговъ самоочищенія, онъ получилъ отъ Бога даръ прозорливости. Посему современные писатели церковные называли его пророкомъ.

Толпами стекались къ нему посѣтители изъ странъ близкихъ и отдаленныхъ. Іоаннъ, когда считалъ это нужнымъ, обнаруживалъ предъ ними все, что они почитали сокрытымъ во глубинѣ своего сердца. Тайные грѣхи онъ обличалъ наединѣ съ ревностію и кротостію, чтобы возбудить грѣшниковъ къ покаянію и исправленію. Иногда предсказывалъ естественныя бѣдствія и указывалъ на преступленія, которыя были причиною гнѣва Божія. Не разъ приходили къ нему военачальники просить его благословенія и наставленія на борьбу со врагами. И если онъ предсказывалъ побѣду, то его слово всегда ис-

полнялось. Императоръ Ѳеодосій двукратно обращался къ нему за благословеніемъ, выступая въ походъ противъ Максима и противъ Евгенія, и, по пророченію святаго, получалъ надъ ними побѣду. И Императоръ чтилъ его, какъ пророка. Іоаннъ имѣлъ и даръ чудотвореній, но прямо не совершалъ изцѣленій, а благословлялъ елей, который давалъ больнымъ для помазанія и они получали изцѣленіе.

Женщинамъ онъ никогда не позволялъ приближаться къ своей келліи. И когда жена одного трибуна выражала неотступное желаніе видѣть Іоанна, побѣжденный ея усердіемъ, онъ явился ей во снѣ, но не позволилъ ей подходить къ пещерѣ.

Чтобы многочисленные посѣтители не нарушали тишины уединенія, Іоаннъ бесѣдовалъ съ приходящими только по субботамъ и воскресеньямъ, а для успокоенія приходящихъ при подошвѣ горы устроена была гостинница. Въ послѣдствіи при самой келліи Іоанна устроены были пространныя сѣни, въ которыхъ могло помѣщаться болѣе ста человѣкъ. Сюда входили посѣтители по субботамъ и воскресеньямъ. Сюда въ послѣдніе уже годы подвижнической жизни Іоанна приходилъ Палладій, которому Іоаннъ предсказалъ, что, если онъ оставитъ пустыню, то будетъ Епископомъ. Возбужденные разсказомъ Палладія отправились изъ горы питрійской Евагрій, Альбинъ, Аммоній и другіе, чтобы видѣть этого чуднаго мужа: при первомъ свиданіи онъ обнаружилъ и даръ прозорливости и даръ чудотворенія. Среди пришедшихъ онъ назвалъ одного діакономъ, хотя тотъ скрывалъ это отъ всѣхъ; другой страдавшій горячкою изцѣлился, помазавшись елеемъ, благословеннымъ отъ Іоанна. Сіи посѣтители передали бесѣду съ ними Іоанна. Удивляюсь, говорилъ имъ Іоаннъ, вашему усердію, какъ вы, презрѣвши столько опасностей, пришли ради назиданія къ намъ, тогда какъ мы по лѣности не хотимъ выйдти изъ своей пещеры. Но сдѣлавъ это доброе дѣло, не думайте, что

вы все сдѣлали, и не тщеславьтесь тѣмъ, что вы видѣли то, о чемъ другіе только слышали. Тяжекъ грѣхъ гордости и весьма гибеленъ; онъ свергаетъ души съ самой высоты совершенства. Посему его болѣе всего должно остерегаться. Два вида гордости. Иные, въ самомъ началѣ своего подвижничества показавъ малое воздержаніе или истративъ нѣсколько денегъ на бѣдныхъ, думаютъ, что побѣдили всѣ препятствія, и считаютъ себя лучшими тѣхъ, кому давали. Иные достигнувъ верха добродѣтели, приписываютъ это не одному Богу, но и своимъ трудамъ и успѣхамъ, и ища славы отъ людей, теряютъ славу отъ Бога. Посему, чада, убѣгайте гордости, чтобы не подпасть осужденію діавола.

• Потребно такъ же внимательное бдѣніе надъ своимъ сердцемъ и помыслами. Надобно тщательно наблюдать, чтобы какая-нибудь страсть, какая-нибудь злая склонность, какое-нибудь суетное похотѣніе и все, что не по Богу, не пустило корней въ нашемъ сердцѣ. Изъ такихъ корней постоянно произрастаютъ суетные и безполезные помыслы, и эти помыслы такъ мучительны, что не оставляютъ насъ во время молитвы, не изчезаютъ изъ души тогда, какъ мы предстоимъ предъ лицемъ Божіимъ, и приносимъ мольбы о своемъ спасеніи; они плѣняютъ нашъ умъ и тогда, какъ тѣломъ мы повидимому стоимъ на молитвѣ, чувствомъ и мыслію мы блуждаемъ и носимся по разнымъ предметамъ. Тотъ не отвергся міра и дѣлъ діавола, кто устами только отвергается благъ и дѣлъ вѣка сего, а не отвергся своихъ пороковъ, не оставилъ безполезныхъ и суетныхъ удовольствій. Это тѣ *похоти многи и вреждающыя*, которыя, по слову Апостола, *погружаютъ человѣки во всегубительство и погибель* (1 Тим. 6, 9.). Отвергнуться сихъ похотей значитъ отвергнуться діавола и дѣлъ его. Ибо чрезъ порокъ діаволъ получаетъ доступъ въ наше сердце, поелику пороки его область, тогда какъ добродѣтели отъ Бога. Потому пороки, когда является діаволъ, даютъ ему входъ, какъ своему виновнику, и вводятъ его,

какбы въ собственное владѣніе. Такое сердце никогда не знаетъ мира и покоя, оно то объемлется суетною радостію, то утѣсняется безполезною печалію. Напротивъ умъ, который истинно отрекся міра, то есть удалилъ отъ себя всякій порокъ, укрощаетъ гнѣвъ, обуздываетъ ярость, бѣгаетъ лжи, отвращается ненависти, и не только не позволяетъ себѣ выдумывать, даже мыслить и подозрѣвать злое о ближнемъ, который радость ближняго считаетъ своею, и скорбь его раздѣляетъ, какъ свою скорбь: такой умъ отверзаетъ входъ къ себѣ Святому Духу, и въ немъ являются плоды Святаго Духа (Гал. 5, 22.).

Есть люди, которые, по видимому, отвергшись міра, не заботятся объ очищеніи сердца, объ истребленіи пороковъ и страстей въ душѣ своей, но только стараются увидѣть кого-либо изъ святыхъ Отцевъ и послушать ихъ бесѣды, чтобы разсказывать другимъ, хваляся тѣмъ, что слышали отъ того или другаго. И узнавъ только по слуху, хотятъ быть учителями, и учатъ не тому, что сами дѣлали, но только что слышали, и этимъ обольщаютъ многихъ. Желаютъ вступить въ клиръ, домогаются священства, не зная, что менѣе достоинъ осужденія тотъ, кто, будучи силенъ въ добродѣтели, не дерзаетъ учить другихъ, нежели тотъ, кто, самъ обремененный страстями, берется другихъ учить добродѣтели. Не то хочу я сказать, чтобы нужно было непремѣнно избѣгать причисленія къ клиру или степени священства, но то, что всего важнѣе истребить въ себѣ пороки и пріобрѣсти добродѣтели. Суду Божію должно представить избрать кого Ему угодно на служеніе Себѣ въ священномъ санѣ. *Не хваляй бо себе сей искусенъ, но егоже Богъ восхваляетъ* (2 Кор. 10, 18.).

Главное дѣло монаха состоитъ въ томъ, чтобы приносить Богу чистую молитву, не имѣя въ совѣсти своей никакой вражды, какъ и Господь говоритъ въ Евангеліи (Мѳ. 6. Мар. 11.). Если бы мы предстояли предъ Богомъ съ чистымъ

сердцемъ и свободны были отъ пороковъ и страстей, то могли бы, сколько это возможно, видѣть Бога, и во время молитвы возводить къ Нему око сердца своего и видѣть Невидимаго, видѣть не чувственно, но мысленно, знаніемъ, а не взоромъ тѣлеснымъ. Никто да не мыслитъ, что онъ можетъ созерцать самое Божественное существо, представляя въ умѣ своемъ образъ, подобный какому-либо тѣлесному виду. Богъ не имѣетъ ни формы, ни ограниченія; только чувствомъ и умомъ можно возноситься къ Нему, но не постигать Его. Посему къ Богу должно приступать съ благоговѣніемъ и страхомъ, и такъ устремлять къ Нему взоръ ума, чтобы считать Его выше всего, что̀ умъ можетъ представить себѣ великаго и славнаго. Кто ищетъ Бога, у того сердце должно быть свободно отъ всего посторонняго, по Писанію: *упразднитеся и разумѣйте, яко Азъ есмъ Богъ* (Пс. 45, 11.). Когда же познаетъ онъ Бога, сколько это возможно для человѣка, тогда получитъ вѣдѣніе и о прочихъ предметахъ и узнаетъ тайны Божіи, и чѣмъ чище будетъ его умъ, тѣмъ болѣе открываетъ ему Богъ и показываетъ сокровенное. Ибо онъ дѣлается уже другомъ Божіимъ, какъ тѣ, о которыхъ говоритъ Спаситель: *не кто̀му васъ глаголю рабы, но други* (Іоан. 15, 15.), и все, что ни попроситъ, какъ другу возлюбленному даетъ ему Богъ. Самыя силы Ангельскія, какъ други Божіи, любятъ его и исполняютъ его прошенія. Такого не отлучатъ отъ любви Божіей, яже во Христѣ Іисусѣ, ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни начальства, ни власти, ни другая какая тварь (Рим. 8, 38.). Посему возлюбленные, если вы хотите быть угодными Богу, отрекитесь отъ всякой гордости, отъ всякаго порока, отъ всѣхъ удовольствій тѣлесныхъ. Для подвижника все, что̀ онъ употребитъ съ жадностію, есть удовольствіе. Если онъ ѣстъ хлѣбъ и пьетъ воду не для того, чтобы удовлетворить требованію тѣлесному, но по желанію, — это уже для него порочное удовольствіе. Это уже широкій путь, когда удовлетворяются желанія; тѣсный путь состоитъ въ отверженіи своего

желанія. Много сему способствуетъ уединенная и отшельническая жизнь; ибо частымъ обращеніемъ съ братіею ослабляется узда воздержанія. Посему Давидъ и сказалъ: *се удалихся бѣгая и водворихся въ пустыни, Чаяхъ Бога спасающаго мя отъ малодушія и отъ бури* (Пс. 54, 8. 9.).

Преподавъ наставленія, Іоаннъ для назиданія пришедшихъ, чтобы показать, какъ опасна гордость, разсказалъ исторію паденія одного высокаго по жизни подвижника, въ слѣдствіе обольщенія діавола, и искреннее покаяніе одного грѣшника, смиреніемъ получившаго прощеніе во грѣхахъ. Болѣе назидателенъ третій примѣръ, разсказываемый Іоанномъ: «Былъ монахъ, который жилъ въ дальней пустынѣ, такъ повѣствовалъ Іоаннъ, и много лѣтъ подвизался въ добродѣтели. Онъ любилъ безмолвіе и, проводя дни въ молитвахъ, пѣснопѣніяхъ и созерцаніи, имѣлъ нѣсколько Божественныхъ видѣній и въ бодрственномъ состояніи и во снѣ. Забывъ все земное, онъ все желаніе устремлялъ къ Богу, въ ожиданіи часа, когда воззванъ будетъ изъ сего міра. Съ тѣхъ поръ, какъ изъ міра перешелъ въ пустыню, полный упованія на Бога, онъ не заботился о пропитаніи тѣлесномъ Но всякій разъ, какъ ощутивъ въ себѣ потребность пищи, входилъ въ свою пещеру, онъ находилъ хлѣбъ, который посылалъ ему Богъ въ пищу. Послѣ молитвы къ Богу подкрѣпивъ себя пищею, онъ опять услаждался пѣснопѣніями. Молитва и созерцаніе были постояннымъ его занятіемъ. Такъ онъ съ каждымъ днемъ совершенствовался и, подвизаясь въ настоящемъ, постоянно ближе становился къ ожидаемому будущему, и почти увѣренъ былъ въ лучшемъ жребіи своемъ, какъ бы имѣя уже его въ рукахъ своихъ. Это и было причиною, что онъ едва не палъ отъ постигшаго его искушенія. Когда дошелъ онъ до увѣренности въ своемъ спасеніи, въ сердце его непримѣтно вкралась мысль, что онъ выше другихъ. Въ такихъ мысляхъ объ сталъ уже полагаться на себя. Слѣд-

ствіемъ самонадѣянности была безпечность. Онъ уже не съ такою бодростію вставалъ отъ сна для пѣснопѣній, лѣнивѣе сталъ къ молитвѣ, и пѣніе его не было такъ продолжительно; душа захотѣла покоиться; умъ ниспустился долу, и помыслы стали блуждать. Безпечность втайнѣ была уже любима, и только прежній навыкъ, какъ оплотъ, нѣсколько останавливалъ подвижника въ этомъ направленіи и охранялъ его до времени Входя по вечерамъ послѣ обычныхъ молитвъ въ пещеру, онъ находилъ еще на столѣ хлѣбъ посланный ему отъ Бога и питался имъ; но не изгонялъ изъ ума вредныхъ мыслей, и не думалъ, что невнимательность губитъ труды и не старался о уврачеваніи зла. Небольшее уклоненіе отъ обязанностей казалось ему маловажнымъ. И вотъ похоть страстная, овладѣвъ его мыслями, стала увлекать его въ міръ. Но онъ еще противился. Слѣдующій день провелъ онъ въ обычныхъ подвигахъ и, послѣ молитвы и пѣснопѣнія, вошедши въ пещеру, по прежнему нашелъ хлѣбъ, впрочемъ не такъ чистый какъ прежде. Онъ удивился и нѣсколько опечалился, однако съѣлъ его. Настала третья ночь и зло утроилось. Умъ его скоро предался любострастнымъ помысламъ и воображеніе представляло ему нечистыя мечты такъ живо, какъ бы онѣ сбывались на самомъ дѣлѣ. Не смотря на то еще и на третій день онъ продолжалъ свои подвиги,—молился и пѣлъ псалмы, но уже не съ чистымъ расположеніемъ и часто оборачивался и смотрѣлъ по сторонамъ. Доброе дѣло его прерывали разныя мысли. Вечеромъ, почувствовавъ потребность въ пищѣ, взошелъ онъ въ пещеру и хотя нашелъ хлѣбъ на столѣ, но какъ бы изъѣденный мышами. Тогда онъ началъ стенать и плакать. Но покаяніе его не было такъ глубоко, чтобы истребило нечистую похоть. Вкусивши хлѣба, онъ хотѣлъ отдохнуть. Тутъ помыслы съ неотразимой силой возстали на него, побѣдили его умъ, и, забывъ все, онъ ночью оставилъ пустыню и пошелъ въ селеніе. Насталъ день, а до селенія было еще далеко. Инокъ, палимый зноемъ, изнемогъ, и началъ смотрѣть вокругъ себя, нѣтъ ли гдѣ мона-

стыря, въ которомъ бы можно было ему отдохнуть. Вблизи дѣйствительно былъ монастырь. Благочестивые братія приняли его какъ роднаго отца, омыли ему лице и ноги, и послѣ молитвы предложили ему трапезу. Послѣ трапезы братія просили его преподать имъ слово спасенія: какъ избѣгать сѣтей діавола и какъ побѣждать нечистые помыслы? Бесѣдуя съ ними, какъ отецъ съ дѣтьми, онъ поучалъ ихъ быть мужественными въ трудахъ, увѣряя, что они скоро для нихъ обратятся въ великое наслажденіе. Много и еще говорилъ имъ старецъ поучительнаго и назидательнаго. По окончаніи наставленія онъ невольно подумалъ о себѣ самомъ и сталъ разсуждать, какъ онъ, вразумляя другихъ, самъ оставался не вразумленнымъ. Тогда онъ увидѣлъ свое пораженіе и немедленно возвратился въ пустыню оплакивать свое паденіе. *Аще не Господь помогль бы ми*, говорилъ онъ, *вмалѣ вселилась бы во адъ душа моя* (Пс. 92, 17), — совсѣмъ было погрязъ во злѣ и *вмалѣ не скончаша мене на земли* (Пс. 118, 87). Съ того времени онъ во всю жизнь плакалъ, и, не получая болѣе отъ Бога пищи, своими трудами доставалъ себѣ пропитаніе. Заключившись въ пещерѣ и пославъ на полу вретище, онъ повергся на земли и до тѣхъ поръ съ плачемъ и рыданіемъ молился Богу, пока не услышалъ отъ явившагося ему Ангела: «Богъ принялъ твое покаяніе и помиловалъ тебя, только смотри не обольщайся.»

Разсказавъ сей назидательный примѣръ, Іоаннъ прибавилъ, что все это должно убѣдить насъ въ томъ, какъ гибельна гордость и какъ спасительно смиреніе. Посему и Спаситель нашъ прежде всего блаженство обѣщаетъ смиреннымъ: *блажени нищіи духомъ, яко тѣхъ есть царствіе небесное* (Мѳ. 5, 3).

Три дня назидалъ своею бесѣдою Іоаннъ пришельцевъ и потомъ, преподавъ благословеніе, отпустилъ ихъ съ міромъ.

Спустя нѣсколько дней по возвращеніи своемъ въ пустыню,

Руфинъ услышалъ отъ братьевъ, ходившихъ посѣтить Іоанна Ликопольскаго, что онъ почилъ съ миромъ. Три дня онъ провелъ, не показываясь никому, и, на колѣнахъ преклоненный для молитвы, предалъ духъ свой Богу. Кончина Іоанна послѣдовала вѣроятно въ Мартѣ 395 года (1)

---

(1) Tillem. T. 10. n. 5 p. 720. Свѣдѣніе объ Іоаннѣ Ликопольскомъ у Палладія въ Лавсаикѣ гл. 39 — 42. Rufin. Hist. Mon. c. 1. Созомен. церк. Ист. кн. 6. гл. 28. кн. 7. гл. 22.

ГЕРМОПОЛЬ И АНТИНОЭ.

Спускаясь отъ Азота внизъ по теченію Нила, путешественникъ встрѣчаетъ остатки и развалины древнихъ монастырей. Такъ за три часа разстояніемъ отъ Ом-ель-Кусура есть два монастыря, одинъ изъ нихъ Арабы называютъ Дейръ Магаракъ, т. е. сожженный монастырь, другой Абиссинскимъ. Передъ мысомъ ель-Амарне, на восточномъ берегу противъ селенія Мазарны, видѣнъ близъ нѣсколькихъ хижинъ Коптскій монастырь, называемый Дейръ Коссеиръ. Повсюду обитали здѣсь въ первыя времена иночества святые отшельники. Но главный пріютъ иноковъ былъ здѣсь въ окрестностяхъ Гермополя и Антиноэ, которые въ первые вѣка Христіанства составляли одно Епископство. Города разрушились, но пещеры въ скалахъ, окружающихъ эти города, остались. Въ нихъ начертано на многихъ стѣнахъ знаменіе креста, свидѣтельствующее о существованіи здѣсь церквей и обителей иноковъ; подземныя галлереи, гдѣ устроены были келліи, идутъ на далекое пространство. Нѣсколько выше Атмумейка существуетъ доселѣ у подошвы Ливійскаго хребта древній Коптскій монастырь, называемый крестнымъ. Всѣ стѣны этого монастыря покрыты разноцвѣтными изображеніями крестовъ. На большемъ крестѣ, который находился на сводѣ алтаря, написано по-гречески: древо жизни.

Изъ писаній св. Аѳанасія мы видимъ, что въ половинѣ IV вѣка въ Антиноэ было многочисленное общество иноковъ подъ начальствомъ мужа прозорливаго, который, вмѣстѣ съ Ѳедоромъ Освященнымъ, открылъ Аѳанасію, что погибъ въ Персіи его гонитель Юліанъ. Св. Аѳанасій по сему случаю замѣчаетъ: думаю, что многіе, благоугождающіе Богу въ монашествѣ, по большей части остаются въ сокровенности; потому что не знаютъ ихъ люди — таковъ былъ маститый старецъ Паммонъ (1).

Руфинъ и Палладій, посѣщавшіе Гермополь и Антиноэ въ концѣ IV вѣка, нашли здѣсь многихъ великихъ подвижниковъ.

Въ окрестностяхъ Гермополя на мѣстѣ, гдѣ, по преданію слышанному еще Руфиномъ, провела нѣсколько времени Богоматерь съ Своимъ Божественнымъ младенцемъ во время бѣгства своего въ Египетъ, въ пещерѣ Ливійскихъ горъ подвизался Аполлосъ. Еще пятнадцати лѣтъ удалился онъ въ пустыню съ старшимъ братомъ своимъ подвижникомъ высокой жизни. Послѣ сорока лѣтъ, проведенныхъ въ трудахъ и самоумерщвленіи, Аполлосъ услышалъ голосъ, призывающій къ служенію для спасенія другихъ. Считая непремѣнною обязанностію повиноваться высшему призванію, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ молилъ Господа охранять его отъ помысловъ гордости и тщеславія.

Поселившись около Гермополя, онъ, по уединеніи и молчаніи, ожидалъ, когда Господь будетъ чрезъ него устроять спасеніе другихъ. Онъ носилъ левитонъ изъ грубаго льна и еще кукуль на головѣ; питался одними овощами, и не употреблялъ въ пищу ни хлѣба, ни бобовъ, ни плодовъ древесныхъ и ничего вареного, и эту пищу принималъ онъ только въ воскресный день. Главнымъ упражненіемъ его было — стоя на колѣнахъ возносить молитву къ Богу; сто молитвъ совершалъ онъ днемъ и сто ночью.

---

(1) Твор. св. Отецъ въ русскомъ переводѣ 1853 г. ч. 1. стр 413.

Скоро строгая жизнь и дары благодати сдѣлали славнымъ имя Аполлоса. Всѣ монахи, жившіе въ окружности по разнымъ мѣстамъ, стали приходить къ нему и вѣрять его управленію свои души: иныхъ онъ призывалъ къ созерцанію, другихъ убѣждалъ преимущественно совершать дѣятельную добродѣтель. Аполлосъ училъ ихъ, чтобы они ежедневно украшались добродѣтелями и коварныя дѣйствія діавола на помыслы отражали тотчасъ при самомъ ихъ началѣ. Когда, говорилъ онъ, у змія сокрушена глава, то и все тѣло его мертво. Господь заповѣдуетъ намъ сокрушать главу змія. Это обязываетъ насъ къ тому, чтобы мы не только исторгали изъ ума своего постыдныя мечтанія, но и въ началѣ не допускали въ душу свою худыхъ и нечистыхъ помысловъ. Онъ училъ также, чтобы братія старались превосходить другъ друга въ добродѣтеляхъ, дабы никто не показался ниже другаго по совершенствамъ. Свидѣтельствомъ успѣха нашего въ добродѣтеляхъ, говорилъ онъ, да будетъ пріобрѣтеніе безстрастія и воздержанія отъ пищи, потому что это есть начало даровъ Божіихъ. А когда кто получитъ отъ Бога силу творить чудеса, не гордись, какъ бы имѣющій уже всего довольно; не надмѣвайся мыслію, будто ты выше другихъ, и не показывай всѣмъ, что получилъ такую благодать, въ противномъ случаѣ ты обольщаешь себя и уловленный помыслами лишишься благодати. Собственно учениковъ у Аполлоса было только пять. Но его духовная мудрость и святая жизнь привлекли къ нему многихъ монаховъ, а его бесѣды и ученіе убѣдили многихъ и мірянъ отрекшись отъ міра предать себя его руководству. Такимъ образомъ у него въ горѣ составилось общество до пяти сотъ братій, имѣвшихъ и общежитіе и общую трапезу. Казалось, пишетъ Руфинъ, это былъ стройный полкъ Ангеловъ, облеченныхъ во всѣ доспѣхи. Они имѣли, по слову Апостола, одно сердце и одну душу (Дѣян. 1, 32.). Братія, жившіе съ Аполлосомъ, не прежде принимали пищу, какъ пріобщившись Евхаристіи Христовой. Это дѣлали они въ девятомъ часу дня. По принятіи пищи

они садились слушать его и онъ поучалъ ихъ всѣмъ заповѣдямъ до сумерекъ. Послѣ того одни изъ нихъ удалялись въ пустыню и тамъ цѣлую ночь читали наизустъ Священное Писаніе, другіе оставались въ монастырѣ, непрестанно восхваляя Бога пѣснопѣніями до наступленія дня. Руфинъ пишетъ: я самъ своими глазами видѣлъ, какъ они начинали съ вечера свое пѣснопѣніе и не переставали пѣть даже до утра. А многіе изъ нихъ только въ девятомъ часу сходили съ горы и, принявъ Евхаристію, опять восходили на гору, довольствуясь одною духовною пищею до девятаго часа другаго дня. Такъ поступали многіе изъ нихъ въ теченіе многихъ дней. При всемъ томъ они, какъ можно было видѣть, радовались, живя въ пустынѣ; никто не укажетъ здѣсь на землѣ подобной радости и веселія тѣлеснаго. Между ними никого не было скучнаго и печальнаго. Если бы кто и показался печальнымъ, того Аполлосъ тотчасъ же спрашивалъ о причинѣ скорби и открывая то, что таилось въ душѣ, старался возбудить душу его къ духовному веселію. Не должно, говорилъ онъ, на пути спасенія скорбѣть тѣмъ, которые имѣютъ наслѣдовать царство небесное: пусть стенаютъ язычники, пусть плачутъ іудеи, пусть скорбятъ грѣшники, а праведники должны радоваться. И если, помышляющіе о земномъ, въ земномъ находятъ радость, какъ же намъ, удостоеннымъ толикой надежды, не радоваться непрестанно, когда и Апостолъ побуждаетъ насъ всегда радоваться, непрестанно молиться, о всемъ благодарить (1 Сол. 5, 18.).

Часто наединѣ бесѣдуя съ Руфиномъ и его спутниками о подвижничествѣ, онъ увлекалъ ихъ сладостію своихъ рѣчей. Онъ говорилъ имъ: монахи должны, если могутъ, пріобщаться каждодневно Св. Таинъ потому, что кто удаляется отъ святыхъ таинъ, тотъ удаляется отъ Бога, а кто постоянно пріобщается, тотъ всегда принимаетъ въ себя Спасителя; ибо самъ Спаситель говоритъ: ядый Мою плоть, и піяй мою кровь во мнѣ пребываетъ и азъ въ немъ (Іоан. 6, 36.). Итакъ по-

лезно монахамъ постоянно воспоминать спасительное страданіе и ежедневно быть готовыми удостоиться принятія святыхъ и небесныхъ Таинъ; поелику чрезъ сіе мы удостоиваемся отпущенія грѣховъ. Также говорилъ онъ: непозволительно безъ крайней нужды нарушать общіе посты; ибо въ среду Спаситель предзнъ, а въ пятокъ распятъ. Посему кто нарушаетъ постъ, тотъ вмѣстѣ съ врагами предаетъ и распинаетъ Спасителя. Если въ постъ придетъ къ тебѣ братъ, имѣющій нужду въ успокоеніи, предложи ему трапезу одному, если же ему не угодно, не принуждай, ибо всѣ мы имѣемъ общее преданіе о постѣ. Приходящихъ братій Аполлосъ повелѣвалъ принимать со всею любовію, кланяться имъ. Ибо, говорилъ онъ, ты кланяешься не имъ, а Богу, видя брата твоего ты видишь Господа Бога твоего,—и это приняли мы отъ Авраама. Приходящихъ должно усиленно приглашать къ успокоенію; сему мы научились у Лота, который *принуди* Ангеловъ (Быт. гл. 19.). Въ силу сей заповѣди, когда Руфинъ съ братіею приближались къ монастырю Аполлоса, иноки, слышавшіе отъ Аполлоса о приходѣ братій, вышли ему на встрѣчу съ пѣніемъ (такъ они принимали всѣхъ монаховъ), поклонившись лицемъ до земли, облобызали ихъ. И одни шли впереди пришельцевъ, другіе за ними и всѣ пѣли, пока не пришли къ Аполлосу. Аполлосъ вышелъ на встрѣчу и первый поклонился путникамъ до земли и облобызалъ ихъ. Потомъ ввелъ къ себѣ, помолился и, своими руками омывши ноги, просилъ отдохнуть. Такъ онъ поступалъ съ всѣми странниками.

Не довольствуясь назиданіемъ братій, Аполлосъ старался слово Евангелія распространять и между окрестными жителями, изъ которыхъ многіе были язычники. То силою чудесъ, то благодѣяніями, то увѣщаніями онъ успѣлъ сокрушить остатки язычества. Аполлосъ скончался въ 395 году (1).

(1) Rufin. Hist. monach. cap. 7. Палад. Лавс. гл. 47. Созом. церк. И. кн. 6. гл. 29. Никиф. кн. 6. гл. 34.

Монастырь Аввы Аполлоса процвѣталъ еще и въ VI вѣкѣ (1).

Неподалеку отъ монастыря Аполлоса пресвитеръ Копрей имѣлъ монастырь, гдѣ жило пятдесятъ братій. Онъ славился и высокою жизнію и даромъ чудесъ. И своими чудесами способствовалъ къ распространенію Христовой вѣры между язычниками. Самъ онъ былъ ученикомъ Мусія или Патернуфія, который, по словамъ Руфина, первый обиталъ въ пустынѣ къ югу отъ Гермополя. Онъ разсказывалъ, что здѣсь были и другіе великіе подвижники: Сурусъ, Исаія, Павелъ, Анувій, Еллинъ. Здѣсь же подвизались Аполлосъ, Іоаннъ и Діоскоръ, имѣвшій въ управленіи своемъ сто братій (2). Вблизи Гермополя въ монастырѣ Ериши, можетъ быть у Аввы Діоскора, получилъ начало иноческой жизни Онуфрій Великій. Вотъ какъ разсказывалъ Онуфрій свою жизнь Пафнутію. Юность свою провелъ я въ благочестивомъ монастырѣ Ериши близъ Гермополя въ Θиваидѣ. Тамъ обитаютъ сто братій, какъ едина душа, согласныхъ въ великой любви къ Господу Іисусу. Тамъ одежда общая, пища общая и безмолвіе нарушается только славословіемъ Богу. Тамъ я, еще почти дитя, изучалъ уставы монашеской жизни и отъ св. Отцевъ назидался въ вѣрѣ и любви къ Богу. Тамъ часто слушалъ я Отцевъ, бесѣдовавшихъ о св. Иліи и св. Іоаннѣ Предтечѣ, подобнаго которому не было между людьми. Что же, спросилъ я, живущіе въ пустынѣ въ совершенномъ одиночествѣ больше ли васъ предъ Богомъ? Ей, сынъ нашъ, отвѣчали Отцы, они больше насъ! Мы каждый день видимся другъ съ другомъ; каждый день церковное пѣніе совершаемъ соборно; если взалчемъ, находимъ готовый хлѣбъ; если возжаждемъ, у насъ готова вода; занеможетъ кто, — есть кому утѣшить. Ибо мы живемъ вмѣстѣ, одинъ

(1) Лугъ дух. гл. 182.

(2) Лав. гл. 49—57. Ruffn. Hist. mon. c. X. XV. XVI. Созом. кн. 6 гл. 28. 31. Никиф. кн. 6. гл. 34. Кассіод. Hist t. L. VIII. c. I.

другому помогаемъ, и служимъ изъ любви Христовой. Но живущіе въ пустынѣ всего этого лишены. Случится какая печаль, кто его утѣшитъ? Заболитъ,—кто послужитъ ему? Найдетъ брань отъ сатаны,—кто дастъ ему совѣтъ? И гдѣ у него пища? Гдѣ вода? Гдѣ кровъ отъ зноя полуденнаго? Гдѣ ризы отъ холода ночнаго? Тамъ, о сынъ нашъ, тамъ несравненно больше трудовъ и подвиговъ, чѣмъ въ общежитіи. Только Богъ единъ видитъ отшельниковъ и посылаетъ имъ Ангеловъ на помощь. И сбываются на нихъ слова Пророка Исаіи: *терпящіи Господа, окрылатѣютъ, аки орли потекутъ, не утрудятся* (40, 31.).

Душа моя горѣла невѣдомымъ дотолѣ священнымъ огнемъ, когда я слушалъ Отцевъ. Я думалъ, что нахожусь въ другомъ мірѣ, и я возжелалъ пустыни. Всталъ ночью и пошелъ. Только, что вступилъ въ пустыню, я увидѣлъ лучъ свѣта, сіяющій предо мною. Ужасъ объялъ меня, и я хотѣлъ возвратиться въ монастырь. Но то былъ Ангелъ хранитель мой, въ видѣ свѣта указующій мнѣ путь и сказавшій: не бойся, я веду тебя.—Провождая меня отъ шести до семи миль, лучъ свѣтоносный остановился у одной пещеры и былъ невидимъ. Приблизившись къ дверямъ пещеры, я воззвалъ по обычаю иноческому: благослови. Ко мнѣ вышелъ мужъ престарѣлый, видъ его былъ достопочтенный и священнолѣпный; на лицѣ и во взорахъ сіяли великая благодать и духовное веселіе. — Ты ли это, братъ Онуфріи, сказалъ старецъ, поднимая меня и лобзая? Войди въ мою обитель, сынъ мой, и Богъ тебѣ помощникъ. Нѣсколько дней провелъ я съ святымъ отцемъ — старцемъ, который показывалъ мнѣ уставы пустынной жизни, научалъ подвигамъ добродѣтели, открывалъ способъ бороться съ темными силами. Однажды онъ сказалъ: встань, сынъ мой, я поведу тебя въ другую пещеру, чтобы ты жилъ тамъ одинъ, ибо для того и послалъ тебя Господь. Мы шли четыре дня и четыре ночи; на пятый день пришли къ уединенному вертепу, и тогда престарѣлый вождь мой сказалъ: вотъ твое мѣсто,

которое Богъ приготовилъ тебѣ въ жилище. — Старецъ пробылъ со мною тридцать дней, уча меня святой жизни; потомъ, поручивъ меня Господу, возвратился въ свою келлію. Ежегодно посѣщалъ онъ меня единожды; а тамъ пришелъ и скончался у меня. Я много плакалъ надъ тѣломъ умершаго, похоронилъ близъ моего вертепа, и остался одинъ въ цѣломъ мірѣ.

Сначала я подвергался такимъ искушеніямъ, что многократно отчаявался въ жизни своей. Изнемогалъ отъ голода и жажды; ибо сначала у меня совершенно не было, что ѣсть и пить,— развѣ гдѣ найду, бывало, немного зелія пустыннаго или соберу нѣсколько капель росы небесной — Былъ палимъ зноемъ солнечнымъ во дни; дрожалъ отъ холода въ ночи; часто промокала вся плоть моя отъ росы полуночной. О! сколько я вытерпѣлъ! Какихъ трудовъ не переносилъ я въ этой непроходимой пустынѣ! — Но для чего объявлять людямъ то, что человѣкъ долженъ совершить на-единѣ. изъ любви къ Богу?— Благій же Богъ, видя, что я весь предался пустыническимъ подвигамъ и содѣлалъ душу мою готовою терпѣть алчбу и жажду, повелѣлъ Святому Ангелу пещись о мнѣ, и приносить каждый день по немногу хлѣба и воды для подкрѣпленія немощной плоти моей. Тридцать лѣтъ питался я отъ Ангела. Потомъ Богъ, на утѣшеніе мнѣ, уготовилъ пропитаніе еще обильнѣе прежняго. Подлѣ моего вертепа потекъ небольшой источникъ чистой и прохладной воды; выросло финиковое дерево о 12 вѣтвяхъ, и каждая вѣтвь приноситъ мнѣ плоды ежемѣсячно. Вкушаю финики, пью воду изъ моего источника, иногда ѣмъ хлѣбъ, приносимый Ангеломъ, — и все дѣлаю во славу Божію. А всего болѣе насыщаю себя и напоеваю сладостію слова Божію: вѣрую и ежедневно по опыту знаю, что *не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ исходящемъ изъ устъ Божіихъ* (Мѳ. 4, 4.).

Послѣ бесѣды, укрѣпившей духъ и тѣло мое, пишетъ Паф-

нутій, и, послѣ трапезы отъ плодовъ и отъ хлѣба Ангельскаго, мы провели всю ночь въ молитвѣ. Къ утру лице праведника измѣнилось такъ, что я ужаснулся. «Братъ Пафнутій, сказалъ мнѣ Онуфрій, небойся; въ нынѣшній день я оканчиваю временную жизнь и отхожу къ моему Христу. Богъ милосердый для всѣхъ послалъ тебя ко мнѣ за тѣмъ, чтобы ты предалъ тѣло мое погребенію». Я палъ къ ногамъ святаго и плакалъ и говорилъ: благослови меня, отецъ честнѣйшій, и молись, чтобы Господь удостоилъ меня видѣть тебя въ будущемъ вѣкѣ, какъ удостоилъ зрѣть твою святыню въ сей жизни.—Онуфрій поднялъ меня и сказалъ: «сынъ мой Пафнутій, не опечалитъ тебя Богъ, но исполнитъ твое прошеніе; благословитъ же и утвердитъ тебя въ любви Своей и просвѣтитъ умныя очи твои къ Боговѣденію и избавитъ тебя отъ всякаго паденія и сѣтей лукаваго, и сохранятъ тебя Ангелы Его во всѣхъ путяхъ твоихъ». Послѣ сего далъ онъ мнѣ послѣднее цѣлованіе о Господѣ; началъ молиться со многими слезами и воздыханіемъ; преклонивъ колѣна, молился довольно, потомъ возлегъ на землѣ и послѣднее слово сказалъ: въ руцѣ Твои, Боже, предаю духъ мой! Тогда осіялъ великаго старца дивный свѣтъ небесный, въ воздухѣ послышался гласъ Ангеловъ, поющихъ и благословящихъ Бога, — и душа праведника вознеслась на небо: мнѣ осталось только тѣло святое, надъ которымъ я рыдалъ неутѣшно, пѣлъ надгробные Псалмы и похоронилъ въ каменномъ гробѣ. Это было въ двѣнадцатый день Іюня. Вертепъ Онуфрія предъ моими глазами обрушился; финикъ упалъ и источникъ мгновенно исчезъ (1).

Палладій, проживший четыре года противъ Гермополя въ Антиноэ, пишетъ, что здѣсь было до двухъ тысячъ монаховъ и всѣ они съ великою ревностію упражнялись въ обязанностяхъ своего званія, доставая себѣ пропитаніе рукодѣліемъ.

---

(1) Veter. Patr. Analecta nova. Venet. 1781 p. 122—127.

Одни изъ нихъ жили вмѣстѣ, другіе заключили себя въ горныхъ пещерахъ (1).

Соломонъ, Дороѳей, Діоклъ и Капитонъ были знаменитѣйшими изъ отшельниковъ. Соломонъ отличался кротостію и терпѣніемъ. Пятьдесятъ лѣтъ прожилъ онъ въ одной пещерѣ, съ величайшимъ терпѣніемъ перенося всѣ скорби отшельнической жизни. Онъ зналъ наизустъ все Священное Писаніе и жилъ своими трудами. Дороѳей за свою неукоризненную жизнь и доброту возведенъ былъ на степень священства. Онъ священнодѣйствовалъ для братіи, живущихъ въ пещерахъ. Однажды младшая Меланія прислала этому безсребреннику пять сотъ златницъ и просила его раздать тамошнимъ братіямъ. Но онъ взялъ три златницы; остальные отослалъ къ Діоклу отшельнику, сказавъ: братъ Діоклъ умнѣе меня и съ пользою можетъ распорядиться ими, потому что лучше меня знаетъ, кому дѣйствительно нужно оказать помощь, а мнѣ довольно и этихъ.

Сей Діоклъ въ юности учился грамматикѣ, потомъ философіи. На двадцать осмомъ году оставивъ мірскія науки, предался небесному Христову ученію и сдѣлался отшельникомъ. Болѣе тридцати пяти лѣтъ провелъ онъ въ пещерѣ, занимаясь размышленіемъ о Божественныхъ истинахъ. Онъ говорилъ: умъ, переставши созерцать Бога, становится или демономъ или скотомъ; потому что или подпадаетъ власти демона похоти, который влечетъ его къ распутству, или злаго духа раздражительности, отъ котораго раждаются безумные порывы. Въ каждой мысли и въ каждомъ дѣлѣ учавствуетъ душа, но съ Богомъ она бываетъ только тогда, когда благочестно и благоговѣйно разсуждаетъ о Немъ.

Не далеко отъ Діокла въ четырехъ миляхъ отъ Антиноэ жилъ Капитонъ, изъ разбойниковъ сдѣлавшійся опытнѣйшимъ монахомъ. Онъ пятдесятъ лѣтъ прожилъ въ пещерѣ и не вы-

(1) Паллад. Лавс. гл. 81.

ходилъ изъ нея даже къ рѣкѣ Нилу, говоря, что не можетъ встрѣчаться съ людьми, ибо врагъ доселѣ противодѣйствуетъ (1).

Въ той же пустынѣ былъ старецъ Илія. Онъ былъ ста десяти лѣтъ, когда Руфинъ посѣщалъ его пустыню. Онъ жилъ въ пещерѣ, на которую страшно было и смотрѣть. Къ ней вела тропинка узкая и каменистая. Пещера была закрыта терновыми кустарниками такъ, что трудно было проникнуть въ нее. Здѣсь-то болѣе семидесяти лѣтъ прожилъ этотъ старецъ, вкушая по вечеру три унціи хлѣба и три маслины. Но и это было для него облегченіемъ въ сравненіи съ первыми его постами; ибо прежде онъ проводилъ безъ пищи цѣлыя седмицы. Онъ получилъ отъ Бога даръ врачевать всякія болѣзни (2).

(1) Палл. Лавс. гл. 82. 83. 84.

(2) Ruf. Hist. mon. c. XII. Sozom. L. VI. c. 28. Niceph. L. II. c. 34. Cassiod Hist. Trip. L. c. 1.

ОКСИРИНХЪ.

Оксиринхъ Руфинъ представляетъ болѣе манастыремъ, чѣмъ городомъ. Онъ считаетъ въ немъ до десяти тысячъ иноковъ и до двадцати тысячъ дѣвъ (3). Древнія публичныя зданія и храмы, посвященные прежде ложнымъ божествамъ, были теперь обращены въ обители иночесвія. Въ немъ было болѣе монастырей, чѣмъ частныхъ домовъ. Въ немъ не было, пишетъ Руфинъ, ни одной площади, ни одного переулка, который бы не былъ обитаемъ монахами. Они день и ночь во всѣхъ сторонахъ, воспѣвая хвалы Богу, дѣлали изъ сего великаго города одинъ храмъ, посвященный Его Божественному величію.

Кромѣ особыхъ храмовъ монастырскихъ въ немъ было двѣнадцать церквей, гдѣ собирались для молитвы міряне. Благочестіе иноковъ имѣло благодѣтельное вліяніе и на жителей. Они имѣли такую любовь къ гостепріимству, что высылали рабовъ къ воротамъ города смотрѣть, не пойдетъ ли какой-либо странникъ, и завидовали тому, кто приводилъ ихъ въ свой домъ. Если же странникъ былъ изъ иноковъ, они бѣжали на встрѣчу ему. Каждый влекъ его къ себѣ; хватались за мантію за плечи, только бы имѣть счастіе успокоить его.

---

(1) Ruf. Hist. mon. c. V. Aegypt. monach. Hist. in Eccles. graecae monument. Tom. III. p. 173. Оксиринхъ теперь почти совершенно засыпанъ песками. Description. de l'Egypte publiée par Panckoucke Tom. IV. p. 391.

Руфинъ пишетъ, что въ его время въ этомъ городѣ не было ни одного язычника, ни одного еретика, такъ что Епископъ съ такою же свободою могъ проповѣдывать на площадяхъ, какъ и въ церквахъ. Но во время гоненія Аріанъ при Георгіѣ Ѳеодоръ Епископъ Оксиринха присталъ къ партіи Аріанъ и увлекъ за собою часть паствы. Православные отдѣлились отъ общенія съ нимъ и церковь Оксиринхская нѣсколько времени управлялась пресвитерами. Болѣе другихъ ревности въ защищеніи Божества Сына Божія показалъ пустынникъ Павелъ. Онъ своими совѣтами и примѣромъ утверждалъ народъ въ православіи. Изъ словъ Руфина видно, что православіе одержало совершенную побѣду надъ ересію.

Между Епископами Оксиринха былъ монахъ Аферъ. До возведенія въ санъ Епископа онъ проходилъ самую строгую жизнь. Но сдѣлавшись Епископомъ не чувствовалъ уже въ себѣ силъ совершать тѣ же подвиги самоумерщвленія. Повергшись на землю, онъ изливалъ предъ Богомъ свою скорбь что не можетъ подвизаться такъ, какъ прежде, и въ молитвѣ вопрошалъ Бога: не ужели по причинѣ Епископства благодать Божія оставила его? И онъ услышалъ голосъ, что благодать Божія съ нимъ, но теперь служеніе пользѣ ближнихъ восполняетъ недостаточность его подвиговъ (1).

Руфинъ пишетъ, что не только въ городѣ Оксиринхѣ, но въ окрестностяхъ его было много иноковъ, и многіе изъ нихъ украшены различными дарованіями, одни даромъ назиданія и ученія, другіе подвигами покаянія, иные силою творить чудеса.

(1) Дост. сказ. о подв. Отц. стр. 47. Rosv. opp. Lib. 3. c. 13. n. 13.

ГЕРАКЛЕОПОЛЬ.

Около Гераклеи былъ монастырь Пафнутія. Жизнь сего подвижника была такъ свята что на него смотрѣли какъ на Ангела Божія. Палладій и Руфинъ разсказываютъ объ немъ, что послѣ продолжительнаго подвижничества онъ молилъ Бога открыть ему, кому бы онъ изъ современныхъ по святости былъ подобенъ. Ангелъ явился ему и сказалъ: ты подобенъ такому-то флейщику, который живетъ въ городѣ. Поспѣшно отправился къ нему Пафнутій и спросилъ его объ образѣ его жизни. Флейщикъ сказалъ ему, что онъ человѣкъ грѣшный, нетвердый и развратный и недавно пересталъ разбойничать. Но нѣтъ ли у тебя добрыхъ дѣлъ? спросилъ старецъ. Флейщикъ разсказалъ, что когда онъ былъ разбойникомъ, то избавилъ отъ насилія разбойниковъ одну христіанскую дѣвицу и проводилъ до селенія. Въ другой разъ женщинѣ, у которой мужъ заключенъ былъ въ тюрьму, а трое дѣтей проданы въ рабство за долги, онъ далъ триста златницъ для выкупа ихъ. Тогда Пафнутій сказалъ ему: Богъ открылъ мнѣ о тебѣ, что ты нисколько не ниже меня по добрымъ дѣламъ. Посему когда Богъ такъ печется о душѣ твоей, не оставляй ее въ небреженіи. Флейщикъ бросилъ изъ рукъ флейту и, промѣнявъ благозвучіе музыкальной пѣсни на духовное сладкопѣніе, пошелъ за Пафнутіемъ въ пустыню. Три года подвизался онъ, про-

водя жизнь въ пѣніи псалмовъ и молитвѣ, и почалъ о Господѣ.

Послѣ новыхъ подвиговъ Нафнутій услышалъ голосъ, что онъ подобенъ старшинѣ одного селенія. Сей старшина тридцатый годъ, какъ разлучился съ своею женою, проживъ съ нею только три года, и прижавъ отъ нея трехъ сыновей. Никогда онъ не оставлялъ странноолюбія, не отпускалъ странниковъ съ пустыми руками; бѣднымъ и удрученнымъ подавалъ утѣшеніе, былъ непріятенъ на судѣ, не восхищалъ себѣ чужаго, старался примирять враждующихъ. Во всю жизнь никого не осуждалъ и не огорчалъ, воспитывалъ дѣтей въ страхѣ Божіемъ. Нафнутій его привлекъ къ иноческой жизни.

Послѣ ему еще указанъ былъ мужъ совершенный въ добродѣтели—это былъ купецъ Александрійскій. Всѣ свои прибытки отъ торговли онъ раздавалъ бѣднымъ и монахамъ. Что же, сказалъ ему Нафнутій, ты не примешь нашего имени? Доколѣ ты будешь заниматься земною торговлею, и не примешься за небесную куплю? Я давно этого желаю, отвѣчалъ купецъ, и нисколько не отлагая, онъ отдалъ сыновьямъ имѣніе и самъ удалился въ гору, гдѣ скоро и преставился. Немного спустя послѣ него перешелъ къ вѣчной жизни и Нафнутій (1).

Въ сихъ же предѣлахъ былъ монастырь Исидора, имѣвшій тысячу иноковъ. Онъ былъ окруженъ большою каменною стѣною. Никто изъ монаховъ не выходилъ за ворота монастырскія и въ него пускали только тѣхъ, которые желали оставаться въ монастырѣ до самой смерти. Внутри монастыря были и колодцы и сады и все нужное для жизни. Два только старца, завѣдывавшіе всѣми дѣлами братіи, выходили за ворота и приносили, если что нужно было для обители. При вратахъ

(1) Ruf. Hist. mon. c. XVI. Палад. Лавс. гл. 37.

былъ приставленъ старецъ, который принималъ и угощалъ странниковъ въ небольшой гостинницѣ, и, по утру преподавъ благословеніе, отпускалъ съ миромъ. Привратникъ говорилъ Руфину, что живущіе въ обители такъ святы, что почти всѣ могутъ совершать знаменія (1).

(1) Ruf. Hist. mon. c. XVII.

АРСИНОЭ (1).

Обители иноческія въ Арсиноэ современны были Великому Антонію. Сохранилось посланіе Антонія Великаго къ Арсиноэскимъ монахамъ, которое такъ назидательно, что мы рѣшаемся привести его вполнѣ.

Антоній возлюбленнымъ дѣтямъ своимъ, живущимъ въ Арсиноэскихъ монастыряхъ и всѣмъ, кои обратились къ Богу всѣмъ сердцемъ своимъ, желаетъ спасенія отъ Господа.

Дѣти мои, вы истинные Израильтяне. Благодать, дѣйствующая въ васъ, показываетъ вамъ путь къ вѣчному блаженству. Но для полученія сего блаженства вы должны непрестанно противиться силѣ грѣха, уменьшать и истреблять въ себѣ оную, должны уготовлять себя въ жертву чистую и святую Богу, чтобы содѣлаться достойными милосердія Божія, коимъ посѣтилъ васъ Востокъ свыше (Лук. 1, 78.). Духовная природа наша съ высоты славы и достоинства своего низпала въ бездну безславія и униженія: но милосердый Богъ посѣтилъ ее благостію Своею, давъ намъ спасительные законы посредствомъ раба своего Моисея и прочихъ пророковъ. Особеннымъ и яснѣйшимъ образомъ Богъ открылъ намъ благость Свою въ Единородномъ Сынѣ Своемъ, котораго Онъ послалъ къ намъ

(1) Древній Крокодилополисъ, нынѣ Фигомъ. L'Egypte sous les Pharaon, tom. 1, p. 233—327.

на землю. Сей вѣчный Сынъ Божій есть истинный Первосвященникъ, истинный Врачъ, который можетъ изцѣлить всѣ болѣзни наши. Онъ облекся въ тѣло наше, и за грѣхи наши предалъ себя въ жертву Богу. Наша немощь была причиною того, что Онъ принялъ на Себя образъ немощи; наша нищета побудила Его облечься въ образъ нищеты; наша мертвенность подвергла Его поносной смерти. Онъ претерпѣлъ за насъ жестокія мученія, и Его смерть оживила насъ. Итакъ мы всѣми силами должны стараться, чтобы всѣ святые радовались о насъ на небѣ, да и сѣяй вкупѣ радуется, и жняй (Іоан. 4, 36.). Когда мы бываемъ безпечны, святые печалятся о насъ и возсылаютъ къ Богу молитвы о спасеніи нашемъ.

Дѣти мои, я нахожусь къ великомъ безпокойствѣ по причинѣ васъ. Я знаю, что и святые на небѣ принимаютъ великое участіе въ васъ. Они непрестанно со слезами возсылаютъ молитвы къ Богу, чтобы Онъ укрѣпилъ васъ въ подвигахъ благочестія. Итакъ старайтесь подражать ихъ земной жизни. Святые видѣли, что въ непостижимомъ воплощеніи Сына Божія, Богъ открылъ безконечное милосердіе Свое къ человѣчеству, видѣли всѣ труды, которые подъялъ Сынъ Божій для спасенія нашего, знали также и всѣ усилія и коварства духовнаго врага нашего, которыя онъ употребляетъ къ погибели нашей, и потому непрестанною молитвою, бдѣніемъ и постояннымъ исполненіемъ заповѣдей Божіихъ старались сдѣлаться достойными любви Божіей. И васъ прошу я, возлюбленные дѣти мои, разсуждайте о великихъ благодѣяніяхъ, дарованныхъ намъ Спасителемъ нашимъ. По причинѣ склонности нашей ко грѣху и согласія нашего съ волею врага Божія, отца лжи, мы изъ существъ разумныхъ сдѣлались неразумными; но благодать Божія возставила насъ отъ паденія нашего, и открыла намъ источникъ мудрости въ Духѣ Божіемъ.

Дѣти мои, вы должны знать, что злые духи многочисленными и многообразными способами стараются совратить насъ съ пути добродѣтели. Но если они видятъ, что мы уже знаемъ

опасность, проистекающую отъ грѣха, не позволяемъ господствовать надъ собою страстямъ своимъ, предостерегаемъ себя отъ тѣхъ порочныхъ дѣлъ, къ которымъ они стараются привлечь насъ, и вообще отвергаемъ всѣ ихъ гибельныя внушенія: то оставляютъ насъ, и не осмѣливаются болѣе приступать къ намъ. Злые духи знаютъ, что когда Богъ попускаетъ имъ искушать преданнаго Ему человѣка, чрезъ то уготовляетъ имъ большое наказаніе. Они уже увѣрены, что ихъ мученіе неизбѣжно, что ихъ отпаденіе отъ Бога и вражда противъ Него необходимо содѣлали ихъ наслѣдниками ада. Возлюбленныя дѣти мои, я и днемъ и ночью молю о васъ Господа, чтобы онъ отверзъ очи сердца вашего, чтобы вы могли видѣть всѣ коварства злыхъ духовъ и всю ихъ ненависть къ вамъ, чтобы укрѣпилъ сердце ваше въ духовномъ бдѣніи, далъ вамъ духъ мудрости, и научилъ васъ приносить себя Ему въ жертву живую, чистую и святую, и во всякое время предохранять себя отъ обольщенія и гибельныхъ внушеній злыхъ духовъ. Они различнымъ образомъ стараются привлечь насъ ко грѣху. Они скрываютъ какъ ненависть свою къ намъ, такъ и враждебныя дѣйствія противъ насъ, внушаютъ намъ богохульныя мысли, побуждаютъ сомнѣваться въ истинахъ вѣры, чтобы привесть насъ къ невѣрію, потемняютъ разумъ нашъ, раждаютъ въ сердцѣ нашемъ порочныя желанія, повергаютъ насъ въ уныніе и отчаяніе, возбуждаютъ въ насъ гнѣвъ, раждаютъ и укрѣпляютъ въ насъ склонность осуждать другихъ, но всегда оправдывать самихъ себя, научаютъ насъ злословить ближнихъ нашихъ, ласково и дружелюбно говорить съ тѣми, къ коимъ мы, по ихъ же внушенію, питаемъ сильную ненависть, показываютъ намъ внѣшніе недостатки ближняго, но скрываютъ отъ насъ внутреннее наше развращеніе, производятъ между нами распри и несогласія, когда мы, по ихъ внушенію, почитаемъ себя лучше другихъ. Сверхъ сего они побуждаютъ насъ предпринимать такія дѣла, которыя превышаютъ наши силы, и отклоняютъ насъ отъ исполненія того, что для насъ и полезно

и нужно. Когда мы должны плакать; они побуждаютъ насъ смѣяться: когда мы должны радоваться; они производятъ въ сердцѣ нашемъ печаль. Словомъ, они всегда стараются совратить насъ съ пути правды и покорить своей власти. Много потребно времени, чтобы исчислить всѣ пороки и всѣ грѣхи, къ которымъ они стараются привлечь насъ: скажу только, что если мы и немного попустимъ имъ возобладать надъ нами: то сѣмя зла, которое они посѣютъ въ сердцѣ нашемъ, укоренится, возрастетъ и умножится, и мы содѣлаемся добычею ихъ и пріуготовимъ себѣ страшное наказаніе. Итакъ мы должны непрестанно прибѣгать съ молитвою къ благости небеснаго Отца нашего, чтобы Онъ укрѣпилъ насъ Своею силою, и Своею Божественною помощію содѣйствовалъ намъ во всѣхъ нашихъ дѣлахъ. Ибо злые духи всѣ силы свои употребляютъ къ тому, чтобы погубить насъ.

Дѣти мои, человѣкъ, который, видя въ себѣ нѣкоторыя совершенства, гордится ими, и старается оправдать себя дѣлами своими, далекъ отъ Бога. Тщеславіе, самонадѣянность и самодовольство содѣлываютъ человѣка жилищемъ духа злобы, который и наполняетъ его душу порочными мыслями и желаніями, и употребляетъ тѣло его въ орудіе грѣха. Страсти господствуютъ надъ гордымъ человѣкомъ, потому что онъ не отдалилъ отъ себя смиренiемъ духовъ злобы, которые возбуждаютъ страсти. Итакъ мы должны пріобрѣтать познаніе о враждебныхъ дѣйствіяхъ злыхъ духовъ противъ насъ и при помощи Божіей отклонять или уничтожать оныя. Искушенія, проистекающія отъ оныхъ духовъ, тѣмъ опаснѣе для насъ, что духи невидимы и дѣйствуютъ не тѣлеснымъ, но духовнымъ образомъ. Мы не можемъ видѣть ихъ, какъ видимъ тѣло наше: но они видятъ насъ. Когда они всѣваютъ въ душу нашу богопротивныя мысли: то чрезъ то какъ бы вселяются въ насъ и дѣлаются видимыми въ тѣлѣ нашемъ. Дѣти мои, не давайте имъ мѣста въ себѣ, и не позволяйте имъ приступать къ вамъ, чтобы не навлечь гнѣва Божія на себя, и не подать имъ слу-

чая къ радости и осмѣянію васъ. Будьте внимательны къ наставленіямъ моимъ. Злые духи знаютъ, что взаимное наставленіе подкрѣпляетъ вѣрующихъ въ борьбѣ съ ними. Но искушенія отъ злыхъ духовъ неизбѣжны. Ибо мы до совершеннаго отрѣшенія отъ тѣла не можемъ быть совершенно свободны отъ склонности ко грѣху. Притомъ, когда злые духи хотятъ обольстить насъ, мы не можемъ видѣть ихъ передъ собою, какъ видимъ человѣка, стоящаго предъ нами, и потому не можемъ удаляться отъ нихъ. Злые духи видимы бываютъ только въ нашихъ грѣхахъ. Они существа духовныя, но существа, удалившіяся отъ Бога, и получившія различныя имена, сообразно беззаконнымъ свойствамъ и дѣламъ ихъ. Имена сіи суть слѣдующія: сатана, діаволъ, веельзевулъ, князь власти воздушныя, и прочія подобныя симъ. Но имена небесныхъ Силъ слѣдующія: Архангелы, Пр̀естолы, Господства, Власти, Херувимы, Серафимы и проч. Имена сіи даны симъ послѣднимъ за постоянное и вѣрное исполненіе воли Творца ихъ. Подобнымъ образомъ и люди, которые, тѣломъ живя на землѣ, духомъ жили на небѣ, извѣстны подъ именемъ Патріарховъ, Царей, Священниковъ, Судей и Апостоловъ. Имена сіи даны людямъ за ихъ благочестивыя дѣла и исполненіе заповѣдей Божіихъ. Но всѣ сіи святые люди произошли отъ одного и того же Адама, и имѣли такое же тѣло и душу по сущности своей, какія имѣемъ и мы.

Дѣти мои, всѣ люди произошли отъ одного начала, и потому кто грѣшитъ противъ ближняго своего, тотъ грѣшитъ противъ самого себя, кто дѣлаетъ зло ближнему своему, тотъ дѣлаетъ зло душѣ своей. Сколько бы велики ни были грѣхи беззаконнаго человѣка, они нимало не нарушаютъ блаженства Божія. Они всегда дѣлаютъ несчастнымъ человѣка. Также сколь бы велики ни были добродѣтели человѣка, онѣ нимало не увеличиваютъ блаженства Божія. Да и могутъ ли быть столь велики добродѣтели человѣка, чтобы онъ прославлялъ ими Бога, соотвѣтственно безконечному Его величію, чтобы прино-

силъ Ему почтеніе и служеніе достойное Его святости и благости? Бренность тѣла нашего препятствуетъ намъ служить Богу достойнымъ Его образомъ. Итакъ мы должны всѣ силы свои употреблять къ тому, чтобы добрыми дѣлами и любовію другъ къ другу умножать въ себѣ благодать Божію. Мы не должны любить только самихъ себя, чтобы не сдѣлаться добычею врага. Мы должны прежде всего стараться познать самихъ себя. Кто имѣетъ правильное познаніе о самомъ себѣ, тотъ имѣетъ правильное познаніе и о тваряхъ, которыя Богъ произвелъ изъ ничего; тотъ знаетъ также и достоинства умнаго и безсмертнаго духа человѣческаго, заключеннаго на время въ бренное тѣло, дабы въ немъ усовершать себя въ добродѣтели. Кто-жъ знаетъ сіе, тотъ знаетъ, что должно любить Бога, а кто любитъ Бога, тотъ любитъ всѣхъ. Возлюбленныя дѣти мои, любите другъ друга искренно. Тѣло, въ которое вы облечены, содѣлывайте жертвенникомъ, возлагайте на сей жертвенникъ всѣ нечистыя мысли, и возвысивъ сердце и умъ свой къ Богу, просите Его, чтобы Онъ ниспослалъ вамъ свыше свой невещественный огонь, и пожегъ онымъ все положенное вами на жертвенникѣ тѣла вашего. Тогда священники Вааловы побѣгутъ отъ лица вашего, какъ побѣгли они нѣкогда отъ пророка Иліи. Тогда отверзется для васъ и небесный Божественный источникъ, изъ котораго проліется на васъ духовный дождь—благодать Утѣшителя Духа. Когда же вы получите Божественные дары Духа: то не думайте, что пріобрѣли оные собственными своими дѣлами: ибо небесныя Силы всегда вспомоществуютъ вамъ въ вашихъ благочестивыхъ подвигахъ.

Дѣти мои, я прошу васъ, не ослабѣвайте въ трудахъ спасенія вашего, чтобы и святые на небѣ и я, недостойный рабъ Божій, радовался о васъ: ибо и вы, и я и святые произошли отъ одного и того же Адама, и сотворены однимъ и тѣмъ же Виновникомъ всѣхъ тварей. Кто знаетъ самого себя, тотъ знаетъ, что душа человѣческая безсмертна, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ есть истинный образъ Бога Отца, что по

подобію сего вѣчнаго образа Божія сотворены всѣ духовныя разумныя существа. Поелику Іисусъ Христосъ есть глава тѣла, глава церкви, какъ говоритъ Апостолъ Павелъ (Кол. 1, 12.): то всѣ мы порознь члены и всѣ вмѣстѣ составляемъ одно тѣло во Іисусѣ Христѣ. *Не можетъ*, говоритъ тотъ же Апостолъ *око рещи руцѣ: не требь ми еси: или паки глава ногамъ: не требь ми есте. Аще страждетъ единъ удъ, съ нимъ страждутъ вси уди: аще ли славится единъ удъ, съ нимъ радуются вси уди* (1 Кор. 12, 21. 26.). Посему мы, какъ члены одного тѣла, должны другъ друга любить. Но кто любитъ брата своего, тотъ любитъ и Бога (1 Іоан. 4, 21). а кто любитъ Бога, тотъ любитъ самого себя.

Дѣти мои, Богъ одарилъ насъ свободною волею; посему Онъ и попускаетъ злымъ духамъ искушать насъ, чтобы мы сами могли отражать и побѣждать ихъ. Но вы должны помнить, что въ Псалмѣ (33, 8.) написано: *ополчится Ангелъ Господень окрестъ боящихся Его и избавитъ ихъ*. Если же человѣкъ не боится Бога и не хочетъ исполнять закона Божія: то злые духи весьма легко покоряютъ его власти своей, и онъ, по словамъ Писанія, дѣлается сыномъ діавола. Діаволъ, будучи низвергнутъ съ неба въ адъ за гордость свою, всегда ищетъ погибели тѣхъ, кои пребываютъ вѣрными Господу своему, и старается погубить ихъ такимъ же образомъ, какъ самъ погибъ, то есть гордостію и славолюбіемъ. Злые духи знаютъ, что кто любитъ брата своего, тотъ любитъ и Бога. Посему они возбуждаютъ въ сердцахъ людей взаимную ненависть другъ ко другу, такъ что человѣкъ иногда не можетъ терпѣть и присутствія другаго человѣка, и не можетъ сказать ему ни одного слова.

Дѣти мои, сказываю вамъ, что изъ людей, посвятившихъ себя служенію Богу, были многіе, которые уже далеко прошли на пути духовнаго совершенства, но по своему неблагоразумію пали и погибли. Это не должно быть для васъ удивительнымъ, потому что если и вы возгордитесь и будете думать,

что добродѣтели и святость ваша уже великую цѣну имѣютъ предъ Богомъ, если вы по самопрельщенію будете ослабѣвать въ исполненіи добрыхъ дѣлъ: то впадете въ діавольскую болѣзнь—въ гордость и забвеніе самихъ себя; вы будете думать, что вы близки къ Богу и находитесь во свѣтѣ Его, между тѣмъ какъ вы будете находиться во мракѣ грѣховномъ. Дѣти мои, что, какъ не смиреніе, побудило Господа нашего Іисуса Христа встать съ вечери, снять съ Себя верхнюю одежду, взять полотенцо, и препоясаться имъ, влить воду въ умывальницу и умыть ноги ученикамъ Своимъ? Смиреніе есть добродѣтель, необходимая для всякаго, желающаго приблизиться къ Богу. Ибо гордость первая породила грѣхъ. Она низвергла діавола съ неба, и изгнала Адама изъ рая. Если человѣкъ не возлюбитъ смиренія всѣмъ сердцемъ, всѣми мыслями, всѣмъ духомъ и всею душею, если не будетъ выражать смиренія во всѣхъ дѣлахъ своихъ, не наслѣдуетъ царствія небеснаго.

Возлюбленные дѣти мои, я и днемъ и ночью молю Творца моего, чтобы онъ просвѣтилъ очи сердца вашего, чтобы познали мою любовь къ вамъ, и увѣрились въ необходимости святой жизни ко спасенію. Кто имѣетъ правильное познаніе о самомъ себѣ и чувствуетъ нужду въ исправленіи и усовершеніи себя: тотъ стремится къ пріобрѣтенію небесной славы. Кто знаетъ свою грѣховную мертвенность, тотъ стремится къ жизни вѣчной. Дѣти мои; я опасаюсь, чтобы на пути къ небеснымъ сокровищамъ не ослабили васъ труды покаянія, и не истребили въ васъ надежды къ достиженію вѣчныхъ благъ. Я желалъ бы видѣть васъ и здѣсь на землѣ въ бренномъ тѣлѣ моемъ: но я уже ожидаю переселенія въ тѣ блаженныя обители, гдѣ нѣтъ ни печали, ни стенанія, но гдѣ всѣ святые непрестанно радуются. Тамъ я надѣюсь видѣть васъ. Еще о многомъ хотѣлъ бы написать вамъ, возлюбленныя дѣти мои; но время уже окончить письмо мое, и пожелать всѣмъ вамъ спасенія отъ Господа нашего Іисуса Христа. Ему должно быть приносимо славословіе во вѣки вѣковъ. Аминь.

Изъ сего посланія видно, что Арсинойскіе монахи пользовались наставленіями отца иночествующихъ и его любовію;—что̀ можетъ служить свидѣтельствомъ о цвѣтущемъ состояніи сихъ обителей.

Во время посѣщенія Египта Руфиномъ и Палладіемъ, въ предѣлахъ Арсиноэ было много монастырей и до десяти тысячъ иноковъ. Начальникомъ ихъ былъ благочестивый мужъ Серапіонъ. Онъ чрезъ братію собиралъ множество хозяйственныхъ припасовъ; потому что, нанимаясь жать иноки, которымъ за труды плотили плодами земли, приносили все къ нему. Все это онъ употреблялъ на вспомоществованіе бѣднымъ, такъ что никто изъ окрестныхъ жителей не терпѣлъ нужды; хлѣбъ отсылаемъ былъ даже бѣднымъ въ Александрію (1).

Около Мемфиса и Вавилона или стараго Каира Руфинъ видѣлъ также безчисленное множество монаховъ, украшенныхъ различными добродѣтелями и дарованіями духовными.

Часто въ Трою Вавилонскую и въ Пырекуфъ (нынѣ же Теранне) удалялись послѣ нападенія Мазиковъ на Скитъ, подвижники этой пустыни. Теперь на мѣстѣ стараго Каира или малаго Вавилона есть два Христіанскіе храма очень древніе. Въ первомъ главная церковь въ память Успенія Богоматери, а другая св. Сергія. Чрезъ подъемную дверь, сдѣланную въ полу церкви, входятъ въ подземную церковь, образованную сводомъ пещеры, который поддержанъ девятью колоннами грубой работы. Въ это сумрачное святилище стекаются съ особеннымъ благоговѣніемъ христіане, по вѣрованію, что эта пещера служила нѣсколько времени убѣжищемъ Пресвятой Богородицы съ младенцемъ Іисусомъ во время ихъ пребыванія въ Египтѣ. Надъ скромнымъ алтаремъ есть образъ, изображающій бѣгство святаго семейства въ Египетъ. Алтарь устроенъ въ нишѣ, ко-

(1) Ruf. Hist. mon. c. XVIII. Палл. Лавс. гл. 67.

торый называютъ колыбелью Божественнаго младенца: преданіе прибавляетъ, что святое уединеніе Богоматери вскорѣ привлекло къ ней благочестивыхъ еврейскихъ женъ, которыя въ послѣдствіи въ память Пресвятой Дѣвы основали здѣсь женскій монастырь съ церковію во имя Богоматери. Развалины этой церкви видны еще и донынѣ. Женскій монастырь существовалъ еще въ началѣ прошедшаго столѣтія. Въ греческомъ монастырѣ, довольно огромномъ, главная церковь посвящена Великомученику Георгію.

АЛЕКСАНДРІЯ И ЕЯ ОКРЕСТНОСТИ.

Первые отшельники въ Александріи, какъ видно изъ жизни Антонія Великаго, жили за долго до него. Среди нихъ началъ свою отшельническую подвижническую жизнь Антоній. Но число ихъ тогда было еще не велико. Когда Великій Антоній изъ глубины своей пустыни просіялъ своими добродѣтелями и дарами благодати, иночество развилось и усилилось и здѣсь, какъ въ другихъ мѣстахъ Египта Св. Аѳанасій Великій, самъ проходившій подвижническую жизнь до своего Епископства, былъ покровителемъ и распространителемъ иночества. Двое друзей Аѳанасія, Драконтій Ермопольскій и Серапіонъ Тмуитскій, были добрыми настоятелями великаго числа иноковъ. Палладій въ концѣ IV-го вѣка, прожившій три года въ монастыряхъ около Александріи, пишетъ, что онъ видѣлъ здѣсь до двухъ тысячъ великихъ, весьма ревностныхъ и доблестныхъ мужей, украшенныхъ всякою добродѣтелію.

Весь нижній Египетъ, начиная съ Западнаго края — Канопа и до самаго восточнаго—Пелузіи, былъ наполненъ обителями иноковъ.

КАНОПЪ.

Городъ Канопъ, лежавшій на крайнемъ мысѣ залива Канопскаго, на западномъ берегу рукава Нила, до временъ Ѳеодосія славный языческими храмами, со временъ сего Императора, по разрушеніи капищъ сдѣлался пріютомъ иноковъ (1). Одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ храмовъ Канопа отданъ былъ инокамъ Тавеннскимъ, слѣдовавшимъ уставу Преподобнаго Пахомія и назывался Метанія, можетъ быть въ означеніе того, что это бывшее гнѣздомъ разврата и нечистоты во времена язычества, сдѣлалось пріютомъ иноковъ, которые строгими подвигами своими приносили жертву правды Богу. Блаженный Іеронимъ сдѣлалъ переводъ устава Пахоміева для Латинянъ, которые приняли иночество въ Канопѣ. Здѣсь въ окрестныхъ мѣстахъ жили строгіе подвижники; почва земли была песчаная, гдѣ почти ничего не могло родиться, кой-гдѣ росла грубая трава. Хижины иноковъ подѣланы были изъ древесныхъ вѣтвей; таковы же были и храмы, гдѣ собирались; совершенное нестяжаніе и послушаніе господствовали между ними (2).

(1) Eonap. in aedes. p. 73. 75.
(2) Sulp. Sever. dial. 1. n. 2. 5, 15.

ПАНЕФИСЪ.

Панефисъ былъ прежде одною изъ плодороднѣйшихъ странъ Египта. Но вслѣдствіе землетрясенія море разорвало берега свои, разлилось по всѣмъ селеніямъ и плодоносную страну обратило въ болото (1). Небольшія селенія (2), оставшіяся на высокихъ мѣстахъ подобно островамъ, по причинѣ соленой воды и вредныхъ испареній, были оставлены жителями. Эти мѣста, не имѣющія удобствъ для жизни, избраны были отшельниками, искавшими прискорбной жизни для подвиговъ покаянія. Въ сей области, когда посѣщали ее Кассіанъ и Германъ, былъ Епископомъ Архебій. Тридцать лѣтъ до своего Епископства провелъ онъ отшельникомъ въ сей пустыни, сіяя между иноками святостію жизни. Поставленный въ Епископа, онъ сохранилъ любовь къ уединенію. Онъ жилъ въ пустынной келліи, какъ инокъ, не оставляя управленія монастыремъ, въ которомъ онъ былъ настоятелемъ. Возвышеніе на степень, можно сказать, усугубило въ немъ чувство смиренія. Онъ думалъ, что его поставили Епископомъ не потому, что считали достойнымъ сего сана, но что его, какъ недостойнаго, лишили уединенной жизни. И онъ плакалъ, что проживши 30 лѣтъ въ пустыни, не могъ достигнуть чистоты, какой требуетъ сіе святое званіе. Предла-

(1) Cass. Coll. 11. c. 3.
(2) Ptol. geogr. 1, 4.

гая Кассіану съ Германомъ посѣтить отшельниковъ, съ чувствомъ глубокаго смиренія сказалъ: я поведу васъ къ пустынникамъ. Они научатъ васъ тому, чему не могу я научить. Они наставятъ васъ на путь благочестія, о которомъ у меня осталось только воспоминаніе и вседневная печаль о потери его. Они болѣе примѣромъ и дѣлами, чѣмъ словами научатъ васъ пути спасенія. А я, бѣдный, могу указать вамъ только, гдѣ найти многоцѣнный бисеръ Евангельскій, котораго я не имѣю и котораго вы ищете.»

Первый пустынникъ, котораго посѣтили они, былъ Херемонъ столѣтній уже старецъ. Глубокая старость и постоянныя наклоненія въ молитвѣ такъ сгорбили его спину, что онъ могъ ходить только какъ младенецъ, подпираясь руками. Все было въ немъ немощно, кромѣ ума. Первые годы своей жизни онъ провелъ въ Скиту. Не смотря на то, что все тѣло его высохло, онъ не переставалъ соблюдать строгость прежняго своего воздержанія. Не смотря на то, что Херемонъ состарѣлся въ подвигахъ, онъ такъ былъ смиренъ, что считалъ себя неспособнымъ давать наставленія. Когда Кассіанъ сталъ просить у него наставленія, Херемонъ сказалъ: что могу я сказать вамъ, чада мои, когда старость, препятствующая мнѣ соблюдать обычную строгость нашей жизни, въ то же время отнимаетъ у меня дерзновеніе говорить объ ней другимъ? Какъ дерзну я учить тому, что не исполняю самъ? Могу ли я побудить кого быть мужественнымъ и пламеннымъ въ подвигахъ, когда самъ такъ слабъ и лѣнивъ? Посему-то я никогда не рѣшился дозволять жить подлѣ меня юнымъ подвижникамъ, чтобы примѣръ моего разслабленія не ослабилъ ревности и строгости другихъ. Ибо слово безъ дѣлъ не поучительно. Но убѣжденный смиренною просьбою странниковъ, Херемонъ предложилъ имъ наставленіе о совершенствѣ. Онъ поставляетъ сіе совершенство въ сыновней любви къ Богу, по которой мы любимъ Его ради Его Самого, подобно тому, какъ сынъ любитъ отца и по любви къ нему боится огорчить его. Первою ступенью

къ сему совершенству, по словамъ Херемона, служитъ чувство страха адскихъ мученій. Страшась вѣчныхъ мученій, человѣкъ удерживается отъ грѣха. Это страхъ рабскій; второю ступенью служитъ желаніе благъ вѣчныхъ. Переставая быть рабомъ, человѣкъ становится наемникомъ потому, что ожидаетъ награды. Потомъ уже переходитъ къ той сыновней любви, которая съ полною довѣренностію ожидаетъ всего отъ благости своего отца. Находящійся на первыхъ степеняхъ нерѣдко по разслабленію духа, или увлекаемый удовольствіями міра теряетъ изъ виду высшую цѣль. Но достигшаго третьей степени никакія обольщенія чувствъ, никакіе сокровенные помыслы не отвлекутъ отъ любви къ Богу. Воинъ, какъ бы ни былъ храбръ и силенъ, но пока сражается, не можетъ быть безопасенъ отъ ранъ. Но тотъ, кто уже выше нападенія грѣха, остается неуязвленнымъ подъ сѣнію любви Божіей.

Авва Херемонъ бесѣдовалъ съ Кассіаномъ о чистотѣ. Средствами къ пріобрѣтенію сей добродѣтели онъ поставилъ: 1) то, чтобы желаніямъ земнымъ и привязанностямъ низкимъ противопоставлять желанія чистыя и привязанности святыя. Изгонимъ, говорилъ онъ, изъ сердца желанія плотскія и утвердимъ на мѣсто ихъ привязанности духовныя, дабы умъ нашъ, будучи наполненъ ими, съ презрѣніемъ отвергалъ приманки худыхъ удовольствій ради удовольствія святаго и позволеннаго; 2) Терпѣніе. Ибо чѣмъ болѣе человѣкъ усовершаетъ себя въ кротости и внутреннемъ терпѣніи, тѣмъ болѣе успѣваетъ онъ въ чистотѣ и дѣлается тверже въ сей добродѣтели по той мѣрѣ, какъ удаляется отъ страха раздраженія. Только постояннымъ самоумерщвленіемъ, заботливымъ отвлеченіемъ ума и сердца отъ предметовъ земныхъ, кротостію и терпѣніемъ и особенно искреннимъ убѣжденіемъ въ томъ, что безъ помощи Божіей мы никогда не сохранимъ сей великой добродѣтели, мы можемъ при помощи Божіей возвыситься до такой степени, чтобы питать отвращеніе къ нечистымъ наслажденіямъ и полагать свою радость въ жизни чистой Ангельской.

Старецъ Херемонъ окончилъ многотрудную жизнь свою безъ болѣзни и мученій. Сидя на своемъ сѣдалищѣ съ работою въ рукахъ, онъ предалъ духъ свой Богу (1).

Другой инокъ, котораго посѣтили Кассіанъ съ Германомъ, былъ Нистерой. Онъ былъ другомъ Великаго Антонія и за свои великіе подвиги въ добродѣтели и глубокое знаніе Св. Писанія получилъ названіе Великаго. Но тѣмъ не менѣе старался избѣгать всякаго повода къ тщеславію. Идя съ братомъ въ пустыню, онъ увидѣвъ крокодила, побѣжалъ отъ него. И ты, отецъ, боишься? спросилъ его братъ. Нѣтъ, сынъ! отвѣчалъ Нистерой, я не боюсь, но польза требовала, чтобы я бѣжалъ, иначе мнѣ не убѣжать бы отъ духа тщеславія. По таковому духу смиренія онъ подвиги отшельниковъ не ставилъ выше добродѣтели людей мірскихъ. Одинъ братъ спросилъ его: какое бы доброе дѣло дѣлать мнѣ? Нистерой отвѣчалъ: не всѣ ли дѣла равны? Авраамъ былъ страннолюбивъ, и Богъ былъ съ нимъ; Илія любилъ безмолвіе, и Богъ былъ съ нимъ; Давидъ былъ кротокъ, и Богъ былъ съ нимъ. Итакъ смотри: чего желаетъ по Богу душа твоя, то и дѣлай и блюди сердце твое. Нистерой, отличаясь подвигами отшельничества, старался о стяжаніи и другихъ добродѣтелей. Одинъ братъ спросилъ его: если нищій попроситъ у тебя одежды, какую ты ему дашь? Лучшую, сказалъ старецъ. А если онъ попроситъ у тебя другой? отдамъ половину другой. Если еще попроситъ? Раздеру остальное, дамъ ему половину, изъ другой сдѣлаю себѣ опоясаніе. Если кто попроситъ и опоясаніе? Отдамъ, а самъ буду дожидаться, пока Богъ пошлетъ мнѣ одежду, а у другаго не попрошу.

Въ бесѣдѣ съ Кассіаномъ о дѣятельности и созерцаніи, первымъ путемъ къ истинному вѣдѣнію Кассіанъ поставляетъ безмолвіе. Научись тому, чего самъ не извѣдалъ. Пріобрѣтая ду-

(1) Cass. Coll. 11.

ховныя познанія, нужно приводить ихъ въ исполненіе, иначе родится пагубное самомнѣніе. Смиреніе должно быть положено въ основаніе просвѣщенія. Очевидный признакъ ума холоднаго и гордаго, если онъ отвращается истинъ спасенія, потому что они часто повторяются. Душа благочестивая съ жадностію принимаетъ всякое слово, какъ бы часто оно ни повторялось. Открывать пріобрѣтенныя ученьемъ или опытомъ истины нужно только душамъ кающимся, чтобы не была поругана истина, и не изъ тщеславія (1).

Въ шести миляхъ отъ Нистероя жилъ Авва Іосифъ. Онъ происходилъ изъ знатной Египетской фамиліи и считался первымъ въ своемъ городѣ Ѳуивисъ. Онъ зналъ языкъ Греческій такъ, что свободно на немъ бесѣдовалъ. Но презирая земную славу, онъ еще въ юности удалился въ одинъ монастырь, находившійся подъ управленіемъ Антонія Великаго. Тамъ какъ собственнымъ ученіемъ, такъ особенно изъ наставленій старцевъ пріобрѣлъ онъ глубокое познаніе Св. Писанія. Потомъ онъ удалился въ уединеніе. Тамъ около него собралось нѣсколько учениковъ. Онъ требовалъ отъ нихъ безпрекословнаго повиновенія. Чтобы пріучить ихъ повиноваться безъ всякаго разсужденія, онъ давалъ имъ иногда странныя приказанія. Такъ одному изъ своихъ учениковъ онъ приказалъ въ пятницу влѣзть на смоковницу и ѣсть плоды. Такъ какъ это былъ день поста, то ученикъ не исполнялъ приказанія Аввы, и спросилъ его, зачѣмъ онъ даетъ такое приказаніе? Отцы, отвѣчалъ Іосифъ, тогда только начинаютъ руководить юныхъ, когда увидятъ, что они во всемъ послушны. Обращая вниманіе на внутреннее состояніе учениковъ, онъ такъ мало хотѣлъ знать внѣшнія обстоятельства, что не зналъ имени ученика, который жилъ у него уже два года.

Однажды его спросили, какъ принимать приходящихъ. Должно

---

(1) Cass. Coll. 13. Дост. ск. под. Отц. ст. 177. 178.

ли бесѣдовать съ ними свободно? Въ рубище ли ты одѣтъ или въ обыкновенную одежду, ты все тотъ же; такъ мы не измѣнимся, если будемъ принимать съ радушіемъ странниковъ. А когда остаемся одни, будемъ плакать и плакать постоянно.

Одинъ братъ спросилъ Іосифа, какъ мнѣ сдѣлаться монахомъ? Іосифъ отвѣчалъ: если хочешь найти покой, то говори себѣ при всякомъ дѣлѣ: кто я? и не осуждай никого. Одинъ братъ спросилъ Іосифа: что мнѣ дѣлать? я не могу ни переносить оскорбленій, ни работать, ни подавать милостыню. Старецъ отвѣчалъ ему: если все это тебѣ не по силамъ; по крайней мѣрѣ храни совѣсть свою отъ всякаго зла въ отношеніи къ ближнимъ. Такъ онъ снисходилъ къ немощнымъ, но когда видѣлъ кого-либо ревностнымъ, то побуждалъ еще болѣе стремиться къ совершенству. Авва Лотъ, будучи у Іосифа, сказалъ ему: я по силамъ исполняю свое малое правило, соблюдая небольшой мой постъ, молюсь, размышляю и безмолвствую, и по силѣ очищаю мои помыслы. Что еще остается мнѣ дѣлать? Старецъ всталъ, простеръ руки свои къ небу и сдѣлались персты его, какъ десять огненныхъ свѣтильниковъ. Тогда онъ сказалъ Аввѣ Лоту: если хочешь, будь весь, какъ огонь. Такъ его совѣты всегда были приспособлены къ внутреннему состоянію людей, которые просили ихъ у него. Такъ Авва Пименъ спросилъ Іосифа: «что мнѣ дѣлать, когда ко мнѣ приступаютъ страсти, противиться имъ или дозволить войдти? Іосифъ отвѣчалъ: дозволь имъ войдти и потомъ борись съ ними. Когда спросилъ Іосифа другой братъ о томъ же предметѣ, онъ сказалъ ему: не дозволяй входить страстямъ, но тотчасъ же отсѣкай.» Отъ чего спросилъ Пименъ Іосифа, ты мнѣ далъ одно наставленіе, а другому брату совершенно иное. Когда войдутъ въ тебя страсти сказалъ Іосифъ, и ты дашь имъ мѣсто и потомъ будешь бороться съ ними, то чрезъ это дѣлаешься искуснѣе. Но есть люди, для которыхъ полезно, чтобы и не приступали къ нимъ страсти; такимъ нужно отсѣкать ихъ. Строгій подвижникъ Іосифъ любилъ скрывать свои

добродѣтели. Евлогій—пресвитеръ Александрійскій, строгій постникъ, такъ что часто по недѣли не вкушалъ пищи, — хотѣлъ посмотрѣть на образъ жизни Іосифа. Съ нѣсколькими учениками своими онъ пришелъ къ Іосифу въ монастырь. Іосифъ приготовилъ для его угощенія все, что было у него лучшаго. Ученики Евлогія сказали Іосифу, что ихъ учитель ѣстъ только хлѣбъ съ солью. Іосифъ показалъ видъ, что не слышитъ этого и ѣлъ все предложенное. Три дня провели гости въ монастырѣ, и ученики Евлогія не видали, чтобы ученики Іосифа пѣли псалмы или молились. Они тайно совершали свое правило. Не получивъ назиданія, Евлогій возвращался домой. Но Богъ, видяй втайнѣ, благоволилъ сдѣлать явнымъ сокровенное подвижничество. Сильный туманъ совершенно скрылъ дорогу и Евлогій возвратился въ монастырь. У воротъ монастыря онъ услышалъ пѣніе псалмовъ. Долго оно продолжалось. Когда кончилось пѣніе, Евлогій постучался и былъ принятъ съ прежнею любовію. Евлогій утомился и ученики предложили ему воды, но она оказалась соленою такъ, что Евлогій не могъ пить. Отъ чего это отче? спросилъ Евлогій Іосифа, при насъ вы не пѣли псалмовъ, а безъ насъ поете, и вода намъ подавалась свѣжая, а теперь мы находимъ соленую? Братъ вѣроятно по ошибкѣ подалъ воду, отвѣчалъ Іосифъ. Но Евлогій хотѣлъ прямаго отвѣта, и Іосифъ тогда сказалъ: научись братъ, что лучше скрывать свои подвиги, чѣмъ выставлять ихъ на видъ.

Съ Кассіаномъ Іосифъ бесѣдовалъ о христіанской дружбѣ. Основаніе дружбы полагаетъ Іосифъ въ сходствѣ добрыхъ нравовъ и стремленіи къ добродѣтели. Она бываетъ возможна только тогда, когда души друзей не имѣютъ привязанности ни къ чему въ мірѣ, отреклись отъ своей воли, умѣютъ любви и миру жертвовать всѣмъ, что считаютъ полезнымъ и необходимымъ, и твердо помнятъ, что имъ нужно умереть прежде, нежели кончится ихъ дружба.

Одобряя христіанскую дружбу, Іосифъ болѣе всего пред-

остерегаетъ отъ вражды и гнѣва. Средствомъ къ избѣжанію вражды и гнѣва онъ поставляетъ—не привязываться къ своимъ мыслямъ предпочтительно предъ мыслями другихъ. Люди самые умные могутъ ошибаться въ своихъ сужденіяхъ и потому должны повѣрять свои мысли мыслями другихъ. Мало того, чтобы въ молчаніи сносить противорѣчія и обиды, нужно, чтобы при этомъ и въ глубинѣ сердца оставался миръ.

Самъ Іосифъ, скончавшійся уже въ глубокой старости, достигъ такаго безстрастія, что могъ уже предъ другими исповѣдать, что онъ воцарился надъ страстями (1).

(1) Cass. Coll. 16. Дост. сказ. о подв. Отц. стр. 112—115.

ДІОЛКЪ.

Не вдалекѣ отъ пустыни Панефисъ, близъ одного изъ семи рукавовъ Нила, было небольшое селеніе Діолкъ. Здѣсь обитало множество пустынниковъ. Одни изъ нихъ жили въ монастыряхъ по уставу общежительному; другіе, усовершившись въ подвигахъ иночества общежительнаго, удалялись для совершеннѣйшей жизни въ уединеніе и тамъ проводили жизнь болѣе небесную, чѣмъ земную.

Пустыня Діолкъ была какъ бы островъ, окруженный съ одной стороны Ниломъ, съ другой Парѳенейскимъ моремъ. Грунтъ земли былъ песчаный и безплодный. Свѣжую воду нужно было привозить верстъ за десять путемъ труднымъ и гористымъ; только подвижники, ради спасенія души готовые на всѣ лишенія, могли рѣшиться обитать здѣсь. Старшій и знаменитый изъ пустынниковъ, здѣсь обитавшихъ, саномъ пресвитеръ и настоятель иноковъ былъ Піаммонъ. Кассіанъ сравниваетъ его съ городомъ, который не можетъ укрыться, стоя вверху горы. Онъ разсказываетъ одинъ поступокъ, свидѣтельствующій о скромности и смиреніи сего подвижника. Одинъ братъ принесъ ему гроздъ винограду и вино. Піаммонъ, 25-ть лѣтъ не бравшій въ ротъ вина, предпочелъ лучше нарушить свое воздержаніе, нежели дать знать о сво-

емъ подвижничествѣ, и выпилъ принесенное вино. Руфинъ говоритъ объ немъ, что онъ былъ удивительный пресвитеръ, котораго смиреніе и доброта были чрезвычайны, и что Духъ Св. открывалъ ему тайны сердецъ. Во время гоненія Аріанскаго, когда многіе пустынножители Египта осуждены были на рудокопныя работы въ Понтѣ и Арменіи, Піаммонъ посылаемъ былъ отъ вѣрующихъ Египта съ милостынею къ нимъ (1).

Піаммонъ бесѣдовалъ съ Кассіаномъ о различныхъ видахъ иноческой жизни. Первый видъ иноческой жизни представляютъ киновиты, живущіе въ монастыряхъ подъ руководствомъ настоятеля; второй видъ представляютъ отшельники, удаляющіеся въ пустыню по пламенному желанію усовершенствовать себя въ добродѣтели. Начало жизни киновитской Піаммонъ находитъ въ Церкви Апостольской, въ Іерусалимѣ.

Разслабленіе, мало по малу проникшее въ совершенное состояніе иночества, породило ложный видъ иночества, который Египтяне называютъ Сарабаитами. Это люди, не имѣя искренняго благочестія, хотятъ только казаться ревнителями чистоты. Не желая отречься отъ своей воли послушаніемъ уставу и благочинію монастырскому, не исполняя воли старцевъ, они удаляются въ особыя келліи, и всякій принимаетъ на себя заботы о себѣ самомъ. Потому ихъ иночество состоитъ только въ одеждѣ и внѣшнемъ отреченіи.

Піаммонъ конечно не осуждаетъ тѣхъ отшельниковъ, которые жили въ пустынѣ; потому что они подчинены были уставу, утвержденному въ пустынѣ, жили подъ надзоромъ старцевъ и пресвитера своей церкви, вмѣстѣ составляли какъ бы общее собраніе и соблюдали крайную нищету. Не осуждаетъ онъ и тѣхъ отшельниковъ, которые, послѣ многихъ подвиговъ общежитія, удалялись въ уединеніе, чтобы жить въ бо́льшемъ безмолвіи и однимъ пребывать съ единымъ Богомъ. Опасно

(1) Coll. 18. c. 1.

всего для юныхъ пустынниковъ слѣдовать своей воли и своему разсужденію. Съ глубокимъ смиреніемъ нужно исполнять наставленія старцевъ. Нужды нѣтъ, что иногда непонятною кажется причина ихъ поведенія или правилъ. Тотъ, кто безъ разсужденія слѣдуетъ воли и примѣру старцевъ, находитъ просвѣщеніе въ самомъ опытѣ и исполненіи добродѣтелей.

Постоянный и истинный миръ души, говорилъ Піаммонъ, пріобрѣтаются и сохраняются только глубокимъ смиреніемъ. Для этого нѣтъ нужды въ отдѣльной келліи или уединеніи пустыни; ибо оно не имѣетъ нужды въ помощи и поддержкѣ чѣмъ-либо внѣшнимъ, когда извнутри поддерживаются добродѣтелію смиренія, которая производитъ и сохраняетъ его. Если мы подвергаемся смущенію, когда нападаютъ на насъ, очевидно, что основанія смиренія не утвердились въ нашемъ сердцѣ, и малѣйшаго волненія достаточно, чтобы потрясти все зданіе нашей души. Не велико терпѣніе быть покойнымъ, когда нѣтъ нападеній. Но истинное терпѣніе является тогда, когда среди сильныхъ искушеній сохраняется миръ души. Чѣмъ болѣе повидимому онъ уступаетъ злу, тѣмъ болѣе укрѣпляется и возвышается, и что, повидимому должно ослабить его, то удвоиваетъ его силу (1).

Не вдалекѣ отъ Діолка былъ еще монастырь Павла, въ которомъ жило 200 иноковъ, высокихъ по добродѣтелямъ, проводившихъ жизнь общежительную. Въ числѣ сихъ иноковъ Кассіанъ указываетъ Іоанна, полнаго глубокаго смиренія, который за тѣмъ и удалился въ сей монастырь, чтобы жить въ совершенномъ отреченіи отъ самого себя и всецѣлой зависимости отъ другихъ. Первые тридцать лѣтъ послѣ своего удаленія отъ міра онъ провелъ въ монастырѣ; потомъ съ позволенія своего Аввы удалился въ пустыню, гдѣ провелъ двадцать лѣтъ и потомъ опять возвратился въ монастырь (2).

---

(1) Cass. Coll. 18.

(2) Cass Coll. 19. cap. I—VI.

Отчего, спросили его Германъ и Кассіанъ, отчего, отецъ, оставилъ ты высокую жизнь отшельника, и захотѣлъ опять подчиниться правиламъ общежительной жизни? Оттого, отвѣчалъ Іоаннъ, что почелъ себя неспособнымъ къ жизни отшельнической, недостойнымъ высокаго совершества, и потому возвратился въ училище юнѣйшихъ. Немного испытанная мною чистота отшельнической жизни была возмущаема заботою о земныхъ вещахъ, посему мнѣ показалось лучшимъ возвратиться въ киновію, чтобы удобнѣе исполнить легкое возложенное на себя дѣло, нежели подвергаться опасности быть неисправнымъ въ совершеніи высшаго подвига. Ибо лучше быть исправнымъ въ низшихъ званіяхъ, нежели, проходя высшее званіе, быть неисправнымъ. Я испыталъ сладость отшельнической жизни. Если были люди, которые, усладившись безмолвіемъ пустыни, забывали всякую связь съ людьми и могли сказать съ Пророкомъ Іереміею: *и дне человѣча не пожелахъ: ты вѣси* (Іер. 17, 16): то и я по дару благодати достигъ или по крайней мѣрѣ трудился достигнуть сего. Помню, по благодати Господа Іисуса, часто я приходилъ въ такое восторженное состояніе, что забывалъ, что я облеченъ бременемъ немощной плоти. И умъ мой, оставляя внѣшнія чувства, совершенно удалялся отъ всего вещественнаго. Тогда ни глаза мои, ни уши не видѣли и не слышали ничего, и духъ мой такъ исполнялся Божественными размышленіями и духовными созерцаніями, что часто по вечеру не зналъ я, принималъ ли пищу и на другой день вовсе забывалъ разрѣшенъ ли постъ или нѣтъ — развѣ взглядъ на корзину съ хлѣбами, данными мнѣ на недѣлю напомнитъ объ этомъ. Пока мало было отшельниковъ въ пустыни, мы свободно могли предаваться духовнымъ созерцаніямъ безъ всякихъ заботъ. Но когда пустыня начала населяться братіями отъ множества посѣщеній и необходимо связанной съ симъ заботы о гостепріимствѣ, охладѣлъ огонь Божественнаго созерцанія, умъ связался плотскими попеченіями. Тогда я рѣшился лучше оставить эту жизнь, нежели, проходя высокое званіе, волноваться

попеченіемъ о плотскихъ нуждахъ. Если теперь нѣтъ у меня прежней свободы и духовныхъ восторговъ, то, чуждый попеченія о завтрешнемъ днѣ, я утѣшаюсь тѣмъ, что исполняю заповѣдь Божію, и то, что отнимается у меня отъ высоты созерцательной, вознаграждается исполненіемъ заповѣди послушанія. Ибо жалкое дѣло знать какое-либо искусство и не достигать въ немъ совершенства. Между тѣмъ въ общежитіи я имѣлъ свои удобства для спасенія. Тутъ нѣтъ заботъ о дневной пищѣ, я не разжизался продажею и куплею, не заботился о годовомъ запасѣ хлѣба, чтобы приготовить необходимое не только для себя, но и для приходящихъ. А сколько заботъ встрѣчать, угощать, провожать приходящихъ, выслушивать бесѣды часто пустыя, а душѣ не остается покоя. Наконецъ, нѣтъ превозношенія похвалою отъ человѣковъ, которая нерѣдко уничтожаетъ великіе труды пустыни. Живя въ общежитіи, если я и утрачу сколько-нибудь чистоту сердца, то исполню заповѣдь Евангелія—не думать о завтрашнемъ днѣ, и повинуясь до конца жизни настоятелю, подражаю въ нѣкоторой степени Тому, о Комъ сказано: *смирилъ себе, послушливъ бывъ даже до смерти* (Фил. 2, 8.); и могу смиренно сказать Его слово: *яко снидохъ, не да творю волю мою, но волю пославшаго мя Отца* (Іоан. 6, 38.) Цѣль пребывающаго въ киновіи есть та, чтобы умертвить и распять всѣ свои желанія, и по спасительной заповѣди о Евангельскомъ совершенствѣ, не помышлять о завтрашнемъ днѣ. Этого никто не можетъ достигнуть кромѣ пребывающаго въ общежитіи. А совершенство отшельника состоитъ въ томъ, чтобы имѣть умъ отвлеченный отъ всего земнаго, и, сколько позволяетъ человѣческая немощь, соединиться со Христомъ.

Рѣдко одно и тоже лице достигаетъ совершенства въ обоихъ родахъ жизни. Но это не безпримѣрно — это мы видимъ въ Моисеѣ, въ Святомъ Пафнутіѣ, въ двухъ Макаріяхъ. Сіи великіе пустынники, сохраняя безмолвіе пустыни, вмѣстѣ съ симъ, съ полною любовію принимали всѣхъ приходящихъ,

такъ что трудно рѣшить,—величіе ихъ духа болѣе ли высказывалось въ созерцательной жизни въ пустыни, или въ подвигахъ жизни киновитской.

Во всякомъ случаѣ неочистившемуся отъ пороковъ послушаніемъ монастырскимъ опасно удаляться въ пустыню. Будучи несовершенны и слабы, они преклоняются туда, куда склоняютъ обстоятельства. Не имѣя терпѣнія, досадуютъ на братіи прерывающихъ ихъ занятія, и находясь въ уединеніи, не сносятъ пустоты того самаго безмолвія, котораго ищутъ; потому что не знаютъ даже и того, для чего должно искать уединенія пустыни и думаютъ, что существенное достоинство сей жизни состоитъ въ томъ, чтобы, уклоняясь отъ общества братій, убѣгать людей и не видѣть ихъ. Если мы уходимъ въ уединеніе, не уврачевавъ еще грѣховъ, то подавляется только ихъ дѣйствіе, но не истребляется страсть. Ибо еще кроется въ насъ, и даже разрастается неисторгнутый корень всѣхъ грѣховъ. Такъ, если посѣщеніе брата и малѣйшее замедленіе его у насъ мы принимаемъ съ какимъ-то безпокойствомъ встревоженнаго сердца, это даетъ узнать, что въ насъ есть огонь нетерпѣнія. Если, ожидая прихода брата, мы досадуемъ на его замедленіе, и умъ нашъ возмущается заботою ожиданія — это знакъ, что пороки гнѣва и печали остаются въ сердцѣ нашемъ. Если кто попроситъ у насъ книгу или какую-либо вещь, и эта просьба опечалитъ насъ, то очевидно, что въ насъ есть еще страсти скупости или сребролюбія. Если нечаянная мысль или чтеніе Писанія приведутъ на память чувственныя представленія, и мы ощутимъ себя въ волненіи,—это знакъ, что въ насъ не погасъ еще пламень плотской похоти. Если при сравненіи нашей болѣе строгой жизни съ слабою жизнію другихъ, хотя малѣйшее возношеніе коснется нашего ума, нѣтъ сомнѣнія, что мы заражены язвою гордости. Хотя въ другое время мы и не ощущаемъ движенія сихъ страстей, но сіи опыты должны убѣдить насъ, что въ насъ нѣтъ страсти, а только дѣйствія грѣха. Страсти сіи, если придется быть съ людьми, вдругъ

выступая изъ пещеры чувствъ, доказываютъ, что онѣ не раждаются тогда, какъ проторгаются, а только обнаруживаютъ себя, бывъ долгое время сокрыты.

Святый инокъ указываетъ и способы врачеванія себя отъ искушеній пустыннаго житія—такіе способы, которые съ пользою могутъ служить всѣмъ, желающимъ исправлять свои недостатки. Богъ, говоритъ онъ, никогда не откажется врачевать душу, если она ищетъ врачевства отъ своихъ немощей и если, не оставляя заботы о своемъ спасеніи, открываетъ ему свои тайныя язвы, охотно подчиняется покаянію, и если, обращаясь къ Нему съ своими слабостями и пороками, содѣланными по невѣдѣнію, заблужденію, или какъ бы по несчастной необходимости, всего ожидаетъ отъ небеснаго Врача, къ Которому прибѣгаетъ со смиреніемъ.

При готовности къ исправленію, усматривая въ себѣ какіе-либо пороки, мы должны упражняться въ добродѣтели противоположной. Такъ, чувствующій себя подверженнымъ гнѣву, долженъ сначала часто представлять себѣ обиды, потери и оскорбленія, какія могли бы встрѣтиться съ нимъ со стороны людей, какъ будто бы они дѣйствительно съ нимъ случились, и, мало по малу пріучая свой умъ къ симъ непріятностямъ, пусть помыслитъ, съ какою кротостію, терпѣніемъ и смиреніемъ долженъ онъ рѣшиться все переносить. Потомъ пусть обратитъ взоръ свой на всѣ заушенія и мученія, какія терпѣли святые и Самъ Спаситель, и, признаваясь, что страданія ихъ несравненно болѣе его скорбей, пусть приготовитъ сердце свое ко всѣмъ печалямъ и бѣдствіямъ, какія могутъ случиться. Когда послѣ сего онъ примѣтитъ, что, при легкомъ оскорбленіи возникло въ душѣ его небольшое волненіе, пусть тогда строго и неумолимо судитъ себя; пусть оживитъ въ памяти своей тѣ обиды, которыми онъ научалъ себя къ терпѣнію. И, воспоминая о семъ, пусть съ упрекомъ спрашиваетъ себя: я ли это такъ слабъ и лѣнивъ? Я ли это, который въ тишинѣ моего уединенія обѣщался мужественно терпѣть всѣ скорби?

Куда же дѣлось это непобѣдимое терпѣніе, когда я не могъ перенесть и легкой насмѣшки? Какимъ образомъ душа моя, по видимому, столь рѣшительная и столь хорошо приготовленная къ борьбѣ, положила оружіе при малѣйшемъ приближеніи врага или тѣни его? Полезно будетъ послѣ сего безпорядочнаго движенія духа нанести наказаніе тѣлу. Пусть отшельникъ укрощаетъ его болѣе строгимъ постомъ, продолжительными бдѣніями, и сими подвигами въ уединеніи пустыни восполнитъ то, что долженъ былъ очистить, когда жилъ еще въ монастырѣ. Наконецъ, пусть твердо помнитъ, что законъ Божій не только запрещаетъ мстить за обиды, но и вспоминать объ нихъ, и никакъ не гнѣваться за оскорбленіе.

Но въ случаѣ возникновенія нечистыхъ плотскихъ представленій, безопаснѣе тотчасъ изгонять изъ ума нечистые образы и всѣмъ сердцемъ отрицаться отъ нихъ. Ибо можетъ быть вредъ для души, если мы будемъ оставаться на такихъ представленіяхъ, хотя бы подъ предлогомъ борьбы.

Такимъ образомъ въ совѣтѣ опытнаго старца можемъ усмотрѣть мы слѣдующія средства къ очищенію нашихъ пороковъ: 1) прибѣгать къ Богу съ искреннимъ сердцемъ и справедливымъ упованіемъ на Его безконечную благость. И Онъ видя наше желаніе исправиться, поможетъ намъ Своею благодатію: 2) сознавать наши грѣхи, не ослабѣвая и не впадая въ уныніе; 3) возбуждать себя къ исполненію добродѣтели противоположной нашимъ слабостямъ, и противиться порокамъ; 4) внимательно бдѣть надъ собою, и если мы погрѣшаемъ, требовать у самихъ себя отчета, упрекать себя въ слабости и наказывать свою лѣность подвигами тѣлеснаго покаянія по наставленіямъ мудраго руководителя. Поступая такъ, можно скоро успѣть въ исправленіи своихъ немощей и утвердиться въ противоположныхъ имъ добродѣтеляхъ (1).

---

(1) Cass. Coll. 19.

Вблизи Діолка въ пустыни обитали старцы Макетъ и Авраамъ. Ненавидя пустыя бесѣды, Макетъ испросилъ себѣ у Бога даръ засыпать тогда, когда начнутся пустыя разговоры и не знать сна во время бесѣдъ духовныхъ. Демонъ, говорилъ онъ, ненавидитъ духовныя бесѣды. Но онъ чуждъ былъ порока осужденія другихъ. Нѣкогда онъ осуждалъ братій за то, что они прибѣгаютъ къ врачамъ во время болѣзни, покрываются одѣяломъ, и благословляютъ елей для мірянъ. Но по устроенію Промысла, подвергшись и самъ всему этому, научился не осуждать ни въ чемъ.

Авраамъ, прозванный младенцемъ за свою простоту и незлобіе, строгій подвижникъ пустыни, былъ украшенъ даромъ чудотворенія. Какъ онъ понималъ обязанности инока показываетъ его бесѣда съ Кассіаномъ.

Для инока мало, говорилъ онъ, однажды въ началѣ своего обращенія отречься отъ всѣхъ вещей, или не будетъ твердъ въ семъ расположеніи. До послѣдней минуты нашей жизни мы должны говорить съ пророкомъ: *дне человѣча не возжелахъ*: *ты вѣси* (Іер. 17, 16), и Спаситель въ Евангеліи заповѣдуетъ желающимъ послѣдовать Ему постоянно нести крестъ Свой. Вотъ почему для желающаго пріобрѣсти чистоту сердца весьма важно выбрать такое мѣсто, которое бы не искушало его желаніемъ выходить изъ своей келліи, дабы прекрасные виды природы не развлекали сосредоточенности его мыслей, не совратили прямаго направленія его мыслей и не заставили его потерять изъ виду той цѣли, которую онъ всегда долженъ представлять себѣ. При всемъ вниманіи и бодрствованіи нельзя избѣжать сего, если только не заключены будутъ душа и тѣло въ стѣнахъ келліи, дабы инокъ, наслаждаясь неземнымъ покоемъ, упражняясь въ рукодѣліи, могъ бдѣть надъ своимъ сердцемъ, отвергать худые помыслы и питать добрые. Постоянно пребывающій на сей стражѣ помысловъ исполняетъ сказанное пророкомъ Аввакумомъ: на стражѣ моей стану и взыду на камень и *посмотрю еже видити, что воз-*

глаголетъ ко мнѣ и что отвѣщаю на обличеніе мое (2, 1.). Правда это трудно, какъ свидѣтельствуютъ. Но сильно обманываются тѣ, которые въ то время, когда лѣность и малодушіе воюютъ на нихъ въ келліяхъ, думаютъ облегчить свои скорби, уходя въ поле. То, отъ чего они ожидаютъ врачевства, дѣлается для нихъ причиною бо́льшей болѣзни. Они подобны больнымъ горячкою, которые стаканомъ воды думаютъ утишить внутренній жаръ. Но послѣ минутнаго облегченія болѣзнь только усиливается. Инокъ всѣ свои помыслы долженъ соединять въ Богѣ. Какъ желающій устроить сводъ по вѣрнѣйшему правилу и по наукѣ строенія опредѣляетъ равенство круглоты; такъ и умъ нашъ, если не будетъ около единой любви Божіей, какъ неподвижно утвержденнаго средоточія, обводя по всѣмъ моментамъ нашихъ дѣлъ и предначинаній, вѣрнымъ, скажу такъ, циркулемъ любви каждый помыслъ по его качеству, или замыкать въ кругъ или оставлять внѣ его: то не совершитъ благоискусно строенія духовнаго зданія (1). Не думайте, чтобы труденъ былъ путь добродѣтели. *Иго Мое благо и бремя Мое легко есть*, сказалъ Спаситель (Мѳ. 11. 30.). Опытъ достаточно даетъ намъ познать истину сего изреченія, если мы, какъ должно, и по заповѣди Спасителя вступимъ на путь совершенства. Мы испытываемъ эту благость и легкость ига Христова, умерщвляя наши желанія, отсѣкая нашу поврежденную волю, отрекаясь не только отъ благъ міра, но и отъ самихъ себя. Ибо что можетъ быть труднымъ и тяжкимъ для того, кто всѣмъ сердцемъ принялъ на себя иго Іисуса Христа, кто утвердился въ совершенномъ смиреніи и помышляя всегда о злостраданіяхъ своего Спасителя утѣшается поношеніями, какія терпитъ по примѣру Его? Подобно Апостолу Павлу, онъ радуется среди немощей, обидъ, нуждъ, преслѣдованій. Какое лишеніе можетъ огорчить того, кто несчитая ничего своимъ, съ тѣмъ же Апостоломъ говоритъ: ничтоже прине-

(1) Coll. 24, c. VI.

сохомъ въ міръ сей, явѣ, яко ничтоже изнести можемъ? Какая нищета можетъ ослабить того, кто не имѣетъ ни лишней одежды, ни имущества, и славу свою полагаетъ въ томъ, чтобы переносить и холодъ и голодъ? Какое приказаніе начальника можетъ возмутить спокойствіе того сердца, которое не имѣетъ своей воли, повинуясь не только съ терпѣніемъ, но и съ радостію, что бы ни приказали ему? Если иго Христово кажется намъ тяжкимъ, то потому, что не покорны волѣ Божіей и имѣемъ свои желанія. Усѣявая сами желаніями, какъ бы камнями путь нашъ, мы дѣлаемъ тяжкимъ стези Спасителя, которыя ровны. Мы оставляемъ царскій путь, уравненный стопами Спасителя и Его святыхъ, и ищемъ путей кривыхъ, полныхъ терній и волцевъ, гдѣ мы раздираемъ брачную одежду, которую получили отъ Спасителя, когда посвятили себя на служеніе Ему.

Наконецъ, если хотите сравнить благоуханіе дѣвства и цвѣтъ чистоты съ тиною нечистыхъ страстей;—тотъ чуждый заботы покой, которымъ наслаждается пустынникъ, съ опасностями и безпокойствами, коими терзаются люди міркіе;—миръ, коимъ сопровождается наша бѣдность, съ безпокойствомъ, какое сопровождаетъ богатство вы поймете, что благо иго Христово и легко бремя Его (1).

(1) Cass. instit. L. V. Collat. 24

ПУСТЫНЯ КАЛАМЪ, ИЛИ ПОРФИРІОНЪ.

Къ городу Панефизу прилежала пустыня Каламъ. Кассіанъ пишетъ, что живущіе въ пустынѣ Каламъ отстояли далѣе отъ жилищъ человѣческихъ, нежели обитатели пустыни скитской: потому что они, пройдя семь или восемь дней пути чрезъ степь, достигали своихъ жилищъ. Иноки не могли добывать здѣсь себѣ пропитанія плетеніемъ корзинъ; потому что за провозъ ихъ дороже просили, нежели чего они стоили. Потому они занимались земледѣліемъ и садоводствомъ.

Въ числѣ подвижниковъ Калама Кассіанъ упоминаетъ объ Аввѣ Павлѣ. Живя среди уединенія и безмолвія, онъ, ревнуя о чистотѣ сердца, не желалъ смотрѣть не только на лица, но и на одежды женскія. Конечно, забота о чистотѣ сердца была въ основаніи сего удаленія, но вмѣстѣ съ тѣмъ его отвращеніе доходило до излишняго. Потому Господь особыми путями изцѣлилъ его отъ его заблужденія. Однажды вмѣстѣ съ Аввою Архивіемъ, обитателемъ той же пустыни, онъ пошелъ въ келлію одного старца. На пути имъ встрѣтилась женщина. Авва Павелъ бросился назадъ въ свою келлію и остался тамъ. Но здѣсь его разбилъ параличъ такъ, что онъ не могъ двинуться ни однимъ членомъ. Необходимость заставила отдать его въ киновію женъ, чтобы онѣ ходили за нимъ. Четыре года до самой смер-

ти его онѣ пеклись объ немъ. Присутствіе благодати Божіей открылось въ немъ такъ, что больные, мазавшіеся елеемъ, который касался почти бездушнаго тѣла, получали изцѣленіе (1).

(1) Cass. Coll. XXIV. c. 4. De coenob. inst. Lib. X. c. 24. Coll. III. c. 5. Collat. VII. c. 26.

СВЯТЫЙ ИСИДОРЪ ПЕЛУСІОТЪ.

Между подвижниками, которые въ четвертомъ и пятомъ вѣкѣ украшали Александрійскую церковь особеннымъ характеромъ и образомъ дѣятельности отличался преподобный Исидоръ Пелусіотъ.

Не смотря на то, что слава Исидора по свидѣтельству Евагрія, повсюду распространена была его словами и дѣлами (1) и на его обширную извѣстность у современниковъ, указываютъ его письма, писанныя болѣе нежели къ пяти стамъ шестидесяти различнымъ лицамъ, свѣдѣній объ его жизни сохранилось весьма мало. Его письма знакомятъ съ духомъ его, но не съ обстоятельствами его жизни.

Исидоръ былъ урожденецъ Александрійскій и происходилъ изъ фамиліи благородной и богатой, бывшей въ родствѣ съ Патріархами Ѳеофиломъ и Кирилломъ (2)

Воспитаніе полученное имъ соотвѣтствовало его рожденію. Изъ самыхъ твореній Исидора видно, что онъ былъ тщательно образованъ въ философіи греческой, основательно зналъ Исторію, классическихъ ораторовъ и поэтовъ. Но

---

(1) Ruf. Hist. mon. c. XII. Sozom. L. VI. c. 28. Nicepн. L. IV. c. 34. Cassiod Hist. Trip. L. c. 1.

(2) Hist. Eccl. L. 1. c. 15.

не въ семъ заключалась образованность, его прославившая (1).

Если изъ писемъ Исидора видно его знакомство съ греческой литературой, то еще болѣе видно, что главнымъ предметомъ его упражненія было священное писаніе. Онъ осуждалъ самъ, побуждалъ и другихъ всѣми силами противодѣйствовать объявшей всѣхъ въ его время страсти къ изученію исключительно языческой словесности. Сильная страсть къ изученію словесности, писалъ онъ къ Епископу Елафію, объяла въ наше время души людей; разумѣю словесность не ту, которая уцѣломудриваетъ, но которая забавляетъ слушателей, не духовную, но софистическую, не Апостольскую, но демонскую, не пророческую, но любопрѣтельную, не ту, которая можетъ возбуждать душу, но которая обыкновенно ласкаетъ слухъ, не живую, одушевленную дѣлами говорящаго, но принимаемую ради сладкозвучія мертвымъ слухомъ (2). Непренебрегая мірскою образованностію, Исидоръ глубоко сознавалъ безконечное превосходство мудрости христіанской (3). Не холоднымъ умомъ, но живымъ чувствомъ вѣры онъ старался усвоить истины вѣры.

Изученіе Священнаго Писанія и дѣятельное упражненіе въ заповѣдяхъ его, скоро убѣдило Исидора въ суетѣ всѣхъ земныхъ благъ. Это убѣжденіе такъ часто и такъ живо высказывается въ его письмахъ, что безъ сомнѣнія оно было глубоко усвоено его сердцемъ. Не прочно то богатство, на ко-

---

(1) Историкъ Никифоръ называетъ Исидора Пелусіота ученикомъ Святаго Іоанна Златоустаго, вѣроятно потому что Исидоръ усердно изучалъ творенія сего вселенскаго учителя, отъ чего въ истолковательныхъ письмахъ Исидора встрѣчаются не только мысли, но и выраженія сходныя съ Златоустовыми: а можетъ быть и потому, что Исидоръ лично слышалъ нѣсколько поученій и наставленій св. Іоанна или въ церкви или въ домашнихъ бесѣдахъ. Въ семъ послѣднемъ смыслѣ и блаженъ Іеронимъ называлъ себя ученикомъ св. Григорія Богослова.

(2) Lib. V. ep. 201.

(3) Lib. IV. ep. 114. 122. 140.

торомъ нѣтъ благословенія Божія. Оно часто теряется и погибаетъ вмѣстѣ съ его обладателями, какъ безплодное полевое растеніе, вредное для сосѣдственныхъ съ нимъ деревьевъ. И мудрость мірская, если не украшается мудростію Божественною не полезна, какъ ни чѣмъ необузданная. Все непостоянно для тѣхъ, которые сами непостоянны для Бога (1). Ни богатство, ни красота, ни крѣпость силъ, ни краснорѣчіе, ни даже самое блистательное достоинство не дѣлаютъ почтенными людей такъ, какъ добродѣтель и любомудріе (2). Онѣ скоро увядаютъ и изчезаютъ подобно дыму; не безуміе ли чѣмъ либо изъ сего хвалиться и тщеславиться? Всего этого человѣкъ лишается и въ сей жизни, непремѣнно все это оставитъ, когда умретъ. Хвалиться симъ тоже, что хвалиться тѣнями и пустыми сновидѣніями. (3). Люди жадные къ деньгамъ и хищенію подобны малымъ дѣтямъ, которые небрегутъ о томъ, чего дѣйствительно надобно бояться,—такъ что иногда влагаютъ руки въ огонь, а пустыхъ призраковъ ужасаются и трепещутъ. Ибо бѣдности, которая ничего въ себѣ не имѣетъ страшнаго, а еще учитъ смиренномудрію, боятся, напротивъ богатство неправедное весьма много почитаютъ, — богатство, котораго бояться должно больше, нежели огня (4). Отъ чего мы враждуемъ между собою? отъ того что богатству, славѣ и другимъ благамъ настоящей жизни приписываемъ великую цѣну. Ибо если бы мы научились почитать ихъ за ничто и презирать, то не объявляли бы одинъ другому непримиримой вражды и войны, а хранили бы между собою миръ и любовь, коими прекращаются всякія несогласія и брани (5).

---

(1) Lib. 5. ep. 172

(2) Lib. III. ep. 231.

(3) Lib. 5. ep. 3.

(4) Lib. 2. ep. 237.

(5) Хотя въ письмѣ къ Таумазію (Lib. 1. ep. 402.) Исидоръ упоминаетъ о своемъ уединеніи (ἀναχωρησις), и отсюда по видимому можно

Зная цѣну истинной мудрости и суету всего земнаго Исидоръ рѣшился посвятить себя Богу. Оставивъ домъ своихъ родителей и богатое свое наслѣдіе, онъ удалился въ сѣверные предѣлы Нижняго Египта и поступилъ въ монашество. Мѣстомъ для своего подвижничества онъ избралъ гору находящуюся близъ города Пелузіи при восточномъ устьѣ Нила, гдѣ обиталo уже много пустынниковъ (1). Это та пустыня Лихнои, которую послѣ смерти Антонія Великаго посѣщалъ Иларіонъ (2).

Здѣсь съ ревностію Исидоръ предался подвигамъ иноческой жизни и добродѣтели. Онъ такъ изнурялъ плоть свою трудами, и такъ утучнялъ душу возвышенными помыслами, пишетъ Евагрій, что на землѣ пріобщался жизни Ангельской и постоянно былъ живымъ памятникомъ монашескаго житія и Богосозерцанія (3). Онъ рѣшился въ своей пустынѣ слѣдовать строгой жизни Іоанна Крестителя. Въ самомъ дѣлѣ онъ одѣтъ былъ одеждою изъ жесткаго волоса и питался только кореньями и травами. Все его имущество состояло въ одной этой одеждѣ и онъ былъ столько доволенъ своею нищетою, что когда одинъ изъ друзей его Зенонъ прислалъ ему новую одежду, прося его молитвъ, онъ, отсылая ему старую, благодарилъ его за то, что онъ доставилъ ему средство защититься отъ холода, и что исполнилъ совѣтъ Іоанна Крестителя: *имѣяй двѣ ризы да подастъ не имущему* (4).

заключать бы, что онъ былъ отшельникъ, но въ письмѣ къ Коллюсію прямо говоритъ, что оставивъ городскую жизнь, онъ вступилъ въ монастырь (Lib. 1. ep. 191.) и убѣждаетъ Кратина подражать сей жизни (Lib. 1. ep. 266.)

(1) Hieron vita Hilarion. Что Исидоръ жилъ не въ самомъ городѣ Пелузіи, видно изъ письма его къ Евсевію Пелузійскому Епископу (Lib. 1. ep. 39) гдѣ Исидоръ пишетъ: ты строилъ какъ сказываютъ церковь въ Пелузіи.

(2) Evagr. H, E. Lib. 1. c. 13.

(3) Evagr. Lib. 1. c. 13.

(4) Lib. 1. ep. 216. 475.

Сначала онъ, сколько возможно было, удалялся отъ сношеній съ людьми, чтобы тѣмъ ощутительнѣе вкушать сладость созерцательной жизни. Этому строгому уединенію, какъ самъ онъ признавался, онъ обязанъ познаніемъ предметовъ Божественныхъ (1).

Строгая жизнь Исидора обратила на него вниманіе братіи, привлекла ихъ довѣренность, и онъ избранъ былъ настоятелемъ обители и рукоположенъ былъ во пресвитера (2). Какъ настоятель монастыря онъ возставалъ противъ обычая иноковъ ходить въ городъ для покупки вещей необходимыхъ, — обычая, по словамъ Исидора, опаснѣйшаго для подвижниковъ (3). Онъ недопускалъ въ свой монастырь людей бродящихъ, которыхъ только привлекала необходимость, а не любовь къ отшельничеству, и изгонялъ изъ него порочныхъ, которые неподавали надежды исправленія (4). Скромность въ одеждѣ, уединенное подвижничество, добродѣтель безстрастія, соблюденіе безмолвія, скудость въ пищѣ, благотворительность къ бѣднымъ и успокоеніе странниковъ,—вотъ сокращеніе правилъ,

---

(1) Lib. 1. ep. 402.

(2) Въ письмѣ къ Теразію Исидоръ называетъ себя учителемъ Церкви, поставленнымъ отъ Самого Бога (Lib. 1. ep. 388). Архимандриту Лукѣ пишетъ о монахѣ, который изъ монастыря Луки пришелъ въ его монастырь (Lib. 1, ep. 318.). Лампедію онъ пишетъ что если онъ будетъ держаться ереси Манеса, то никто изъ его монастыря (ἡμετέρας μανδρας,) не раздѣлитъ съ нимъ трапезы (Lib. 1. ep. 52). Въ письмѣ Дидиму пишетъ, что клеветниковъ онъ будетъ отлучать отъ общества (Lib. 11. ep. 182). Все это показываетъ что онъ былъ настоятель монастыря. Никифоръ называетъ его Предстоятелемъ (καθηγησαριενος) горы Пелузійской. У древнихъ писателей онъ называется пресвитеромъ и настоятелемъ (Sermondus ad. facundi trium. cap. definsi Lib. 2. c. 4. opp. vol. 11. p. 458. Var. patr. epp. edita a Christiano Lupo. Cap. VI, p. 22). Правда, что въ письмѣ 121-мъ кн. 1-й Исидоръ упоминаетъ о настоятелѣ монастыря Пелузійскаго отличномъ отъ него, но это было вѣроятно въ то время, какъ Исидоръ отъ гоненій удалялся въ пустыню, или писалъ это письмо тогда, какъ самъ небылъ въ обители.

(3) Lib. 1. ep. 220.

(4) Lib. 1. ep. 262, Lib. 11. ep. 182.

которыя Преподобный Исидоръ внушалъ своей братіи, и въ исполненіи которыхъ самъ всегда служилъ живымъ примѣромъ. « Изорванная одежда, писалъ онъ Пелузійскимъ монахамъ, не есть, братія, истинный знакъ подвижничества. Пребываніе въ городскомъ шумѣ не показываетъ любви къ отшельничеству. Никто, самъ завязнувшій въ терніяхъ сладострастія, непроводитъ бразды Христовой. Не можетъ успѣть въ мудрости занимающійся словопреніемъ. Кто ищетъ сладкихъ и пріятныхъ яствъ, тотъ не способенъ къ воздержанію. Итакъ, если мы хотимъ подвизаться должнымъ образомъ, то будемъ совершать подвигъ добрый скромною одеждою, уединеннымъ бдѣніемъ, добродѣтелію безстрастія, соблюденіемъ безмолвія и скудостію пищи (1).

Однажды Исидоръ услышавъ, что нѣкоторые братія часто бываютъ въ городѣ, ходятъ въ баню, и ведутъ себя безпечно, пришелъ въ собраніе и снялъ съ нихъ монашескія одежды. Но послѣ больно стало сердцу его, и онъ раскаялся. Волнуемый помыслами пришелъ онъ къ Аввѣ Пимену, неся съ собою и левитоны братій, и разсказалъ старцу о дѣлѣ. Старецъ спросилъ его: нѣтъ ли и въ тебѣ чего нибудь отъ ветхаго человѣка? Совлекся ли ты его? Пресвитеръ отвѣчалъ: и во мнѣ есть ветхій человѣкъ. Старецъ сказалъ ему: вотъ и ты таковъ же какъ и братія. Если и не много имѣешь ветхости, уже подлежишь грѣху. Тогда пресвитеръ пошелъ отъ старца, и призвавъ къ себѣ братіи, просилъ у нихъ прощенія (ихъ было одиннадцать), облекъ ихъ въ монашескія одежды и отпустилъ (2).

---

(1) Lib. 1. ep. 220.

(2) Дост. сказ. о подв. Отц. 230, 11. Хотя Пресвитеръ Пелузійскій и не названъ по имени, но соображая современность пребыванія Пимена въ Нижнемъ Египтѣ съ настоятельствомъ въ монастырѣ Пелузійскомъ Препод. Исидора; и то, что онъ въ письмахъ своихъ возставалъ противъ указанныхъ здѣсь обычаевъ, и принимая во вниманіе, что сей Пресвитеръ, по видимому пользовался великимъ уваженіемъ, можемъ признать вѣроятнымъ, что это былъ Исидоръ.

Съ неутомимою дѣятельностію занимаясь устроеніемъ внутренняго порядка въ обители, преподобный Исидоръ столь же ревностно подвизался для славы и благосостоянія всей вообще православной Церкви. Отъ чтеца до епископа, отъ простаго воина до Императора не было ни одного состоянія, изъ котораго кто нибудь не слышалъ бы его наставленій. Ко всѣмъ онъ писалъ поучительныя письма. Однимъ подавалъ совѣты, какъ другъ, иныхъ училъ, какъ отецъ, однихъ обличалъ, какъ строгій судія, другихъ укрѣплялъ словомъ Божіимъ, какъ Ангелъ-Утѣшитель.

Горестное состояніе церкви и общества были причиною того, что св. Исидоръ во многихъ письмахъ дозволялъ себѣ строгія и дерзновенныя обличенія. Догматы вѣры были извращаемы различными ересями. Тогда, какъ послѣдователи Монтана, Новата, Арія, Македонія, Фотина, еще находили себѣ многихъ приверженцевъ, явилась ересь Несторія, много смущенія произведшая въ церкви Александрійской, еще волнуемой спорами оригенистовъ и антропоморфистовъ, и враждою нѣкоторыхъ въ Александріи противъ Іоанна Златоустаго. Сильное волненіе, возбужденное противъ ереси Несторія, увлекло нѣкоторыхъ противниковъ его въ другую крайность и приготовляло почву, на которой быстро должны были возрасти плевелы лжеученія Евтихія. Египетъ опять подъ владычествомъ Фараона, писалъ Исидоръ къ Епископу Гермогену, не на пришлыхъ сыновъ Іакова налагаетъ онъ труды построенія городовъ, но отъ всѣхъ сильныхъ требуетъ подати ересей (1). Въ то же время въ церкви явились безпорядки другаго рода. Многіе за деньги достигали степеней священства и своею жизнію позорили свой санъ. Справедливо пишешь ты, говоритъ Исидоръ въ письмѣ къ Епископу Леонтію, что много появилось нынѣ

(1) Lib. 1. ep. 419.

безпорядковъ въ церкви. Ибо тамъ, гдѣ слышится имя мира, совершаются дѣла брани. Это произошло отъ того, что люди, облеченные достоинствомъ учителей, сами подвержены многочисленнымъ порокамъ. Я не буду подробно перечислять сихъ пороковъ, упомяну только объ одномъ препохвальномъ, великомъ и важномъ дѣлѣ, которое Апостоловъ содѣлало свѣтильниками вселенной, и пренебреженіе коего произвело столько безпорядковъ въ церкви. Во времена Апостольскія на степень священства возводимы были любители добродѣтели, а нынѣ получаютъ оное сребролюбцы. Тогда избираемы были люди уклонявшіеся сего сана по великой высотѣ начальства съ нимъ сопряженнаго, а нынѣ домогающіеся его для пріобрѣтенія способовъ роскошной жизни; тогда тѣ, которые поставляли себѣ въ честь произвольную нищету, а нынѣ тѣ, которые, совершенно предавшись любостяжанію, стараются обогатить себя; тогда тѣ, которые непрестанно имѣли предъ очами судъ Божій, а нынѣ тѣ, которые вовсе не помышляютъ о немъ; тогда тѣ, которые охотно переносили всякія оскорбленія, а нынѣ тѣ, кои сами готовы обижать другихъ. Но что много говорить? Очевидно, что нынѣ званіе священное сдѣлалось средствомъ къ преобладанію, отъ смиренія перешло къ гордости, отъ воздержанія къ роскоши, отъ кроткаго попеченія о домѣ къ самовластію. Ибо нынѣ священники не хотятъ управлять, какъ домостроители, но распоряжаются всѣмъ какъ полновластные владыки. Впрочемъ и нынѣ есть такіе священнослужители, которые живутъ по примѣру Апостоловъ, но не смѣютъ открыть устъ своихъ, а потому и они заслуживаютъ укоризну за то, что, боясь толпы развратныхъ, вопреки своему долгу нерадятъ объ исправленіи столь великаго зла (1). Церковь, пишетъ въ другомъ письмѣ Исидоръ, подобна женѣ, лишившейся своего прежняго благосостоянія, и имѣющей еще па-

(1) Lib. 3. ep. 21.

мятники его. Одни дерзаютъ продавать священство, другіе покупать. Одни дѣлаютъ то, о чемъ говорить не смѣю; другіе говорятъ то, что и думать непозволительно. Посему справедливо Господь и Женихъ церкви угрожаетъ имъ: *пріидетъ господинъ раба того, и растешетъ его, и часть его съ невѣрными положитъ* (Лук. 12, 46.). Но они считаютъ эту угрозу за басню, хотя міръ уже приближается къ концу, и готовъ родить наказаніе (1). Въ такомъ жалкомъ положеніи была и Пелузійская церковь, къ которой принадлежалъ Исидоръ. Въ главѣ ея стоялъ тогда Епископъ Евсевій, который своею порочною жизнію произвелъ крайніе безпорядки въ церкви (2). Украшая по тщеславію храмы, лишалъ церковь лучшаго ея украшенія — мужей достойныхъ и принималъ порочныхъ (3). Въ наше время, писалъ по этому случаю Исидоръ, храмы украшаются сверхъ потребности, а надъ церковію шутятъ. Что касается до меня, то я лучше желалъ бы быть въ тѣ времена, когда храмы не были такъ украшаемы, а церковь была преисполнена Божественныхъ и небесныхъ даровъ (4).

Изъ клира Евсевія были тѣ люди, противъ которыхъ такъ сильно возставалъ Исидоръ, именно: Зосима, Маронъ, Мартиніанъ, Пансофій, Лукій, Херемонъ, Евстаѳій, Палладій (5). Одни изъ нихъ получили санъ симоніею, другіе продавали посвященіе (6). Были между ними и такіе, которые по своимъ преступленіямъ подлежали наказанію по гражданскимъ законамъ (7). Худой выборъ лицъ священныхъ наполнилъ Пелу-

(1) L. 3. ep. 408.
(2) L. 1. ep. 28. 29. Лекенъ называетъ Евсевія еретикомъ. Oriens christ. T. II. p. 533.
(3) L. 1. ep. 177.
(4) L. 2. ep. 246.
(5) Lib. 1. ep. 121.
(6) Lib. 3. ep. 30. 177. 331.
(7) Lib. 2. ep. 37. 127.

зійскую церковь такими безпорядками, что даже вѣрующіе отдалялись отъ церкви, не желая изъ рукъ нечистыхъ принимать святыню. Но всѣ эти безпорядки происходили въ глазахъ язычниковъ и Іудеевъ—враговъ христіанства. Тогда какъ язычники, и изъ числа ихъ особенно знаменитая Ипатія, дочь философа Ѳеона, старались очистить нравственность языческую, чтобы противопоставить свое неоплатоническое ученіе христіанству, и, указывая на безпорядки христіанъ, удерживали многихъ въ язычествѣ; Іудеи, такъ мало умѣвшіе скрывать свою ненависть къ христіанству, что въ открытомъ возмущеніи пытались истребить всѣхъ христіанъ въ Александріи, съ злобною радостію смотрѣли на пороки въ обществѣ христіанскомъ, за усиленіе которыхъ св. Исидоръ упрекалъ лица священныя. Онъ писалъ къ Нилу схоластику: призванные къ тому, чтобы сражаться за Почтившаго ихъ честію, дѣлаютъ то, что служитъ къ Его оскорбленію. Можно ли не обвинять тѣхъ, которые оружіе священства вооружаютъ противъ вооружившаго ихъ, и тѣмъ отверзаютъ невѣрнымъ уста къ злословію (1)?

Недоставало благочинія и въ жизни иночествующихъ. Одни, не занимаясь рукодѣльемъ, проводили время въ праздности (2), другіе переходили съ мѣста на мѣсто, ища не назиданія, но изысканной пищи, или ходили безъ нужды въ селенія (3), иные дозволяли себѣ щегольство въ одеждѣ (4).

Много безпорядковъ было и въ гражданскомъ обществѣ. Правители, присылаемые въ провинціи, смотрѣли на свою должность, какъ на средство къ обогащенію.

Въ частности правитель Киренеи, принимая доносы, не только не позволялъ оправдываться обвиненнымъ, но и лишилъ Пелу-

(1) L. 3. ep. 272.
(2) L. 1. ep. 49. 298.
(3) Lib. 1. ep. 41. 173 314.
(4) Lib. 1. ep. 498.

зійцевъ права убѣжища въ церкви (1). Онъ обременялъ тяжкими поборами поселянъ, такъ что очень многіе изъ нихъ бросили свою страну и бѣжали изъ отечества; не только отнималъ имущества у частныхъ лицъ, но посягалъ на имѣнія церквей и благотворительныхъ заведеній, раскапывалъ гробы, покушался расторгать союзы супружескіе (2). Много зла причинилъ Пелузіи и Квесторъ Аспіанъ, самъ воспитанный въ Пелузіи. Онъ наклеветалъ, по словамъ Исидора, на гражданъ въ уши юнаго и весьма довѣрчиваго Императора (3).

Такое состояніе церкви и общества служитъ самымъ лучшимъ объясненіемъ тѣхъ рѣзкихъ обличеній, которыя встрѣчаются въ письмахъ Исидора. Ревность по славѣ Божіей изощряла перо его и поражала пороки безъ лицепріятія. Все соединилось, чтобы дать ему власть надъ умами современниковъ; его благородное происхожденіе, богатства имъ оставленныя, путь самоотверженія, на который онъ вступилъ, строгость его жизни, ученость имъ пріобрѣтенная, рѣдкій даръ пользоваться ею съ силою, и его пламенная любовь къ Богу и ближнимъ, которая побуждала его изобличать грѣхи въ знатныхъ и незнатныхъ людяхъ, въ высшемъ и низшемъ клирѣ, въ правителяхъ и начальникахъ, равно какъ и въ простомъ народѣ.

Онъ писалъ къ Императору Ѳеодосію, убѣждая его къ кротости и щедрости. (4) Писалъ и къ Антіоху столь могущественному Евнуху Ѳеодосія. Тебѣ, постоянно упражняющемуся, какъ слышу, въ чтеніи Священнаго Писанія, должна быть извѣстна исторія дивнаго Даніила, что онъ среди волнъ заблужденія, не только не сдѣлался плѣнникомъ страсти, даже не прикоснулся общихъ брашенъ, которыя не вредили

(1) Lib. 1. ep. 174.
(2) Lib. 1. ep. 487. 490.
(3) Lib. 1. ep. 275.
(4) Lib. 1. ep. 35.

вкушавшимъ ихъ. Поелику ты не только министръ царства, но и управляешь имъ, какъ хочешь, то постарайся укрѣпить справедливость, находящуюся въ изнеможеніи или лучше при смерти, дабы обрѣсти себѣ благопріятнымъ судилище праведное, хотя теперь ты можетъ быть и не часто помышляешь объ немъ, ослѣпленный скоропреходящимъ блескомъ (1).

Узнавъ, что Кирепій лишилъ Пелузійцевъ права убѣжища въ церкви и не позволялъ обвиненнымъ отъ доносчиковъ оправдываться, Исидоръ писалъ къ нему: это не только несправедливо, даже нечестиво. Если ты не позволяешь оправдываться и не дозволяешь искать убѣжища въ церкви, то этимъ поощряются клеветники и умножается число несправедливостей. Какъ ты самъ узнаешь правду? Какъ спасешь обиженнаго, который, чтобы не быть жертвою сильнаго, когда недоступенъ судія, прибѣгалъ къ безопасному убѣжищу церковному? Извиняешься тѣмъ, что это служитъ предлогомъ къ продажѣ правосудія. Уменьши жестокость, и будетъ мало продажи (2). Кирепій, оскорбленный письмомъ, вѣроятно, совѣтовалъ Исидору не вмѣшиваться въ его дѣла. Но это не остановило ревности. И знаю свою мѣру, писалъ онъ Кирепію, еще и призванъ обличать лукавыхъ. Если ты не хочешь, чтобы говорили о томъ, что ты дѣлаешь, перестань дѣлать, и не будутъ говорить. Ибо кто не стыдится дѣлать, не долженъ огорчаться, когда дѣло называютъ по имени. Если одно названіе считается обидой, то не тѣмъ ли болѣе обида самое дѣло (3)? Когда внушенія Исидора остались безплодными, онъ обратился съ ходатайствомъ къ Руфину правителю Имперіи при Аркадіѣ. Грѣхи ли Пелузійцевъ или важныя дѣла Римлянъ, которыми занимаешься, были причиною, что тебѣ, милостивому благо-

(1) Lib. 1 ep. 36.
(2) Lib. 1. ep 174.
(3) Lib. 1. ep. 175.

дѣтелю осталось неизвѣстно, какъ Киреній достигъ власти, и какъ жестоко управляетъ. Ибо взятки тяжкія; бѣдность великая, несправедливости частыя; церковь не можетъ помочь; изчезла справедливость; законъ не вѣдомъ. Или лиши его власти или вы вмѣстѣ будете отвѣчать предъ судомъ Божіимъ (1).

Ходатайство Исидора вѣроятно имѣло успѣхъ. Онъ съ радостію привѣтствуетъ Пелузійцевъ съ новымъ правителемъ. Богъ еще печется о Пелузійцахъ; сѣмя благочестія еще дѣйствуетъ въ нихъ, еще предстательствуютъ о несчастномъ городѣ покровители—мученики. Идетъ дивный Симплицій принять надъ вами начальство. Я благовѣствую вамъ другую жизнь. Примите съ радостію мужа, откройте ему чистосердечно всѣ скорби. Онъ имѣетъ и умъ мудрый и сердце благочестивое и облегчитъ ваши труды. Ибо Богомъ силенъ онъ, у него проситъ и силу сдѣлать добро для многихъ (2).

Прежде назначенія Симплиція разнесся было слухъ, что въ Египетъ назначается правителемъ опять Киреній, Исидоръ писалъ къ Синезію, Селевку, Исидору, Флоренцію Архонтію, Катилліану и Руфину сильнымъ и знаменитымъ мужамъ того времени, чтобы они избавили страну отъ несчастія имѣть такого правителя (3).

Болѣе чѣмъ къ сорока высшимъ лицамъ гражданскимъ обращены письма Исидора, то содержащія облигченіе, то наставленіе въ управленіи, то наученіе въ истинахъ вѣры и нравственности. Претору Діофанту писалъ онъ: кратковременна не только власть твоя, но и самая жизнь. Зачѣмъ же ты грѣшишь безъ конца, въ малые часы приготовляя себѣ вѣчное наказаніе? Узнавъ всю многомятущуюся и скоропреходящую

(1) Lib. 1. ep. 178.
(2) Lib. 1. ep. 226.
(3) Lib. 1. ep. 483. 484. 485. 486. 487. 489. 490.

невѣрность вещей, старайся лучше славиться добрыми дѣлами, за которыя и здѣсь бываетъ похвала и будущія награды не пропадаютъ (1).

Въ письмахъ къ Префекту Тавру Исидоръ внушалъ, что честь начальника состоитъ въ томъ, чтобы заботиться не о своей пользѣ, но о пользѣ подчиненныхъ; чтобы онъ избиралъ себѣ въ помощники такихъ, которые бы любили истину и не жадны были къ деньгамъ, чтобы во время суда тщательно изслѣдовалъ дѣло, выслушивалъ оправданіе и полагалъ наказаніе, соотвѣтствующее винѣ (2).

Но болѣе гражданскихъ дѣлъ занимала Исидора судьба Церкви. Опровергая во многихъ письмахъ заблужденія язычества и Іудейства, Исидоръ особенно старался о водвореніи мира въ церкви. По случаю низложенія св. Іоанна Златоустаго съ престола константинопольскаго преподобный Исидоръ сильно обличалъ Ѳеофила, Архіепископа Александрійскаго, въ несправедливомъ гоненіи на сего святаго (3). По смерти Ѳеофила Исидоръ съ большимъ успѣхомъ писалъ о Златоустомъ къ св. Кириллу Александрійскому. Получивъ отъ Кирилла Александр. письмо, въ которомъ онъ называлъ Исидора отцемъ своимъ, Исидоръ, дѣлая примѣненіе къ сему, отвѣчалъ: Меня устрашаютъ примѣры Божественнаго Писанія; я по необходимости пишу къ тебѣ то, что нужно. Если я отецъ твой, какъ ты самъ говоришь, то боюсь казни, какой подвергся Илій за то, что не вразумлялъ порочныхъ дѣтей. Если же я сынъ твой, каковымъ я всегда признаю себя (ибо ты носишь на себѣ образъ великаго Марка) страшусь участи Іонаѳана, не воспрепятствовавшаго отцу, когда сей искалъ чреволшебницы, имѣя возможность предотвратить преступленіе; онъ палъ на сраже-

(1) Lib. 1. ep. 31.
(2) Lib. 3. ep. 194. 365. Lib. 5. ep. 40.
(3) Lib. 1. ep. 152.

нія прежде самаго преступника (1 Цар. гл. 28 и 31). Прекрати раздоры, дабы и мнѣ не подпасть обвиненію и на тебѣ не отяготѣлъ судъ Божій (1). Вообще Исидоръ былъ ревностнымъ защитникомъ Златоустаго. Не иначе какъ съ восторгомъ онъ отзывается о его писаніяхъ. Писанія Іоанна, такъ онъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, сего несравненно мудраго мужа, распространились повсюду. Слава ихъ проникла во всѣ страны даже до предѣловъ земли. Ибо кто остался бы непронутымъ при чтеніи ихъ? Кто изъ родившихся послѣ него не почиталъ своимъ долгомъ благодарить Божественное Провидѣніе за то, что родился въ такое время, когда могъ ими пользоваться? Кто не испыталъ силы этой Божественной лиры, превосходящей баснословную лиру Орфея? Ибо не безсловесныхъ звѣрей плѣнялъ онъ своею музыкою, но укрощалъ людей съ звѣрскими нравами, перемѣняя ихъ звѣрство въ кротость, простоту и согласіе (2). Говоря о Златоустовой книгѣ о Священствѣ, онъ выражается такъ: Всякій при чтеніи ея проникается любовію къ Богу. Онъ не только даетъ понять все величіе и достоинство священства, и то, какъ трудно сдѣлаться достойнымъ его, но показываетъ еще, сколь свату должно быть, чтобы желать его. Всѣ пресвитеры могутъ найти въ семъ сочиненіи и добродѣтели, какія имъ нужно исполнять и пороки, которыхъ нужно избѣгнуть (3). Говоря о толкованіи Златоустаго на посланіе Апостола Павла къ Римлянамъ Исидоръ замѣчаетъ, что это толкованіе преимущественно обогащено мудростію премудраго Іоанна (4). Убѣжденія Исидора такъ подѣйствовали на св. Кирилла, что онъ включилъ имя Златоустаго въ диптихи церковные.

Когда Кириллу Александрійскому надлежало отправиться въ

(1) Lib. 1. ep. 370.
(2) Lib. 4. ep. 224.
(3) Lib. 1. ep. 150.
(4) Lib. 5. ep. 32.

Ефесъ на соборъ Вселенской, созванный Императоромъ Θеодосіемъ по случаю возникшей ереси Несторія: Исидоръ въ краткомъ письмѣ къ св. Кириллу изложилъ сущность догмата, о которомъ надлежало разсуждать на соборѣ, то есть, что соединеніе двухъ естествъ во Христѣ должно признавать со времени Его воплощенія, и одобрилъ ему въ руководство при совѣщаніяхъ труды св. Аѳанасія (1). По сему же случаю писалъ Исидоръ и къ Императору, прося его или лично присутствовать на соборѣ для сохраненія порядка въ ономъ или предписать, чтобы чиновники его не вмѣшивались въ разсужденія о догматахъ (2).

Не противъ одной ереси Несторія вооружался Исидоръ. Всѣ, писалъ онъ, къ Божественному ученію Апостоловъ примѣшивающіе свои догматы, какъ то: Манесы, Симоны, Монтаны, Новаты, Аріи, Македоніи, Фотины, и другіе подобные суть *корчемницы*, по словамъ Исаіи (1, 22), *мѣшающіе вино съ водою* и чрезъ это дѣлающіе его худшимъ (3). Христосъ придетъ во славѣ, чтобы заградить имъ уста (4). Посему какъ враговъ спасенія, какъ враговъ Божіихъ, Исидоръ сильно обличалъ Аріанъ, (5) Савелліанъ и Монтанистовъ (6), Манихеевъ и Маркіонитовъ (7), Новатіанъ (8) и другихъ еретиковъ.

Виновныхъ въ преступленіяхъ противъ нравственности, если порокъ ихъ былъ гласенъ для всѣхъ, Исидоръ обличалъ прямо и сильно. Свои побужденія къ обличенію преступленій онъ такъ объяснялъ въ письмѣ къ Епископу Исидору:

---

(1) Lib. 1. ep. 323.
(2) Lib. 1. ep. 311.
(3) Lib. 1. ep. 162.
(4) Lib. III. ep. 168.
(5) Lib. 1. ep. 422. Lib. III. ep. 51. 6. 8. 149. 354. 355. 51. 33. 4. 3.
(6) Lib. 1. ep. 67. 138. 242. 245. 409. 500. Lib. III. ep. 149.
(7) Lib. 1. ep. 52. 102. 133. 245. 371 413.
(8) Lib. 1. ep. 100. 338. 339.

« Часто я предлагаю самъ себѣ такой совѣтъ : Исидоръ! поелику преступленія важныя обыкновенно называются великими бѣдствіями, то говори противъ нихъ съ приличнымъ дерзновеніемъ. Можетъ быть тѣ, которые не знаютъ стыда въ то время, какъ грѣшатъ, устыдятся твоихъ словъ, и можетъ быть ты на нихъ сколько нибудь подѣйствуешь. Если же и потерпишь отъ сего какія-либо непріятности, то потерпишь такъ же, какъ терпѣли Пророки, Апостолы и другіе святые мужи, къ которымъ тебѣ одному изъ малѣйшихъ должно стараться приближиться, по крайней мѣрѣ по терпѣнію. Но какъ ты будешь говорить съ дерзновеніемъ? Такъ ли, что при семъ будешь пользоваться полною свободою , или будешь умѣрять оную благоразуміемъ? Ибо я знаю, что нѣкоторые строгимъ обличеніемъ были исправлены, другіе же напротивъ чрезъ сіе ожесточились и предались большему нечестію, а нѣкоторые наконецъ смѣялись надъ умѣреннымъ, не строгимъ обличеніемъ и считали оное за ничто. Я сказалъ на это самому себѣ, что и тебѣ теперь говорю : если бы только твой трудъ надъ исправленіемъ былъ напрасенъ : то могъ бы ты уклониться отъ сей обязанности. И Моисей и Илія и Іоаннъ не всѣхъ своими увѣщаніями и обличеніями уврачевали; но своихъ трудовъ не оставляли. Твоя обязанность—свободу рѣчи растворять кротостію; а дѣло Божіей десницы — подавать исцѣленіе. Злое всѣ люди почти сами собою узнаютъ, доброму же, напротивъ, и слыша оное отъ другихъ, не хотятъ учиться (1). Мы равно виновны, писалъ Исидоръ къ Епископу Ѳеонѣ, и тогда, когда хотимъ мстить за наши собственныя обиды, и когда не трогаемся оскорбленіями наносимыми Богу. Когда обижаютъ насъ, мы должны сносить съ кротостію и терпѣніемъ , а когда оскорбляютъ Бога , беззаконно сносить это равнодушно; нужно высказывать неудовольствіе. Мы такъ раздражительны, что не

(1) Lib. 3. ep. 397.

хотимъ простить нашимъ врагамъ, а между тѣмъ кротки съ тѣми, кои возстаютъ противъ Бога. Моисей поступалъ не такъ. Хотя онъ былъ самымъ кроткимъ изъ людей, но предался гнѣву противъ Евреевъ, когда они слили тельца; и его гнѣвъ въ этомъ случаѣ былъ святѣе всякой кротости. Илія возсталъ противъ идолослужителей, Іоаннъ Креститель противъ Ирода, а св. Павелъ противъ Елимы (Дѣян. 13, 8—11.). И это они дѣлали мстя за оскорбленіе, нанесенное Богу, перенося терпѣливо обиды личныя. Правда, всемогущій Богъ можетъ отмстить за Себя: но Онъ хочетъ, чтобы и добрые люди гнушались грѣха и другихъ заставляли гнушаться имъ. Въ семъ святые поставляли свою добродѣтель и любомудріе (1).»

Безплодность обличеній не останавливала ревности Исидора. Обливаясь слезами о нераскаянности виновнаго, онъ продолжалъ свои обличенія. «Узнавъ, такъ писалъ Исидоръ къ Пресвитеру Зосимѣ, что тогда, какъ тебѣ должно прибѣгнуть къ раскаянію, ты умножаешь прежнія беззаконія и стремишься къ новымъ преступленіямъ, я наконецъ заплакалъ и сказалъ самъ себѣ: О Исидоръ! что ты напрасно трудишься, сѣя на камняхъ? Что стараешься излечить того, кто не хочетъ лечиться, и неусыпно бодрствуешь когда тотъ, для коего прилагается неусыпное бдѣніе, дѣлаетъ тщетнымъ оное, не исполняя внушаемаго? Перестань напрасно трудиться убѣлять эѳіопа, разсѣкать огонь и варить камень! Когда я сильно жаловался самому себѣ, опять родилась во мнѣ пріятная надежда и снова противъ воли заставила меня писать сіи строки» (2).

Надобно замѣтить, что Исидоръ употреблялъ рѣзкія обличенія только противъ людей упорныхъ во грѣхѣ. «Съ людьми добрыми, писалъ онъ, нужно поступать кротко, а противъ

---

(1) Lib. 3. ep. 227.
(1) Lib. 1. ep. 67.

дерзкихъ строже. Первые почитаютъ кротость добродѣтелію, потому и нужно употребить ее для вразумленія ихъ. Но послѣдніе уважаютъ только силу и смѣлость, потому нужно показывать твердость, чтобы сокрушить ихъ гордость. Такимъ благороднымъ обращеніемъ поддерживаются одни и смиряются другіе. Одними и тѣми же средствами не пріобрѣтемъ всѣхъ; одними и тѣми же лекарствами не врачуютъ всѣ болѣзни; но сколько различныхъ болѣзней, столько же и различныхъ лекарствъ (1).»

Этимъ объясняется почему, нѣкоторые изъ друзей замѣчали въ Преподобномъ Исидорѣ снисходительность, тогда какъ другіе находили его обличенія слишкомъ рѣзкими (2). Но Исидоръ, руководствуясь только свидѣтельствомъ своей совѣсти, не хотѣлъ умѣрять своихъ обличеній изъ угожденія однимъ и по страху гоненія отъ другихъ. «Не думай, писалъ онъ къ софисту Аскленію, чтобы я измѣнилъ себя и сдѣлался низкимъ ласкателемъ. Нужно или тебѣ перестать ко мнѣ относиться съ такими совѣтами или мнѣ исключить тебя изъ числа друзей» (3). Когда одинъ правитель сѣтовалъ на Исидора за строгость его обличеній, Исидоръ отвѣчалъ, что ему нужно осуждать собственныя свои дѣйствія, а не слова, въ которыхъ они названы такими, каковы на самомъ дѣлѣ (4).

Но онъ самъ не одобрялъ тѣхъ, которые неблагопріятно отзывались о другихъ безъ всякаго основанія, или слишкомъ строго судили ближнихъ. «Ты слишкомъ уже строгъ въ сужденіи о жизни монаховъ и священниковъ, писалъ Исидоръ къ Агаѳодемону, когда требуешь, чтобы они были непричастны никакому грѣху. Безгрѣшность свойственна только одному

(1) Lib. 3. ep. 251.
(2) Lib. 2. ep. 21. Lib. 3. ep. 338. 379. 466.
(3) Lib. 3. ep. 23.
(4) Lib. 1. ep. 175.

Богу, и изъ людей ни одинъ не можетъ достигнуть оной. Если ты хочешь знать, что сообразно съ силами нашей природы; то, скажу тебѣ, это состоитъ въ томъ, чтобы недѣлать намѣренно ничего преступнаго, чтобы какъ можно рѣже впадать въ грѣхи непроизвольные; и наконецъ, чтобы не коснѣть въ прегрѣшеніяхъ. Это состояніе хотя несравненно ниже двухъ первыхъ, но за то доступно для многихъ (1). Военначальнику Леонтію, дурно отзывавшемуся о пресвитерѣ Зосимѣ, онъ писалъ: «сказанное тобою справедливо и никто тебя не упрекаетъ въ клеветѣ. Но ненужно, чтобы твой языкъ—органъ истины, осквернялся такими словами. Человѣкъ почтенный и украшенный многими добродѣтелями, подобно тебѣ, долженъ къ своему вѣнцу прибавить славу терпѣнія (2).»

Цѣль обличеній Исидора была та, чтобы побудить грѣшниковъ къ раскаянію. Пиша обличенія, онъ самъ скорбѣлъ, плакалъ втайнѣ о ихъ грѣхахъ и всею силою своихъ молитвъ старался ускорить ихъ обращеніе, и ввести въ сердце ихъ тѣ высокія истины, которыя излагалъ въ письмахъ. Опъ самъ увѣрялъ тѣхъ, къ кому писалъ письма, что онъ болѣе пролилъ слезъ о нихъ предъ Богомъ, нежели сколько написалъ словъ (3).

Высшее свое счастіе онъ поставлялъ въ томъ, если ему удавалось спасти какую-либо погибающую душу. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ говоритъ, что, не дерзая сравнивать себя съ Моисеемъ или Павломъ, онъ желалъ бы употребить всѣ свои силы для спасенія каждаго ближняго (4).

Богу угодно было, писалъ онъ къ одному Епископу, чтобы ты былъ здѣсь, дабы участвовать въ нашихъ трудахъ и на-

---

(1) Lib. 1. ep. 435.
(2) Lib. 3. ep. 229.
(3) Lib. 5. ep. 369.
(4) Lib. 3. ep. 273.

шемъ вѣнцѣ, въ похвалахъ и благословеніяхъ, какія воздаютъ намъ. Лѣность и нерадѣніе разслабили нашего друга и ослабили его любовь къ небесной философіи. Мы возвратили его на правый путь нашими совѣтами и увѣщаніями, а еще болѣе помощію благодати Божіей. Теперь мы празднуемъ и воспѣваемъ пѣсни радости о сей побѣдѣ и друзьямъ нашимъ приготовили духовное пиршество (1).

Если нѣкоторые, внимая наставленіямъ Исидора, обратились отъ пути грѣховнаго на путь добродѣтели; за то со стороны клириковъ Пелузійскихъ онъ подвергся открытому преслѣдованію и даже изгнанію. Но вмѣсто того, чтобы огорчаться симъ, Исидоръ радовался, что пострадалъ за имя Христово. «Ты противъ своей воли, писалъ онъ главному виновнику своего изгнанія, увѣнчалъ меня, и теперь я могу сказать, что Богъ далъ мнѣ благодать не только вѣровать въ Него, но и пострадать за Него» (2). Впрочемъ притѣсненіе не остановило его ревности. «Я лучше желаю терпѣть гоненія, дѣлая добро, писалъ онъ къ одному своему другу, нежели получать похвалу, дѣлая зло. Ибо, не говоря о наградахъ соблюдаемыхъ добродѣтели въ другой жизни и о наказаніяхъ, назначенныхъ за нечестіе и порокъ, мнѣ кажется, что добродѣтель носитъ съ собою награду свою, а грѣхи наказаніе. Какія бы клеветы ни возносили на добродѣтель, и какія бы похвалы ни придавали пороку, они не принудятъ меня оставить первую и послѣдовать второму. Я всегда буду любить добродѣтель, хотя бы и обремененную поношеніями, буду гнушаться порока, хотя бы онъ и увѣнчанъ былъ славою (3). Я совершенно знаю, пишетъ Исидоръ къ Ѳеонѣ пресвитеру, что терпѣть обиды для меня славно въ семъ мірѣ, и еще большая ожидаетъ за то слава

(1) Lib. 3. ep. 366.
(2) Lib. 3. ep. 131.
(3) Lib. 3. ep. 223.

въ будущей жизни, и что нужно благодарить оскорбляющаго и обижающаго, потому что онъ возводитъ къ высшему любомудрію особенно, когда часто дѣлая это хвалится симъ. Но чувствую, что, хотя я могу сносить обиды и оскорбленія, но не укрѣпился до того, чтобы благодарить оскорбляющихъ и совершенно чисто молиться за злословящихъ, особенно, когда они не только не хотятъ раскаяться, но и смѣются надъ тѣми, кто за нихъ молится. Таковъ я. Ибо я (не скрою своей немощи), часто молясь о сдѣлавшихся мнѣ врагами случайно, когда хочу молиться о тѣхъ, которые враждовали противъ меня намѣренно и злостно, чувствую, что это дѣлаю одними устами. Не думай, что я невѣрю достигшимъ такой добродѣтели, но сорадуюсь имъ и желалъ бы достигнуть такой мѣры. Ибо не страдаю болѣзнію многихъ, которые, не могши сами достигнуть какой либо добродѣтели, или не вѣрятъ достигшимъ ея, мѣряя другихъ по себѣ, или стыдясь признаться въ слабости приписываютъ себѣ то, чего не имѣютъ» (1). Хотя Исидоръ сѣтовалъ, что не можетъ искренно молиться за неисправимыхъ враговъ своихъ, но старался смотрѣть на нихъ какъ на своихъ благодѣтелей. «Злословіе, писалъ онъ, часто врачевало болѣзнь души, которой или не примѣчали, или врачевать не старались. Посему добрымъ нужны или искреннiе друзья, или злые враги. Тѣ совѣтомъ, а сіи злословіемъ предотвращаютъ паденіе. Но поелику дружество въ нынѣшнее время любитъ выражаться утонченно, или лучше, остается безгласнымъ для искреннихъ разговоровъ, неумолкаемо въ празднословіи и нѣмо для увѣщанія и обличенія, то отъ враговъ только можно услышать истину и упрекъ къ исправленію (2).»

Исидоръ старался призывать всѣхъ къ согрѣянію въ сердцѣ

---

(1) Lib. 5. ep. 398.
(2) Lib. 3. ep. 280.

своемъ любви, какъ высшей добродѣтели. «Для Бога нѣтъ ничего вожделѣннѣе любви, писалъ онъ къ пресвитеру Евсевію. Изъ любви Онъ и человѣкомъ сдѣлался и послушнымъ даже до смерти. Посему и первозванные ученики Его были два брата. Чрезъ это премудрый Спаситель показалъ, что Онъ желаетъ, чтобы всѣ Его ученики были соединены братскою любовію. Итакъ мы ничего не должны почитать драгоцѣннѣе любви, которая все связываетъ и содержитъ въ единеніи и согласіи (1).»

Вообще письма Исидора, даже обличительныя, содержатъ въ себѣ много прекрасныхъ нравственныхъ правилъ и наставленій о должностяхъ различныхъ званій.

Отвращая отъ порока, онъ представляетъ превосходство добродѣтели и ея легкость для исполненія. «Одна добродѣтель, пишетъ онъ, имѣетъ блистательную и безсмертную славу. Добродѣтель не проходитъ со временемъ, не подлежитъ забвенію, но всегда удерживаетъ свое достоинство въ красотѣ, цвѣтѣ и силѣ. Ее-то преимущественно люди должны пріобрѣтать (2). Добродѣтель гораздо легче нежели порокъ, пишетъ онъ въ другомъ письмѣ. Умолчу о томъ, что добродѣтель есть дѣло Божественнѣйшее, благороднѣйшее и съ природой чтителей ея сообразнѣйшее; не буду говорить, что она составляетъ для нихъ украшеніе и славу,—въ этомъ согласны всѣ,—я коснусь только того, что показываетъ легкость добродѣтели. Что труднѣе, искать ли несмѣтныхъ сокровищъ или довольствоваться тѣмъ, что имѣешь? Днемъ и ночью вычислять гнусные прибытки и насильственные проценты, или наслаждаться довольствомъ и любовію къ ближнимъ? Что труднѣе—обижать ли всѣхъ, или помогать обиженнымъ? Страдать отъ мучительной болѣзни сребролюбія, или быть свободнымъ отъ ея сви-

---

(1) Lib. 1. ep. 10.
(2) Lib. 2 ep. 285.

рѣпства? Сплетать обманы или обращаться съ другими честно? Возмущаться противъ правителей или жить спокойно? Похищать чужое имущество или дарить и собственное? Вмѣшиваться въ чужія дѣла и злодѣянія или не быть причастну такимъ дѣламъ и страху? Что труднѣе—заботиться ли о многомъ и несбыточномъ или одну имѣть заботу, какъ бы не измѣнить добродѣтели? Безъ нужды подвергать себя трудамъ или наслаждаться покоемъ? Никогда незнать сытости или не любить того, что возбуждаетъ непрестанно большую алчность? Плавать по морямъ и терпѣть кораблекрушенія или оставаться въ пристани и спасать погибающихъ?—Роскошь и сладострастіе оболѣщаютъ многихъ, будто онѣ легки и пріятны: покажу несправедливость и сего: Умолчу о судѣ, угрожающемъ роскоши и сладострастію.—Скажу только, что ежели роскошь производитъ болѣзнь въ ногахъ и головокруженіе, и сумасшествіе, и разслабленіе въ нервахъ и другія подобныя болѣзни, отъ которыхъ и сама притупляется, или лучше сказать изчезаетъ: то какъ назвать удовольствіемъ страсть, которая есть мать и кормилица столь многихъ скорбей? Сладострастіе есть корень и стыда, и непримиримой вражды, и опасностей, и смертей, и другихъ неизчислимыхъ золъ. Можно ли послѣ сего называть удовольствіемъ такую страсть? Если же не остается никакаго сомнѣнія въ томъ, что добродѣтель и легче, и пріятнѣе, и сообразнѣе съ природою человѣка: то прилѣпимся къ ней всѣми силами и всею душою, прилѣпимся къ той, которая и въ настоящей и въ будущей жизни ревнителямъ своимъ доставляетъ славу (1).»

Направляя свои обличенія преимущественно противъ недостойной жизни облеченныхъ саномъ священства, Исидоръ предложилъ много наставленій о должностяхъ сихъ лицъ. «Не всѣ, но очень немногіе, такъ пишетъ онъ къ Палладію діакону,

(1) Lib. 2. ep. 240.

искавшему сана Епископа, могутъ принять на себя сію власть, и именно тѣ только, кои столько же, если не болѣе превосходятъ во всемъ своихъ подчиненныхъ, сколько пастухи своихъ овецъ. Каковы же тѣ, которые ищутъ власти превосходящей ихъ силы? Ведутъ ли они жизнь незазорную? Соблюдаютъ ли такую трезвенность, чтобы душевное око ихъ всегда бодрствовало? Просіяли ли такимъ цѣломудріемъ, чтобы не только собственныя помышленія ихъ были чисты, но чтобы они, не употребляя даже словесныхъ увѣщаній, возвращали къ цѣломудренной жизни и тѣхъ, кои съ пламеннымъ порывомъ стремятся къ беззаконнымъ вожделѣніямъ? Имѣютъ ли они столько степенности, чтобы взирающіе на нихъ боялись самой поступи, взора и голоса ихъ (ибо получившіе епископство вездѣ должны представлять собою образецъ всякаго любомудрія)? Столько ли странноприимны, что и незнакомыхъ имъ бѣдныхъ приглашаютъ въ свои домы и насыщаютъ ихъ? Потщились ли сдѣлать бесѣду свою назидательною такъ, чтобы открывалась въ ней великая благодать и отъ языка ихъ истекали потоки словесъ духовныхъ? Отличаются ли они такою кротостію, что уже никогда и никого не раздражаютъ? Столько ли несребролюбивы, что и благопріобрѣтенное имущество свое раздаютъ неимущимъ? Столько ли терпѣливы, что переносятъ напрасныя обиды и поношенія? Имѣютъ ли наконецъ и прочія качества, которыя изчислилъ Апостолъ Павелъ, изображая совершеннаго Пастыря (1 Тим. 3, 2 — 6.)? Апостолъ сказалъ: аще кто Епископства хощетъ, но не сказалъ пусть всякій ищетъ Епископства, не заповѣдалъ этого, не повелѣлъ, не вмѣнилъ въ обязанность. Ибо онъ видѣлъ, что многіе, нимало не заботясь о стяжаніи добродѣтели, въ упоеніи любоначалія, будутъ домогаться только власти и не захотятъ даже и подумать о тѣхъ изнуреніяхъ, трудахъ и опасностяхъ, о тѣхъ заботахъ и бѣдствіяхъ, которыя соединены со властію Епископа. На Епископѣ лежитъ долгъ попеченія о всѣхъ нуждахъ подчиненныхъ. Въ чемъ же состоитъ сей долгъ? Въ томъ, чтобы испытывать

посвящаемыхъ на служеніе Богу, питать алчущихъ, одѣвать нагихъ, защищать обидимыхъ, пещись о тѣхъ, кои оплакиваютъ свое сиротство, покровительствовать вдовицамъ, преслѣдовать судомъ правды притѣснителей, обличать тѣхъ, кои употребляютъ беззаконныя средства для полученія начальства, врачевать больныхъ, возстановлять падающихъ во время искушеній, пещись о содержимыхъ въ узахъ, утѣшать несчастныхъ, вразумлять согрѣшающихъ. Итакъ, забывая сіи и еще другіе многочисленнѣйшіе подвиги, нѣкоторые въ епископскомъ санѣ видятъ только права власти, свободы и наслажденія, и, не испытавъ силъ своихъ, нисколько не размысливъ о важности начальства, домогаются онаго. Должность Епископа есть трудъ, а не отдохновеніе, забота, а не наслажденіе; служеніе многоотвѣтственное, а не начальство, никакому изтязанію неподлежащее; попеченіе отеческое, а не жестокое самоуправство, первенство свойственное управителю, приставленному къ дому господина, а не власть безотчетная. Что касается до самой должности Епископа, я хвалю ее какъ Божественную, но не одобряю искательства, какъ вещи опасной. По моему мнѣнію и люди опытнѣйшіе не должны питать въ душѣ своей пристрастія къ сему сану, но всемѣрно должны истреблять оное. Посмотри на Апостола, который испыталъ сей подвигъ: онъ изнуренъ былъ безчисленными трудами, терпѣлъ раны, удары, клеветы и многократно подвергался опасности жизни для того единственно, чтобы никто изъ ввѣренныхъ ему не погибъ. Онъ какъ бы такъ говоритъ: кто желаетъ Епископства, тотъ пусть воззритъ на труды, пусть подумаетъ о томъ, въ состояніи ли онъ понесть ихъ;— пусть обратитъ вниманіе на опасности (ибо противъ облеченныхъ властію Епископства часто ополчаются и невидимые и видимые враги), а не воображаетъ себѣ однѣ только почести; — пусть размыслитъ о бѣдствіяхъ жизни, а не объ удовольствіяхъ; пусть содержитъ въ умѣ многоразличныя искушенія и заботы, а не думаетъ только о спокойствіи; пусть вѣдаетъ, что если кто возводится на пре-

столъ Епископскій, то для того, чтобы законно подвизаться, а не безпечно предаваться наслажденіямъ. Ибо кто пользуется только честію и нерадитъ объ исполненіи обязанностей Епископскаго сана; тотъ и здѣсь подвергается безчисленнымъ нареканіямъ, и можетъ даже и вовсе быть лишенъ высокаго достоинства своего, а тамъ, на страшномъ ономъ судилищѣ, предъ лицемъ неумытнаго Судіи, услышитъ вопли осужденія; тогда алчущіе возопіютъ: « мы въ крайней нуждѣ не имѣли пищи, а онъ, предавшись роскоши и любостяжанію, все приносилъ въ жертву своему тщеславію »; нагіе скажутъ: « этотъ человѣкъ былъ для насъ суровѣе самой зимы; » немощные скажутъ: « онъ былъ для насъ лютѣе болѣзни; » сирые скажутъ: « мы не получили отъ него никакого пособія; » вдовицы скажутъ: « намъ не произнесъ онъ ни одного утѣшительнаго слова; » узники скажутъ: « для насъ непролилъ онъ ни одной слезы сострадація; » несчастные скажутъ: « къ намъ не простеръ онъ руки помощи. » — Кратко, всѣ тѣ, для блага коихъ онъ былъ поставленъ Епископомъ, тогда будутъ свидѣтельствовать противъ него (1). Епископъ, пишетъ Исидоръ въ другомъ письмѣ, изъ самаго названія своего можетъ видѣть, въ чемъ состоитъ его обязанность. Онъ долженъ надзирать и его надзору подлежатъ: нападенія враговъ тайныхъ и сокровенныхъ, неразуміе паствы, нерадѣніе монаховъ, нечестіе развращенныхъ людей, бѣдствія вдовъ, бѣдность сиротъ, худые нравы служащихъ, пороки юныхъ, худые совѣты старцевъ. Онъ долженъ быть окомъ на все смотрящимъ и ничего не опускающимъ (2). Тяжекъ грѣхъ частнаго человѣка, еще тяжелѣе грѣхъ облеченнаго саномъ священства, но несравненно тяжелѣе грѣхъ содѣланный людьми, возведенными на степень Архіерейства. Ибо чѣмъ болѣе кто-либо возвышается предъ другими

(1) Lib. 3. ep. 216.
(2) Lib. 1. ep. 149.

своимъ достоинствомъ, тѣмъ болѣе увеличивается и тяжесть грѣховъ его, такъ что, хотя бы онъ согрѣшилъ и въ томъ же самомъ, въ чемъ грѣшатъ и другіе, но его грѣхъ тяжелѣе другихъ, потому что долженъ быть цѣнимъ не по существу своему только, но и по достоинству согрѣшившаго. Законодатель грѣхъ первосвященника поставилъ наравнѣ съ грѣхомъ цѣлаго народа и повелѣлъ ему приносить за свой грѣхъ такую жертву, какая требуется за согрѣшеніе всего народа Конечно, если бы не равно опасна была язва, то не нужно бы предписывать и равносильное лекарство (1).

Въ высокихъ чертахъ представляетъ Исидоръ и обязанности священника. «Богъ возжигаетъ Священника, какъ нѣкій свѣтильникъ и поставляетъ его на свѣщницѣ своей свѣтоносной каѳедры, дабы онъ въ церкви изливалъ сіяніе ученія и дѣлъ чуждыхъ мрака, и дабы народъ, видя лучи животворнаго свѣта, руководствовался ими и прославлялъ Отца свѣтовъ (2). Для священника вмѣсто богатства служитъ украшеніе добродѣтели, вмѣсто удовольствія чистота, вмѣсто наслажденія умѣренность, его радости составляетъ успѣхъ ввѣренныхъ ему. Кто поступаетъ иначе и между тѣмъ тщеславится именемъ священства, тотъ не духовный и сана своего недостоинъ (3). Ты названъ образомъ стада и свѣтильникомъ церкви, писалъ Исидоръ одному пресвитеру, и будь такимъ. На паствѣ твоей необходимо отпечатлѣваются твои нравы, какъ на воскѣ печать. Посему, если хочешь ты быть свѣтомъ, возненавидь легкомысліе и смѣхотворство, чтобы не научить многихъ безпорядочной жизни. Ибо священникъ есть Ангелъ Господа Вседержителя. Ангелъ не знаетъ смѣха, со страхомъ служа Богу (4). Къ людямъ, возведеннымъ на степень священства, Богъ

(1) Lib. 3. ep. 15
(2) Lib. 1. ep. 32.
(3) Lib. 3. ep. 354.
(4) Lib. 1. ep. 319.

взываетъ сими словами: *священницы, глаголите въ сердце Іерусалиму* (Исаіи 40, 2). Тѣ, кои учатъ другихъ только словомъ, часто обременяютъ слушателей своимъ многорѣчіемъ и не рѣдко дѣлаются даже смѣшными въ глазахъ ихъ, когда поступаютъ вопреки своему ученію. Вотъ почему Богъ требуетъ отъ учителей добрыхъ дѣлъ, примѣръ коихъ дѣйствуетъ на самую душу слушателей. Священникъ долженъ заботиться о святости своей; ибо преступно священнодѣйствовать нечистому (1). Доброе древо, приносящее обильные плоды и вмѣстѣ украшенное листьями, и земледѣльца радуетъ, и зрителей увеселяетъ, и путникамъ доставляетъ отдохновеніе. Равнымъ образомъ поставленный на каѳедрѣ для проповѣданія слова Божія, когда украшенъ добродѣтелію и вмѣстѣ блистаетъ краснорѣчіемъ, бываетъ и Богу угоденъ и людямъ полезенъ. Если же онъ не будетъ имѣть какого-либо изъ сихъ совершенствъ; то немного принесетъ пользы внимающимъ его ученію. Честная жизнь необходима для посрамленія клеветниковъ, а даръ слова потребенъ для обличенія еретиковъ.

Если впрочемъ могущество краснорѣчія побѣждаетъ противниковъ, но съ другой стороны безчестная жизнь помрачаетъ славу побѣды, слушатели не удостоятъ своего довѣрія такого учителя, который самъ не исполняетъ закона. Итакъ надобно сіять и словомъ и жизнію: *иже сотворитъ и научитъ*, говоритъ Писаніе, *сей великій наречется въ царствіи небесномъ* (Мѳ. 5, 19). Если бы дѣла замѣняли собою и ученіе, какъ нѣкоторые думаютъ, то Писаніе, сказавъ о первыхъ, не упомянуло бы о послѣднемъ (2).

Въ наставленіяхъ инокамъ Исидоръ показываетъ, въ чемъ состоитъ иночество, и чего должно избѣгать инокамъ.

Святые основатели и руководители иноческой жизни, писалъ

(1) Lib. 2. ep. 130.
(2) Lib. 2. ep. 233. Lib. 2. ep. 251. 275.

онъ къ Нилу монаху, сообразно съ своими трудами и подвигами оставили намъ названія, соотвѣтствующія самому дѣла, оставленіе всего мірскаго назвавъ отшельничествомъ (ἀναχώρησις) и готовность къ повиновенію послушаніемъ (ὑποταγή). Научаемые ихъ примѣромъ, мы должны исполнять то, что читаемъ въ ихъ дѣяніяхъ (1). Въ другомъ письмѣ въ примѣръ для жизни иноковъ указываетъ онъ на св. Іоанна Крестителя, совѣтуя одѣваться власяницею и питаться зеліемъ. Если же это покажется выше силъ; то пусть инокъ заботится о своемъ преуспѣяніи, сообразуясь съ наставленіями настоятеля (2). Иноческая жизнь есть исполненіе всѣхъ заповѣдей Божіихъ и какъ бы вмѣстилище оныхъ. Она должна быть чужда гнѣва, гордости, сребролюбія, самолюбія, удалена отъ попеченій о тѣлѣ; уста инока всегда готовы къ благодаренію Господа и молитвѣ о полезномъ, неподвижны на злословіе (3).

Жизнь иноческая, писалъ Исидоръ къ Пахомію, есть царство небесное. Она не знаетъ никакой страсти. Мыслитъ о горнемъ и творитъ небесное. Посему внимай, чтобы какое-нибудь паденіе не сдѣлало тебя рабомъ и не извергло изъ царскихъ чертоговъ. Трудно испадшему изъ нихъ опять быть призваннымъ туда. Но Богъ, отверзающій дверь и именующій Себя дверію, чрезъ которую входятъ во спасеніе, да дастъ тебѣ умъ твердый и слово чистое, благодатію растворенное, посредствомъ коихъ и настоящая жизнь будетъ для тебя благополучна и въ будущей ты получишь спасеніе (4). Любомудріе, писалъ Исидоръ къ иноку Ѳомѣ, отвращается шума, и иноческое подвижничество совершается внѣ смятенія. Симъ-то средствомъ, какъ бы таинственною лѣствицею, которая воз-

(1) Lib. 1. ep. 1
(2) Lib. 1. ep. 5.
(3) Lib. 1. ep. 278.
(4) Lib. 1. ep. 129.

вышаетъ насъ къ совершенству смиренія, мы, освободившись отъ безпокойствъ міра и опасныхъ случаевъ, часто встрѣчающихся въ обращеніи съ міромъ, достигаемъ до забвенія о предметахъ земныхъ и вкушаемъ духовную сладость нашего уединенія. Но если мы думаемъ, что, для послѣдованія Ангельскому житію, достаточно имѣть мантію, носить бороду и жезлъ, а между тѣмъ будемъ обращаться въ толпѣ народной, слушать бесѣды мірскія: это будетъ означать, что мы хвалимся побѣдными знаками, уклонившись брани и борьбы, которою пріобрѣтается побѣда (1). Туже мысль еще сильнѣе высказываетъ Исидоръ въ письмѣ къ Нилу монаху: одежды изъ овечьихъ кожъ, какъ знаки умерщвленія, весьма приличествуютъ тѣмъ, которые умертвили плоть свою. А кто угождаетъ страстямъ, и между тѣмъ является во оружіи, которое носитъ умерщвляющій страсти, тотъ подобенъ лицедѣямъ, которые представляютъ на зрѣлищахъ чужія лица: зрители смѣются надъ ними, какъ надъ такими людьми, кои совсѣмъ не то, чѣмъ кажутся по виду (2).

Исидоръ поучалъ, что для инока мало одного удаленія отъ внѣшняго шума мірскаго; а нужно, чтобы и внутри души соблюдалась тишина помысловъ. Что тебѣ пользы, писалъ онъ къ Кириллу монаху, отъ Іоаннова удаленія въ пустыню, которому ты прежде со тщаніемъ поревновалъ, если ты нынѣ не подражаешь Іоанну, но опять предаешься влеченію собственныхъ своихъ помысловъ, если живешь въ пустынѣ, какъ среди мірскаго шума, и въ уединеніи, какъ среди народной толпы? Ибо когда душа при внѣшней тишинѣ возмущается мятежными помыслами и вожделѣніями; то такое состояніе и въ чувствахъ производитъ омраченіе и совершенные уже подвиги покрываетъ безславіемъ, а страстямъ облегчаетъ побѣду надъ духомъ и

(1) Lib. 1. ep. 92.
(2) Lib. 1. ep. 427.

вооруженнаго на битву ратника дѣлаетъ робкимъ бѣглецомъ (1).

Постъ и бдѣніе также необходимыми признавалъ Исидоръ для инока. Пресыщеніе, писалъ онъ монаху Іоанну, не умѣетъ бодрствовать, гордость не можетъ жить въ покоѣ; бдѣнія и кротости требуетъ подвижничество. Если не обуздываешь чрева, то для чего и мѣсто занимаешь понапрасну и подаешь соблазнъ подвижникамъ (2).

Но для преуспѣянія въ подвижничествѣ должно соединять съ нимъ смиренномудріе. Ибо если мы, совершая подвигъ послушанія, будемъ прерывать оный надмѣнными помыслами, то это значитъ, что мы, желая достигнуть спасенія, не хотимъ дѣлать того, что ведетъ къ оному (3). Кто не назоветъ тебя безразсуднымъ, писалъ Исидоръ къ иноку Петру, за то, что ты, сдѣлавъ отреченіе отъ богатства, отъ своего рода и суетныхъ почестей вѣка сего и, указавъ многимъ путь къ смиренію, нынѣ поработился гордости, забывъ Божественный законъ, повелѣвающій унизить себя тому, кто желаетъ возвыситься (Лук. 14, 11)? Итакъ, если ты не весь погрузился въ волны высокоумія; то воспряни, дабы исполнить свои обѣты (4). Исидоръ не совѣтуетъ инокамъ предаваться заботѣ о внѣшней образованности. Ты имѣешь расположеніе, писалъ онъ къ Патриму монаху, учиться тщательно и говорить изысканно. Но путь духовной жизни благошествуется преимущественно дѣяніемъ, а не искуствомъ говорить. Посему если желаешь вѣчной награды, то красную рѣчь не за великое считай, а упражняйся въ дѣлахъ благихъ (5). Онъ дѣлаетъ еще сильные упреки монаху Ѳалалею за то, что тотъ увлекся чтеніемъ

(1) Lib. 1. ep. 25.
(2) Lib. 1. ep. 130.
(3) Lib. 1. ep. 468.
(4) Lib. 1. ep. 15.
(5) Lib. 1. ep. 14.

языческихъ писателей. Кто не пожалѣетъ о тебѣ, писалъ къ нему Исидоръ, что ты, пребывая въ тихомъ любомудріи учениковъ Господнихъ, увлекаешься шумомъ и суетою языческихъ писателей и поэтовъ? Скажи мнѣ, что предпочтительнаго у нихъ предъ тѣмъ, что есть у насъ? Не преисполнено ли ложнаго и смѣшнаго то, чѣмъ такъ усердно они занимались? Не обожаніе ли у нихъ страстей? Бѣгай чтенія постыднаго, чтобы въ твоемъ сердцѣ не раскрылись раны, уже закрывавшіеся, и въ твою душу не возвратился врагъ, и не внесъ въ нее гибели страшнѣйшей и ужаснѣйшей прежняго нерадѣнія или невѣдѣнія (1). Сильно Исидоръ порицаетъ иноковъ, часто мѣняющихъ свое мѣсто. Непостоянные и тебѣ подобные легкомысленные, писалъ онъ къ одному монаху, уподобляются праху возметаемому отъ лица земли (Псал. 1). Ты часто ходишь по домамъ не для назиданія, но для изысканной пищи. Кто достойно оплачетъ тебя, когда ты и себя губишь и вредишь многимъ, особенно тѣмъ, которыхъ юность дѣлаетъ наклонными къ соблазну (2)?

Дѣлая сильныя обличенія тѣмъ, которые, утвердившись въ иноческой жизни, начинали колебаться въ ней, Исидоръ съ участіемъ слѣдитъ за новопостриженными. Ты, не испытавшій доселѣ ига, писалъ онъ къ новопостриженному Лукѣ, подчинился тяжкому игу. Опасаюсь, чтобы не ослабѣлъ подъ ярмомъ плуга Господня и не явился подобнымъ оному, взявшемуся строить домъ, не разчитавъ напередъ своихъ силъ. Если хочешь быть истиннымъ монахомъ, не угождай своей воли и своему желанію, но подчини свой умъ тѣмъ, которые и жизнію и временемъ и трудомъ воздѣлали Божественный виноградъ: отъ нихъ ты легко научишься дѣланію. Ибо если житейскія искуства узнаются при помощи учителей: то не безраз-

(1) Lib. 1. ep. 63.
(2) Lib. 1. ep. 173.

судно ли за Божественное любомудріе, какъ за нѣчто легкое, браться самимъ (1)?

Петру, настоятелю одного монастыря, онъ давалъ такія правила, касательно новопостриженныхъ: новопостриженныхъ какъ съ одной стороны не должно чрезмѣрно обременять игомъ устава, дабы тотчасъ, въ самомъ началѣ, они не ослабѣли, такъ съ другой стороны не должно оставлять ихъ безъ упражненія и труда, дабы они не впали въ лѣность. Надобно постепенно содѣйствовать ихъ преуспѣянію (2). Для утвержденія въ жизни иноческой Исидоръ совѣтуетъ вспоминать объ обѣтахъ данныхъ при постриженіи, и постоянно бдѣть надъ собою, чтобы избѣгнуть козней діавольскихъ. Когда ты приступалъ къ горѣ высокой жизни, пишетъ онъ иноку Лампедію, и очистивъ одежду и чувства, пріуготовилъ сердце свое къ слушанію Божественнаго ученія: тогда ты рѣшился забыть все дольнее, дабы достигнуть высоты добродѣтелей. Исполни же, обѣты данные тобою Богу, и прилѣжно воздѣлывай виноградъ Его. Въ рукѣ Его мзда, которую каждый получитъ по мѣрѣ труда своего (3). Въ письмѣ Стратегію монаху, Исидоръ изъявляя радость о мужествѣ, съ какимъ онъ подвизается противъ діавола, пишетъ: врагъ безстыденъ и дерзокъ; враждебная злоба и хитрость его замѣняютъ для него всѣ оружія. Онъ нападаетъ во всякое время, не страшась того, что будетъ побѣжденъ, но всегда мечтая одержать побѣду. Хитрость врага многообразна. Когда онъ бываетъ побѣжденъ силою цѣломудрія, то старается уловить сребролюбіемъ. Если и при семъ нападеніи будетъ пораженъ, тогда вооружается навѣтами зависти. Когда же увидитъ разрушенными и эти ковы, тогда возжигаетъ брань между друзьями, врагъ ополчаетъ на человѣка

(1) Lib. 1. ep. 260
(2) Lib. 1. ep. 238.
(3) Lib. 1. ep. 13.

домочадцевъ его. Когда же и послѣ сего человѣкъ остается непобѣдимъ, тогда врагъ поселяетъ въ него лѣность. Если же побѣждаетъ лѣность, то врагъ внушаетъ ему памятозлобіе. Но для чего изчислять всѣ стрѣлы лукаваго? Не распространяясь болѣе объ нихъ, я скажу тебѣ одно увѣщаніе: мужайся и будь бдителенъ, потому что врагъ нападаетъ со всѣхъ сторонъ и направляетъ стрѣлы свои особенно въ тѣ мѣста, гдѣ раны болѣе опасны (1).

Такъ поучалъ Исидоръ клиръ и иночествующихъ, не оставляя безъ назиданія и мірянъ всякаго званія. Всѣмъ внушаетъ онъ любовь къ правдѣ, ревность по добродѣтели, благоговѣніе предъ Богомъ.

Время кончины преподобнаго Исидора съ точностію трудно опредѣлить, Евагрій пишетъ, что Исидоръ процвѣталъ въ царствованіе Ѳеодосія Младшаго (408—450) (2). Изъ писемъ Исидора видно, что онъ пользовался извѣстностію и при Аркадіѣ. Есть два его письма къ Руфину префекту преторіанскому (3) († 395 г.). Онъ живъ былъ, когда Кириллъ отправлялся на соборъ, созванный Ѳеодосіемъ въ 431 году, какъ видно изъ письма Исидора къ Кириллу (4). Изъ нѣкоторыхъ писемъ Исидора, повидимому, можно заключать, что онѣ направлены противъ монофизитской ереси, распространившейся при покровительствѣ Діоскора въ Египтѣ. Такъ Епископу Гермогену пишетъ Исидоръ: опять Египетъ подпадаетъ власти Фараоновъ; не на пришлыхъ сыновъ Іакова налагаетъ онъ трудъ построенія городовъ, но отъ всѣхъ сильныхъ требуетъ подати ересей, — смотрите, чтобы кто не обольстилъ васъ, но стойте, какъ твердое основаніе. Ибо вочеловѣчи-

---

(1) Lib 3, ep. 228.
(2) H. E. Lib. 1. c. 93.
(3) Lib. 1. ep. 176, 489.
(4) Lib. 1. ep. 310.

выйся Богъ не претерпѣлъ ни измѣненія, ни сліянія, ни раздѣленія, но есть единый безначальный и вѣчный Сынъ и прежде вочеловѣченія и послѣ вочеловѣченія, такъ отъ насъ поклоняемый (1). Въ письмѣ къ Константину осуждаетъ его такъ: ты неистово преслѣдуешь благочестиво чтущихъ Божество, уча какому-то сліянію и смѣшенію и измѣненію Слова Божія въ плоть или измѣняя Божественное естество въ плоть и кости, или отвергая истинность плоти (2). Въ письмѣ къ Тимофею чтецу Исидоръ пишетъ: остерегайся признавать во Христѣ послѣ воплощенія одно естество. Ибо признающій одно естество уничтожаетъ то и другое или измѣняя Божественное или уничтожая наше (3). Въ письмѣ Кириллу пишетъ: что Истинный и Богъ всяческихъ содѣлался воистинну человѣкомъ, не измѣнившись, чѣмъ былъ, и принялъ то, чѣмъ не былъ, въ двухъ естествахъ будучи единый Сынъ безначальный и безконечный, присносущный и вѣчный, не усумнись въ семъ (4). Къ діакону Ѳеодосію Исидоръ пишетъ: хотя Слово содѣлалось истинною плотію, но Христосъ не содѣлался простымъ человѣкомъ, но воплотившись пребываетъ Сыномъ Божіимъ въ обоихъ естествахъ (5). Очевидно, что всѣ эти мѣста могутъ быть употреблены для опроверженія ереси Евтихія, какъ и поступилъ Леонтій Византійскій въ своемъ сочиненіи противъ Несторія и Евтихія (6). Но едва ли можно заключать отсюда, что Исидоръ имѣлъ въ виду ересь Евтихія. И прежде Евтихія мнѣніе его встрѣчалось у нѣкоторыхъ писателей. Евтихій уже въ старости, именно въ 448 году, началъ проповѣдывать свое лжеученіе о единомъ

(1) Lib. 1. ep. 419.
(2) Lib. 1. ep. 498.
(3) Lib. 1. 192.
(4) Lib. 1. ep. 323.
(5) Lib. 1. ep. 405.
(6) Maxima Bibl. VV. PP. Tom. IX. p. 681—683.

естествѣ воплотившагося Бога Слова. Уже поэтому въ письмѣ къ Кириллу, который скончался въ 444 году, Исидоръ не могъ имѣть въ виду ереси Евтихія. Всѣ эти письма вѣроятно относятся къ тому времени, когда приверженцы Несторія распространяли свои клеветы противъ св. Кирилла, и говорили, что онъ проповѣдуетъ лжеученіе Аполлинарія. Жалоба Исидора въ письмѣ къ Гермогену на распространеніе ереси въ Египтѣ не можетъ относиться къ Евтихію; потому что Гермогенъ не дожилъ до Собора 449, на которомъ присутствовалъ уже преемникъ его Зенонъ Если въ письмѣ Исидора къ Гермогену видѣть указаніе на Діоскора, то Исидоръ недолго пережилъ своего друга. Въ письмѣ къ Зенону онъ успѣлъ воздать честь усопшему Епископу, восхваляя его добродѣтели и убѣждая послѣдовать примѣру своего предшественника (1). Но онъ не дожилъ до утвержденія въ Египтѣ лжеученія Евтихія послѣ Собора 449 г. Ибо ни въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ не обличаетъ нечестивыхъ опредѣленій епископовъ, благопріятствовавшихъ Евтихію. Такимъ образомъ милосердый Богъ избавилъ сего ревнителя чистоты вѣры и нравственности отъ скорби, какою должно бы терзаться его сердце при распространеніи ереси Евтихія, послѣ принятія Діоскоромъ его лжеученія на Соборѣ 449 г. Онъ смотрѣлъ на смерть какъ на сладкій покой — конецъ скорбей (2), тихое пристанище отъ бурь житейскихъ. Мнѣ приключилась болѣзнь, писалъ онъ однажды Квинціану, постепенно освобождающая меня отъ бурь и волненій. Но поелику Богъ опять попустилъ мнѣ оставаться среди волнъ, то помоги молитвами моему плаванію, чтобы не потерпѣть чего-либо противнаго тишинѣ (3). Онъ всегда желалъ лучше умереть, только бы не впасть въ грѣхъ, нежели совершивъ грѣхъ избѣгнуть

(1) Lib. 3. ep. 468.
(2) Lib. III. ep. 311.
(3) Lib. 1 ep. 224.

смерти (1). Онъ успокоился наконецъ въ Богѣ, перешедши въ лучшую жизнь. Враги православія хотѣли было нарушить его вѣчный покой. Северъ, послѣдователь Евтихія, находя въ писаніяхъ Исидора обличеніе своей ереси, думалъ обвинить его въ 513 году въ оригенизмѣ, но такъ чиста была память Исидора, что онъ долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія (2).

(1) Lib. IV. ep. 32.

(2) Phot. Bibl. cod. 232. Память Преподобнаго Исидора Пелусіота празднуется Церковію 4-го Февраля.

ПИСАНІЯ

СВЯТАГО ИСИДОРА ПЕЛУСІОТА.

Евагрій пишетъ объ Исидорѣ Пелусіотѣ, что онъ много писалъ весьма полезнаго (1). Но изъ писаній Исидора до насъ дошли только его письма, которыхъ въ полномъ собраніи его сочиненій считается 2012-ть (2). Такое же число

---

(1) Hist. Eccl. L. 1. c. 15.

(2) Полное собраніе писемъ Исидора состоитъ изъ пяти книгъ. Въ первой книгѣ содержится 500 писемъ, во второй 300, въ третьей 413, въ четвертой 230, въ пятой 569. Три извѣстны изданія полнаго собранія писемъ Исидора Пелусіота; Парижское 1638 г.; Римское 1670 г.; и Венеціанское 1745 г. Мы пользовались первымъ изданіемъ. Изъ помѣщенныхъ здѣсь писемъ Исидора нѣкоторыя раздѣлены на два; напр. Lib. IV. ep. 206 и 207 и Lib. 1. ep. 271 и 272. Нѣкоторыя приводятся по два раза; такъ Lib. V. ep. 239 и Lib. IV. ep. 56, одно и тоже письмо. Тоже должно сказать о письмахъ Lib. V. ep. 91. и Lib. IV. ep. 147; Lib. V. ep. 138 и Lib. IV. ep. 190; Lib. V. ep. 43. и Lib. IV. ep. 199. Lib. V. ep. 139. и Lib. IV. ep. 122; Lib. V. ep. 187. и Lib. IV. ep. 124; Lib. V. ep. 324, и Lib. 1. ep. 233. Lib. V. ep. 116. и Lib. II. ep. 162; Lib. V. ep. 24. и 367; Lib. V. ep. 374. и Lib. II. ep. 116; Lib. II. ep. 1. и 39. Lib. 1. ep. 29. и Lib. IV. ep. 188; Lib. 1. ep. 303. и ep. 271 и 272; Lib. IV. ep. 180 и Lib. II. ep. 185; Lib. 1. ep. 4. и Lib. IV. ep. 193. Lib. V. ep. 221. и Lib. III. ep. 203. Всѣ эти письма или буквально сходны между собою или не многимъ различаются. Посему число писемъ Исидора, дошедшихъ до насъ, сокращается до 1997.

писемъ Исидора упоминаетъ и современный ему писатель Иринеи Тирскій (1) и писатель VI вѣка Факундъ Епископъ Германскій (въ Африкѣ) (2). Свида пишетъ, что Исидоръ пресвитеръ Пелусіотъ, мужъ знаменитый, философъ и риторъ, написалъ 3000 писемъ, въ которыхъ объяснялъ Священное Писаніе, и нѣкоторыя другія сочиненія (3). Никифоръ Каллистъ пишетъ, что Исидоръ написалъ много исполненнаго всякой пользы, особенно письма полныя всякой благодати, числомъ 10000, въ которыхъ объясняетъ Священное Писаніе и дѣлаетъ всѣмъ назидательное наставленіе (4). Самъ Исидоръ упоминаетъ о книгѣ своей противъ Еллиновъ. Когда комитъ Германъ спрашивалъ его: почему бываетъ, что люди нечестивые и порочные бываютъ счастливы, а благочестивые подвергаются великимъ бѣдствіямъ?—Исидоръ отвѣчаетъ, что этотъ вопросъ онъ разрѣшилъ въ словѣ, написанномъ противъ Еллиновъ (5). Въ той же книгѣ, какъ видно изъ письма къ Гарпократу Софисту, онъ писалъ о прорицалищахъ языческихъ (6). Итакъ видно, что онъ написалъ книгу противъ язычниковъ. Въ письмѣ къ Гермину комиту онъ еще упоминаетъ о книгѣ своей противъ судьбы. «Поелику ты написалъ, пишетъ Исидоръ, что я недавно составилъ книжку о судьбѣ, которая отъ нѣкоторыхъ превозносится похвалами, и просишь

---

(1) Varia Patr. Epist. per. Christ. Lupum Jsprens. editæ Lovanii 1682. cap. VI. p. 22. «Has omnes beati Jsidori, presbyteri et abbatis Pelusiotæ excerpsi et transtuli ex epistolis ejus duobus millibus, quæ sunt per quingentinæ distributæ in Acœmetensis monasterii codicibus quatuor. Срав. Balusii Nova Collect. Consil. T. 1. p. 693.

(2) Isidorus presbyter Aegyptius Pelusiota, quem duo millia epistolarum ad edificationem Ecclesiæ multi scripsisse noverunt. Sirmond. op. Tom. II. p. 336.

(3) Svida sub voce Ἰσίδωρος.

(4) Hist. Eccl. Lib. XV. c. 53.

(5) Lib. II. ep. 137.

(6) Lib. II. ep. 228.

прислать ее, то я посылаю тебѣ (1). Изъ сихъ словъ видно, что это сочиненіе прежде было неизвѣстно Герминy, между тѣмъ о сочиненіи противъ язычниковъ онъ говоритъ, какъ объ извѣстномъ. Между письмами Исидора Пелусіота къ Герминy есть одно, въ которомъ онъ опровергаетъ бытіе судьбы (2). Принимая во вниманіе, что письмо свое къ Евлогію онъ называетъ λογίδιον (3), также какъ онъ называетъ и сочиненіе свое о судьбѣ, можемъ думать, что это и есть сочиненіе Исидора, котораго просилъ у него Герминъ (4).

Нѣтъ достаточныхъ основаній сомнѣваться въ подлинности писемъ Св. Исидора. Правда, въ большей части ихъ нѣтъ опредѣленнаго указанія на время ихъ написанія, на отношеніе ихъ къ вѣку Исидора, многія письма по содержанію своему сходны съ мыслями другихъ Отцевъ и потому представляются какъ бы извлеченіями изъ нихъ. Но всѣ письма представляютъ замѣчательное сходство по языку и по духу. Онѣ отличаются сжатостію слога и полнотою мысли, въ нихъ много остроты и живости, безъ изысканности. Исидоръ слѣдовалъ тому правилу, которое онъ изложилъ въ одномъ письмѣ: слогъ писемъ не долженъ быть чуждъ изящества, но безъ утонченности. Первое полезно, а второе не годится. Умѣренное украшеніе достаточно и для пользы и для пріятности (5). Обличительныя письма Исидора, кромѣ частыхъ указаній въ нихъ на

---

(1) Lib. III. ep. 253.

(2) Lib. III. ep. 154.

(3) Lib. IV. ep. 163.

(4) Упоминаемыя Евагріемъ сочиненія Исидора Пелусіота къ Кириллу безъ сомнѣнія означаютъ письма его. Гардтъ, въ своемъ каталогѣ рукописей Баварской библіотеки, указываетъ на неизданное сочиненіе Исидора *Ἰσιδώρου τὰ Πηλουσιώτου ἐρωτήσεις καὶ ἀποκρίσεις*. Но это вѣроятно извлеченія изъ писемъ Исидора.

(5) Lib. V. ep. 133. Фотій называетъ образцовыми письма Исидора, о которомъ онъ отзывается такъ: *ἡμετέρας αὐλῆς Μῶσα Ἰσίδωρος, ὃς ὥσπερ λόγων οὕτω δὲ καὶ ἱερατικῆς καὶ ἀσκητικῆς πολιτείας κανὼν ἐστι χρηματίζειν ἀξιόχρεως* Ep. 207· ad Ampiloch.

современность, доказывающихъ ихъ подлинность, всѣ сходны по тому смѣлому голосу истины, какимъ говорилъ, можно сказать, одинъ Исидоръ Пелусіотъ. Въ письмахъ догматическаго содержанія онъ вездѣ вѣренъ Символу Никейскому; въ письмахъ нравственнаго содержанія, онъ свои наставленія основываетъ на Св. Писаніи и всегда даетъ прямые убѣдительные совѣты. Письма Исидора до насъ дошли не въ первоначальномъ видѣ, что можно заключать уже изъ отсутствія привѣтствій въ началѣ и концѣ писемъ. То, что касалось частныхъ его отношеній къ извѣстнымъ лицамъ, могло быть исключено, а оставлены только мысли, назидательныя для каждаго читателя.

Въ своихъ письмахъ Исидоръ является 1) какъ защитникъ христіанской вѣры противъ Іудеевъ и язычниковъ; 2) какъ истолкователь Священнаго Писанія и 3) какъ учитель православной вѣры.

ЗАЩИЩЕНІЕ ХРИСТІАНСКОЙ ВѢРЫ.

Знакомство съ классическою литературою Греціи способствовало Исидору бороться съ язычниками при защищеніи Божественности христіанской вѣры: «Ты Еллинъ, писалъ Исидоръ къ схоластику Касію, и уважаешь писаніе Еллиновъ, и потому надобно состязаться съ тобою тѣмъ же оружіемъ» (1). И Исидоръ превосходно пользуется этимъ оружіемъ. Изъ нелѣпости и безнравственности миѳологическихъ сказаній Исидоръ выводитъ прямое заключеніе, что боги язычниковъ не стоютъ никакого почтенія (2). Онъ разсказываетъ, къ какимъ обманамъ прибѣгаютъ язычники, чтобы придать видъ высшаго про-

(1) Lib. II. ep. 146.
(2) Lib. II. ep. 92. Lib. IV. ep. 194.

исхожденія своимъ идоламъ. Такъ одинъ изъ Птоломеевъ, купивъ у художника статую Діаны, сталъ увѣрять, что она сошла съ неба, а дабы сдѣлавшій ее, не обличилъ его во лжи, коварно погубилъ его. Злодѣяніе это сдѣлалось всѣмъ извѣстно (1). Самыя книги язычниковъ, разсуждающія о религіи, содержатъ басни, достойныя презрѣнія. Между тѣмъ Священное Писаніе исполнено истинъ высокихъ, внушающихъ глубокое уваженіе, такъ что стоитъ только сравнить священныя книги христіанъ съ книгами язычниковъ, дабы убѣдиться, что вѣра Христіанская есть истинная (2).

Доказывая язычнику Проэхію безсмертіе души, Исидоръ, въ опроверженіе приводимаго имъ мнѣнія Галена, приводитъ мнѣнія Пиѳагора, Платона, Гомера, Еврипида (3). Касія схоластика онъ опровергаетъ словами Исократа, Аристида, Епаминонда, Кратеса, Фокіона, Платона и другихъ знаменитыхъ язычниковъ (4).

Допуская, что у языческихъ мудрецовъ есть много добраго и потому признавая полезнымъ знать языческую мудрость (5), Исидоръ впрочемъ показываетъ нетвердость ихъ въ рѣшеніи самыхъ существенныхъ вопросовъ нравственности: языческіе мудрецы, пишетъ онъ, хотѣли рѣшить, что̀ такое справедливое, что̀ приличное, что̀ законное и что̀ честное? Но длинными противорѣчащими сужденіями своими водятъ какъ бы въ лабиринтѣ читателей своихъ, и оставляютъ ихъ еще въ большихъ недоумѣніяхъ (6). Сколько ученнѣйшій Платонъ написалъ разговоровъ, стараясь объяснить, что такое справедливость? Однакоже не только не убѣдилъ никого, но даже самъ,

---

(1) Lib. IV. ep. 207.
(2) Lib. 1. ep. 54.
(3) Lib. IV. ep. 125.
(4) Lib. II. ep. 146.
(5) Lib II. ep. 3. Lib. III. ep. 37.
(6) Lib. IV. ep. 127. Lib. V. ep. 28.

лишенный свободы, кончилъ жизнь. Сколько написалъ Аристотель противъ Платона, обращая въ шутку мысли его? Но и самъ не принесъ пользы, а только увеличилъ словопрѣніе. Какъ много писали Стоики, опровергая Аристотеля, но и ихъ ученіе пало. Пусть считающіеся мудрыми сравнятъ со всѣмъ этимъ ясность Божественныхъ словесъ, и да перестанутъ пустословить, и да примутъ ученіе Божественное, имѣющее цѣлію не удовлетвореніе тщеславію, но пользу слушателей (1).

Противъ язычниковъ, отвергавшихъ христіанскую вѣру, потому что Іисусъ Христосъ предлагалъ новый образъ жизни и вѣроученія, Исидоръ говорилъ, что не уча новому никто не можетъ измѣнить худыхъ, застарѣлыхъ обычаевъ, и новость полезная не можетъ быть осуждаема (2). Противъ тѣхъ, которые отвергали Божественность ученія Апостоловъ по причинѣ простоты ихъ рѣчи, Исидоръ указываетъ на сужденіе Сократа, приводимое Платономъ, что украшенная рѣчь недостойна философа, и на слова Гомера, который говоритъ, что учителямъ Божественныхъ вещей нѣтъ нужды знать человѣческую мудрость (3).

Исидоръ пользуется и историческими доказательствами Божественности христіанскаго ученія. Греческая религія, защищаемая учеными, давно существующая, поддерживаемая силою и оружіемъ, болѣе и болѣе упадаетъ; а вѣра христіанская, проповѣдуемая простыми и бѣдными людьми, въ короткое время распространилась и покорила себѣ многихъ язычниковъ. Причина та, что ученіе Апостоловъ состоитъ изъ небесныхъ истинъ, а религія языческая сцѣплена изъ ложныхъ басенъ (4). Поэтому не себя ли осмѣиваютъ тѣ, которые дерзаютъ смѣ-

---

(1) Lib. IV. ep. 91.
(2) Lib. II. ep. 46.
(3) Lib. IV. ep. 30.
(4) Lib. I. ep. 270.

ственность, слѣпоту и непостоянство? Кто же, пренебрегши всеуправляющую Десницу, ввѣритъ себя слѣпому, непостоянному и безумному вымыслу? Но говорятъ: отъ чего же нѣкоторые обогащаются нечаянно? Отъ чего нѣкоторые наказываются неправедно? Я спрошу: отъ чего одни обогащаются законно, а другіе наказываются праведно? А нечестивые, хотя бы въ сей жизни избѣгли наказанія, въ будущей непремѣнно получатъ оное. Промыслъ знаетъ причину всего случающагося съ нами и каждому раздѣляетъ дары свои такъ, чтобы и богатый могъ испытывать волю свою, и бѣдный, какъ злато въ горнилѣ искушенный бѣдностію, удостоился вѣнца (1).

Въ борьбѣ съ Іудеями Исидоръ пользуется не только книгами Ветхаго Завѣта, изъ котораго онъ объясняетъ пророчества, относящіяся къ Іисусу Христу, но и сочиненіями самихъ Іудеевъ. — Іосифа Флавія и Филона. Изъ сочиненій перваго приводитъ онъ свидѣтельство объ Іисусѣ Христѣ, а у втораго находитъ ученіе о Словѣ. Примѣромъ ихъ онъ также доказываетъ справедливость прообразовательнаго истолкованія Ветхозавѣтнаго Писанія (2).

Для примѣра приведемъ, какъ Исидоръ опровергаетъ Іудея, утверждавшаго, что пророчество Моисея: *Пророка отъ братіи твоея, якоже мене, возставитъ тебѣ Господь Богъ твой* (Втор. 18, 15), относится къ Іисусу Навину. 1) Моисей, будучи объятъ Духомъ Святымъ, изрекъ сіи слова уже послѣ избранія Іисуса Навина. 2) Если бы сынъ Навиновъ превзошелъ Моисея, то мнѣніе сіе было бы нѣсколько вѣроятнѣе. Но поелику онъ былъ гораздо ниже Моисея, то и мнѣніе сіе не имѣетъ силы. 3) Іисусъ Навинъ ничего не прибавилъ къ закону, но самъ поступалъ по его велѣнію. 4) Еслибы къ нему относилось упомянутое пророчество, то надлежало бы

(1) Lib. III. ep. 154.
(2) Lib. IV. ep. 225. Lib. II. ep. 111. Lib. III. ep. 19,

сказать, не возвигнетъ, но воздвигнулъ, и далѣе надлежало бы сказать: будетъ всяка душа, яже аще не послушаетъ пророка сего, а здѣсь сказано: того. Въ подтвержденіе своего объясненія Исидоръ указываетъ на вѣрованіе Іудеевъ, что подъ Пророкомъ, о которомъ предсказывалъ Моусей, разумѣется Мессія. «Почему Іудеи посылали къ Іоанну, родившемуся спустя нѣсколько вѣковъ, спросить: Пророкъ ли онъ? и почему Іоаннъ отвѣчалъ: нѣсмь? Потому, что хотя онъ и былъ Пророкъ, но не тотъ, коего посланные разумѣли. Почему, когда Спаситель пришелъ на землю, свидѣтели чудесъ Его говорили: *сей есть воистинну пророкъ, грядый въ міръ* (Іоан. 6, 14.). Пусть Іудей внимательно разсмотритъ, сколько обстоятельствъ противорѣчатъ его мнѣнію, и пусть лучше поклонится истинному провидцу и Царю» (1).

Іудеямъ, клумившимся надъ безмужнымъ рожденіемъ Спасителя, Исидоръ объяснялъ оное сотвореніемъ перваго человѣка и первой жены (2). Іудеи, на основаніи словъ Евангелиста Матѳея: *и не знаяше ея, дондеже роди сына своего первенца* (гл. 1, ст. 25.), утверждали, что Іосифъ послѣ рожденія Іисуса имѣлъ дѣтей отъ Маріи; посему Исидоръ писалъ противъ нихъ: да знаетъ нечестивый народъ, что въ Священномъ Писаніи слово: *дондеже*, часто употребляется для означенія постояннаго продолженія времени, напр. *дондеже положу враги Твоя подножіе ногъ Твоихъ* (Пс. 109.), и *не возвратися* (вранъ) *дондеже изсше земля* (Быт. 8, 7.); *дондеже состарѣтеся, Азъ есмь, глаголетъ Господь* (Ис. 46, 4.). Послѣ рожденія Іисуса, отъ нарушенія дѣвства Маріи предостерегали Іосифа видѣніе Ангела, который сказалъ, что заимствовавшій плоть во утробѣ Дѣвы родился отъ Духа Святаго, величіе и множество чудесъ, сопровождавшихъ

(1) Lib. III. ep. 34.
(2) Lib. I. ep. 141.

яться надъ христіанствомъ? Уничижая крестъ, они сами подвергаютъ себя осмѣянію, потому что побѣждены крестомъ. Упрекая въ неучености Апостоловъ, они полагаютъ упрекъ на мудрѣйшихъ изъ своихъ собратій, которые низложены неучеными мужами. Глумясь надъ достопокланяемымъ гробомъ Спасителя, они тѣмъ яснѣе дѣлаютъ смѣшными свои храмы, которые уступили мѣсто осмѣянному гробу. Пренебрегая Евангеліе, унижаютъ все, что у нихъ почиталось важнымъ; поелику все это покорилось тому, что они почитали неважнымъ (1).

Защищая ученіе христіанское о Божественномъ Промыслѣ, Исидоръ показываетъ, къ какимъ нелѣпостямъ приводитъ язычниковъ вѣрованіе въ судьбу. Вѣрующіе въ судьбу одними своими предположеніями изощряютъ языкъ свой противъ Божественнаго Промысла, и бросаютъ стрѣлы въ самое небо, другими—изгоняютъ все, что на землѣ есть хорошаго: философію, медицину и всѣ науки и искуства, упражненіе въ добродѣтели и обузданіе порока. Ибо если судьба, при самомъ рожденіи опредѣленная отъ тѣхъ, коимъ они преступно воздаютъ Божескія почести (они-самыя звѣзды почитаютъ за боговъ), если, говорю, судьба управляетъ состояніемъ человѣка, то не нужны ни философія, ни законодательство, ни судопроизводство, не нужно лечить больныхъ, ни стараться о наукѣ и художествѣ, ни размышлять, ни упражняться въ добродѣтели, ни удаляться порока. Все сіе ниспровергается мнѣніемъ о судьбѣ. Снесетъ ли это кто-нибудь, если не совсѣмъ еще лишенъ ума и благоразумія? Кто прельстится сею мечтою и ввѣритъ свою участь такъ называемому случаю, — случаю, коего суетность желая открыть писатели и живописцы, не довольствовались представить его въ образѣ женщины, но дали еще ему кормило въ руки, подложили подъ ноги шаръ, и выкололи глаза, дабы чрезъ это доказать его безуміе, безчув-

(1) Lib. IV. ep. 76. 27.

рожденіе, и дѣвство послѣ рожденія, и пѣніе Ангеловъ, и дары волхвовъ, и путеводная звѣзда, и изведеніе въ Египетъ, и низверженіе идоловъ, и праведность обрученныхъ, засвидѣтельствованная Священнымъ Писаніемъ. Подтверждаетъ это и послѣднее завѣщаніе Господа, вручающаго Богоматерь дѣвственнику Іоанну и соединяющаго дѣвство обоихъ, когда Онъ на крестѣ благоволилъ принять животворящую смерть (1).

Исидоръ, какъ толкователь священнаго писанія.

Большая часть писемъ Исидора состоитъ въ истолкованіи различныхъ мѣстъ Священнаго Писанія и почти изъ каждой канонической книги Ветхаго и Новаго Завѣта онъ объяснилъ по нѣскольку изреченій (2). Вообще въ его изъясненіяхъ видно сходство съ толкованіемъ Святаго Златоуста, съ тѣмъ только различіемъ, что Исидоръ короче излагаетъ свою мысль. Во многихъ мѣстахъ онъ прямо руководствовался Св. Златоустымъ. Толкованія Исидора были весьма уважаемы: многіе даже изъ епископовъ просили у него изъясненія трудныхъ мѣстъ Св. Писанія; въ числѣ сихъ епископовъ мы находимъ имя Григорія (съ вѣроятностію нужно полагать) Нисскаго (3).

Прежде нежели изложимъ наставленія, руководствующія къ истолкованію Священія Писанія и примѣры его толкованій, представимъ его мысли о Священномъ Писаніи.

Съ древними людьми, пишетъ Исидоръ, Богъ бесѣдовалъ

---

(1) Lib. I. ep. 18.

(2) Изъ каноническихъ книгъ Ветхаго Завѣта не встрѣчается въ письмахъ Исидора мѣстъ изъ книги Руѳь, Пророковъ Наума и Софоніи. Изъ книгъ Новаго Завѣта не встрѣчается указаній на посланіе Ап. Павла къ Филимону и на три посланія Іоанна Богослова.

(3) Lib. I. ep. 123. Изъ письма къ Григорію Епископу видно, что Григорій жилъ въ странѣ отдаленной отъ обители Исидора и пользовался великою славою.

не чрезъ письмена, но Самъ непосредственно, находя ихъ умъ чистымъ и достойнымъ наученія безъ посредника. Это видно изъ того, что Онъ безъ письменъ бесѣдовалъ съ Ноемъ, Авраамомъ и лучшими изъ потомковъ ихъ, равно какъ и съ славнымъ Іовомъ. Когда коварный народъ Іудейскій ниспалъ въ самую глубину нечестія, тогда стали необходимы письмена и наученіе посредствомъ ихъ. Тоже, что было во времена Ветхаго Завѣта еще яснѣе открылось въ Новомъ. Ибо Божественнымъ Апостоламъ не было дано ничего написаннаго, но вмѣсто письменъ имъ обѣщана благодать Святаго Духа. *Той*, сказалъ Спаситель, *воспомянетъ вамъ вся* (Іоан. 14, 21.). Если ты думаешь, что писанные законы важнѣе неписанныхъ, послушай, что говоритъ самъ царь: *и завѣщаю съ ними завѣтъ новъ, дамъ законы моя въ мысли ихъ, и на сердцахъ ихъ, напишу ихъ* (Іер. 31, 31 — 34.), *и будутъ вси научени Богомъ* (Исаіи 54, 13.). Посему и Павелъ, утверждающій, что мы посредствомъ вѣры пріобрѣли болѣе, нежели сколько открылъ Моисей, сказалъ, что мы получили законъ не на скрижаляхъ каменныхъ написанный, но изображенный на скрижаляхъ сердца плотяныхъ (2 Кор. 3, 3.). Но когда съ теченіемъ времени одни стали погрѣшать въ догматахъ вѣры, другіе въ жизни, опять нужно было наученіе чрезъ письмена. Ибо когда нарушены бываютъ неписанные законы, желающій привести подчиненнаго къ добродѣтели издаетъ писанные законы (1). Если будешь внимательно читать Ветхій Завѣтъ, то откроешь, что въ немъ предсказано все, содержащееся въ Новомъ Завѣтѣ. Посему находящимся подъ закономъ и почитающимъ ученіе Евангелія для нихъ чуждымъ, Спаситель самыми словами закона показываетъ истину догматовъ благодати, дабы такимъ образомъ они увидѣли неразрушимое согласіе обоихъ завѣ.

---

(1) Lib. III. ep. 106.

товъ (1). Исидоръ говоритъ, что Самъ Господь для того, чтобы показать согласіе обоихъ завѣтовъ, и что Онъ Самъ далъ законъ, повелѣлъ изцѣленному Имъ прокаженному идти въ храмъ и принести даръ (2). Поэтому Исидоръ обличаетъ Маркіона въ крайнемъ повреждении Священнаго Писанія, когда онъ слова: *не пріидохъ разорити законъ, но исполнити*, объясняетъ такъ: неужели вы думаете, что я пришелъ на землю исполнить законъ и пророковъ? Я пришелъ, чтобы разорить ихъ, а не исполнить (3). По сей же причинѣ Исидоръ часто повторяетъ, что въ томъ и другомъ Завѣтѣ проповѣдуется одинъ Богъ, что одинъ и тотъ же Законодатель обоихъ Завѣтовъ (4), хотя есть большое различіе между обоими Завѣтами, и Новый превосходнѣе Ветхаго (5).

Законъ данъ былъ людямъ младенчествующимъ (6) и жестоковыйнымъ (7), и Законодатель по Своей мудрости снисходилъ ихъ немощи (8). Законы Ветхозавѣтные даны были для того, чтобы умы людей приготовить къ высшимъ заповѣдямъ. Спасителя и Апостоловъ (9). Такъ Моусей опредѣлилъ наказывать только тѣхъ, которые совершили грѣхъ, а Іисусъ Христосъ запрещаетъ самую наклонность ко грѣху и вождѣленіе его (10). Моусей даетъ правила для дѣйствій, а Іисусъ Христосъ и для мысли (11). Законъ Евангельскій превосходнѣе и потому, что догматы, которые Моусей въ образахъ и

(1) Lib. 1. ep. 107. 438.
(2) Lib. 1. ep. 146.
(3) Lib. 1. ep. 374.
(4) Lib. 1. ep. 146. Lib. II. ep. 133.
(5) Lib. 1. ep. 494. Lib. III. ep. 53.
(6) Lib. 1. ep. 445. Lib. IV. ep. 11.
(7) Lib. 4. ep. 203.
(8) Lib. II. ep. 133.
(9) Lib. IV. ep. 133.
(10) Lib. 1. ep. 438.
(11) Lib. II. ep. 243. Lib. III. ep. 251. Lib. IV. ep. 209.

символахъ темно предалъ, ясно изложены и возвѣщены въ Евангеліи (1). Наконецъ законъ Моисеевъ данъ однимъ Іудеямъ, а ученіе Спасителя и Апостоловъ возвѣщено всему міру (2). При появленіи свѣта изчезаетъ утренній сумракъ, при восходѣ свѣтозарнаго солнца скрываются сонмы звѣздъ, съ наступленіемъ яснаго дня изчезаетъ тѣнь зарп. Когда возсіяла премудрость Евангельская, тогда сдѣлалось ненужнымъ руководство закона. Такъ нѣмымъ сдѣлался Захарія, когда услышалъ благовѣстіе новаго и чуднаго привѣтствія (3).

Все, написанное въ Священномъ Писаніи— семъ небеснымъ ученіи, для нашего наученія написано (4). Оно внушаетъ прямую, ясную, твердую и непоколебимую вѣру въ Бога (5). Оно есть правило истины (6). Ученіе, которое предалъ Іисусъ Христосъ людямъ, и которое Апостолы словомъ и письменами сообщили многимъ, есть лѣствица, возводящая насъ къ Богу (7). Если мы слѣдуемъ ему, изощряется легкость и быстрота души нашей (8). Оно доставляетъ намъ въ скорби сладкую вѣру, въ несчастіи надежду, въ печали утѣшеніе (9). Посему для грѣшника лучшее врачество денно и нощно упражняться въ Священномъ Писаніи. Оно есть духовное зеркало, которое не только показываетъ наши безобразія, но если мы захотимъ, измѣняетъ оное въ красоту (10). Оно доставляетъ врачество противъ грѣховъ всякаго рода (11); при его по-

(1) Lib. 1. ep. 401. 494. Lib. IV. ep. 157.
(2) Lib. III. ep. 53.
(3) Lib. 1. ep. 257.
(4) Lib. 1. ep. 126. Lib. 1. ep. 467.
(5) Lib. II. ep. 299.
(6) Lib. IV. ep. 114.
(7) Lib. 1. ep. 360.
(8) Lib. II. ep. 106.
(9) Lib. II ep. 299.
(10) Lib. II. ep. 135.
(11) Lib. V. ep. 376.

мощи познается и сила болѣзни и способъ врачеванія (1). Священное Писаніе есть напутствіе ко спасенію.

Божественное достоинство и душеспасительная польза Свящ. Писанія требуютъ отъ приступающаго къ изъясненію его особеннаго приготовленія. «Приступающій къ изъясненію Свящ. Писанія, пишетъ Исидоръ, долженъ приготовиться къ сему, очистивъ сердце свое и изгнавъ изъ себя страсти и пороки (2). Умъ нечистый не можетъ изъ Священнаго Писанія получить что-либо себѣ на пользу (3). Надобно съ осмотрительностію изслѣдовать смыслъ онаго и не касаться дерзновенно непостижимыхъ тайнъ (4). Что въ Священномъ Писаніи есть мѣста неудобопонятныя, это есть устроеніе мудрости и попеченія Божія. Ибо если бы все было ясно, то въ чемъ могли бы мы обнаружить свою мудрость, когда бы не нужно было никакого изслѣдованія, и если бы все было темно, то какъ бы стали понимать оное? Яснымъ объясняется темное, а когда нѣкоторыя мѣста встрѣчаются темныя, то это смиряетъ гордость ума человѣческаго (5). Читая Священное Писаніе не должно ограничиваться только уразумѣніемъ смысла, но несомнѣнно и на дѣлѣ исполнять заповѣди его (6). Желающій изъяснять Священное Писаніе долженъ имѣть языкъ простой и степенный, благоговѣніе въ душѣ и слѣдовать за писаніемъ своимъ умомъ, а не приспособлять оное къ своей мысли. Ибо неправильно толкующій Священное Писаніе подвергаетъ опасности спасеніе своей души (7). Отдѣльныя слова должно изъяснять по связи мыслей (8). Для избѣжанія суемудраго

---

(1) Lib. V. ep 237.
(2) Lib. IV. ep. 133.
(3) Lib. 1. ep. 304.
(4) Lib. 1. ep. 24.
(5) Lib. IV. ep. 82.
(6) Dib. IV. ep. 33.
(7) Lib. III. ep. 292.
(8) Lib III. ep. 136.

толкованія и предохраненія себя отъ гибельныхъ заблужденій и ересей, Исидоръ совѣтуетъ руководствоваться указаніями святыхъ мужей и слѣдовать символу вѣры, изложенному на Никейскомъ соборѣ; ибо сей соборъ по внушенію Божію изрекъ истинные догматы (1). Такимъ образомъ Исидоръ совокупность истинъ вѣры, возвѣщаемыхъ Церковію, признаетъ за одно изъ главныхъ руководственныхъ началъ при объясненіи Священнаго Писанія.

По мнѣнію Исидора, не правы тѣ, которые въ Ветхомъ Завѣтѣ относятъ къ Іисусу Христу мѣста, не имѣющія къ Нему приложенія. Ибо они симъ самымъ усиливаютъ язычниковъ и не принимающихъ Ветхаго Завѣта еретиковъ въ борьбѣ съ нами. Принужденно прилагая къ Нему то, что не о Немъ сказано, они подрываютъ довѣріе къ тому, что прямо къ Нему относится. По моему мнѣнію нужно было и не все сказать, и не совершенно умолчать о Немъ. Ибо полезно было и не все сказать о Христѣ для тѣхъ людей, которые о Богѣ Отцѣ сомнѣвались и говорили: *сотвори намъ боги;* и не все умолчать о Немъ нужно было для обличенія невѣровавшихъ Іудеевъ и укрѣпленія надежды тѣхъ, которые имѣли увѣровать (2). Въ письмѣ къ Тимоѳею чтецу Исидоръ подробнѣе разкрываетъ эту мысль. « Божественная и вѣчная сила, восхотѣвъ заключить въ древнѣйшихъ письменахъ предсказанія о будущихъ событіяхъ, совершила сіе дѣло такъ премудро, что оно выше всякаго описанія и хвалы. Ибо если происходило когда-либо такое событіе, которое могло служить образомъ будущихъ благъ, то благодать иное изобразила въ немъ слабыми очерками, а иное яркими красками такъ, что живописала свѣтлый образъ. Отсюда истекли двѣ величайшія выгоды: пер-

(1) Lib. IV. ep. 99 и Lib. 1. ep. 51.
(2) Lib. II. ep. 195.

вая та, что древніе, находя въ священныхъ сказаніяхъ много полезнаго для себя, не почитали оныя странными; другая та, что потомки познаютъ изъ оныхъ непреложность пророчествъ. Истолкователи прообразованій, если видятъ, что безъ принужденія можно изъяснить всѣ части оныхъ, должны дѣлать это съ раченіемъ, а если видятъ невозможность, не должны усильно усвоять таинственный смыслъ тѣмъ мѣстамъ, которыя не допускаютъ онаго, дабы такимъ образомъ не подвергнуться упреку въ искаженіи и тѣхъ мѣстъ Священнаго Писанія, которыя требуютъ таинственнаго объясненія, дабы не причинить соблазна Іудеямъ, Еллинамъ и еретикамъ и не отнести ко Христу чего-либо несообразнаго съ Его достоинствомъ. Если же что сказано примѣнительно къ современнымъ обстоятельствамъ, то надлежитъ прямо указывать сію цѣль сказаній и не вдаваться въ принужденныя и неприличныя изъясненія (1). Чтобы объяснить лучше свою мысль примѣромъ Исидоръ указываетъ на 71-й Псаломъ. Сей Псаломъ написанъ о Соломонѣ. Нѣкоторые стихи его относятся къ Соломону, но часть изъ нихъ и важнѣйшая къ Іисусу Христу. По первому смыслу, повидимому, воспѣвается Соломонъ, но глубочайшій и внутреннѣйшій смыслъ указываетъ истиннаго Примирителя, Который былъ великимъ Утѣшеніемъ для тогдашнихъ людей и еще большимъ для будущихъ. Ибо слова: *и пребудетъ съ солнцемъ* (имя Его) и *прежде луны рода родовъ* (ст. 5.) и все прочее, приличное Божеству, какъ высшее не только человѣка, но и всякой небесной силы, воспѣвается о Христѣ. Слова же: и *помолятся о немъ выну* (ст. 15.) сказаны о Соломонѣ. Мы не должны принужденно истолковывать пророчества, ни впадать въ странныя объясненія для введенія единообразнаго смысла въ пророческія мѣста, но съ разсужденіемъ уразумѣвать и то, что сказано исторически, и принимать предсказан-

(1) Lib. II. ep. 63.

ное по созерцанію, а сказаннаго въ историческомъ смыслѣ не относить къ духовному, но давать смыслъ сообразный тому и другому способу рѣчи. Если же найдется какое-нибудь пророчество содержащее и безъ принужденія указывающее на духовный смыслъ, можно пользоваться тѣмъ и другимъ смысломъ (1).

О книгѣ Бытія Исидоръ замѣчаетъ, что Моусей хотѣлъ предложить въ ней не исторію только занимательную для души, но послику намѣревался дать законъ, то прежде указываетъ Творца и Судію всяческихъ, дабы люди не воздали Божеской почести вещамъ сотвореннымъ. Потомъ, показавъ награды для благочестивыхъ и наказанія для грѣшныхъ, переходитъ къ закону, чтобы на основаніи того, что случилось, повѣрили и тому, что будетъ, и увѣровавъ, склонились къ благочестію и правдѣ (2).

Изъ мѣстъ книги Бытія, изъясненныхъ Исидоромъ, болѣе примѣчательно объясненіе на слова: *сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію* (гл. 1, ст. 26.). Исидоръ жилъ въ то время, какъ заблужденіе антропоморфистовъ въ Египтѣ было въ силѣ, и самъ Исидоръ, объясняя эти слова, говоритъ, что вопросъ объ нихъ весьма часто слышится.

Справедливѣе поступаютъ тѣ, пишетъ Исидоръ, которые изображаютъ Бога, снимая черты съ лучшей части человѣка, то есть, съ души разумной. Ибо представляющіе себѣ Божество въ тѣлесномъ только образѣ, крайне безумны. Они увлекаются тѣмъ, что сказано въ переносномъ смыслѣ и не способны возноситься мыслію къ тому, что сообразнѣе съ Божествомъ. Какъ можно было бы сказать: *въ кровѣ крилу твоею покрыеши мя* (Пс. 16, 8.), и седмь очесъ Господнихъ, призирающихъ на землю (Зах. 4, 10), когда человѣкъ

---

(1) Lib. IV. ep. 203.
(2) Lib. IV. ep. 176.

не имѣетъ ни крыльевъ, ни очесъ? Для чего Апостолъ Павелъ сказалъ, что Божество не подобно даже *смышленію человѣчу* (Дѣян. 17, 29.)? Что значатъ слова Исаіи: *кому уподобите Господа* (40, 18)? Для чего наконецъ Моисей сказалъ: и *спабдите души своя зѣло, яко не видѣсте всякаго подобія въ день, въ онь же глагола Господь къ вамъ* (Втор. 4, 15)? Человѣкъ-образъ начальствованія и господствованія, а не сущности; а когда дѣлаетъ правду, то и добродѣтели. Хотя мы почитаемъ разумную душу также безсмертною, но она не единосущна сей Божественной и безначальной природѣ; напротивъ столько различествуетъ отъ нея, сколько тварь должна быть отлична отъ Творца. Слово: *по подобію* (если кому не покажется однозначущимъ съ предъидущимъ: *по образу*) должно изъяснить такимъ образомъ: Богъ для того вручилъ власть человѣку, что бы онъ показалъ добродѣтель и чрезъ то снискалъ подобіе. Первое зависѣло отъ творенія, а послѣднее отъ произволенія существа сотвореннаго. По сей-то, можетъ быть, причинѣ сказано: *сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію*, а послѣ, и *сотвори Богъ человѣка, по образу Божію сотвори его* (Быт. 1, 27) но не прибавлено: *по подобію*. Какъ бы такъ-было сказано: сотворимъ человѣка по образу нашему, дабы онъ собственнымъ произволеніемъ достигалъ подобія. И Единородный Сынъ Божій, пришедши къ намъ говорилъ: будьте подобны Отцу вашему небесному, какъ бы желая показать тѣмъ, что человѣкъ по сотворенію сдѣлался образомъ Божіимъ, а подобіемъ можетъ сдѣлаться только по произволенію (1).

Исидора спрашивали: въ какомъ порядкѣ читать три книги Соломона? Онъ отвѣчалъ: надобно знать, что одна изъ нихъ учитъ добродѣтели нравственной, другая показываетъ, какъ суетенъ трудъ тѣхъ, которые привязываются къ земнымъ вещамъ, третія говоритъ о душѣ, научившейся Божественной

(1) Lib. III. ep. 93.

любви. Посему сначала должна быть читана книга Притчей, потомъ Екклесіастъ, и послѣ Пѣснь Пѣсней. Кто очистилъ нравственное чувство изученіемъ Притчей, за того можно не опасаться, чтобы, перешедши къ Пѣсни Пѣсней, сталъ мечтать о плотской и чувственной любви; напротивъ онъ воскрилится любовью къ чистому и Божественному Жениху, называющему блаженными любящихъ. Посему я увѣщаваю и учу юношей, чтобы они не прежде касались третьей книги, какъ изучивъ первыя двѣ (1).

Представимъ нѣсколько мѣстъ Писанія, объясненныхъ Исидоромъ, чтобы яснѣе видѣть способъ толкованія, имъ усвоенный.

Ис. гл. 6, ст. 9 и 10. Перемѣна лицъ ясно показываетъ смыслъ сказаннаго. Ибо если бы слова сіи должно было относить къ народу Израильскому, то сказано было бы такъ: иди, скажи народу сему: слухомъ будете слушать, и не уразумѣете, глазами будете смотрѣть, и не узрите: ибо огрубѣло сердце ваше и ушима тяжко слышите и глаза свои закрыли, да некогда увидите глазами, и ушами услышите, и сердцемъ уразумѣете, и обратитеся и исцѣлю васъ. Поелику же сказано не такимъ образомъ, но перемѣняются три лица, именно отъ кого, къ кому и о комъ рѣчь идетъ; то сила изреченія требуетъ такой мысли: иди, скажи народу сему: слухомъ будете слушать и не уразумѣете, глазами будете смотрѣть, и не узнаете. Потомъ Пророку, когда онъ какъ бы испытывалъ причину сего, показана была оная причина въ словахъ: *одебѣлѣ бо сердце людей сихъ и ушима тяжко слышатъ, и очи свои смѣжиша.* А ежели они сами противятся своему спасенію,—какъ бы такъ сказалъ Пророкъ,—для чего же Ты посылаешь меня проповѣдывать имъ? Можетъ быть, такъ отвѣчаетъ ему Богъ (ибо частица *μήποτε*, да некогда, такое здѣсь имѣетъ значеніе), можетъ быть, они узрятъ очима, и ушима услышатъ, и обратятся, и исцѣлю ихъ. То есть, частица да некогда (*μήποτε*) выражаетъ здѣсь не лишеніе

(1) Lib. IV. ep. 40.

слуха, но надежду покорности. А что она употребляется и въ такомъ значеніи, въ удостовѣреніе послушай Іудеевъ, что они говорятъ о Спасителѣ. *Не сей ли есть, егоже* (Фарисеи) *ищутъ убити? И се не обинуяся глаголетъ и ничесоже Ему глаголютъ. Еда како* (μήποτε) *уразумѣша князи, яко сей есть Христосъ* (Іоан. 7, 25. 26.)? Ученые, въ числѣ коихъ считается и Филонъ, часто также употребляютъ μήποτε вмѣсто ἴσως—можетъ быть, или вмѣсто ἔσθοτε, нѣкогда. Если же сверхъ сего ты хочешь имѣть свидѣтельство отъ лица Богодухновеннаго, послушай Апостола Павла, который пишетъ: *рабу Господню не подобаетъ сваритися, но тиху быти ко всѣмъ, учительну, незлобиву, съ кротостію наказующу противныя: еда како дастъ имъ Богъ покаяніе въ разумъ истины* (2 Тим. 2, 24. 25.). И здѣсь частица μήποτε употреблена вмѣсто ἔσθοτε, нѣкогда, или ἴσως, можетъ быть; ибо выражаетъ надежду покаянія, а не отриновеніе. И въ другомъ мѣстѣ написано: *обличи друга, егда еще* (μήποτε) *не сотворилъ* (Іис. Сир. 19, 13.). Если такимъ же образомъ будемъ понимать пророческое мѣсто: то и Богу, Который предсказалъ Свои дѣйствія, будетъ приписано то, что свойственно Его природѣ. Ибо Онъ, безъ сомнѣнія, хощетъ, чтобы спаслись погрязшіе въ беззаконіи и потому посылаетъ къ нимъ такихъ людей, которые могли бы уврачевать ихъ. Пусть они не оставятъ своего безумія, но что съ Его стороны нужно было сдѣлать, то сдѣлано. Посему и Богу сохранится приличное, и ясно будетъ, что Пророкъ не напрасно былъ посланъ, не для укоризны, но поставленъ служителемъ здравія и спасенія. Ибо цѣль его посланничества была не та только, чтобы обличить народъ, но чтобы, укоривъ согрѣшающихъ и обнаруживъ беззаконія, воззвать ихъ къ покаянію, а обращающимся показать способъ врачеванія (1).

(1) Lib. II. ep. 270.

Прекрасно Исидоръ объясняетъ слова: *будите мудри, яко змія, и цѣли яко голубіе* (Мѳ. 10, 16.).

Мудрость, соединенная съ простотою, составляетъ что-то Божественное, то есть добродѣтель всесовершенную. Если же одна отъ другой бываетъ отдѣлена, то первая превращается въ лукавство, а послѣдняя въ глупость: и та способна къ совершенію злодѣянія, и сія легко обманывается. Посему-то Слово Божіе не представило сего подъ однимъ символомъ, (ибо въ безсловесныхъ животныхъ нѣтъ мудрости съ простотою: однѣ изъ нихъ хитры, другія управляются безмысленною простотою,) но заповѣдало: *будите мудри, яко змія, и цѣли, яко голубіе.* Смыслъ сего изреченія не тотъ, чтобы мы подражали ядовитости и лютости змія (ибо Іудеямъ то ставится въ порокъ, когда они называются зміями и порожденіемъ эхидны); и не тотъ, чтобы мы подражали лукавству змія и его способности обманывать (ибо подобіе берется не въ полномъ объемѣ, но по частямъ, иначе оно не было бы уже подобіе, а самая вещь уподобляемая); не тотъ, говорю, но чтобы мы совлекались ветхаго человѣка, то есть, зла, какъ змій сбрасываетъ кожу свою, и вѣру храняли также, какъ онъ хранитъ голову; о тѣлѣ менѣе заботились, отъ всего прочаго удалялись; и съ сими качествами соединяли простоту голубя, не въ подражаніе его безсмысленности (такъ Ефремъ уподобляется голубю безумному, не имѣющему сердца Ос. 7, 11.), но чтобы подражали его простотѣ и незлобію. Если угодно, я объясню мысль свою и другимъ примѣромъ. Въ Священ. Писаніи называется львомъ не только Христосъ, но и праведникъ и даже діаволъ, впрочемъ не въ одинаковомъ смыслѣ. Ибо, какъ я прежде сказалъ, подобіе берется не въ полномъ смыслѣ; но въ той только части, которая служитъ къ объясненію рѣчи, все прочее остается безъ приложенія. Такъ Христосъ называется львомъ, относительно къ царскому достоинству и силѣ непобѣдимой: *возлегъ, успулъ еси яко левъ* (Быт. 49, 9). Праведникъ называется львомъ по спокойствію

и небоязненности: *праведникъ яко левъ уповая* (Прит. 28, 1.). Наконецъ діаволъ называется львомъ, по отношенію къ лютости и кровожадности: *яко левъ рыкая, ходитъ искій кого поглотити* (1. Петр. 5, 8.). Итакъ если Писаніе отъ одного животнаго заимствуетъ различные образы и мы не смѣшиваемъ представленія, но къ каждому приспособляемъ приличное; то почему же удивляемся, если Павелъ взялъ подобіе отъ бренія (Рим. 9, 21), не съ тѣмъ, чтобы опровергнуть свободу человѣческой воли, которую онъ повсюду превозноситъ, но чтобы съ одной стороны дать понятіе о той покорности, которую праведникъ долженъ имѣть къ Богу, съ другой, чтобы уврачевать безуміе тѣхъ, которые осмѣливались порицать ученіе чистѣйшее, и слово и умъ превосходящее (1).

Мѳ. гл. 11, ст. 11. Большимъ Іоаннъ изъ рожденныхъ женами названъ потому, что онъ еще въ утробѣ матерней пророчествовалъ, и будучи сокрытъ во мракѣ уже зналъ о Свѣтѣ грядущемъ. Выше же всѣхъ Пророковъ Іоаннъ потому, что видѣлъ во плоти Того, Который былъ предметомъ пророчествъ, Котораго всѣ Патріархи и Пророки зрѣли только въ соніяхъ и видѣніяхъ, видѣть же тѣлесными очами не могли (2). *Мній же въ царствіи небесномъ болій Іоанна есть*, значитъ: совершенный въ законѣ менѣе того, который крестился въ смерть Христову. Ибо въ томъ состоитъ царство небесное чтобы быть погребеннымъ со Христомъ, Который сошелъ во гробъ для разрушенія смерти, и побѣдивъ ее даровалъ воскресеніе. Посему хотя Іоаннъ былъ болѣе всѣхъ рожденныхъ женами, но былъ усѣкнутъ прежде наступленія царства небеснаго, и хотя былъ безукоризненъ по правдѣ законной, но былъ ниже усовершенныхъ Духомъ жизни о Христѣ, прежде ихъ отшедши изъ сей жизни. Итакъ всякій меньшій въ царствіи не-

(1) Lib. II. ep. 173. ср. Lib. IV. ep. 137. 228.
(2) L. 1. ep. 33.

бесномъ, то есть, въ жизни о Христѣ, болѣе совершеннаго по закону; ибо законъ не давалъ совершенства (1).

Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга (Іоан. 13, 34.).

Если бы кто сказалъ, что въ Ветхомъ Завѣтѣ не говорится: *возлюбиши ближняго твоего, яко самъ себе*; то я отвѣчалъ бы, что Сынъ Божій преимущественно законоположилъ сію заповѣдь. Потомъ, когда явился во плоти, присовокупилъ къ ней нѣчто болѣе, сказавъ: *заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга, якоже Азъ возлюбихъ вы.* Заповѣдь о любви находится и въ Ветх. Завѣтѣ, но слова: *яко же Азъ возлюбихъ вы*, Онъ вновь прибавилъ. Посему и назвалъ сію заповѣдь новою. Ибо иное дѣло любить ближняго, какъ самого себя, иное пренебрегать своими выгодами для пользы ближнихъ. Какъ Онъ самъ имѣлъ въ виду не собственное достоинство, но пользу человѣковъ, *и Себь умаливъ*, не возгнушался зракъ раба принять, дабы доставить всыновленіе рабамъ; такъ и каждому изъ насъ заповѣдалъ не свою наблюдать выгоду, но пользу ближнихъ (2).

Заслуживаютъ также особеннаго вниманія объясненія слѣдующихъ мѣстъ Писанія: Матѳ. 5, 20. 19, 11, Іоан. 21, 25. Дѣян. 27, 22. 23. 19, 35. Рим. 1, 32. 3, 25. 11, 8, 1 Кор. 15, 29. Слова Апостола: *аще мертвые отнюдь не возстаютъ, что и крещаютъ мертвыхъ ради*, Исидоръ объясняетъ такъ: если мертвые не воскреснутъ, то для чего мы вѣруемъ, что чрезъ крещеніе наши тѣла дѣлаются причастными нетлѣнія и безсмертія? Мы крестимся въ надеждѣ измѣниться въ нетлѣніе (3).

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что Исидоръ старается объяснять буквальный смыслъ Писанія. Въ письмѣ къ Вален-

(1) Lib. 1. ep. 68.
(2) Lib. III. ep. 410.
(3) Lib. 1. ep. 221.

тиніану онъ осуждаетъ тѣхъ которые прибѣгаютъ безъ нужды къ аллегорическому толкованію (1).

Исидоръ, какъ учитель вѣры.

Чаще другихъ догматовъ Исидоръ говоритъ въ письмахъ своихъ о Божествѣ Сына Божія для опроверженія лжеученія Аріанъ. Если Божественный Образъ и Слово Отчее произошло во времени, какъ говорятъ нѣкоторые, то оно не вѣчно. Если же напротивъ вѣчно, какъ мы утверждаемъ, то Оно не произошло во времени. Писаніе называя Іисуса Христа сіяніемъ славы Отчей, симъ показываетъ совѣчность Его Отцу;— *образомъ Ипостаси* (Евр. 1, 5.) личное его свойство; *Словомъ* (Іоан. 1, 1.) безстрастную Его природу, *Сыномъ*,— сродство и единосущіе съ Отцемъ. Такимъ образомъ изъ всѣхъ понятій, какія заключаются подъ сими наименованіями, мы должны усвоять Божественному естеству только тѣ, которая приличествуютъ Ему, прочія же оставлять, какъ недостойныя Божества. Въ отношеніи къ вещамъ сотвореннымъ могутъ имѣть мѣсто слова: прежде и послѣ, но въ покланяемой и царствующей Троицѣ, ничего нельзя назвать ни первымъ, ни вторымъ; потому что Божество выше числа и времени. «Когда священное Писаніе, пишетъ Исидоръ въ другомъ письмѣ, называетъ рожденіемъ безначальное, вѣчное, невыразимое словомъ и непостижимое умомъ происхожденіе Іисуса Христа отъ Отца; то оно не приписываетъ симъ Богу ничего страстнаго, но прямо указуетъ на единство существа Отчаго и Сыновняго. Ибо несомнѣнно, что все раждающееся имѣетъ одну сущность съ раждающимъ. Но дабы кто не подумалъ, что

(1) Lib. IV. ep 107.

Слово получило бытіе послѣ Отца, Писаніе говоритъ: *въ началѣ бѣ Слово*. Далѣе показываетъ и отношеніе Слова къ Отцу: и *Слово бѣ къ Богу*; наконецъ и самое достоинство Слова: *и Богъ бѣ Слово*. Посему мы изъ наименованія Іисуса Христа Сыномъ какъ съ одной стороны должны уразумѣть Его единосущіе съ Богомъ Отцемъ, изъ наименованія Словомъ — Его безстрастную природу, изъ Его бытія въ началѣ — совѣчность Отцу, изъ того, что Слово было у Бога — Его нераздѣльное единеніе со Отцемъ, и наконецъ изъ того, что Слово было Богъ— Его высочайшее достоинство; такъ съ другой стороны, мы должны отъ каждаго изъ сихъ наименованій отдѣлять все несообразное и неприличное Богу, чтобы по наименованію Христа Сыномъ, не подумать, будто Онъ не безначаленъ; по наименованію Словомъ, будто не самостоятельно Его бытіе. Такимъ образомъ мы должны исповѣдывать и почитать Его Богомъ вѣчнымъ, Единосущнымъ Отцу, непричастнымъ ничего страстнаго, родившимся отъ Отца довременно (1).

Когда Аріане и Евноміане указывали на слова Евангелиста Марка: *о дни же томъ и часѣ никтоже вѣсть, ни Сынъ, точію Отецъ* (Мар. 13, 32.); Исидоръ говоритъ, что Спаситель отклонялъ здѣсь только безполезные вопросы. Ибо могъ ли Творецъ міра не знать времени кончины его? И тотъ, кто такъ подробно указывалъ знаменія пришествія Своего, могъ ли не знать, когда оно совершится (2)? Подобнымъ образомъ объясняетъ Исидоръ слова Спасителя: *Отецъ Мой болій Мене есть* (Іоан. 14, 28.). Спаситель сказалъ это для утѣшенія учениковъ, смущенныхъ вѣстію о предстоящихъ страданіяхъ своего Учителя. Онъ какъ бы такъ сказалъ: Я иду къ Тому, Котораго вы считаете большимъ Меня. Впрочемъ Іисусъ Хри-

(1) Lib. IV. ep. 142.
(2) Lib. 1. ep. 117.

стосъ могъ назвать Отца большимъ, какъ получившій отъ Него рожденіе, будучи равенъ Ему по естеству (1).

Во многихъ письмахъ Исидоръ излагаетъ ученіе о паденіи и возстановленіи человѣка.

Общій всѣхъ врагъ лишилъ родъ человѣческій совершенствъ, которыя вмѣстѣ съ бытіемъ своимъ получилъ сей отъ Бога, и вовлекъ людей въ жизнь, совершенно противную добродѣтели. Впрочемъ онъ дѣлалъ это не безъ содѣйствія самихъ людей, которые поработились ему. Діаволъ самъ по себѣ не могъ бы сего сдѣлать, если бы не помогла ему безпечность обольщенныхъ имъ людей. Но поелику человѣколюбію Творца угодно было опять облечь родъ человѣческій въ оружіе добродѣтели, то Слово Божіе и снизошло на землю, покрыло насъ любовію, какъ ризою Ангельскою, и съ нею даровало намъ все. Ибо всѣ, какія есть виды добродѣтели, заключаются въ одной всеобщей, коей имя любовь (2).

Слѣдствія грѣхопаденія человѣка состоятъ какъ въ болѣзняхъ и смерти (3), такъ и въ нравственномъ поврежденіи. (4) Опровергая Новатіанъ, Исидоръ пишетъ Киру: скажи ученику Новата: что ты безумно хвалишься чистотою? Что ты считаешь себя чуждымъ грѣха? Исаія называетъ себя нечистымъ; Давидъ называетъ лживымъ всякаго человѣка, и говоритъ, что всѣ во грѣхахъ зачаты и на свѣтъ произошли. Самъ Богъ свидѣтельствуетъ, что прилежитъ помышленіе человѣку на злая, и онъ нуждается въ елеѣ милосердія (Быт. 8, 24) (5.). Если бы мы сказали, пишетъ Исидоръ въ другомъ письмѣ, что блаженъ тотъ, кто никогда не грѣшитъ; то никто не былъ бы

---

(1) Lib. III. ep. 334.
(2) Lib. IV. ep. 15.
(3) Lib. IV. ep. 204. 141.
(4) Lib. III. ep. 162. Lib. IV. ep. 124. Lib. III. ep. 193. *διὰ τὴν παρρβασιν τϑ Ἀδαμ δια δοθεντα τῇ φύσει ρυπόν.*
(5) Lib. 1. ep. 100.

причастенъ сего блаженства. Ибо кто похвалится, что онъ имѣетъ чистое сердце? Или кто осмѣлится сказать, что онъ чистъ отъ грѣха (1)? Впрочемъ природа человѣческая несовсѣмъ утратила прирожденныя сѣмена добра (2). Она въ себѣ носитъ точное и неложное судилище (κριτηριον), правило (κανων) добродѣтелей, которое Самъ Іисусъ Христосъ предлагалъ въ видѣ заповѣди: *вся, елика аще хощете, да творятъ вамъ человѣцы, и вы творите такожде* (3). Онъ же говоритъ, что благій человѣкъ отъ благаго сокровища сердца своего износитъ благое (4). Это подтверждаетъ и Исторія. Во всякое время были люди, которые, руководствуясь прирожденнымъ закономъ, творили доброе, каковы Мельхиседекъ, Іовъ, Корнелій (5).

Но большая часть людей, забывъ о будущей жизни и мздовоздаяніи, совершали тяжкіе грѣхи (6); подпавъ власти діавола, оно низверглись во всѣ преступленія и дошли до крайняго бѣдствія (7). Поелику ни законъ данный Моисеемъ, ни увѣщанія Пророковъ не могли уничтожить язвы грѣха, распространившейся на всѣхъ (8); то Богъ послалъ Своего Единороднаго Сына, дабы имѣть причину къ отпущенію грѣховъ. Сынъ Божій воплотился для того, чтобы сокрушить силу діавола (9) и примирить людей съ Богомъ (10).

Объясняя дѣйствіе крещенія, Исидоръ такъ излагаетъ свои мысли о благодѣяніяхъ, дарованныхъ человѣку воплощеніемъ и

---

(1) Lib. IV. ep. 101.
(2) Lib. II. ep. 2. Lib. IV. ep. 53.
(3) Lib. IV. ep. 53. 54. Lib. II. ep. 72.
(4) Lib. III. ep. 107.
(5) Lib. IV. ep. 61.
(6) Lib. IV. ep. 146.
(7) Lib. III. ep. 329.
(8) Lib. IV. ep. 100.
(9) Lib. IV. ep. 64.
(10) Lib. IV. ep. 10

крестною смертію Богочеловѣка: Ты просишь меня указать причину, почему крестятъ младенцевъ, еще незнающихъ грѣха? Нѣкоторые говорятъ для того, чтобы омыть нечистоту, внесенную въ естество человѣческое преступленіемъ Адама. Вѣруя, что бываетъ такъ, я думаю, что крещеніемъ доставляются и многія другія дарованія, много превышающія наше естество. Ибо природа наша получила не то только, въ чемъ она нуждалась для уничтоженія грѣха, но и украшена Божественными дарами. Ибо она не только освободилась отъ наказанія и совлеклась всего лукавства, но и возродилась свыше пакибытіемъ Божественнымъ и превосходящимъ слово, и искуплена, и освящена и удостоена всыновленія и оправдана и содѣлалась сонаслѣдницею Единороднаго, и единымъ тѣломъ съ Нимъ по участію въ священныхъ таинствахъ, и именуется Его плотію, и какъ тѣло соединено съ главою, такъ и она со Христомъ. Посему Павелъ сказалъ: и *Того даде главу выше всѣхъ Церкви* (Еф. 1, 28.), то есть, кромѣ другихъ даровъ даровалъ еще человѣческому естеству то, что Христосъ содѣлался его Главою. Въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *множае паче избытокъ благодати и даръ правды пріемлюще въ жизни воцарятся* (Рим. 5, 17.); не сказалъ: благодать, но: избытокъ благодати, показывая, что мы не врачество только получили, соотвѣтствующее болѣзни, какъ думаютъ нѣкоторые, не понимая щедродаровитости Божіей, но и благообразіе, и честь, и славу, и достоинство. Потому, возлюбленный, признавай крещеніе, не очищеніемъ только грѣховъ, но и доставляющимъ всыновленіе и Божественное сродство, и другія безчисленныя блага, частію упомянутыя мною, частію не упомянутыя. Ибо Царь всяческихъ не только освободилъ плѣненное естество человѣческое, но и возвелъ его на высшую честь (1).

---

(1) Lib. III. ep. 123. О преложеніи хлѣба въ таинствѣ Евхаристіи Исидоръ выражается такъ: ἐπὶ τῆς τραπέζης τῆς μυστικῆς τὸν ἀρτὸν κοινὸν σωμα ἰδικὸν τῆς αὐτῆ σαρκώσεως ἀποφαινον (το πνευμα πανανίουν) Lib. 1. ep. 109.

Спасительныя заслуги Сына Божія усвояются человѣку только подъ условіемъ содѣйствія его воли. Божественная благодать, въ соединеніи съ стараніемъ самого человѣка, спасаетъ человѣка. Посему и тотъ, который имѣлъ говорящаго въ себѣ Христа, сказалъ: поспѣшествуютъ по предувѣдѣнію званнымъ (Рим. 8, 28.). Ибо не просто званіе (потому что всѣ званы, и не всѣ повиновались), но изволеніе званныхъ содѣйствуетъ спасенію ихъ. Ибо званіе было не съ принужденіемъ, но добровольное (1). Не одинаково раздаяніе даровъ благодати потому, что благодать Божія сначала испытываетъ свойство сердца и потомъ уже приступаетъ къ самому дѣлу. Ибо хотя она и благодать (даръ туне даемый), однако же изливается не напрасно и не случайно. Отъ тѣхъ, которые принимаютъ ее, беретъ она мѣру и вливаетъ въ нее столь много, сколь велика мѣра. И сія мѣра есть чаша вѣры. Если бы она сначала не требовала того, что отъ насъ зависитъ; то безъ всякаго сомнѣнія изливалась бы равно на всѣхъ безъ исключенія. Но поелику она прежде испытываетъ волю и расположеніе сердца, и потомъ уже начинаетъ дѣйствовать, посему она на нѣкоторыхъ людей нисходитъ и остается при нихъ, отъ другихъ удаляется, наконецъ вовсе оставляетъ, и никогда уже къ нимъ не возвращается (2).

Въ другомъ мѣстѣ Исидоръ высказываетъ мысль, что духовные дары раздаются людямъ сообразно съ тѣмъ, къ чему кто изъ пріемлющихъ предварительно приготовилъ свою душу (3). Апостолъ Павелъ сравниваетъ человѣка съ глиною, дабы показать, что всякій долженъ во всемъ повиноваться волѣ Божіей. Если кто хочетъ противиться, Богъ не принуждаетъ его къ повиновенію; поелику не хочетъ уничтожить свободной

(1) Lib. IV. ep. 51.
(2) Lib. III. ep. 271.
(3) Lib. II. ep. 70.

воли человѣка (1). Посему не должно удивляться, что Господь Іисусъ Христосъ, обладая непобѣдимою силою убѣжденія, не склонилъ Іуду слѣдовать добродѣтели. Ибо онъ имѣлъ свободное произволеніе. Сіе-то произволеніе и служитъ основаніемъ вмѣненія намъ поступковъ нашихъ, такъ, что человѣкъ съ одной стороны заслуживаетъ похвалу когда дѣйствуетъ по собственной свободѣ, а съ другой напротивъ достоинъ порицанія и осужденія, когда не слѣдуетъ добрымъ совѣтамъ другихъ (2).

Въ письмахъ Исидора есть наставленія о почитаніи креста (3) и св. мощей (4). У него встрѣчается объясненіе нѣкоторыхъ дѣйствій Богослуженія, на пр. объясненіе возгласа Священника: миръ всѣмъ (5), значеніе литона, который постилается подъ Святыми дарами (6), омофора Епископовъ и ораря діаконовъ (7). Находимъ у Исидора еще указаніе на дозволеніе пѣть женщинамъ въ церкви (8) и на обычай носить при себѣ малыя Евангелія (9).

---

(1) Lib. II. ep. 175.
(2) Lib. II. ep. 129.
(3) Lib. IV. ep. 32. Lib. V. ep. 367.
(4) Lib. 1. ep. 55. Lib. II. ep. 5.
(5) Lib. 1. ep. 122.
(6) Lib. 1. ep. 123.
(7) Lib. 1. ep. 136.
(8) Lib. 1. ep. 90.
(9) Lib. II. ep. 150. Объ этомъ упоминаетъ и Златоустъ. Hom. XIX ad pop. Antioch.

СОСТОЯНІЕ ИНОЧЕСТВА ВЪ ЕГИПТѢ

СЪ ПОЛОВИНЫ ПЯТАГО ВѢКА.

Исторія иночества въ Египтѣ съ половины пятаго вѣка представляетъ большею частію грустную картину распространенія разнаго рода ересей. Еще при Ѳеофилѣ грубое заблужденіе Антропоморфистовъ заразило нѣкоторыхъ простыхъ и необразованныхъ пустынниковъ, а другіе не умѣли отличить истины отъ лжи при чтеніи сочиненій Оригена и съ довѣріемъ принимали самыя погрѣшительныя его мнѣнія. Это было какъ бы только вступленіе къ другимъ ересямъ, таившимся между иноками и совершенно измѣнившимъ видъ сихъ пустынь, освященныхъ такимъ сонмомъ вѣрныхъ рабовъ Христовыхъ. Пока Церковію Александрійскою управлялъ Св. Кириллъ, онъ умѣлъ охранять иноковъ отъ ереси Несторія, съ которою онъ такъ сильно и твердо боролся. Но послѣ смерти его преемникъ его Діоскоръ объявилъ себя ревностнымъ защитникомъ Евтихія, другаго ереснаучальника, и увлекъ въ его заблужденіе множество пустынниковъ. Теперь начали исполняться пророченія св. Отцевъ объ упадкѣ иноческой жизни. Однажды въ собраніи старцевъ предложенъ былъ вопросъ: что сдѣлаютъ тѣ иноки, которые будутъ послѣ насъ? Они, сказалъ Авва Исхоріонъ, исполнятъ въ половину противъ насъ. А тѣ, которые послѣ нихъ будутъ? Люди вѣка того ничего не сдѣлаютъ. Но къ нимъ придетъ искушеніе. И тѣ, кои въ то время окажутся

добрыми будутъ выше насъ и отцевъ нашихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что къ сему времени можно примѣнить то, что Богъ въ Ветхомъ Завѣтѣ сказалъ Пророку Иліи, когда онъ жаловался на нечестіе народа Израильскаго (1). Въ числѣ пустынниковъ Господь сохранилъ для Себя великое число рабовъ, которые соблюли Его вѣру и истинное послушаніе среди гоненій и преслѣдованій отъ еретиковъ. Съ великимъ мужествомъ противостояли они худымъ примѣрамъ и обольщенію, и этимъ стали не ниже первыхъ отцевъ. Хотя на каѳедрѣ Александрійской послѣ смерти Кирилла возсѣдали большею частію недостойные пастыри Діоскоръ, Тимоѳей, Петръ Монгъ, но были и православные епископы, которые старались уврачевать бѣдствія, причиненныя ересями и привести въ лоно Церкви заблудшую часть своей Церкви. Таковы были Св. Протерій, Тимоѳей, Іоаннъ и др. Послѣдніе двое взяты были изъ Конопа изъ Тавенскаго монастыря. Въ горѣ Нитрійской въ началѣ VI вѣка изъ двухъ Церквей одна принадлежала еретикамъ Евтихіанамъ, и одинъ великій подвижникъ Іаковъ только по Божественному откровенію утвердился въ вѣрности Православной Церкви. И въ это горестное время большая часть монастырей египетскихъ были въ такомъ положеніи, что Евлалій Епископъ Сиракузскій не позволялъ путешествовать туда благочестивымъ инокамъ (2).

Іоаннъ Лѣствичникъ въ своей духовной Лѣствицѣ представляетъ вблизи Александріи обитель иноковъ подъ управленіемъ превосходнаго настоятеля, цвѣтущую всѣми добродѣтелями. Иноковъ было здѣсь 330 человѣкъ. Это было во времена св. Евлогія 580—606 г. Назидательный примѣръ иноческой жизни и описанія темницы или мѣста кающихся можно читать въ 4, 5 степеняхъ духовной Лѣствицы.

---

(1) Достоп. сказанія стр. 119.

(2) Surii vitæ Sanctorum. M. Januarius p. 13.

Около 607 г. посѣщали Египетъ Іоаннъ Мосхъ съ своимъ другомъ и ученикомъ Софроніемъ. Они явились помощниками Іоанна милостиваго въ борьбѣ съ еретиками. По словамъ жизнеописателя Іоанна милостиваго, укрѣпляемые Св. Духомъ, они мудростію своею препирались съ Северіанами и другими нечестивыми еретиками, и многіе скиты, многія церкви, многія монастыри исхищали изъ устъ звѣрей сихъ, какъ добрые пастыри. Въ пустыняхъ Египетскихъ они нашли еще многихъ добрыхъ подвижниковъ.

Въ Оазисѣ Ливійскомъ нашли они инока Льва, отличавшагося смиреніемъ, безмолвіемъ, нелюбостяжаніемъ и любовію, которую онъ имѣлъ ко всѣмъ. Этотъ старецъ не разъ повторялъ странникамъ: дѣти! я буду царствовать. Дѣйствительно онъ воцарился, положивши душу свою за друзей своихъ. Въ то время вторгнулись Мазики и захватили въ плѣнъ Аввy Іоанна, Евстафія Римлянина и Ѳедора, которые были немощны. Такъ какъ варвары требовали за нихъ большой выкупъ, котораго не было средствъ выплатить, то они оставались плѣнными. Взявъ восемь золотыхъ у Епископа, Левъ пришелъ съ ними въ шатры Мазиковъ и упрашивалъ ихъ взять его и восемь монетъ, а плѣнныхъ иноковъ отпустить, потому что они немощны и не могутъ служить, а онъ въ состояніи работать. Варвары согласились, и, отпустивъ прежнихъ плѣнниковъ, взяли съ собою Льва, но увидавъ, что онъ не можетъ быть работникомъ, обезглавили его. Указывая на сей высокій примѣръ любви, св. Іоаннъ Лѣствичникъ говорилъ: никто да не отговаривается своею немощію исполнять евангельскія заповѣди; ибо есть души, которыя сдѣлали и сверхъ заповѣди. И въ сказанномъ безъ сомнѣнія убѣдитъ тебя Тотъ, Кто возлюбилъ ближняго выше Себя, и положилъ за него душу Свою, хотя не имѣлъ на то повелѣнія Господня (1). Они слышали о Да-

(1) Ст. 26. 12.

ніилѣ Египетскомъ, по слову котораго, для уничтоженія клеветы, проглаголалъ дитя 22-хъ дней отъ рожденія (1).

Въ Теренуфѣ они видѣли Ириней, который, удалившись изъ Скита по страху нападенія варваровъ, возвратился опять въ пустыню Скита, чтобы не лишиться молитвъ скитскихъ (2). Другой инокъ Маркеллъ, услышавъ, что одному отличному ѣздоку Филерему лишившемуся пальмы, друзья его кричали: Филеремъ (любитель пустыни) не получитъ вѣнка въ городѣ, удалился въ пустыню и тамъ 35 лѣтъ прожилъ безвыходно. Всякій разъ, какъ помыслъ склонялъ его выйдти изъ пустыни, онъ говорилъ себѣ: Филеремъ не получитъ вѣнка въ городѣ. Захваченный въ плѣнъ варварами, онъ освободившись изъ плѣна, поселился въ пустынѣ келлій. «Повѣрьте, дѣти мои, говорилъ сей старецъ, ничто такъ не возмущаетъ и не тревожитъ, ничто такъ не раздражаетъ и не уязвляетъ, ничто такъ не ослабляетъ демоновъ, какъ наше всегдашнее упражненіе въ псалмопѣніи. Ибо мы, поя псалмы, то молимся о себѣ, то проклинаемъ демоновъ.» Поспѣшимъ, говорилъ онъ еще, выйти изъ плотской жизни, какъ Израиль изъ рабства Египетскаго. Великія и восхитительныя блага обѣщалъ намъ Богъ въ замѣнъ грубаго удовольствія мірскаго. Ничто такъ не приближаетъ монаховъ къ Богу, какъ добрая, цѣломудренная и Богоподобная чистота, которая доставляетъ честь и дѣлаетъ насъ способными предстоять Господу безъ развлеченія. Не удивляйся, что ты, будучи человѣкомъ, можешь сдѣлаться Ангеломъ; ибо одинаковая съ Ангелами ожидаетъ слава, которую Подвигоположникъ обѣщаетъ подвизающимся. Познай опытомъ добрую жизнь и не станешь страшиться ея, какъ чего-то невозможнаго (3). Іоаннъ видѣлъ подвижниковъ въ Никополѣ, Антиноѣ. Здѣсь ему разсказали объ обращеніи одного начальника разбойниковъ, Дави-

(1) Лугъ дух. гл. 113.
(2) Луг. Дух. гл. 54.
(3) Лугъ дух. гл. 150. 151.

да, сдѣлавшагося столь великимъ подвижникомъ, что онъ удостоился дара чудотвореній. Въ Александріи онъ встрѣтилъ великихъ подвижниковъ Палладія, Мина, Іоанна Евнуха, Ѳеодора и нѣкоторыхъ другихъ.

Въ Лаврѣ Октодекитской въ Александріи нашли они великаго старца, который давалъ имъ прекрасныя наставленія. Научи насъ, какъ должно жить? спросили его странники. Дѣти! если желаете спасенія, удаляйтесь общенія съ людьми. Сидите въ келліи, гдѣ вы изберете себѣ мѣсто; тщательно храните молчаніе и непрестанно молитесь; я надѣюсь, что Богъ дастъ вамъ вѣдѣніе и просвѣтитъ вашъ умъ, если желаете. Увы! сколько будемъ плакать и раскаяваться въ чемъ нынѣ не раскаеваемся. Когда хвалятъ насъ, не умѣемъ смиряться, а когда поносятъ насъ, не умѣемъ переносить. Первое раждаетъ въ насъ любочестіе, а послѣднее причиняетъ намъ скорбь. Но гдѣ скорбь и тщеславіе, тамъ нельзя найти ничего добраго. Будь стражемъ сердца твоего, чтобы не вошелъ въ него кто либо чужой.

Въ 640 г. Египетъ подпалъ власти Аравитянъ. Понятно, что при владычествѣ изувѣрныхъ поклонниковъ лжепророка монашество не могло процвѣтать въ Египтѣ и безъ особенныхъ насильственныхъ мѣръ. Но правитель Египта Абиза выдалъ прямой законъ, запрещающій кому бы то ни было, принимать обѣты монашества. Одинъ изъ преемниковъ его, Азама, послѣ 715 г. повторилъ его законъ и кромѣ того, переписавъ всѣхъ монаховъ, велѣлъ имъ на правой рукѣ носить желѣзную цѣпь, на которой находилось имя его дома и годъ магометанскаго лѣтосчисленія. Тѣ, которые покушались убѣжать или были находимы безъ этого знака, лишаемы были языка или глазъ. Многіе были предаваемы смерти, многіе умирали въ пыткахъ. Калифъ Омаръ далъ приказъ, чтобы всѣ исповѣдующіе имя

(1) Renaudot. Hist. Patvn. Alex. p. 191.

Христово или оставили страну или приняли магометанство (1). Въ слѣдствіе такихъ и подобныхъ мѣръ не только число монаховъ, но и вообще Христіанъ чрезвычайно сократилось въ Египтѣ.

Заслуги Египетскаго монашества Церкви и обществу.

Главная цѣль, къ которой стремились первые подвижники иночества, была, отрѣшившись отъ всѣхъ заботъ земныхъ, очищать свою душу и устроять свое спасеніе. Они отрекались отъ имущества, отъ обязанностей семейныхъ и общественныхъ, удалялись въ пустыни, чтобы тамъ невѣдомые міру, не тревожимые его волненіями, суетою и скорбями, въ бесѣдѣ съ самимъ Богомъ могли достигать духовнаго совершенства. Но не смотря на то, что иноки имѣли цѣлію только собственное спасеніе, появленіе ихъ оказалось благотворнымъ для Церкви и общества. Самый взглядъ на отрѣщенную отъ всего земнаго жизнь иноковъ давалъ чувствовать мірскимъ людямъ, чего требуетъ отъ Христіанина его небесное званіе, гдѣ его истинное отечество, гдѣ его истинныя радости, какъ легко безъ сожалѣнія можно оставить ничтожныя утѣшенія міра, и какой неизчерпаемый источникъ блаженства заключается въ жизни Евангельской. Живымъ стремленіемъ къ духовному совершенству иночество пробуждало безпечность осуетившихся мірскими заботами и показывало, что значитъ быть истиннымъ Христіаниномъ. Глубокое впечатлѣніе произвело на всю Церковь это явленіе, когда Св. Аѳанасій изобразилъ для назиданія всѣхъ жизнь перваго пустынножителя Антонія Великаго и предъ взоромъ изумленнаго міра открылъ новое явленіе въ Церкви Христовой. Слава о жизни св. пустынниковъ привлекала къ нимъ множество людей, ищущихъ наставленія и утѣшенія. Со всѣхъ

(1) Elmacin. Hist. Sar. p. 76.

предѣловъ Римскаго міра стекались ревнители благочестія видѣть эту чудную жизнь Египетскихъ подвижниковъ и учиться у нихъ благочестію. Слово Божіе, въ которомъ иноки упражнялись день и ночь, умудряло ихъ какъ въ собственное назиданіе, такъ было имъ полезно для наученія, обличенія, исправленія и наставленія въ нравственности другихъ. Духовныя собесѣдованія съ своими отцами, старцами опытными въ духовной жизни знакомило ихъ съ великою наукою правильно понимать себя и владѣть собою. Собственная трезвенность души, постоянная бдительность надъ собою, борьба съ различными искушеніями на пути къ духовному совершенству доставляли богатый запасъ духовной опытности. Но болѣе всего благодать Св. Духа, обильно изливающаяся на усердно работающихъ Господу, — и отсюда дары сердцевѣдѣнія, ученія и духовнаго помазанія были причиною необыкновенной дѣйственности иноческихъ наставленій на сердца мірянъ. Святость жизни, сопровождаемая часто даромъ чудесъ, показывая опытное исполненіе того, чему учили словомъ, одобряемая свидѣтельствомъ свыше, внушала полное довѣріе къ ихъ наставленіямъ. Потому посѣтители записывали дѣянія и слова сихъ пустынниковъ. Собранія дѣяній и изреченій св. подвижниковъ становились учебною книгою и руководствомъ нравственности для всѣхъ Христіанъ. Въ самомъ дѣлѣ какой неистощимый запасъ наставленій заключается въ сказаніяхъ о подвижничествѣ отцевъ, — въ собранныхъ Кассіаномъ бесѣдахъ пустынниковъ Египетскихъ, въ сказаніяхъ Палладія и Руфина о подвигахъ ихъ, въ писаніяхъ Макарія Великаго, Исаіи, Исидора Пелусіота.

Помогая духовнымъ нуждамъ ближнихъ, иноки не отказывались, когда имѣли возможность, служить и временнымъ нуждамъ. Собственными трудами добывая себѣ пропитаніе, они избытки своихъ трудовъ дѣлили съ неимущими. «Отцы монастырей Египетскихъ, пишетъ Кассіанъ, постоянно трудились и исполняли возможные на нихъ труды съ терпѣніемъ и смиреніемъ. Плодами отъ трудовъ рукъ своихъ они не только поль-

зовались сами, но и удѣляли ихъ приходящимъ къ нимъ странникамъ, разсылали по пустыннымъ и безплоднымъ мѣстамъ Ливіи. Кромѣ того иноки Египта чрезъ гражданъ доставляли пищу и одежду тѣмъ, которые въ городахъ томились въ смрадныхъ темницахъ, вѣруя, что такими пожертвованіями они приносятъ истинную жертву Богу (1).» Такъ въ обители Арсиноской, бывшей подъ управленіемъ Серапіона, иноки, которыхъ было числомъ до 10,000, заработывая каждый по сорока мѣръ хлѣба, большую часть изъ того раздавали бѣднымъ. Они питали не только бѣдныхъ Арсиноской области, но отправляли цѣлыя суда съ хлѣбомъ въ Александрію для раздачи находящимся въ темницахъ чужестранцамъ и бѣднымъ (2). Если и всегда, по словамъ Палладія, много было въ Александріи имѣющихъ нужду въ дневномъ пропитаніи и потому милость иноковъ была великимъ благодѣяніемъ; то особенно важна была помощь ихъ во время общественнаго голода. Однажды въ Θиваидѣ сдѣлался страшный голодъ. Преподобный Аполлонъ раздѣлилъ бѣднымъ жителямъ, которые съ женами и дѣтьми приходили къ нему за хлѣбомъ, всѣ запасы своего монастыря. Во все время голода онъ не отказывалъ нуждающимся, силою молитвы умножая свои запасы (3). При монастыряхъ всегда были странноприимницы, гдѣ иноки принимали, питали и покоили странниковъ.

Распространеніе иночества въ Египтѣ, способствуя душевному и тѣлесному благу вѣрующихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствовало распространенію вѣры Христовой и окончательному паденію язычества. Высокая жизнь иноковъ, приводившая въ удивленіе самыхъ язычниковъ, часто сопровождаемая даромъ чудесъ, была великимъ доказательствомъ святости Христіанской религіи. Такъ Великій Антоній, по словамъ Св. Аѳанасія, однимъ

(1) Cass. de cœnob. inst. Lib. X. c. 22. Collat. XVIII c. VII.
(2) Sozom. His. Eccl. L. VI. c. 28. Палл. Лавс. 21. 67.
(3) Палл. Лавс. г. 32.

появленіемъ своимъ въ Александріи и исповѣданіемъ предъ народомъ вѣры въ Господа Іисуса Христа обратилъ къ вѣрѣ Христовой столько же язычниковъ, сколько въ другое время обращалось въ годъ. Макарій Великій кротостію обратилъ къ вѣрѣ Христовой жреца идольскаго, а даромъ чудесъ жителей цѣлаго острова, на который сосланъ онъ былъ въ изгнаніе. Тѣмъ же способомъ Преподобный Аполлоній обратилъ ко Христу жителей 10-ти селеній. Преподобный Пахомій, назидая духовными наставленіями въ сельскомъ храмѣ скитающихся пастуховъ, привлекъ ко Христу и многихъ язычниковъ. Евлогій и Протогенъ, сосланные Валентомъ изъ Едессы въ Антиноэ, послѣ пламенной молитвы къ Богу рѣшились принять на себя апостольскій подвигъ обращенія язычниковъ, которыхъ было тамъ много. Протогенъ основалъ училище для дѣтей, училъ ихъ чтенію и письму и въ своихъ бесѣдахъ знакомилъ ихъ съ Священнымъ Писаніемъ. Чудо, совершенное имъ надъ однимъ изъ учениковъ, пріобрѣло полную вѣру къ святому ученію не только въ дѣтяхъ, но и въ ихъ родителяхъ. Протогенъ огласилъ увѣровавшихъ во Христа, а Евлогій крестилъ ихъ и окончательно наставлялъ въ вѣрѣ и благочестіи (1). Св. Копрій, жившій около Гермополя, своими увѣщаніями и бесѣдами обратилъ многихъ язычниковъ въ Христіанство. Такъ иноки, проникая въ самыя отдаленныя и пустынныя мѣста Египта, преслѣдовали язычество въ самыхъ сокровенныхъ его убѣжищахъ, такъ что власть демоновъ повсюду была низложена.

Епископы Александрійскіе, которые первые увидѣли благотворное значеніе иночества, приняли его подъ свое покровительство и почли полезнымъ для себя открыть болѣе обширное поприще для дѣятельности иноковъ возводя ихъ на степени клира церковнаго.

---

(1) Θεοд. Цер. Ист. кн. IV, гл. 15. Созом. кн. VI, 33. 34.

Первые пустынножители, по духу смиренія избѣгая всякой почести мірской и духовной, не желали принимать посвященія въ церковныя степени. Не хорошо, говорилъ Пахомій своимъ ученикамъ, если иноки ищутъ власти и чести, особенно въ Киновіи, потому что это въ большемъ обществѣ иноковъ можетъ быть поводомъ ко враждѣ, зависти, ревнованію и различнымъ раздѣленіямъ. Какъ искра, брошенная въ сжатый хлѣбъ, если не будетъ скоро потушена, можетъ истребить трудъ цѣлаго года; такъ причисленіе къ клиру можетъ быть началомъ помысла любочестія. Гораздо бы лучше намъ, смиренно покаряясь Церкви Божіей, имѣть священнослужителемъ приставленнаго отцами нашими Епископами, какой будетъ на то время. И въ Ветхомъ Завѣтѣ не весь народъ были Левиты. Если же кто изъ другихъ монастырей поставленъ клирикомъ, мы не хотимъ укорять его въ любочестіи; но лучше думаемъ, что онъ противъ воли своей изъ послушанія отцу своему епископу принялъ на себя это званіе и есть подражатель святымъ, если только непорочно совершаетъ свое служеніе (1). Руководствуемые сими мыслями иноки избѣгали принятія степени священства и для совершенія требъ обращались къ приходскимъ священникамъ. Но при увеличеніи числа иноковъ и пребываніи ихъ въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ жилищъ чувствовалась нужда въ священникахъ изъ званія иноческаго (2). Шестое правило 4 Вселенскаго Собора предоставляетъ монастырямъ право имѣть своихъ священнослужителей. А потомъ Императоръ Юстиніанъ своимъ постановленіемъ опредѣлилъ, чтобы въ тѣхъ обителяхъ, гдѣ есть храмы, изъ старшей братіи монастырской избирались четыре или пять человѣкъ для прохожденія священныхъ должностей Пресвитера, діакона и низшихъ степеней клира (3). Еще

(1) Boll vita Pach. n. 18.
(2) Кир. Алекс. посланіе къ епископамъ въ Ливіи и Пентаполѣ.
(3) Basil. Lib. IV. Titul. 1. Lex. XVIII.

прежде Императоръ Аркадій опредѣлилъ указомъ, чтобы при недостаткѣ клириковъ Епископы поставляли на священныя степени изъ монашествующихъ (1). Но пастыри Церкви, зная высокое благочестіе иноковъ, ихъ духовную мудрость, твердость въ вѣрѣ Православной, видя, какое глубокое уваженіе питаетъ къ нимъ народъ, скоро начали возводить ихъ на священныя степени не только въ санъ пресвитерскій, но и на епископскія каѳедры. Первый примѣръ показалъ св. Александръ, который избиралъ между иноками Пастырей Церкви (2). Св. Аѳанасій подражалъ его примѣру тѣмъ охотнѣе, что стѣсненныя обстоятельства Церкви требовали отъ Пастырей готовности на всякія лишенія, и опыты избранія епископовъ изъ иноковъ оказались благотворными. Онъ старался устранить съ ихъ стороны всякій предлогъ къ уклоненію. Такъ жители малаго Гермополя, вблизи Александріи, единогласно избрали въ Епископы настоятеля ѵамошняго монастыря Драконтія. Онъ пользовался такимъ всеобщимъ уваженіемъ, что многіе язычники обѣщались принять христіанство, если Драконтій будетъ епископомъ. Но смиренный инокъ считалъ себя недостойнымъ высокаго сана; едва принялъ посвященіе, какъ поспѣшилъ скрыться въ пустыню. Убѣждая Драконтія возвратиться къ его служенію, Аѳанасій пишетъ: « Не ты одинъ поставленъ изъ монаховъ, не ты одинъ настоятельствовалъ въ монастырѣ, или любимъ былъ монахами. Знаешь, что и Серапіонъ монахъ, и притомъ настоятельствовалъ надъ великимъ числомъ монаховъ. Не безъизвѣстно тебѣ, сколькихъ монаховъ былъ отцемъ Аполлонъ; знаешь Агаѳона; не неизвѣстенъ тебѣ Аристонъ; помнишь Аммонія, странствовавшаго съ Серапіономъ; слышалъ, можетъ быть, о Мовитѣ, въ верхней Ѳиваидѣ; можешь освѣдомиться о

(1) Codex. Theod. Tom. VI. Lib. XVI. Lex. XXXII.
(2) Апол. Св. Аѳан. къ Императору.

Павлѣ въ Латополѣ и о другихъ. Они, когда были поставлены, не прекословили, но, взявъ въ образецъ Елиссея, зная, какъ поступилъ Илія, наученные примѣромъ учениковъ Христовыхъ и Апостоловъ, приняли на себя попеченіе, а не пренебрегли Священнослуженіемъ и не содѣлались худшими самихъ себя, но паче и паче ожидаютъ награды за трудъ, — и сами преспѣвая и другихъ увѣщавая къ преспѣянію. Сколь многихъ отвратили они отъ идоловъ, сколь многихъ убѣдили отстать отъ сего демонскаго обычая, сколькихъ рабовъ представили Господу? Не вѣрь тѣмъ, которые говорятъ, будтобы епископство—поводъ ко грѣху и доставляетъ случай грѣшить. И бывъ Епископомъ можно пребывать въ алчбѣ и жаждѣ, подобно Павлу (2 Кор. 11, 27.). И ты можешь не пить вина, какъ Тимоѳей, и ты можешь часто поститься, какъ дѣлалъ Павелъ, чтобы подобно ему, постясь такимъ образомъ, насыщать другихъ словомъ, и терпя жажду и воздерживаясь отъ питія, напоевать другихъ ученіемъ. Знаемъ и епископовъ постящихся и монаховъ ядущихъ; знаемъ и епископовъ не піющихъ вина и монаховъ піющихъ; знаемъ и епископовъ, творящихъ знаменія и монаховъ не творящихъ. — Гдѣ бы кто ни былъ; да подвизается вездѣ; вѣнецъ дается не по мѣсту, а по дѣяніямъ». Драконтій повиновался убѣдительному призыву св. Аѳанасія. Будучи епископомъ, онъ могъ удовлетворить своей любви къ пустынической жизни,—такъ какъ одинъ изъ главныхъ пріютовъ иночества, гора Нитрійская,— была частію его Церкви. Съ непоколебимою твердостію защищалъ онъ православную вѣру противъ Аріанъ,—такъ что удостоился пострадать за имя Христово. Онъ сосланъ былъ въ крѣпость Теодатъ близъ Клисмы. Здѣсь утѣшенъ былъ онъ посѣщеніемъ Иларіона Великаго и писаніемъ Ѳеодора Освященнаго, содержащимъ предсказаніе о прекращеніи гоненія Аріанъ. Въ 362 г. онъ присутствовалъ вмѣстѣ съ Аѳанасіемъ на Соборѣ въ Александріи.

Вообще св. Аѳанасій въ инокахъ находилъ самыхъ усердныхъ сотрудниковъ въ борьбѣ съ Аріанами. У нихъ Аѳанасій

не разъ находилъ убѣжище отъ своихъ гонителей; они подкрѣпляли его среди скорбей. Ріанская ересь, какъ безнравственная, всего менѣе могла найти доступъ у подвижниковъ благочестія.

Когда послѣ смерти св. Аѳанасія открылось въ Египтѣ гоненіе на православныхъ, въ числѣ изгнанныхъ за твердость въ православіи было до одиннадцати епископовъ, которые отъ юности до престарѣлыхъ лѣтъ подвизались въ пустыни (1).

ПРАВИЛА ЦЕРКОВНЫЯ И ЗАКОНЫ, КАСАЮЩІЕСЯ ИНОКОВЪ.

Важное значеніе иночества въ Церкви и обществѣ и самая многочисленность иноковъ должны были вызвать законоположенія со стороны Церкви и со стороны общества гражданскаго. Немногія правила о подвижникахъ, посвятившихъ себя дѣвственной жизни, принятыя Церковію въ первыя три вѣка, не могли быть уже достаточны. Образовавъ первыя общества въ пустыняхъ, иноки сами для себя составили первыя правила. Видно, что эти правила были столь удовлетворительны, что Церковь только въ пятомъ вѣкѣ на четвертомъ Вселенскомъ соборѣ (451 г.) сдѣлала первыя постановленія касательно иночества, и первымъ правиломъ было одобреніе иноческой жизни: «истинно и искренно проходящіе монашеское житіе да удостоиваются приличной чести.» Самыя правила, постановленныя соборами, суть почти только подтвержденіе правилъ, установленныхъ настоятелями монастырей.

Приведемъ въ совокупности правила объ инокахъ, постановленныя Церковію и гражданскою властію.

Время вступленія въ иночество не вездѣ одинаково было установлено. Общимъ правиломъ было только то, чтобы обѣтъ

(1) Цер. Ист. Ѳеод. IV, 22.

принимать отъ лицъ, уже достигшихъ зрѣлаго разсудка и яснаго самознанія, чтобы эти лица по своей доброй волѣ, а не по волѣ другихъ давали обѣты. Отцы Карѳагенскаго собора опредѣлили принимать въ монашество не прежде 25-ти лѣтняго возраста (Карѳ. 140.). Св. Василій Великій въ своемъ каноническомъ посланіи позволялъ произносить обѣты дѣвства на 17 г. даже лицамъ женскаго пола (прав. 18.). Шестый Вселенскій соборъ для вступленія въ монастырь признаетъ достаточнымъ даже десятилѣтній возрастъ, чтобы не колебать добрыя намѣренія отъ медленности въ ихъ исполненіи. 40-е правило сего Собора опредѣляетъ: поелику прилѣпляться Богу чрезъ удаленіе отъ молвы житейской весьма спасительно, то мы должны не безъ испытанія безвременно принимать избирающихъ житіе монашеское, но и въ отношеніи къ нимъ соблюдать преданное намъ отъ отцевъ постановленіе, и потому обѣтъ жизни по Богѣ должно принимать послѣ полнаго раскрытія разума, какъ уже твердый и происходящій отъ вѣдѣнія и разсужденія. Итакъ намѣревающійся подчинить себя игу монашества да будетъ не менѣе какъ десяти лѣтъ. Причину уменьшенія срока для вступленія въ иночество Отцы собора представляютъ ту, что Церковь благодатію Божіею пріяла уже большую крѣпость и преспѣяніе, и вѣрные въ соблюденіи Божественныхъ заповѣдей тверды и благонадежны. Но эта причина уже сама въ себѣ предполагаетъ необходимыя исключенія и силу правила соборнаго дѣлаетъ не безусловною. Можетъ ли то же правило сохранять силу свою вполнѣ, когда вѣрные въ соблюденіи заповѣдей Божіихъ уже не могутъ почитаться столь твердыми, какъ въ первые вѣка? Притомъ на Востокѣ человѣкъ развивается ранѣе. Соборъ не безусловно предлагаетъ свое правило и представляетъ разсмотрѣнію начальствующихъ, не нужно ли для желающихъ иночества продолжить время испытанія и приготовленія къ нему, чтобы благонадежнѣе утвердить ихъ въ добромъ намѣреніи. Гражданскіе законы Греческой Имперіи сообразно съ Церковными правилами постановляли,

что достигшіе 16 или 17 лѣтъ безпрепятственно могутъ вступать въ монастыри и дѣлать распоряженія о своемъ имуществѣ. Но десятилѣтніе хотя и могутъ вступать въ монастыри, но не могутъ дѣлать распоряженій о имѣніи прежде достиженія 15-ти лѣтъ. Если въ продолженіе этого времени вступившему въ монастырь приключится смерть; то двѣ части его имущества оставляются монастырю, а третья родственникамъ (Imper. Leonis novella 6.).

Вступленіе въ иночество было дозволено всякому свободному человѣку. Родители не имѣли права удерживать дѣтей отъ намѣренія вступить въ монастырь и изъ за этого не должны были лишать ихъ законной части наслѣдства (Basil. Lib. 4 tit. 1. cap. 12.). Не позволялось впрочемъ обязанному службою уклоняться отъ нея поступленіемъ въ иночество. Не позволялось принимать раба безъ согласія господина его (IV Всел. Соб. пр. 4.). Это требовалось и гражданскими законами и основано на общемъ и постоянномъ правилѣ Церкви, чтобы служеніе Богу и Церкви всегда было чисто и безпрепятственно со стороны внѣшнихъ отношеній человѣка къ міру, чтобы никогда не служило оно предлогомъ къ нарушенію законныхъ правъ и обязанностей въ быту общественномъ. Иначе могло бы быть много злоупотребленій въ духовныхъ правахъ монашества и нареканій на него въ обществѣ (Imper. Valenti nov. 12.). Впрочемъ Юстиніанъ постановилъ, чтобы рабы, послѣ трехлѣтняго пребыванія въ монастыряхъ на испытаніи, были уже свободны отъ притязаній господъ, и безпрепятственно поступали въ монашество, если господа въ свое время не требовали возвращенія ихъ къ себѣ (Justin. nov. 5. cap. 2. Photii Nomoc. tit. 1. ep. 36.). Предшествующая жизнь, какова бы она ни была, не препятствовала вступленію въ монастырь. Позволялось христіанину постригаться въ монашество, если бы онъ и былъ обличенъ въ какомъ-либо грѣхопаденіи. Ибо Спаситель, такъ говорится въ 43 правилѣ 6-го Вселенскаго Собора, нашъ Богъ рекъ: *грядущаго ко Мнѣ не из-*

жену вонъ (Іоан. 6, 37.). Поелику монашеское житіе изображаетъ намъ жизнь покаянія: то искренно прилѣпляющагося къ оному одобряемъ; и никакой прежній образъ жизни не воспрепятствуетъ ему исполнить свое намѣреніе. Впрочемъ Церковь приняла свои мѣры, чтобы въ монашество были принимаемы только люди, имѣющіе истинное расположеніе къ сему роду жизни. Отцы Двукратнаго собора находя, что отреченіе отъ міра безъ разсужденія и испытанія много вредитъ монашескому благочинію, опредѣлили: никого не сподоблять монашескаго образа прежде, нежели трехлѣтнее испытаніе покажетъ ихъ достойными такого житія; отступленіе отъ сего правила дозволялось только тогда, когда приключавшаяся болѣзнь принудитъ сократить время испытанія или желающій поступить въ монашество будетъ мужъ благоговѣйный и въ мірѣ проводившій жизнь монашескую. Для такого достаточно шестимѣсячнаго срока испытанія (прав. 5.). Законы гражданскіе опредѣляли: если во время трехлѣтняго искуса открывалось, что вступающій въ иночество принадлежалъ къ сословію рабовъ, или наемныхъ, или приписныхъ, или земледѣльцевъ, или имѣлъ намѣреніе укрыться въ монастырѣ отъ законнаго суда за какое-нибудь преступленіе: то возвращаемъ былъ тѣмъ лицамъ, которыя объявляли на него свои права (Basil. Lib. 4. tit. 1. c. 3. Photii Nomoc. tit. 9. cap. 32.).

Такому же трехлѣтнему искусу опредѣлено подвергать тѣхъ, которые въ городахъ и селеніяхъ хотятъ уединяться въ затворы и въ уединеніи внимать себѣ. Они должны прежде вступить въ монастырь и тамъ въ повиновеніи у настоятеля три года пріучаться къ житію отшельническому. Послѣ трехъ лѣтъ они еще годъ должны пробыть внѣ затвора, дабы яснѣе открылась истинность ихъ намѣренія. И, однажды вступивъ въ затворъ, не должны оставлять его безъ особаго на то разрѣшенія епископа для какого-либо общественнаго служенія или въ случаѣ опасности смерти. Оставляющихъ самовольно свое уединеніе повелѣвается снова возвращать въ затворъ, даже противъ

воли ихъ. Ибо обѣтъ ихъ признается уже невозвратнымъ (6 Всел. Соб. пр. 41).

Отцы Двукратнаго собора (пр. 2) постановили: никого не сподоблять монашескаго образа безъ присутствія при семъ лица долженствующаго взять его къ себѣ на послушаніе и имѣть попеченіе о душевномъ его спасеніи. Нѣтъ ничего опаснѣе въ иночествѣ какъ жизнь человѣка, оставленнаго самому себѣ на произволъ своихъ мыслей и чувствъ или только на одни общіе внѣшніе труды монашества, безъ руководства и ближайшаго надзора его внутренней жизни. Для новопоступающаго въ иночество руководство старца бываетъ не просто ученіемъ, но подвигомъ духовной жизни, исполненіемъ одного изъ главныхъ обѣтовъ монашества — послушанія.

Отцы шестаго Вселенскаго собора осудили обычай, существовавшій въ нѣкоторыхъ женскихъ монастыряхъ приводить дѣвъ, желающихъ постригаться одѣтыми въ шелковыя цвѣтныя одежды, украшенными золотомъ и драгоцѣнными камнями и потомъ, предъ олтаремъ совлекая эту одежду, облекать въ черное одѣяніе. Ибо неблагопристойно, такъ разсуждаютъ св. Отцы, чтобы по собственному произволенію отложившая уже всякую пріятность житейскую, возлюбившая жизнь по Богѣ, утвердившаяся въ оной непреклонными мыслями и тако къ монастырю приступившая, чрезъ таковое тлѣнное и изчезающее украшеніе возвратилась къ воспоминанію о томъ, что уже предала забвенію и отъ сего явилась бы колеблющеюся и возмутилась въ душѣ по подобію волнъ потопляющихъ и туда и сюда вращающихъ, такъ что иногда и проливая слезы не являетъ она тѣмъ сердечнаго сокрушенія; но если и упадетъ малая нѣкая слеза, то и сія видящимъ возмнится происходящею не столько отъ усердія къ подвигу монашескому, сколько отъ разлученія съ міромъ и тѣмъ, что въ мірѣ (пр. 45.).

Какъ мужамъ, такъ и женамъ избравшимъ подвижническое житіе и опредѣленнымъ въ монастыри не позволено выходить изъ нихъ. Если же настоитъ какая-либо необходимая потреб-

ность, то это должно дѣлаться по волѣ настоятеля. Жены могутъ выходить только въ сопровожденіи старицъ и ни какъ не ночевать внѣ монастыря (6-го Всел. Соб. пр. 46.). Подъ опасеніемъ строгаго наказанія Настоятелю вмѣняется въ обязанность отыскивать иноковъ, оставившихъ монастырь и исправлять ихъ приличнымъ недугу образомъ. Если монахъ, оставивъ монастырь свой, уйдетъ въ другой или поселится въ мірскомъ жилищѣ — таковый равно и принявшій сего да будетъ отлученъ отъ общенія Церковнаго, доколѣ бѣжавшій не возвратится въ обитель, изъ которой удалился. Но если епископъ монаховъ, извѣстныхъ по благочестію и честному житію, захочетъ перевесть въ другой монастырь для благоустройства обители, или разсудитъ послать въ мірской домъ для спасенія живущихъ въ немъ или благоизволитъ поставить его въ другомъ какомъ мѣстѣ, чрезъ сіе не сдѣлаются виновными ни сіи монашествующіи, ни пріемлющіе ихъ (пр. 3, 4, Двукратнаго Собора). Если придетъ въ монастырь монахъ изъ другаго монастыря, то странноприимство должно быть ему оказано; но принимать его на жительство безъ воли Игумена его монастыря нельзя (7 Всел. Соб. пр. 21.). Ѳеодосій Великій далъ было указъ, чтобы монахи никогда не оставляли своихъ пустынь, но обитали бы тамъ. Поводомъ къ сему было то, что монахи нерѣдко вмѣшивались въ судебныя дѣла и старались освобождать виновныхъ отъ наказанія. Но въ 392 г. сей указъ былъ отмѣненъ и монахамъ дозволено было ходить въ города для заступленія неправедно обвиняемыхъ судіями, но запрещено было только силою освобождать виновныхъ. Это подтвердилъ и Аркадій въ 398 г. (Codex. Theod. Lib. XVI. Tit. III, p. 106, 108.). Монахамъ не дозволялось присутствовать при конскихъ ристалищахъ и позорищныхъ играхъ (6 Всел. Соб. пр. 24.). Вступившій въ иночество не могъ уже послѣ поступать въ гражданскую или военную службу (4-го Всел. Соб. пр. 7.). Отцы 4-го Вселенскаго Собора опредѣлили: монашествующіе должны соблюдать безмолвіе, прилѣжать только посту и мо-

литвѣ, безотлучно пребывая въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ отреклись отъ міра; не должны оставлять свои монастыри, вмѣшиваться ни въ церковныя, ни въ житейскія дѣла и принимать въ нихъ участіе. Отцы Халкидонскаго Собора допустили въ своемъ опредѣленіи исключеніе только на два случая:—когда духовное начальство считаетъ нужнымъ поручить кому-либо попеченіе о церковныхъ дѣлахъ по гражданскому вѣдомству напр. ходатайство объ нихъ предъ свѣтскимъ начальствомъ или въ гражданскихъ судахъ, также попеченіе о сиротахъ, вдовахъ, бѣдныхъ и вообще призрѣваемыхъ Церковію, что допускалось и гражданскими законами (Iustin. Lib V. Tit. 3. Const. 28, 42, 46, 49. Basil. Lib. V, tit. 3.). Но брать на себя лично опеку надъ малолѣтними монахамъ запрещалось (Iustin. nov. 123, c. 5, Leon. Phil. nov. 68, 86.). Впрочемъ извѣстно, что иноки и особенно настоятели монастырей всегда имѣли важное значеніе въ церковной Іерархіи и по обстоятельствамъ принимали обширное значеніе въ дѣлахъ Церкви. Такъ они участвовали въ защитѣ православія противъ еретиковъ въ избраніи Епископовъ, на Вселенскихъ соборахъ игумены и Архимандриты учавствовали вмѣстѣ съ Епископами въ соборныхъ разсужденіяхъ, и сами занимали каѳедры епископскія. Соборъ, не отвергая сего, пресѣкаетъ только злоупотребленіе.

Изъ 19 правила втораго каноническаго посланія, писаннаго Василіемъ Великимъ къ Амфилохію въ 375 г. видно, что монахи не изрекали обѣтовъ при вступленіи въ монашество. Василій Великій изъявляетъ желаніе, чтобы предварительно ихъ спрашивали: принимаютъ ли они обѣтъ дѣвства? Но и самое вступленіе въ монашество есть уже обязательство. Дѣвѣ, посвятившей себя Богу, равно какъ и монахамъ, не позволялось вступать въ бракъ. Впрочемъ отцы 4-го Вселенскаго собора прибавили къ сему: мы опредѣлили мѣстному Епископу имѣть полную власть въ оказаніи таковымъ человѣколюбія (пр. 16). 43-е правило шестаго Вселенскаго Собора опредѣляетъ: монахъ, обличенный въ любодѣяніи или поемлющій жену въ об-

щеніе брака и сожитія да подлежитъ епитиміи блудодѣйствующихъ. Для отклоненія нареканія и соблазна 47 правиломъ сего собора постановлено: ни жена въ мужескомъ монастырѣ, ни мужъ въ женскомъ да не спитъ. Ибо вѣрные должны быть чужды всякаго преткновенія и соблазна и благоучреждать жизнь свою сообразно съ благоприличіемъ и благоговѣніемъ къ Господу. Отцы 7-го Вселенскаго Собора подтвердили правила Василія Великаго: да не имѣютъ дерзновенія бесѣдовать наединѣ монахъ съ монахинею и да не ястъ монахиня вмѣстѣ съ монахомъ наединѣ. Если что нужное для жизни приносится мужами, то Игуменія женскаго монастыря вмѣстѣ съ старицею должна принять за вратами монастыря. Если монахъ пожелаетъ видѣть родственницу, то въ присутствіи Игуменіи долженъ бесѣдовать съ нею кратко (пр. 20.). Въ 123 новеллѣ Юстиніана говорится: нѣтъ у монаховъ на землѣ родства, ибо они ревнуютъ о небесной жизни. Монахи должны избѣгать всякаго общенія съ мірянами. Тѣ, которыхъ жизнь, говорится въ 21 правилѣ 7-го Вселенскаго Собора, есть тихая и единообразная, каковы давшіе обѣтъ Господу Богу взять на себя иго монашества, тѣ да сядутъ наединѣ и умолкнутъ (Пос. Іерем. гл. 3, 28.) и такъ да вкушаютъ пищу. Если же случится въ путешествіи не имѣть потребнаго, и по нуждѣ хочетъ онъ отдохнуть въ гостинницѣ или въ чьемъ-либо домѣ, разрѣшается это; поелику требуетъ нужда.

Что касается до имущества, то Церковь постановила, чтобы монахи не имѣли ничего собственнаго, но все имъ принадлежащее должно быть утверждено за монастыремъ. Касательно имущества поступающихъ въ монашество постановлены слѣдующія правила. 1) Если кто изъ супружества поступилъ въ монашество, не имѣя дѣтей, то все его личное имущество должно было принадлежать монастырю; если же были дѣти, то послѣ законнаго раздѣла между ними имущества, тѣ части, которыя отецъ выдѣлялъ въ свою пользу, поступали въ монастырь. Также, когда вступившій въ монастырь умиралъ, не сдѣ-

лавъ распоряженія о своемъ имуществѣ, дѣти получали изъ него свои части, а прочія оставались въ пользу монастыря. 2) Дѣти, получившіе отъ родителей брачное приданое или часть имущества и наслѣдство съ какими-либо условіями, напр. вступить въ извѣстное супружество или званіе, если вмѣсто того принимали монашество, то уже не обязывались прежними условіями, и не лишались данной имъ части имущества, которое какъ при вступленіи въ монастырь, такъ и при выходѣ изъ него принадлежало монастырю. 3) Родители не имѣли права лишать законной части наслѣдства дѣтей, имѣвшихъ желаніе принять монашество; также если бы дѣти по какой-либо причинѣ были предназначаемы къ лишенію наслѣдства, то при вступленіи въ монашество эта причина теряла уже силу и дѣти должны были получать свою часть. 4) Монахъ, переходящій изъ одного монастыря въ другой, долженъ былъ оставить все свое имущество первому монастырю. Если же совсѣмъ оставлялъ монашество и переходилъ въ мірское званіе, то все, что имѣлъ или пріобрѣталъ послѣ того въ мірѣ, обращалось въ пользу того монастыря, въ который онъ послѣ лишенія правъ новаго званія, долженъ быть заключенъ. Если же монахъ принужденъ былъ оставить монастырь не по своей воли или винѣ, то имущества не лишался, но могъ его взять съ собою. Вообще все пожертвованное монастырю добровольно, или по обѣщанію или съ поступленіемъ въ монашество обращалось во всегдашнюю собственность монастыря. Иногда случалось, что и родители, предназначивъ дѣтей своихъ къ посвященію Богу, сами приносили за нихъ вѣно или законныя ихъ части имущества въ монастырь (VII Всел. Соб. пр. 19. Beast. zyn. Alph. p. 394, 395, in Pond. Can. Tom. II.).

Что касается до построенія монастырей, то хотя первоначально они устроялись самими любителями уединенія, но съ пятаго вѣка Соборы церковные строго подтверждали, чтобы монастыри не были основываемы безъ дозволенія духовнаго начальства и освященія епископовъ, надзору которыхъ и подчи-

нялись монастыри (IV Всел. Соб. пр. 4. VI Всел. Соб. пр. 49. VII Всел. Соб. пр. 17.). Эти отношенія монастырей къ епархіальнымъ епископамъ утверждались и гражданскими законами (Iust. nov. 5 c. 4, nov. 131 c. 7, nov. 123 c. 21). Но съ VII в. на Востокѣ являются особыя привиллегіи для нѣкоторыхъ монастырей съ правомъ независимости отъ мѣстныхъ епископовъ и самостоятельности внутренняго управленія. На Востокѣ такіе монастыри были въ непосредственномъ вѣдѣніи Патріаршей власти. Основаніемъ такихъ преимуществъ служило водруженіе Патріархомъ (а не епархіальнымъ епископомъ) креста при созданіи монастыря, что и называлось ставропигіею. По такому праву ставропигіи въ такихъ монастыряхъ возносилось на молитвахъ имя Патріарха, а не мѣстнаго епископа. Постановленіе монастырскихъ властей, надзоръ за управленіемъ обители, судъ по дѣламъ братіи, сборъ установленныхъ взносовъ — все это принадлежало Патріарху, который управлялъ такими обителями чрезъ своихъ намѣстниковъ или Экзарховъ (Leunclav. Iust. Rom. Lib. III, p. 235 — 237.). Меньшія права принадлежали Патріархамъ въ тѣхъ монастыряхъ, которые получили кресты не при своемъ основаніи, но уже послѣ. Право ставропигіи Патріархи имѣли каждый въ своемъ округѣ, а Патріархъ Цареградскій даже и внѣ своего округа по всему Востоку и Церквамъ иноплеменнымъ, зависѣвшимъ отъ его каѳедры (Leonis et Constant. Ecloga tit. 3 § 10 apud Leunclav.). Но кромѣ этого строители монастырей и благотворители ихъ вмѣстѣ съ попеченіемъ объ ихъ благосостояніи получали и особенное вліяніе на ихъ управленіе, какъ то на избраніе настоятелей, опредѣленіе способовъ ихъ содержанія, даже завѣдывали имуществомъ монастырскимъ; впрочемъ подъ надзоромъ высшаго духовнаго начальства (Basil. Lib. 3 tit. 1 cap. 33. Lib. 5, tit. 1. c. 7 tit. 3 c. 8, 9.). Но это право иногда обращалось въ злоупотребленіе. Строители или благодѣтели священныхъ мѣстъ привыкали смотрѣть на нихъ, какъ на свою собственность, присвояли себѣ полное

право и власть въ управленіи ими; даже позволяли себѣ продавать эти мѣста, какъ недвижимое имущество. По этому поводу Соборъ Константинопольскій IV положилъ правило, чтобы только съ благословеніемъ Епископа созидался монастырь и пожертвователь безъ воли Епископа не дерзалъ себя или другаго ставить Игуменомъ. Соборъ находитъ, что Богоугодное дѣло — основаніе монастырей совершается худо, когда нѣкоторые, давъ своимъ домамъ и усадьбамъ имя монастыря и обѣщаясь посвятить оныя Богу, пишутъ себя владѣльцами пожертвованнаго. Они ухищренно умыслили посвятить Богу одно наименованіе; ибо не стыдятся владѣть самою вещію и однажды посвященное Богу продаютъ и передаютъ другимъ.

Еще Отцы 4-го Вселенскаго Собора (пр. 24.) постановили, что однажды освященные по соизволенію Епископа монастыри должны на всегда пребывать монастырями и впредь не быть имъ мірскими жилищами. Отцы 6-го Вселенскаго Собора, подтверждая сіе правило, прибавили (пр. 49.): что если доселѣ и случалось сіе съ нѣкоторыми монастырями, то отнюдь бы не удерживали ихъ.

Какъ церковные, такъ и гражданскіе законы Восточной Имперіи подтверждаютъ за монастырями право на владѣніе недвижимою собственностію. Все, принадлежащее монастырю, есть неотъемлемая собственность его. Игуменъ не можетъ что-либо отчуждать изъ монастырскихъ угодій, отдавая начальникамъ свѣтскимъ или другому лицу (VII Всел. Соб. пр. 12.).

Библіотека ОДС

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Пустынножительство въ горѣ Нитрійской. 1
Пустыня Келлій. 33
Гора Ферма. 49
Жизнь Святаго Макарія Египетскаго основателя пустынножительства въ Скитской пустынѣ. 54
Писанія Макарія Египетскаго. 73
Ученіе его о благодати. 78
Пустынножители Скита. 98
Ликополь. 153
Гермополь и Антиноэ. 164
Оксиринхъ. 175
Гераклеополь. 17
Арсиноэ. 180
Александрія и ея окрестности. 190
Канопъ. 191
Панефисъ. 192
Пустыня Діолкъ. 200
Пустыня Каламъ или Порфиріонъ. 211
Святый Исидоръ Пелусіотъ. 213
Писанія Исидора Пелусіота. 251
Защищеніе христіанской вѣры. 254
Исидоръ толкователь Священнаго Писанія. 260
Исидоръ, какъ учитель вѣры. 264
Состояніе монашества въ Египтѣ съ половины V-го вѣка. 281
Заслуги Египетскаго монашества Церкви и обществу. 286
Правила Церковныя и законы, касающіеся иноковъ. 293

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:			*Должно читать:*
стран.	строк.		
22	10	далѣе	долгіе
24	1	заслугъ	услугъ
44	снизу 5	удивился	увѣрился
80	5	оскернилъ	осквернилъ
93	25	совершества	совершенства
122	снизу 2	трещенiи	отреченiи
137	17	прововилъ	проводилъ
153	13	Сиготъ или Θиготъ	Сiютъ или Осiютъ
—	14	Сиготу	Сiюту
164	1	Азота	Сiюта
175	снизу 1	Panckoveke	Pankouke
176	13	Аферъ	Аффъ
188	18	Пырекуфъ	Теренуфъ
191	снизу 2	Еопар.	Eупар.
205	— 2	нѣтъ страсти	нѣтъ не страсти
208	15	или	если
217	снизу 10	καθηγησαριενος	καθηγησάμενος
—	— 9	Sermondus	Sirmondus
	— 8	definsi	defensi
	— 7	fupo	Lupo
229	2	называются	наказываются
285	22	Абиза	Абаза
300	20	Пос.	Плач.
301	снизу 7	Beast. Zynt.	Blast. Synt.
—	— 6	Pond.	Pand.